

АКАДЕМИЯ НАУК СССР  
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛЯЯ

# С О В Е Т С К А Я Э Т Н О Г Р А Ф И Я

*ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ*

*ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД*

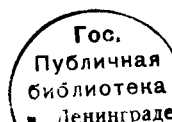
2

Март — Апрель

1970



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»  
*Москва*



**Редакционная коллегия:**

**Ю. П. Петрова-Аверкиева** (главный редактор), **В. П. Алексеев**, **Ю. В. Арутюнян**,  
**Н. А. Баскаков**, **С. И. Брук**, **Л. Ф. Моногарова** (зам. главн. редактора),  
**Д. А. Ольдерогге**, **А. И. Першиц**, **Л. П. Потапов**, **В. К. Соколова**,  
**С. А. Токарев**, **Д. Д. Тумаркин** (зам. главн. редактора), **В. Н. Чернецов**

Ответственный секретарь редакции *Н. С. Соболев*

С. М. Абрамзон, Л. П. Потапов

## ЗНАЧЕНИЕ ИДЕЙНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В. И. ЛЕНИНА ДЛЯ СОВЕТСКОЙ ЭТНОГРАФИИ \*

Огромное и благотворное влияние идей В. И. Ленина, его теоретического наследия на развитие общественных наук в СССР известно. В полной мере это относится и к советской исторической науке, в том числе и к этнографии. Теоретические позиции, завоеванные советской этнографией, принесшие ей признание прогрессивных этнографов всего мира, обязаны научному марксистско-ленинскому мировоззрению, марксистско-ленинскому учению об обществе. Весьма существенным вкладом в теоретический фундамент этнографии явились многие идеи и теоретические положения В. И. Ленина. Этот факт неоднократно отмечался советскими этнографами как в общих, так и специальных работах<sup>1</sup>. Мы попытаемся в пределах журнальной статьи кратко рассмотреть хотя бы некоторые проблемы и вопросы, изучаемые советскими этнографами, чтобы показать влияние идейно-теоретического наследия В. И. Ленина на их исследовательскую работу.

В. И. Ленин сложился как зрелый и широкообразованный марксист в весьма молодые годы. Уже тогда, изучив главные труды основоположников марксизма, глубоко овладев марксистской методологией, он выступил с большой теоретической работой «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов» (1894 г.). Посвященный характеристике и анализу общественных отношений в России и направленный против субъективного идеализма народников, этот труд содержит блестящую и глубокую характеристику материалистического понимания истории. В нем творчески обоснованы и развиты фундаментальные теоретические положения К. Маркса, составляющие его учение об обществе, ярко показано эпохальное значение марксистской теории для общественной науки.

Отстаивая марксизм от нападок и заблуждений субъективной социологии, В. И. Ленин блестяще показал научное значение главной идеи К. Маркса, заключающейся в том, что развитие истории человечества представляет собой **естественноисторический** процесс, в основе которого лежит развитие общественно-экономических формаций.

«Материализм,— пишет В. И. Ленин,— дал вполне объективный критерий, выделив *производственные отношения*, как структуру общества, и дав возможность применить к этим отношениям тот общенаучный критерий повторяемости, применимость которого к социологии отрица-ли субъективисты»<sup>2</sup>.

\* В последних номерах журнала «Советская этнография» был опубликован ряд статей, посвященных анализу значения идейно-теоретического наследия В. И. Ленина для советских этнографов (см. 1969, № 6; 1970, №№ 1, 2). В настоящей статье рассматривается значение ленинского наследия в связи с некоторыми проблемами общей этнографии и этнографии народов СССР.

<sup>1</sup> Например: С. П. Толстов, Советская школа в этнографии, «Советская этнография» (далее СЭ), 1947, № 4; его же, В. И. Ленин и актуальные проблемы этнографии, СЭ, 1949, № 1; Л. П. Потапов, Ленинская национальная политика в действии, СЭ, 1957, № 5; «Торжество ленинских идей», СЭ, 1960, № 2, и др.

<sup>2</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 137.

В. И. Ленин точно сформулировал категорию экономической общественной формации «как совокупности данных производственных отношений» и объяснил, почему развитие этих формаций является естественно-историческим процессом: «...только сведение общественных отношений к производственным,— пишет он,— и этих последних к высоте производительных сил дало твердое основание для представления развития общественных формаций естественно-историческим процессом»<sup>3</sup>.

В. И. Ленин показал величие К. Маркса как ученого, который «положил конец воззрению на общество, как на механический агрегат индивидов, допускающий всякие изменения по воле начальства (или, все равно, по воле общества и правительства), возникающий и изменяющийся случайно, и впервые поставил социологию на научную основу, установив понятие общественно-экономической формации...»<sup>4</sup>. Ленинская характеристика учения К. Маркса об обществе сохраняет свою силу и в наши дни. Развитие общественных наук лишь подтверждает эту оценку, выдержавшую столь длительное испытание временем.

Советские этнографы широко пользуются в своих конкретных исследованиях идеями В. И. Ленина, изложенными в цитированном труде. Для них является незыблемым решающий вывод В. И. Ленина: «Теперь — со времени появления „Капитала“ — материалистическое понимание истории уже не гипотеза, а научно доказанное положение, и пока мы не будем иметь другой попытки научно объяснить функционирование и развитие какой-нибудь общественной формации — именно общественной формации, а не быта какой-нибудь страны или народа, или даже класса и т. п. — другой попытки, которая бы точно также сумела внести порядок в «соответствующие факты», как это сумел сделать материализм, точно так же сумела дать живую картину известной формации при строго научном объяснении ее,— до тех пор материалистическое понимание истории будет синонимом общественной науки»<sup>5</sup>.

Для конкретных историко-этнографических исследований марксистская научная категория — общественно-экономическая формация, получившая глубокое теоретическое обоснование в трудах В. И. Ленина, имеет решающее значение<sup>6</sup>. Но наряду с этим для историко-этнографических исследований огромное теоретическое значение имеет и другая научная категория, разработанная В. И. Лениным. Речь пойдет об **общественно-экономическом укладе**. Если учение об общественно-экономической формации дало исследователям возможность «обобщить порядки разных стран в одно основное понятие»<sup>7</sup>, то категория «общественно-экономический уклад», вытекающая из этого учения, позволяет характеризовать и классифицировать более узкую сферу общественных отношений, именно экономические отношения, применительно к системам и порядкам хозяйства в каждой отдельной стране или у каждого отдельно взятого народа.

Владимир Ильич Ленин дал превосходный образец применения этой теоретической категории к анализу экономических отношений России в первые годы Советской власти (1918—1921 гг.). В своем знаменитом докладе «О продовольственном налоге» (9 апреля 1921 г.) он говорил: «...Присмотритесь внимательно, что мы наблюдаем в России, с точки зрения действительных экономических отношений? Мы наблюдаем по меньшей мере пять различных систем или укладов, или экономических порядков, и, считая снизу доверху, они оказываются следующими: первое — патриархальное хозяйство, это когда крестьянское хозяйство работает только на себя или если находится в состоянии кочевом или

<sup>3</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 138.

<sup>4</sup> Там же, стр. 139.

<sup>5</sup> Там же, стр. 139, 140. Подчеркнуто нами. — Авт.

<sup>6</sup> См. также В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 26, стр. 57, 58.

<sup>7</sup> Там же, т. 1, стр. 137.

полукочевом, а таких у нас сколько угодно; второе — мелкое товарное хозяйство, когда оно сбывает продукты на рынок; третье — капиталистическое, — это появление капиталистов, небольшого частнохозяйственного капитала; четвертое — государственный капитализм, и пятое — социализм. И, если присмотреться, мы должны сказать, что и сейчас в **экономической системе, в экономическом строе** России мы все эти отношения видим»<sup>8</sup>. Отсюда следует, что различные уклады В. И. Ленин определял и характеризовал, исходя из анализа экономических отношений. Говоря, например, о государственном капитализме как особом укладе, В. И. Ленин определял его с точки зрения экономических отношений. Касаясь одного из видов государственного капитализма, именно концессий, В. И. Ленин спрашивает: «Что такое концессия с точки зрения экономических отношений?» И отвечает: «Это есть государственный капитализм»<sup>9</sup>. Данное обстоятельство не менее ясно выступает и в работе В. И. Ленина «О продовольственном налоге», где говорится: «Перечень всех — непременно всех без изъятия — составных частей, всех разнородных укладов общественного хозяйства в нашей экономике, данный мной в статье 5 мая 1918 г., необходимо иметь перед глазами, чтобы это отчетливое представление не забывалось»<sup>10</sup>. Учение В. И. Ленина об укладах, которые он часто именует «общественно-экономическими укладами»<sup>11</sup>, весьма обогатило марксистскую теорию об обществе, основанную на научном понятии социально-экономической формации. Оно дало теоретическую основу для более детальной и конкретной характеристики и классификации экономических отношений, типов хозяйства у изучаемых народов или стран в рамках той или иной формации. Особенное значение оно приобрело при изучении изменений общественного строя в переходные периоды в процессе развития и при смене общественных формаций.

Вооруженные теоретическими и методологическими идеями В. И. Ленина, связанными прежде всего с основными научными категориями марксизма, советские этнографы в сравнительно короткий срок сумели осуществить широкие и разносторонние исследования, обогатившие этнографию многими достижениями. Наша отечественная этнография вышла из стадии, характеризовавшейся господством описательных работ, а советские этнографы заняли видное место в разработке общих теоретических проблем в мировой этнографической науке<sup>12</sup>. Научное и практическое значение этнографических работ у нас резко возросло.

Из фундаментальных проблем, исследуемых советской этнографией, связанных с первобытностью, назовем здесь только две. Первая из них относится к научной периодизации первобытного общества, рассматриваемого как первая в истории человечества общественно-экономическая формация. Вторая, тесно связанная с первой, — это теоретическая разработка вопросов происхождения, развития и разложения родовой организации. Уместно напомнить, что изучение родовой организации

<sup>8</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 43, стр. 158 (подчеркнуто нами. — Авт.). В данном докладе В. И. Ленин ссылается также на свои выступления в 1918 г., когда он впервые дал анализ экономики России и установил в ней пять укладов. См. там же, т. 36, стр. 296.

<sup>9</sup> Там же, т. 43, стр. 159.

<sup>10</sup> Там же, стр. 227.

<sup>11</sup> В докладе на IV конгрессе Коминтерна 13 ноября 1922 г. В. И. Ленин назвал эти уклады «элементами хозяйственного строя». См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 279.

<sup>12</sup> Это нашло отражение в серийном издании «Народы мира», М.—Л., 1954—1967, т. I — XIII, первом опыте такой всеобъемлющей публикации в мировой науке. Некоторые тома уже переведены за рубежом. Признание роли и вклада советских этнографов и антропологов в развитие науки в международном масштабе отразилось, между прочим, и в том, что по предложению международной научной общественности VII Международный конгресс этнографов и антропологов состоялся в 1964 г. в Москве.

В. И. Ленин относил «к числу труднейших, вызывавших массу теории для своего объяснения»<sup>13</sup>.

Советские этнографы придерживаются, в основном, периодизации Ф. Энгельса, построенной преимущественно на выводах исследования Л. Моргана, но обогащенной данными из истории античного мира и весьма существенными коррективами, внесенными Ф. Энгельсом с учетом исследований и высказываний К. Маркса. Ф. Энгельс не считал результаты и выводы исследования Л. Моргана окончательными. Он заявил об этом вполне определенно: «Морган был первый, кто со знанием дела попытался внести в предисторию человечества определенную систему, и до тех пор, пока значительное расширение материала не заставит внести изменения, предложенная им периодизация несомненно останется в силе»<sup>14</sup>.

В разработке упомянутой периодизации со времени Ф. Энгельса советскими этнографами достигнуты определенные успехи. Некоторые теоретические положения В. И. Ленина оказали особенно плодотворное влияние на уточнение этой периодизации. Прежде всего следует упомянуть высказывание В. И. Ленина о первобытном стаде как объединении формирующихся «первобытных людей»<sup>15</sup>. Эта идея помогла осмыслить и обобщить большой и новый палеоантропологический и археологический материал, накопленный мировой наукой за истекшие десятилетия нашего века. Весьма ценной оказалась и мысль В. И. Ленина о родовой коммуне как первой форме человеческого общества, об обуздании зоологического индивидуализма «становящихся» людей и первых «готовых» или сформировавшихся людей первобытным стадом и первобытной коммуной<sup>16</sup>.

Мысли В. И. Ленина о ранних этапах становления человека и формирования человеческого общества нашли отражение во всех периодизациях первобытной истории, предложенных советскими этнографами, и получили всеобщее признание в советской этнографии<sup>17</sup>. Они вошли в основной ее теоретический фонд.

Среди теоретических вопросов, относящихся к изучению родовой организации первобытного общества, отметим лишь один, принципиальное значение которого весьма велико. Речь идет о взгляде Ф. Энгельса, изложенном им в следующем отрывке из предисловия (1884 г.) к его книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства»: «Согласно материалистическому пониманию, определяющим моментом в истории является в конечном счете производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но само оно, опять-таки, бывает двоякого рода. С одной стороны — производство средств к жизни: предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой — производство самого человека, продолжение рода. Общественные порядки, при которых живут люди определенной исторической эпохи и определенной страны, обуславливаются обоими видами производства: степенью развития, с одной стороны — труда, с другой — семьи. Чем меньше развит труд, чем более ограничено количество его продуктов, а следовательно, и богатство общества, тем сильнее проявляется зависимость общественного строя от родовых связей. Между тем в рамках этой, основанной на родовых связях структуры общества все больше и больше развивается производительность труда, а вместе с ней — частная собст-

<sup>13</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 149.

<sup>14</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 28.

<sup>15</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 10.

<sup>16</sup> Там же, т. 48, стр. 232.

<sup>17</sup> С. П. Толстов, К вопросу о периодизации истории первобытного общества, СЭ, 1946, № 1; М. О. Косвен, О периодизации первобытной истории, СЭ, 1953, № 3; А. И. Першин, Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории, «Тр. Ин-та этнографии АН СССР» (далее ТИЭ), т. 54, М.—Л., 1960; Ю. И. Семенов, О периодизации первобытной истории, СЭ, 1965, № 5, и др.

вещность и обмен, имущественные различия, возможность пользоваться чужой рабочей силой и тем самым основа классовых противоречий... Старое общество, покоящееся на родовых объединениях, взрывается в результате столкновения новообразовавшихся общественных классов; его место заступает новое общество, организованное в государство, низшими звеньями которого являются уже не родовые, а территориальные объединения,— общество, в котором семейный строй полностью подчинен отношениям собственности...»<sup>18</sup>

Приведенный широкий и общий взгляд Ф. Энгельса на роль и значение в историческом процессе общественного производства и воспроизводства материальных средств жизни и воспроизводства самого человека, этой основной производительной силы человеческого общества, в свое время встретил и до сих пор встречает сильные нападки противников марксизма. Первым в России открыл огонь критики народник Н. Михайловский, который обрушился на формулировку Ф. Энгельса «производство самого человека». Ухватившись за нее, он выступил с утверждением, будто бы «теоретики экономического материализма не свели своих счетов не только с историей, а и с психологией». Н. Михайловский без обиняков зачислил Ф. Энгельса в теоретики «экономического материализма» и попытался опорочить марксистское учение. «Как бы мы ни ухищрялись над «детопроизводством»,— писал он,— стараясь установить хоть словесную связь между ним и экономическим материализмом, как бы оно ни перекрещивалось в сложной сети явлений общественной жизни с другими явлениями, в том числе и экономическими, оно имеет свои собственные, физиологические и психические корни»<sup>19</sup>. Вслед за Михайловским выступил известный буржуазный историк Н. И. Кареев с утверждением об изменении взглядов Ф. Энгельса, который якобы сначала основу «материального понимания истории» видел в процессе производства продуктов, но позднее, под влиянием книги Л. Моргана, признал равносильное значение процесса «воспроизведения человеческих поколений»: Поэтому, по Карееву, Энгельс перестал быть «экономическим» материалистом<sup>20</sup>. С обвинением Ф. Энгельса в измене «экономическому материализму» неоднократно выступал и Г. Кунов<sup>21</sup>. Хорошую отповедь Н. И. Карееву, а частично и Н. Михайловскому дал Г. В. Плеханов<sup>22</sup>, но, к сожалению, он не опроверг предположения об Энгельсе как об «экономическом материалисте».

Наиболее последовательно подобные взгляды подверглись критике со стороны В. И. Ленина, который не только разбил псевдонаучные рассуждения об «экономическом материализме» Ф. Энгельса, но и укрепил научное обоснование его взглядов. Высмеяв попытки опровергнуть материализм Ф. Энгельса и выделив особо утверждение Н. Михайловского о том, что «детопроизводство — фактор не экономический», В. И. Ленин писал: «Но где читали вы у Маркса или Энгельса, чтобы они говорили непременно об экономическом материализме? Характеризуя свое мировоззрение, они называли его просто материализмом»<sup>23</sup>. И далее В. И. Ленин ставит саркастический вопрос: «...Уж не думает ли г. Михайловский, что отношения по детопроизводству принадлежат к отношениям идеологическим?»<sup>24</sup>.

<sup>18</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 25—26.

<sup>19</sup> Цитируется по работе В. И. Ленина «Что такое „друзья народа“...». См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 150.

<sup>20</sup> «Экономический материализм в истории», «Вестник Европы», август 1894 г.

<sup>21</sup> В работах «Die ökonomischen Grundlagen der Mutterherrschaft» (1897 г.), «U'Marx'sche Geschichts-Gesellschaft und Staatstheorie» (1921 г.).

<sup>22</sup> Г. В. Плеханов (Н. Бельтов), К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, М., 1938, стр. 89—91, 142—143 и др.

<sup>23</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 149.

<sup>24</sup> Там же, стр. 150.

К сожалению, рецидив обвинений в адрес Ф. Энгельса имел место и в советской литературе. В «Предисловии» к изданию «Конспекта книги Л. Моргана „Древнее общество“», принадлежащего К. Марксу, взгляды Энгельса, о которых речь шла выше, объявлены «неточным, ошибочным утверждением». В «Предисловии» сказано: «Энгельс утверждал, что общественные порядки, при которых живут люди определенной исторической эпохи, обуславливаются, с одной стороны, степенью развития труда, а с другой — семьи. Это положение явно ошибочно, так как семья не может быть поставлена рядом с материальным производством, в качестве **определяющей** причины (подчеркнуто в «Предисловии»). Определяющей причиной общественного развития является способ материального производства»<sup>25</sup>. В данной характеристике допущено не только непонимание, но даже искажение мысли Энгельса, который утверждал, что определяющим моментом в истории является в конечном счете именно производство. Однако само производство он подразделял на два вида: производство средств к жизни и воспроизводство самого человека, т. е. воспроизводство населения. Последнее Энгельс в одном месте приведенного высказывания назвал обобщенно «семьей». Это, видимо, и послужило «основанием» для обвинения его в теоретическом «грехопадении», невзирая на аргументацию В. И. Ленина, приведенную в полемике с Н. Михайловским в защиту Ф. Энгельса. Согласиться с таким обвинением Ф. Энгельса в ошибочности его взгляда на материалистическое понимание истории невозможно. Во-первых, обусловленность общественных порядков обоими видами производства Энгельс рассматривал исторически. Обусловленность **обоими видами производства** он относил к первобытной эпохе, когда не было ни частной собственности, ни классов, ни государства, а общество покоилось «на родовых объединениях». Что же касается эпохи классового общества, организованного в государство, низшими звеньями которого являются не родовые, а территориальные объединения, то Энгельс утверждал, что в это время «семейный строй полностью подчинен собственности».

Во-вторых, отношения по воспроизводству поколений в первобытную эпоху Энгельс относил к материальным отношениям, как это и показал В. И. Ленин. И в самом деле, на ранней стадии развития, когда человек из биологической особи превратился в социальное существо и стал «общественным человеком», воспроизводство населения того или иного конкретного первобытного общества из простого биологического акта размножения превратилось в форму общественных материальных отношений. Воспроизводились уже не просто биологические особи с их врожденными инстинктами, а мыслящие социальные существа, подвергающиеся общественному воспитанию, усваивающие звуковую речь, как главное средство общения, усваивающие производственный опыт предыдущего поколения, его культуру и быт, вносящие свой вклад в дальнейшее постепенное развитие общества от уже достигнутого уровня. Воспроизводилась, таким образом, основная производительная сила общества. Воспроизведение потомства каждого конкретного родового объединения людей того времени, его сохранение и воспитание имело общественное значение. Дети являлись собственностью рода в целом, носили его имя, пользовались всеми правами и обязанностями его членов от рождения и в силу рождения.

Идеи В. И. Ленина об общественном характере материальных отношений по воспроизводству населения в родовом обществе составляют важный вклад в теорию марксизма о первобытном обществе. Советские этнографы с успехом используют эти положения в конкретной исследовательской работе.

<sup>25</sup> «Архив Маркса и Энгельса», т. IX, Л., 1941, стр. IV—V.

Благодаря трудам В. И. Ленина, творчески развивающим многие основные научные положения марксизма об обществе, советские этнографы получили возможность вести свои исследования на более высоком теоретическом уровне. Это обстоятельство проявилось в многочисленных этнографических работах, посвященных конкретному изучению народов СССР.

Потребность в этнографическом изучении многонационального населения СССР выявилась с первых лет Советской власти. Эту работу начали вести как старые этнографические центры, так и новые, о возникновении которых позаботилось молодое Советское государство<sup>26</sup>. Этнографическое изучение развернулось с большой силой после решений X съезда партии, выдвинувшего ряд практических задач в области строительства социализма у народов СССР, особенно окраинных, различных по языку, происхождению, хозяйству, культуре и быту. Коммунистическая партия, реализуя основные принципы ленинской национальной политики при организации и развитии социалистического строительства, выдвинула задачу учета национальных особенностей классовой структуры, культуры, быта, исторического прошлого каждой народности<sup>27</sup>. Надо заметить, что идея изучения национального состава населения и учета особенностей его хозяйственного и бытового своеобразие, принадлежит В. И. Ленину. Он ее высказал и обосновал в «Докладе на совещании ЦК РСДРП с партийными работниками» в сентябре 1913 г., что нашло отражение в резолюции по национальному вопросу, принятой совещанием<sup>28</sup>. Эти мысли В. И. Ленин развивает и в работе «Критические заметки по национальному вопросу», посвященной изложению принципов и взглядов партии по национальному вопросу, а также критике ошибок, извращений, отступлений от этих принципов<sup>29</sup>.

Этнографические исследования охватили многие народы бывшей царской России, особенно проживающие на окраинах страны: в Сибири и на Дальнем Востоке, в Средней Азии и на Кавказе и др. Сюжеты исследований включали вопросы, учет которых, в соответствии с решениями X съезда партии, был необходим при организации и развитии социалистического строительства у народов СССР. Исследования этнографов давали большой конкретный материал для советских партийных органов, и не только в публикациях, но и в виде докладов, специальных справок, обзоров, записок и т. д. Фактические данные помогали принимать необходимые меры в процессе переустройства жизни различных народов, например, по национальному размежеванию и районированию, созданию органов Советской власти на Севере Сибири, установлению правильных названий народов, созданию письменности и т. д.

Однако этнографические исследования, впервые проводившиеся на основе марксистской методологии, имели не только ценное практическое, но и большое научно-теоретическое значение. Изучая многие отсталые в прошлом народы, хозяйство которых характеризовалось охотой на зверя, рыболовством, оленеводством, кочевым или полукочевым скотоводством, а уровень культуры — отсутствием грамотности, собственной письменности и т. д., этнографы сделали ряд открытий, обогативших современную науку об обществе. Так, у многомиллионного, преимущественно тюркоязычного, населения Средней Азии, Казахстана, Юж-

<sup>26</sup> См. об этом: С. П. Толстов, Советская школа в этнографии, СЭ, 1947, № 4; его же, Итоги и перспективы развития этнографической науки в СССР, СЭ, 1956, № 3; Л. П. Потапов, Задачи этнографического исследования народов Сибири в свете учения В. И. Ленина по национальному вопросу, СЭ, 1960, № 2; его же, Этнографическое изучение социалистической культуры и быта народов СССР, СЭ, 1962, № 2, и др.

<sup>27</sup> «Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет», М., 1963, стр. 603, 606—607.

<sup>28</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 24, стр. 57—59. В. И. Ленин считал национальный состав населения одним «из важнейших экономических факторов». См. там же, стр. 149.

<sup>29</sup> Там же, стр. 115—150.

ного Приуралья и Сибири, сохранившего скотоводческое хозяйство (кочевое или полукочевое типа) и родо-племенное деление, была открыта и изучена сложившаяся исторически с давних времен классовая структура общества, хотя обычно считалось, что эти народы живут родовым строем. Удалось выявить и исследовать весьма специфические формы зависимости и эксплуатации рядовых кочевников местными феодалами, проанализировать феодальный характер и специфику собственности на пастбища и кочевья. Особенности феодальных отношений у кочевников нашли отражение в термине «патриархально-феодальные» отношения. Этот термин фигурирует и в решениях X съезда партии. Сущность его подробно раскрыта на конкретном материале в ряде этнографических работ<sup>30</sup>.

У народов с охотничьим, рыболовческим и оленеводческим хозяйством этнографы обнаружили далеко зашедшее имущественное неравенство, элементы эксплуататорских отношений (следы патриархального рабства, торгово-ростовщическая эксплуатация и т. д.)<sup>31</sup>. Большой научный интерес представляют изученные этнографами в той или иной степени различные типы общины и временные производственные объединения охотников, рыболовов, оленеводов, кочевников и полукочевников и некоторых групп отсталых земледельцев<sup>32</sup>.

Указанные выше исследования, разумеется, имели серьезное практическое значение, так как они давали научную основу для классовой политики Советской власти при строительстве социализма у народов с докапиталистическим, классовым общественным строем. Известно, что в

<sup>30</sup> С. П. Толстов, Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах, «Изв. Гос. Академии истории материальной культуры» (далее ИГАИМК), вып. 103, М.—Л., 1934; Л. П. Потапов, Общественные отношения у алтайцев, «Историк-марксист», 1940, № 11; В. И. Дулов, Социально-экономическая история Тувы XIX—начала XX века, М., 1956; С. А. Токарев, Общественный строй якутов в XVII—XVIII вв., Якутск, 1955; П. Погорельский и В. Батраков, Экономика кочевого аула Киргизстана, М., 1930; С. М. Абрамзон, Современное манашество в Киргизии, СЭ, 1931, № 3—4; С. З. Зиманов, Общественный строй казахов первой половины XIX в., Алма-Ата, 1958; Т. А. Жданко, Очерки исторической этнографии каракалпаков, М.—Л., 1950; Л. П. Потапов, О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана, «Вопросы истории», 1954, № 6; Е. Н. Студенецкая, К вопросу о феодализме и рабстве в Карачае в XIX в., СЭ, 1937, № 2—3; Л. И. Лавров, Классовое расслоение и племенное деление абазин в XVIII и XIX веках, СЭ, 1948, № 4; В. П. Невская, Социально-экономическое развитие Карачая в XIX в., Черкесск, 1960; Х. Хашаев, Общественный строй Дагестана в XIX в., М., 1961, и др.

<sup>31</sup> Н. Н. Степанов, К вопросу об остяко-вогульском феодализме, СЭ, 1936, № 3; В. Н. Чернецов, К истории родового строя у обских угров, в сб. «Сов. этнография», VI—VII, М., 1947; Н. Н. Степанов, Социальный строй тунгусов в XVII в., «Советский Север», 1939, № 3; В. Г. Богораз-Тан, Классовое расслоение у чукоц, СЭ, 1931, № 1—2; А. М. Золотарев, К вопросу о генезисе классовобразования у гилаков, в сб. «За индустриализацию Советского востока», 1933, № 3; И. С. Вдовин, К истории общественного строя чукчей, «Уч. зап. ЛГУ», № 115, 61, 1950; Л. А. Файнберг, Общественный строй эскимосов и алеутов, М., 1964, и др.

<sup>32</sup> См., например, Н. П. Никулышин, Первобытно-производственные объединения и социалистическое строительство у эвенков, Л., 1939; Б. О. Долгих и М. Г. Левин, Переход от родо-племенных связей к территориальным в истории народов Северной Сибири, ТИЭ, т. XIV, 1951; Г. И. Пелих, Территориальные объединения у селькупов Нарымского края, Томск, 1954; С. А. Токарев, Происхождение сельской общины у якутов, «Исторические записки», вып. 14, 1945; С. М. Абрамзон, Формы родо-племенной организации у кочевников Средней Азии, ТИЭ, т. 14, 1951; Л. П. Потапов, Очерки народного быта тувинцев, М., 1969; С. И. Вайнштейн, Род и кочевая община у восточных тувинцев, СЭ, 1959, № 6; О. Л. Вильчевский, Экономика курдской кочевой сельскохозяйственной общины Закавказья и прилегающих районов во второй половине XIX в., СЭ, 1936, № 4—5; В. Ф. Шахматов, Казахская пастбищно-кочевая община, Алма-Ата, 1964; С. М. Абрамзон, Патриархально-общинный уклад и пути его изменения у народов среднеазиатских республик и Казахской ССР, Доклад на VI Международном конгрессе антропологических и этнографических наук (далее VI МКАЭН), М., 1964; Н. А. Кисляков, Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-Боло, М.—Л., 1936; А. Н. Кондауров, Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев, ТИЭ, т. 3, вып. 1, М.—Л., 1940, и др.

первые годы после революции, особенно в период коллективизации сельского хозяйства, буржуазные националисты в союзных и автономных республиках и отдельных национальных округах, опираясь на пресловутую теорию «родового строя», отрицали наличие эксплуататорских классов или их элементов у многих народов. Они всячески тормозили проведение политики партии, направленной на ограничение и затем полную ликвидацию эксплуататоров. Развенчание теории «родового строя» и конкретные исследования, характеризующие классовую структуру общества у упомянутых народов, разбивали псевдонаучную аргументацию идеологов феодально-байской верхушки. Надо отметить, что в изучении и анализе классового расслоения у таких народов большую роль сыграл метод классификации хозяйств по обеспеченности их основными средствами производства, предложенный В. И. Лениным в его исследовании «Развитие капитализма в России», где одновременно был подвергнут уничтожающей критике метод средних величин в статистических материалах. У народностей, бывших наиболее отсталыми перед революцией, советскими этнографами изучались пережитки родовой организации, сохранившиеся в условиях классового общества. В конкретных исторических условиях некоторые элементы родовых институтов, конечно, видоизменяясь, приспосабливались к существованию в классовом обществе. Это явление более подробно изучено советскими этнографами у кочевых или полукочевых скотоводческих в прошлом народов, где удалось выяснить причины такого положения. Они двоякого рода. С одной стороны, некоторые родовые традиции и обычаи поддерживались и культивировались среди отсталого населения местными эксплуататорскими классами, так как это помогало им маскировать угнетение трудящихся родовой «взаимопомощью», родовой общественной и политической «солидарностью» и т. д. Царское правительство также поддерживало родо-племенное деление у кочевников в административных целях, ибо при кочевом образе жизни территориальный принцип административного устройства был непригоден. С другой стороны, родовая организация в народном сознании еще часто представлялась как форма самобытной жизни. Сплочение и солидарность рядовых скотоводов на основе родовых связей в некоторой степени облегчало им существование в условиях классового строя и в обстановке колониального угнетения царизмом.

Изучение у многих в прошлом отсталых народов общественного строя, характерного для них накануне Великой Октябрьской социалистической революции, оказало решительное влияние на появление совершенно нового типа историко-этнографических работ, объектом которых стала история народов, зачисляемых обычно буржуазной наукой в разряд неисторических. Изучение истории этих, как правило, бесписьменных или младописьменных народов на основе комплекса источников (этнографических, археологических, антропологических, фольклорных, письменных и т. д.) стало возможным лишь на марксистской идейно-теоретической и методологической базе, огромный вклад в которую внес В. И. Ленин. В этом отношении такие категории, как социально-экономическая формация и уклад общественного хозяйства, являются главным звеном, обеспечившим теоретическое осмысление и обобщение огромного фактического материала, историческую периодизацию и характеристику форм народной культуры и быта. Ленинский принцип историзма стал ведущим и основным в таких исследованиях. В. И. Ленин писал: «Безусловным требованием марксистской теории при разборе какого бы то ни было социального вопроса является постановка его в *определенные* исторические рамки, а затем, если речь идет об одной стране... учет конкретных особенностей, отличающих эту страну от других в пределах одной и той же исторической эпохи»<sup>33</sup>.

<sup>33</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 25, стр. 263—264.

В результате охвата исследованиями самых различных народов СССР усилиями этнографов (или при их активном участии) появилась большая специальная литература, посвященная истории отдельных народов. Свою научно разработанную историю получили как мелкие, так и более крупные народы Сибири, Средней Азии, Кавказа, Поволжья<sup>34</sup> и т. д. Ценность таких работ заключается в том, что они дают конкретное представление о сложном и трудном историческом пути развития каждого народа, а также об уровне его социально-экономического развития, с которого начиналось социалистическое переустройство жизни. Но у этих работ есть еще одно достоинство: они служат удовлетворению духовных потребностей тех народов, о которых они написаны.

Известно, что, возрожденные к свободной самостоятельной жизни, отсталые в прошлом народы проявляют глубокий интерес к своему историческому прошлому, к своему происхождению. Опубликованные советскими учеными исследования дают научно разработанные ответы на эти вопросы и имеют большое познавательное значение. Они, разумеется, вносят вклад и в изучение общего хода исторического процесса, протекавшего в течение многих веков на той или иной территории.

Вместе с тем важным направлением в советской этнографии является изучение различных сторон культуры и быта у отдельных народов или у групп народов. Необходимо сказать, что и здесь последовательно проводится принцип историзма, о котором В. И. Ленин говорил в известной лекции «О государстве»: «Самое надежное в вопросе общественной науки... это — не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»<sup>35</sup>. Именно последовательное применение принципа историзма в трудах советских этнографов обусловило расширение тематики исследований, охватывающих все народы СССР.

Проделав огромную работу по изучению исторического прошлого советских народов, преимущественно отсталых, этнографы стали изучать процесс формирования социалистической культуры и быта. Теоретической базой этих исследований неизменно служат основные идеи и принципы ленинской национальной политики, включающие учение В. И. Ленина о некапиталистическом пути развития отсталых стран и народов. Выступая с этой идеей на II Конгрессе Коминтерна в июле 1920 г., В. И. Ленин заявил: «...Коммунистический Интернационал должен установить и теоретически обосновать то положение, что с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития.

Какие средства для этого необходимы, — заранее указать невозможно. Нам подскажет это практический опыт. Но установлено определенно, что всем трудящимся массам среди наиболее отдаленных народов близка идея Советов, что эти организации, Советы, должны быть приспособлены к условиям докапиталистического общественного строя...»<sup>36</sup>

<sup>34</sup> См., например, С. А. Токарев, *Очерки истории якутского народа*, М., 1940; «История Бурят-Монгольской АССР», т. I (изд. 2-е), Улан-Удэ, 1954; «История Тувы», т. I, М., 1964; Л. П. Потапов, *Очерки по истории Шории*, Л., 1936; его же, *Очерки по истории алтайцев*, Новосибирск, 1948 (второе изд.: М.—Л., 1953); его же, *Очерки по истории и этнографии хакасов*, Абакан, 1952; И. С. Вдовин, *Очерки по истории и этнографии чукчей*, М.—Л., 1967; «История Киргизии», т. I—II, Фрунзе, 1968; «История Туркменской ССР», т. I, Ашхабад, 1957; «История Узбекской ССР», т. I—II, Ташкент, 1955 и 1957; «История Казахской ССР», т. I—II, Алма-Ата, 1957, 1959; «История Татарской АССР», т. I, Казань, 1955; Р. Г. Кузеев, *Очерки истории и этнографии башкир*, Уфа, 1957; «История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции», т. I, М., 1967, и др.

<sup>35</sup> В. И. Ленин, *Полн. собр. соч.*, т. 39, стр. 67.

<sup>36</sup> В. И. Ленин, *Полн. собр. соч.*, т. 41, стр. 246.

Советские этнографы в своих многочисленных монографиях и статьях показали практическое осуществление ленинской теории о некапиталистическом пути развития в условиях СССР<sup>37</sup>. Огромный советский опыт преобразования отсталых форм хозяйства, культуры и быта народов в социалистические, с высоким экономическим и культурным уровнем, вызвал большой интерес за рубежом. Этот опыт применительно к некоторым группам народов специально изучается международными организациями (ООН—ЮНЕСКО—МОТ)<sup>38</sup>.

В ряде обобщающих работ уже подводились итоги многолетних исследований этнографов, изучавших современные народы СССР<sup>39</sup>. Нам остается лишь кратко остановиться на некоторых направлениях исследований, а также на качественно новых явлениях в этих исследованиях. В этнографическом изучении колхозного крестьянства и сельского населения вообще характерными являются монографии (коллективные и индивидуальные), посвященные быту и культуре населения, основанные на материале как отдельных колхозов<sup>40</sup>, так и целых районов, областей и даже республик<sup>41</sup>.

Началось и социологическое изучение сельского населения, которое во многих отношениях обогащает этнографические исследования<sup>42</sup>, возрождая на более высоком уровне подобные работы, публиковавшиеся в 1920-х годах.

Новым явлением следует считать книги, посвященные культуре и быту больших локальных групп крупных социалистических наций, в особенности русской<sup>43</sup>. Это направление открывает большие возможности для выявления этнографических и национальных особенностей той или иной нации, народности, национальной или этнографической группы, для учета таких факторов, как «местные отличия, и особенности экономического уклада, и бытовые формы», на необходимость изучения которых указывал в свое время В. И. Ленин<sup>44</sup>.

Историко-этнографические монографии, посвященные отдельным народам, а также группам народов, доводятся до современности. Во многих из них современному быту и культуре уделено если не главное, то очень большое внимание. Эти монографии охватывают народы Евро-

<sup>37</sup> См. подробнее: М. А. Сергеев, Некапиталистический путь развития малых народов Севера, М.—Л., 1955; И. С. Вдовин, Малые народности Севера на социалистическом пути развития за 50 лет Советской власти, СЭ, 1967, № 5; И. С. Гурвич, Осуществление принципов ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера, СЭ, 1969, № 1.

<sup>38</sup> Т. А. Жданко, Международное значение исторического опыта перехода кочевников на оседлость в Средней Азии и Казахстане, СЭ, 1967, № 4.

<sup>39</sup> Л. П. Потапов, Этнографическое изучение социалистической культуры и быта народов СССР, СЭ, 1962, № 2; А. И. Першиц, Н. Н. Чебоксаров, Полвека советской этнографии, СЭ, 1967, № 5; Ю. В. Бромлей, Основные направления этнографических исследований в СССР, «Вопросы истории», 1968, № 1; Л. А. Анохина, В. Ю. Крупянская, М. Н. Шмелева, Этнографическое изучение сельского и городского населения СССР, в сб. «Социология и идеология», М., 1969.

<sup>40</sup> См., например, «Культура и быт казахского колхозного аула», Алма-Ата, 1967.

<sup>41</sup> Л. Н. Терентьева, Колхозное крестьянство Латвии, ТИЭ, т. IX, 1960; Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева, Культура и быт колхозников Калининской области, М., 1964; «Культура и быт колхозного крестьянства Адыгейской автономной области», М.—Л., 1964; О. Ф. Кувеньова, Громадский побут українського селянства, Київ, 1966; «Современное абхазское село», Тбилиси, 1967; «Этнографические очерки узбекского сельского населения», М., 1969; Я. Р. Винников, Хозяйство, культура и быт сельского населения Туркменской ССР, М., 1969, и др.

<sup>42</sup> Ю. В. Арутюнян, Опыт социологического изучения села, М., 1968.

<sup>43</sup> «Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани», М., 1967; Е. П. Бусыгин, Русское население Среднего Поволжья, Казань, 1966; Л. М. Сабурова, Культура и быт русского населения Приангарья, Л., 1967; «Таджики Каратегина и Дарваза», вып. I, Душанбе, 1966; сб. «Вопросы этнографии русского населения Сибири и Средней Азии», М., 1969.

<sup>44</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 36, стр. 152.

пейской части СССР, Кавказа, Средней Азии и Казахстана, Сибири и Дальнего Востока<sup>45</sup>.

Этнографы ведут и всесторонние исследования культуры и быта рабочего класса как у тех народов, которые имели уже раньше промышленный пролетариат, так и у тех народов, у которых рабочий класс начал формироваться лишь после Великой Октябрьской социалистической революции. Это направление исследований также отвечает идеям В. И. Ленина.

Труды этнографов в этой области освещают как общие проблемы изучения советского рабочего класса<sup>46</sup>, так и отдельные стороны жизни рабочих разных национальностей или быт рабочих тех или иных отраслей промышленности. Некоторые работы посвящены монографическому исследованию культуры и быта рабочих отдельных социалистических наций<sup>47</sup>.

Наметилась новая линия, расширяющая прежние рамки изучения рабочего класса: исследование современных городов и рабочих поселков. Институт этнографии АН СССР приступил к изучению культуры современных русских городов<sup>48</sup>. Городское население становится также объектом этносоциологических исследований.

Следует отметить повышение теоретического уровня, совершенствование методики этнографических работ. Все это способствует более глубокому освещению процессов, характеризующих расцвет социалистических наций и народностей, успехи в развитии их хозяйства и национальной культуры. Но общие достижения советских этнографов не должны, конечно, заслонять и некоторых недостатков. К ним можно, в частности, отнести излишнюю описательность многих работ. Слабо еще отражается развитие интернациональных форм культуры и быта. Мы нередко пишем о распространении общесоветских или же городских форм культуры, упуская из виду, что эти формы культуры не лишены национальных особенностей. В. И. Ленин подчеркивал, что «...интернациональная культура не безнациональна»<sup>49</sup>. Изучение интернациональных форм быта и культуры поможет интернациональному воспитанию трудящихся, помо-

<sup>45</sup> С. Ш. Гаджиева, Кумыки, М., 1961; Р. Г. Кузеев и С. Н. Шитова, Башкиры, Уфа, 1963; В. В. Пименов, Вепсы, М.—Л., 1965; В. Г. Ларькин, Орочи, М., 1964; Л. Т. Шинло, Культура и быт советских дунган, Фрунзе, 1965; А. В. Смоляк, Ульчи, М., 1966; Т. Ф. Аристов, Курды Закавказья, М., 1966; Л. В. Хомич, Ненцы, М.—Л., 1966; Е. А. Алексеенко, Кеты, Л., 1967; Б. А. Калоев, Осетины, М., 1967; Ч. М. Таксами, Нивхи, М.—Л., 1967; Э. Г. Гафферберг, Белуджи Туркменской ССР, Л., 1969; К. В. Вяткина, Очерки культуры и быта бурят, Л., 1969.

<sup>46</sup> В. Ю. Крупянская, К вопросу о проблематике и методике этнографического изучения советского рабочего класса, «Вопросы истории», 1960, № 11; ее же, Проблемы изучения современной культуры и быта рабочих СССР, СЭ, 1963, № 4.

<sup>47</sup> Ф. А. Арипов, Некоторые данные об изучении современного быта рабочих Узбекской ССР, «Народна творчість та етнографія», 1961, № 2; А. Даниляускас, К вопросу об изучении культуры и быта литовских рабочих, СЭ, 1962, № 5; А. С. Морозов, Опыт изучения рабочего класса Казахстана, СЭ, 1962, № 6; В. Т. Зинич, Соціалістичні перетворення, паростки нового, комуністичного в культурі та побуті робітників Радянської України, Київ, 1963; В. В. Пименов, Производственный быт лесорубов Карелии, СЭ, 1963, № 4; К. Мамбеталиева, Быт и культура шахтеров-киргизов каменноугольной промышленности Киргизии, Фрунзе, 1963; В. А. Чирагадзе, О производственном быте рабочих шелковой промышленности г. Нухи, «Азербайджанский этнографический сборник», № 2, Баку, 1965; Р. Курбангалиева, Некоторые стороны семейного быта рабочих г. Маргилана (опыт этнографического изучения), «Общественные науки в Узбекистане», 1965, № 9; «Этнографическое изучение быта рабочих» (ред. В. Ю. Крупянская), М., 1968; Ш. Аннаклычев, Быт и культура рабочих Туркменистана, Ашхабад, 1969; кроме того, защищены ряд кандидатских диссертаций, посвященных культуре и быту рабочих Украины, Минска, Донбасса, Криворожья, Прикарпатья, Узбекистана, Азербайджана, Татарии и др.

<sup>48</sup> Л. А. Анохина, В. Ю. Крупянская, М. Н. Шмелева, Этнографическое изучение сельского и городского населения СССР, стр. 105.

<sup>49</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 24, стр. 120.

жет сближению наций. Недостаточно лишь фиксировать взаимовлияние культур, необходимо проследить, как это взаимодействие способствует процессу сближения социалистических наций и народностей. Пока вопросы сближения наций и народностей поднимаются преимущественно при исследовании межнациональных браков и национально-смешанных семей. Изучение этих вопросов все более совершенствуется, они обогащаются методикой, используемой в конкретных социологических исследованиях<sup>50</sup>.

Процессы национального развития, национальной консолидации, как и другие этнические процессы, занимают видное место в трудах советских этнографов. Выше уже было отмечено, какое большое значение В. И. Ленин придавал национальному составу населения той или иной страны. Уместно также вспомнить, что, намечая план научной подготовки национально-государственного размежевания Средней Азии, В. И. Ленин особо отметил необходимость составления **этнографической карты**: «Поручить составить карту (этнографическую и проч.) Туркестана с подразделением на Узбекию, Киргизию и Туркмению»<sup>51</sup>.

В этом смысле большая работа советских этнографов по изучению национального состава населения СССР и всего земного шара и подготовке многочисленных этнографических карт является воплощением ленинских идей применительно к нашему времени, насыщенному бурными процессами этнического и национального развития, национально-освободительными движениями<sup>52</sup>.

Этнографы вносят крупный вклад в разработку вопросов развития национальных отношений в нашей стране, участвуя во всесоюзных и региональных совещаниях, конференциях и симпозиумах по этой проблематике.

Появился ряд исследований, характеризующих этнические процессы в различных районах СССР. Среди них следует назвать работы, относящиеся к Прибалтике<sup>53</sup>, Сибири<sup>54</sup>, Средней Азии и Казахстану<sup>55</sup> и т. д. Одновременно публикуются и обобщающие, теоретические работы на эту тему<sup>56</sup>. Самая возможность создания таких работ служит показа-

<sup>50</sup> См., например, С. М. Абрамзон, Отражение процесса сближения наций на семейно-бытовом укладе народов Средней Азии и Казахстана, СЭ, 1962, № 3; А. Г. Трофимова, Материалы отделов ЗАГС о браках как этнографический источник, СЭ, 1965, № 5; Я. С. Смирнова, Национально-смешанные браки у народов Карачаево-Черкесии, СЭ, 1967, № 4; Л. Н. Терентьева, Определение своей национальной принадлежности подростками в национально-смешанных семьях, СЭ, 1969, № 3, и др.

<sup>51</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 436.

<sup>52</sup> См. «Карта расселения племен и народов России и сопредельных стран», Изд. Комиссия по изучению племенного состава населения СССР (далее КИПС АН СССР); «Карта расселения народностей Крайнего Севера СССР», М., 1933; «Этнографическая карта Сибири», Изд. КИПС АН СССР, Л., 1927; «Численность и расселение народов мира», М., 1962; «Карта народов СССР. Учебная для средней школы», М., 1964; «Атлас народов мира», М., 1964; «Население земного шара. Справочник по странам», М., 1965; Карта «Народы Азии», М., 1968, и др.

<sup>53</sup> О. А. Ганцкая и Л. Н. Терентьева, Этнографические исследования национальных процессов в Прибалтике, СЭ, 1965, № 5.

<sup>54</sup> И. С. Гурвич, Этническая история северо-востока Сибири, ТИЭ, т. 89, М., 1968.

<sup>55</sup> Л. Ф. Моногарова, Современные этнические процессы на Западном Памире, СЭ, 1965, № 6; Л. С. Толстова, Каракалпаки Ферганской долины, Нукус, 1959; Р. Ш. Джарылгасинова, К вопросу о культурном сближении корейцев Узбекской ССР с соседними народами, СЭ, 1964, № 3; Т. Ф. Аристова, Г. П. Васильева, Об этнических процессах на территории Южной Туркмении (о сближении курдов с туркменами), СЭ, 1965, № 5; А. Алымбаева, К вопросу о сближении народов Киргизии, в кн. «Трудящиеся в борьбе за строительство социализма и коммунизма», Фрунзе, 1966; Г. П. Васильева, Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане, М., 1969, и др.

<sup>56</sup> См., например, Т. А. Жданко, Этнографическое изучение процессов развития и сближения социалистических наций в СССР, СЭ, 1964, № 6; В. И. Козлов, О понятии этнической общности, СЭ, 1967, № 2; его же, Современные этнические процессы в СССР (К методологии исследования), СЭ, 1969, № 2; И. С. Гурвич, Некоторые проблемы этнического развития народов СССР, СЭ, 1967, № 5, и др.

телем значительного продвижения вперед в разработке проблемы изучения этнического развития и национальных отношений народов СССР. Интенсивное развитие этих исследований как одного из основных направлений этнографической науки заслуживает всесторонней поддержки. Оно идет в русле идейно-теоретических положений В. И. Ленина по национальному вопросу.

В этой связи следует сказать, что советские этнографы проводили решительную борьбу с попытками извращения ленинской национальной политики и советской действительности, которые предпринимались некоторыми представителями американской буржуазной социологии и этнографии<sup>57</sup>.

Помимо названных направлений в советской этнографической науке особый интерес представляет исследование брачно-семейных отношений у народов СССР, о которых уже упоминалось выше. Идеи В. И. Ленина имели большое значение и для этого направления этнографических исследований.

Развивая взгляды Маркса и Энгельса, В. И. Ленин в ряде своих произведений (и в публичных выступлениях, и в письмах и беседах) неоднократно обращался к вопросам семьи и брака, касаясь и половой морали, и норм коммунистической нравственности. Отмечая зависимость моногамной семьи от породившего ее общественного строя, В. И. Ленин творчески осмыслил положения Маркса применительно к условиям России. В своем замечательном труде «Развитие капитализма в России» он показал, как в результате проникновения капитализма в деревню ослаблялась патриархальность старой крестьянской семьи, как под влиянием отхода в города в некоторых районах возникало более самостоятельное, более равноправное с мужчиной положение женщины<sup>58</sup>.

В письмах В. И. Ленина к Инессе Арманд<sup>59</sup>, как и в опубликованных позднее Кларой Цеткин записях ее бесед с В. И. Лениным, содержится ряд глубоко принципиальных положений В. И. Ленина по вопросам семьи, брака и любви. В. И. Лениным сформулированы важнейшие положения, предопределяющие развитие семьи и брака при социализме и коммунизме. Доказав, что только победа пролетарской революции может обеспечить все необходимые политические и социально-экономические предпосылки для возникновения новой, социалистической семьи, В. И. Ленин наметил и те пути, по которым должно было идти развитие семьи в советском обществе.

Замечания В. И. Ленина относительно общественного значения взаимоотношений между полами, сделанные в ходе этих бесед, имеют неопценное значение. Он говорил: «Было бы не марксизмом, а рационализмом стремиться свести непосредственно к экономическому базису общества изменение этих отношений (между полами.— *Авт.*) самих по себе, выделенных из общих связей их со всей идеологией... Но важнее всего общественная сторона. Но в любви участвуют двое, и возникает третья, новая жизнь. Здесь кроется общественный интерес, возникает долг по отношению к коллективу»<sup>60</sup>.

«Новые ценности,— подчеркивал В. И. Ленин,— выкристаллизуются медленно, с борьбой. Взгляды на отношения человека к человеку, на отношения мужчины к женщине революционируются, революцио-

<sup>57</sup> См. ответ советских этнографов на статью С. и Э. Данков «Советский режим и национальная политика в Средней Азии (основные народы)», опубликованный вместе с указанной статьей в журнале «Current Anthropology» (1967, June, vol. 8, № 3); а также критическую статью Л. А. Анохиной, В. Ю. Крупянской, М. Н. Шмелевой «Русское крестьянство в освещении американских этнографов» (СЭ, 1969, № 1) о книге «Крестьянство центральной России» (1967) тех же американских авторов.

<sup>58</sup> В. И. Ленин, Полн. собр., соч., т. 3, стр. 578.

<sup>59</sup> Там же, т. 49, стр. 51, 52, 54—57.

<sup>60</sup> Клара Цеткин, Воспоминания о Ленине, М., 1955, стр. 48—49.

низируются и чувства и мысли. Между правом личности и правом коллектива, а значит, и обязанностями личности проводятся новые разграничения. Это медленный и часто болезненный процесс исчезновения и зарождения. Все это касается и области половых отношений, брака, семьи» (разрядка наша.— Авт.)<sup>61</sup>. Приводя слова В. И. Ленина о важности в то время (1920 г.) борьбы за сохранение и укрепление Советской власти, К. Цеткин записала следующую его мысль: «Но у нас впереди еще самая трудная часть нашей задачи — восстановление. В процессе его станут значительными и вопросы отношения полов, вопросы брака и семьи» (разрядка наша.— Авт.)<sup>62</sup>.

Укрепление советской семьи, формирование коммунистической морали было положено в основу политики Коммунистической партии в области семейно-брачных отношений. Огромное значение для выработки правильного взгляда на вопросы коммунистической нравственности имела речь В. И. Ленина на III съезде Коммунистического Союза Молодежи<sup>63</sup>.

Советские этнографы, социологи и историки всесторонне осветили и продолжают исследовать имеющий огромное историческое значение процесс раскрепощения женщин как в СССР в целом, так и у отдельных народов<sup>64</sup>. В основе этих исследований — ленинские положения. В. И. Ленин полное и действительное освобождение женщин видел в освобождении их от «домашнего рабства» путем перехода к новым общественным формам организации быта. Подчеркивая трудности этого перехода, В. И. Ленин писал: «...Дело идет здесь о переделке наиболее укоренившихся, привычных, заскорузлых, окостенелых «порядков» (по правде сказать, безобразий и дикостей, а не «порядков»)»<sup>65</sup>. В. И. Ленин отводил огромную роль пробуждению сознания женщин Востока<sup>66</sup>.

Претворение в жизнь подписанных В. И. Лениным декретов о браке, семье, детях привело к коренному изменению положения женщины, которое послужило одной из важных предпосылок для формирования нового типа брачных и семейных отношений. Огромную роль в изменении положения женщин сыграло их массовое вовлечение в производительный труд, ставшее возможным в процессе индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства. Последствием этого было укрепление экономической самостоятельности женщины в семье, изменение распределения труда в семье и другие преобразования.

Круг вопросов, которые занимают этнографов при изучении современной советской семьи, необычайно широк. Один из важных вопросов, затрагиваемых этнографами, — преобразование форм семьи у народов СССР. Едко высмеивая «доктрину прописей», повторяемую народником Михайловским, В. И. Ленин разоблачал в свое время как чисто буржуазную идею представление об извечности современных форм семьи<sup>67</sup>. На огромном фактическом материале этнографы доказали, что формы семьи развиваются и их развитие находится в зависимости от всей совокупности социально-экономических условий. Исследование пережи-

<sup>61</sup> Там же, стр. 47.

<sup>62</sup> Там же, стр. 51.

<sup>63</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 298—318.

<sup>64</sup> См., например, В. Бильшай, Решение женского вопроса в СССР, М., 1956.

<sup>65</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 42, стр. 369.

<sup>66</sup> Во многих этнографических и исторических работах, посвященных народам Средней Азии и Казахстана, Кавказа, этому вопросу уделено особое внимание. В частности, эта тема разработана применительно к Узбекистану в трудах М. А. Бикжановой (например, «Семья в колхозах Узбекистана», Ташкент, 1959), ей посвящен ряд статей, относящихся к отдельным областям Узбекистана; см. также: Ж. С. Татыбекова, Раскрепощение женщины-киргизки Великой Октябрьской социалистической революции (1917—1936 гг.), Фрунзе, 1963; Б. Пальванова, Октябрь и женщины Туркменистана, Ашхабад, 1967; А. И. Гасанова, Раскрепощение женщины-горянки в Дагестане (1920—1940), Махачкала, 1963.

<sup>67</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 4, стр. 153.

точных форм больших патриархальных семей коснулось как оседлые народы, так и народы, которые вели в прошлом кочевой и полукочевой образ жизни<sup>68</sup>. Закономерный процесс смены форм семьи подробно изучен как у развитых в прошлом народов (русские, украинцы), так и у народов, в прошлом более отсталых (узбеки, таджики и др.). Изучаются не только формы семьи, но и ее структура и численность в их динамике, причем раскрываются также факторы, влияющие на их изменения<sup>69</sup>.

Хозяйственный уклад семьи, распределение домашнего труда, имущественные отношения в семье, как и вопрос о том, сохраняет ли советская семья функции хозяйственной единицы общества, всесторонне исследовались в различных трудах, посвященных семье; в них показано принципиальное изменение самой хозяйственной структуры советской семьи, в особенности сельской, обусловленное установлением господства социалистической системы хозяйства.

Однако нельзя закрывать глаза на то, что именно в хозяйственно-бытовой сфере еще не полностью устранены остатки неравноправного положения женщины в быту, о чем со всей определенностью сказано в Программе КПСС. И здесь особенно велика роль советских этнографов, которые должны способствовать борьбе за освобождение женщины от «устарелых форм домашнего хозяйства» (на что многократно указывал еще В. И. Ленин), за ее более активное участие в общественном труде и общественной деятельности.

Неизменный интерес исследователей семейного быта привлекает вопрос о взаимоотношениях между членами семьи — та область семейных отношений, в которой произошли наиболее глубокие изменения. Новое прослеживается и во взаимоотношениях супругов, старшего и младшего поколений, в частности свекрови и невестки, в отношении к детям, в том числе и к взрослым. В целом повсеместно отмечается демократизация внутреннего строя семейной жизни.

Вполне обоснованным следует считать внимание, уделяемое исследователями новому культурному облику советской семьи, а также тем факторам, которые обусловили общий подъем культурного уровня семьи у разных национальностей СССР.

Советские этнографы исследуют многообразные и специфические для многих народов СССР традиции семейного быта, обычаи и обряды. Они имеют возможность наблюдать процесс борьбы с наиболее вредными традициями и пережитками в семейном быту, процесс преодоления некоторых противоречий в семейной жизни.

Большое место в жизни современной семьи занимает целый комплекс социальных и экономических явлений, связанных с заключением брака. Этнографы доказали, что у народов СССР большая часть браков заключается по свободному выбору молодых людей, что отнюдь не исключает участия в решении этих вопросов в той или иной форме старших родственников. Большим достижением советского общества следует считать повышение брачного возраста у тех народов, для которых были характерны ранние браки. Наряду с господствующей формой советского

<sup>68</sup> Н. А. Кисляков, Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-Боло, М.—Л., 1936; А. Н. Кондауров, Патриархальная семейная община и общинные дома у ягнобцев; М. В. Сазонова, К этнографии узбеков южного Хорезма, «Тр. Хорезмск. экспедиции АН СССР» (далее ТХЭ), I, 1952; С. М. Абрамзон, К вопросу о патриархальной семье у кочевников Средней Азии, «Кратк. сообщ. Ин-та этнографии АН СССР» (далее КСИЭ), вып. 28, 1958; Р. Л. Харадзе, Грузинская семейная община, т. I, II, Тбилиси, 1960, 1962; М. О. Косвен, Семейная община и патронимия, М., 1963; Э. Т. Карапетян, Семейная община и патронимия у армян, Тбилиси, 1967 (автореф. докт. дис.), и др.

<sup>69</sup> См., например: М. Б. Хитынов, К характеристике изменения численности и структуры семьи у бурят в советский период, «Уч. зап. Бурятск. гос. пед. ин-та», вып. 28, 1967; А. Е. Панян, Изменения в структуре и численности сельской семьи у армян за годы Советской власти, СЭ, 1968, № 4.

гражданского брака еще встречаются и религиозные обряды, и некоторые пережитки более ранних форм брака. Все исследователи единодушны в своих выводах о том, что материальные соображения при вступлении в брак либо не играют никакой роли, либо им отводится второстепенное место. Это служит одной из предпосылок осуществления того положения Программы КПСС, которое гласит: «Семейные отношения окончательно очистятся от материальных расчетов и будут целиком строиться на чувствах взаимной любви и дружбы»<sup>70</sup>.

У многих народов еще сохраняется традиционная свадебная обрядность, но в упрощенной форме, причем отмечается сокращение периода самого свадебного цикла. Вместе с тем уже входят в быт новые формы свадебных обычаев, в том числе комсомольско-молодежные свадьбы. Отношение к новым формам свадебной обрядности со стороны самого населения отличается разнообразием.

Тема воспитания детей освещается во многих этнографических исследованиях. Однако характеристика специфических форм семейного воспитания детей иногда подменялась описанием деятельности воспитательных и учебных заведений. Эта сторона жизни семьи — одна из ее главных социальных функций — требует дальнейшего углубленного исследования.

Обильный материал, накопленный советскими этнографами по вопросам становления и укрепления социалистической семьи, формирования новых брачных отношений, несмотря на неравномерность в освещении отдельных вопросов, различия в методике сбора материала, недостаточную глубину некоторых исследований, представляет собой в целом хорошую основу для обобщающих исследований.

Серьезные попытки обобщения процессов, происходящих в семьях народов СССР, имели место уже в 1950-х годах<sup>71</sup>. Имеются примеры издания целых сборников, посвященных этой тематике<sup>72</sup>, а также монографических исследований (хотя часто и небольших), трактующих вопросы брака и семьи<sup>73</sup>.

Труды обобщающего характера появляются в 1960-х годах. Но их авторами являются чаще социологи, чем этнографы. Среди этих трудов одно из первых мест следует отвести глубокому исследованию многих проблем развития брачно-семейных отношений в СССР, принадлежащему перу А. Г. Харчева<sup>74</sup>. Его книгу «Брак и семья в СССР», в которой широко использованы исследования советских этнографов, с известным основанием можно рассматривать как находящуюся на стыке социологии и этнографии, хотя автор, естественно, не имел в виду и не затрагивал ряда специфически этнографических проблем. В том же ряду могут быть названы и некоторые другие работы<sup>75</sup>.

Из обобщающих этнографических исследований следует отметить работу Г. П. Васильевой и Н. А. Кислякова «Вопросы преобразования быта и семьи»<sup>76</sup>. Заслуживают внимания обобщающие характеристики

<sup>70</sup> «Материалы XXII съезда КПСС», М., 1962, стр. 368.

<sup>71</sup> См., например, П. И. Кушнер, О некоторых процессах, происходящих в современной колхозной семье, СЭ, 1956, № 3.

<sup>72</sup> «Семья и семейный быт колхозников Прибалтики», ТИЭ, т. 77, М., 1962.

<sup>73</sup> См., например, А. Х. Магомедов, Семья и семейный быт осетин в прошлом и настоящем, Орджоникидзе, 1962.

<sup>74</sup> А. Г. Харчев, Брак и семья в СССР. Опыт социологического исследования, М., 1964; его же, Быт и семья в социалистическом обществе, Л., 1967; его же, Ленинизм и проблема семейно-брачных отношений, «Философские науки», 1969, № 5.

<sup>75</sup> Е. Г. Балагушкин, Развитие брачно-семейных отношений в период строительства коммунизма, в сб. «Строительство коммунизма и развитие общественных отношений», М., 1966.

<sup>76</sup> В кн. «От средневековья к вершинам современного прогресса. Об историческом опыте развития народов Средней Азии и Казахстана от докапиталистических отношений к социализму», М., 1965.

брачно-семейных отношений, содержащиеся в томах серии «Народы ра», посвященных народам СССР.

С конца 1950-х—начала 1960-х годов наступило значительное оложение исследований брака и семьи у отдельных народов СССР<sup>77</sup>, а также некоторых частных вопросов семейного быта.

Из широкого круга проблем, связанных с развитием семьи, в последние годы выдвинулись на первый план две острые и сложные взаимосвязанные проблемы. Первая из них — формирование новых, безрелигиозных обычаев и обрядов, отвечающих возросшему сознанию тружеников города и села. Вторая — преодоление религиозно-бытовых и социально-бытовых пережитков прошлого, уходящих своими корнями в глубины отсталого патриархального семейного быта.

Круг этих вопросов был поднят советскими этнографами в специальной журнале<sup>78</sup>. Сама жизнь потребовала ответа на многие из возникших вопросов. Один лишь обстоятельный обзор литературы за 1963—1966 свидетельствует об актуальности поднятых проблем<sup>79</sup>. В этой связи вспоминаются слова В. И. Ленина о значении «переработки самих обычаев, надолго загаженных, испорченных проклятой частной собственностью»<sup>80</sup>. Большое значение в плане исследования этих вопросов, смена опытом и определения дальнейших путей работы имела созванная в ноябре 1966 г. в Улан-Удэ Научно-практическая конференция<sup>81</sup>.

Интерес к этим вопросам не иссякает, им посвящаются книги, статьи, выходят сборники с участием этнографов<sup>82</sup>.

Приведенные данные об исследованиях советскими этнографами, историками и социологами круга вопросов, относящихся к современному быту и культуре народов СССР, убеждают в огромной плодотворности непреходящем значении идей В. И. Ленина, чей высокий гений предвидливо намечал контуры будущего, уже наполнившиеся в наши дни живым содержанием.

Широкое изучение современной культуры и быта народов СССР обогатило и международную этнографическую науку новой разнообразной тематикой, которая нашла отражение в этнографических исследованиях ученых стран социалистического содружества.

<sup>77</sup> См., например: Н. А. Кисляков, Семья и брак у таджиков по материалам конца XIX — начала XX века, ТИЭ, т. XLIV, М.—Л., 1959 (заключение посвящено новлению и развитию советской семьи); И. В. Чкония, Семья и семейный быт у хозяйников Грузинской ССР, в сб. «Материалы по этнографии Грузии», XI, Тб., С. М. Абрамзон, Киргизская семья в эпоху социализма, СЭ, 1957, № 5; М. А. Бжанова, Быт современной узбекской колхозной семьи по материалам Ташкентского и Наманганской областей УзССР, «Тр. XXV Международного конгресса востоковедов», т. III, М., 1963; О. М. Кравець, Семейний побут звичай українського народу, Київ, 1966; А. Т. Бекмуратова, Изменения в быту и семейных взаимоотношениях каракалпаков за годы Советской власти, СЭ, 1966, № 3; Д. Е. Кучберия, Брачные семейные отношения у современных абхазов, Тбилиси, 1967 (Автореф. канд. дисс.); Я. Моджеков, Развитие брачно-семейных отношений в период завершения строительства социализма и перехода к коммунизму (по материалам Туркменской ССР), «Изв. АН ТуркменССР, сер. обществ. наук», 1967, № 3, и др.

<sup>78</sup> Л. Н. Терентьева, Формирование новых обычаев и обрядов в быту хозяйников Латвии, СЭ, 1961, № 2; И. А. Крывелев, О формировании и распространении новых обычаев и праздников у народов СССР, СЭ, 1963, № 6.

<sup>79</sup> Л. М. Сабурова, Литература о новых обрядах и праздниках за 1963—1966 гг. (Основные вопросы и тенденции изучения), СЭ, 1967, № 5.

<sup>80</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 107. Разрядка наша.— Авт.

<sup>81</sup> «Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей, становления новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири», Тезисы докладов Научно-практической конференции, вып. 1—3, Улан-Удэ, 1966.

<sup>82</sup> См. сб. «Вопросы преодоления религиозных пережитков в СССР», М.—Л., 1967.

## THE ROLE OF V. I. LENIN'S THEORETICAL LEGACY IN SOVIET ETHNOGRAPHY

The development of Soviet ethnographical science is inseparably linked with an extensive utilization of the theoretical legacy of V. I. Lenin. The authors examine both the methodological and the purely theoretical aspects of a number of works by V. I. Lenin's in application to the activities of Soviet ethnographers.

Close attention is given to the role for ethnography of two fundamental categories of Marxism-Leninism: that of the social-economic formation (stage of development) set forth by K. Marx and creatively elaborated by V. I. Lenin; and that of the social-economic structures within the formation discovered by V. I. Lenin. The implementation of these categories in concrete ethnographic research has borne fruitful results: it has called to life a whole series of historical-ethnographical books and monographs in which problems of the social system and of the history of many peoples of the U. S. S. R. are examined for the first time, especially that of formerly backward and illiterate peoples. The direct and positive influence of V. I. Lenin's theoretical ideas is also shown on various problems relating to the study of primitive society (the periodization of primitive society, problems of the origin and evolution of the gens organization etc.). A large part of the article is devoted to an examination of concrete ethnographic research work in the U. S. S. R. in the field of studying socialist culture and everyday life. Recent years were marked by continuing studies of the kolkhoz peasantry and the working class among the peoples of the U. S. S. R. Sociological research of rural and urban population has begun; works have appeared devoted to the culture and everyday life of large local groups within the great socialist nations. The study of national evolution and ethnic processes has become an important branch of research; a prominent place is taken by the study of the national composition of the U. S. S. R. and of the whole world. Among many other branches of research particular interest is evoked by the study of marriage and family life among the peoples of the U. S. S. R. The course of the emancipation of women, especially in the eastern republics of the Soviet Union, the transformation of the family structure, of its economic life, of the relationships between family members, the cultural aspect of the family, forms of marriage, wedding rituals etc. have become objects of study. Generalized works on this problem have appeared. Particular attention is being given to problems of overcoming the vestiges of the past in present-day life and consciousness of the people and of forming new customs, rituals and traditions among the peoples of the U. S. S. R.

---

**Ю. Н. Сидорова**

## **ОБРАЗ В. И. ЛЕНИНА В УСТНОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ НАРОДОВ СССР \***

Фольклор в наши дни возвел Владимира Ленина на высоту мифического героя древности — равного Прометею.

М. Горький

Поиски народного счастья и правды издавна составляли сущность мирового фольклора. Свои мечты и надежды люди обращали к идеальным героям древности — Илье Муромцу и Манасу, Алпамышу и Кобланды-батыру, Калевипоэгу, Кёр-Оглы и другим. Они наделяли богатырей колоссальной физической силой, беззаветной преданностью Родине, неустрашимой смелостью в борьбе с врагами, ненавистью к эксплуататорам и трогательной заботой о бедных и детях. Но это было поэтическим вымыслом народов. Проходили века, тысячелетия, а герой, который мог бы освободить человечество от векового рабства, не появлялся.

Реальным воплощением древнего идеала борца за народные правду и счастье явился В. И. Ленин. «С ленинизмом, — говорится в постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина», — связаны самые выдающиеся революционные свершения двадцатого столетия... Имя Ленина стало символом пролетарских революций, социализма и прогресса, символом коммунистического преобразования мира»<sup>1</sup>.

С именем Ленина в фольклор пришла новая невиданная ранее тема найденного народного счастья и найденной народной правды. Люди свято верили, что Ленин с ними в радости и в горе, как самый близкий и родной человек. Он был добрым товарищем крестьян и рабочих, непримиримым врагом эксплуататоров, другом бедной вдовы и малых детей. Недаром трудящиеся называли Ленина «заступником народным»:

Ленин нашу беду, как свою, понимал,  
Он во всех кишлаках и аулах бывал<sup>2</sup>.

Каждый народ видит Ленина по-своему и наделяет его чертами своего любимого национального героя. Горцы изображают Ленина могучим всадником на коне в огромной папахе, народы Средней Азии — мудрейшим стариком или витязем с золотыми и серебряными руками, ненцы — чудесным охотником, киргизы — высоким, как снежные горы, и т. д.

Образ В. И. Ленина в национальном фольклоре за годы Советской власти существенно менялся. Для 1920-х годов были характерны легенды и сказки фантастического характера. В 1930-е годы они уступили место реалистическим сказам о действительных событиях из жизни Ле-

\* Настоящая статья написана преимущественно на материале фольклора народов Средней Азии, Сибири и Дальнего Востока.

<sup>1</sup> «Правда», 10 августа 1968, стр. 1.

<sup>2</sup> А. Бабаханов, Лениниана узбекской поэзии, «Звезда Востока», 1967, № стр. 168.

нина, встречах с Лениным рабочих и крестьян — участников революции. Эти сказы отличаются богатством содержания и правдивостью повествования. Они воспроизводят живые и неповторимые черты Ленина — вождя революции и человека. В большинстве произведений тема В. И. Ленина раскрывается путем сопоставления жизни прежде и теперь.

В далеких таежных лесах, в засушливых степных районах Средней Азии, на Волге и Днепре господствовали раньше кровожадные бай, беки, нойоны, помещики, паны. Они назывались по-разному, но суть их была одна:

Ненасытные бай века  
Пили кровь и пот бедняка,  
Если бы горе собрать людское,  
Потекло бы оно рекою<sup>3</sup>.

Ю. Фучик, побывав в Средней Азии в начале 1930-х годов, справедливо писал: «В высокие горы Тянь-Шаня, в далекие долины Узбекистана, на восток, на юг и на север... в глиняные кибитки, юрты и кожаные шатры вместе с именем Октября проникло имя Ленина. Имя великого праведника, который сверг дьявольскую власть богачей и дал беднякам права и свободу. Так они воспринимали это имя, так видели Ленина, и из глубины их сердец, отвечая их самым сокровенным представлениям, вырастал образ народного вождя... И в своих сказаниях и песнях создавали свой образ Ленина: народные легенды о Ленине. Глубокая любовь родила эти предания...»<sup>4</sup>

По контрасту со старой жизнью, которая всегда сопоставлялась с темнотой и мраком, Октябрьская революция и В. И. Ленин в фольклоре народов СССР сравниваются с золотой зарей, утром, ясным солнечным днем, рассветом, весенней травой, восходом, вторым солнцем, новым солнцем, бессмертным лучом, светлой звездой, ярким костром, теплом и светом. В этом отношении интересны произведения, записанные Л. Соловьевым в Средней Азии в 1920-е годы<sup>5</sup>. А. М. Аршаруни во вступительной статье к этому сборнику отмечает, что первые произведения о Ленине в Средней Азии были сложены в среде отсталого крестьянства, которое мыслило еще традиционными эпическими категориями, и классовая борьба в этих произведениях принимала «своеобразное крестьянское содержание и формы. Революцию делает не класс, а Ленин как герой, пророк и борец за счастье бедноты... В ленинской борьбе за счастье бедноты принимают участие небесные тела, зоологический мир»<sup>6</sup>.

Ленин вступает в борьбу как великан, богатырь, народный эпический герой, наделенный огромной физической силой, находчивостью, умом. Он борется с Кучук-Адамом (человек-собака), Окиленом (змея-стрела), Тристаголовым Змеем и др.

Народное представление о Ленине как о богатыре, побеждающем темные силы, красочно воплотилось в таджикском сказании «Ленин и Кучук-Адам». Там действуют два враждебных лагеря: мир бедняков во главе с Лениным и мир богатых, подкупивших злого колдуна Кучук-Адама, сердце которого «давно поросло отвратительной короной злобы и бесчестья». Борьба между Лениным и Кучук-Адамом шла за обладание красным и белым камнями, которые, по преданию, нужны для счастья. Эпический размах приобретает титаническая борьба Ленина с Кучук-Адамом: «Гремел гром. Горы кидали камнями направо и налево... Изнемогал уже Ленин в тяжелой, неравной борьбе, и пот круп-

<sup>3</sup> Сб. «О Ленине», т. II, М., 1939, стр. 301 (шорская песня).

<sup>4</sup> Ю. Фучик, О Средней Азии, Ташкент, 1960, стр. 242; см. также: О. Н. Гренина, Образ Ленина в фольклоре народов СССР, в кн. «Ученые записки ЛГУ. Серия филологических наук», 1958, № 254, вып. 46, стр. 30—46.

<sup>5</sup> Л. С. Соловьев, Ленин в творчестве народов Востока, М., 1930.

<sup>6</sup> Там же, стр. 15.

ными каплями капал с его лба...» Но на помощь Ленину пришла вся природа: на Кучук-Адама обратили свою ярость «горы и тучи, били его камнями, жгли молниями, и пал Кучук-Адам, погребенный под скалами»<sup>7</sup>.

Подобно эпическому герою, Ленин снял с Кучук-Адама пояс богатыря Али, достал кизыл-таш (красный камень) и ок-таш (белый камень) и пошел по горам освобождать землю. «Горы давали тень ему от зноя, и солнце умерило свой пыл и не накаляло камней, чтобы не жгли они ноги Ленина. Когда он хотел пить — небо проливало дождь, когда он хотел есть — барсуки приносили ему пищу и джейраны давали ему молоко»<sup>8</sup>.

Народы СССР, впервые услышав о Ленине и об Октябрьской революции, в своих сказаниях наделили Владимира Ильича легендарной биографией. В Средней Азии существуют песни-диалоги, в которых участвуют два певца. Одна из таких песен была записана в 1924 г.:

— Скажи, правда ли, что Ленин, которого сейчас нет на земле, родился от месяца и звезды?

— Правда.

— Правда ли, что когда Ленин сказал первое слово, то это слово было...

— Хлеб и свобода.

— Правда ли, что у Ленина правая рука с плеча по локоть золотая?

— Правда<sup>9</sup>.

В этих сказаниях Ленин еще борется, как богатырь, один и приносит народу свободу.

Вс. Миллер в свое время отметил две тенденции развития жанров народного искусства — историзацию и поэтизацию. Историзация, по его мнению, состоит в том, что «чисто сказочные сюжеты, события... прикрепляются к историческим именам и историческим временам... Процесс поэтизации состоит в том, что историческая песня, имеющая сюжетом реальное событие, теряет под влиянием поэтического вымысла свой исторический характер... и с течением времени переходит в сказку, приобретает чудесный элемент, иногда сохраняет лишь исторические имена»<sup>10</sup>.

Ссылаясь на это определение Вс. Миллера, А. Дымшиц справедливо пишет, что для современного легендарно-сказочного цикла о Ленине также характерны обе тенденции. Однако превалирует процесс историзации. В качестве примера поэтизации А. Дымшиц приводит известную эвенкийскую сказку «Теперь в тайге светло», в которой элементы истории потонули в вымысле<sup>11</sup>.

Можно проследить этот процесс и на примере других, наиболее значительных народных произведений, записанных в 1930-е годы. Это алтайская легенда «Зажглась золотая заря» и армянское сказание «Ленин-вождь».

В алтайской легенде Октябрьская революция изображена в виде золотой зари, а облик Ленина имеет ярко выраженный легендарный характер:

И увидел Анчи: богатырь перед ним

Средь бескрайних просторов, народом обильных,

Землю всю сотрясающий словом одним,

Видом — добрый из добрых и сильный из сильных!

<sup>7</sup> Л. С. Соловьев, Указ. раб., стр. 43—44.

<sup>8</sup> Там же, стр. 44.

<sup>9</sup> А. В. Пясковский, Ленин в русской народной сказке и восточной легенде, М., 1930, стр. 77.

<sup>10</sup> Вс. Миллер, Эскурсы в область русского народного эпоса, М., 1892, стр. 195.

<sup>11</sup> А. Дымшиц, Сб. «Советский фольклор», Л., 1939, стр. 111—112.

Его брови — подобие горных хребтов!  
Его очи горят ослепительным пламенем!..  
В его правой руке блещет солнечный луч,  
В левой — лунный. Он добр и могуч <sup>12</sup>.

Изумленный бедняк впервые услышал об Октябрьской революции, о свободе и захотел узнать, откуда же пришел богатырь. Здесь народный художник, отступая от эпической традиции, вносит реалистические элементы в эпический образ:

Не сошел к нам он с неба, окутанный тучей,  
Не из недр он подземных явился на свет,—  
Сын родного народа, безмерно могучий,  
За народ он боролся — не счесть, сколько лет.  
Сокрушил он врагов, его подвиг нетленен.  
Его имя великое — Ленин <sup>13</sup>.

Еще более четко процесс превращения эпоса в историко-эпическое произведение обнаруживается в армянском сказании «Ленин-вождь», записанном также в 1930-е годы.

Уже в самом начале произведения показаны два враждующих лагеря — бедные и богатые. А когда дошел «нож беды до костей», встал Ленин-вождь и сказал:

— Я сын бедняка и брат всем беднякам.  
Выходите: будем биться на жизнь и смерть <sup>14</sup>.

Характер изображения борьбы отличается от ранних произведений о Ленине. Это не война богатыря против Кучук-Адама при помощи волшебных сил природы. Здесь участвуют пушки, карабины, лес винтовок, танки, пистолеты, молоты и колья.

Революционно звучит клич Ленина:

— Эй! — крикнул Ленин, —  
Арач! Арач! (Вперед!)  
На стременах поднялся, взлетел, вскричал!  
— Доколе, — сказал, — вы будете землей владеть?  
— Доколе, — сказал, — вы будете хлеб наш есть?  
— Доколе, — сказал, — вы будете мир обременять?  
Сказал, поскакал, красное знамя развернул <sup>15</sup>.

Здесь перед нами Ленин — вождь бедноты, поднявший на борьбу тысячи бедняков. Четко определен грандиозный масштаб революции, классовый ее состав:

За ним пошли рабочие — тысячи тысяч!  
За ним пошли хлеборобы — тысячи тысяч!  
За ним пошли безработные — тысячи тысяч!  
За ним пошли безземельные — тысячи тысяч!  
За ним пошли безводные — тысячи тысяч! <sup>16</sup>

Динамично раскрыта в сказании и победа бедноты во главе с Лениным:

Рубились, бились, — Ленин-вождь победил!..  
Эй! — крикнул Ленин-вождь, — День наш!

---

<sup>12</sup> Сб. «Творчество народов СССР», М., 1938, стр. 21.

<sup>13</sup> Там же, стр. 23.

<sup>14</sup> Там же, стр. 34.

<sup>15</sup> Там же, стр. 37.

<sup>16</sup> Там же.

Поднял, простер красное знамя, сказал:  
Мир — наш!  
Поскакал, потоптал конем немало войск.  
За ним идет беднота и голь <sup>17</sup>.

Ю. Фучик записал несколько легенд, которые показывают связи Ленина с бедняцкими массами. Например, в легенде «Чабан Муро рассказывает о Ленине» <sup>18</sup> очень четко сформулирована сущность классового конфликта и стремление Ленина собрать на борьбу народ:

«Созвал Ленин товарищей по школе и говорит:

— Друзья, все мы чему-то научились. Как же можно, чтобы бедный работал в поте лица, а богатый пожирал его достаток? Как можно, чтобы бедный был наг, бос, голоден и не имел даже овечьей шкуры, на которой он мог бы спать?.. Будем бороться. Объединим свои силы против царя» <sup>19</sup>.

Эта же мысль звучит и в узбекской песне:

Ленин был один, а врагов было много,  
Но Ленин убедил слабых и бедных,  
Что миллион песчинок образуют бархан,  
Что миллион зерен образуют мешок,  
Что миллион слабых образуют большую силу.  
И он оказался прав. После долгой борьбы  
Победил он сильных и богатых... <sup>20</sup>

В фольклоре народов СССР Ленин не только вождь бедняков, но и отличный работник. В одной из песен-импровизаций, записанных Л. Соловьевым, арбакеш чинит арбу и напевает:

Мне никто не поможет,  
Но если бы со мной ехал Ленин,  
Он помог бы мне и сделал бы арбу еще лучше новой,  
Потому что он все умел делать <sup>21</sup>.

Еще более характерной является песня «Дехкан и Ленин». В ней подчеркнута простота Ленина, его уважение к бедному человеку:

Если Ленин видел, что на дехкана напал грабитель,  
То Ленин брался за меч  
И защищал дехкана, не жалея собственной жизни.  
Если Ленин видел, что у дехкана заболело дитя,  
То он сам брался за лекарство  
И спасал отцу ребенка.  
Если Ленин видел, что у дехкана тяжелая работа,  
С которой трудно справиться одному,  
То он брался за кетмень и помогал дехкану в работе.  
Таких, как он, никогда не было нигде,  
Таких великих и простых,  
Занимающих высокое положение  
И не гнушающихся сесть за один стол с бедняками.  
Поэтому дехкане полюбили Ленина  
И реки слез пролили после его смерти <sup>22</sup>.

Безвременная кончина В. И. Ленина жгучей болью отозвалась в сердцах народов. На севере и юге, на западе и востоке нашей необъятной страны страшная весть, долетевшая в далекие юрты, яранги и чумы, в

<sup>17</sup> Сб. «Творчество народов СССР», стр. 39.

<sup>18</sup> Ю. Фучик, Указ. раб., стр. 252; А. В. Соломатина, Узбекская легенда Ленине в публикации Ю. Фучика, «Народы Азии и Африки», 1968, № 2, стр. 117—12.

<sup>19</sup> Ю. Фучик, Указ. раб., стр. 251—252.

<sup>20</sup> Л. С. Соловьев, Указ. раб., стр. 17.

<sup>21</sup> Там же, стр. 94.

<sup>22</sup> Там же, стр. 85—86.

звала появление траурных, исполненных глубокой искренней печали песен и плачей. Все они отличаются большой эмоциональностью, разнообразием поэтических средств. В плачах о Ленине русские, украинские и белорусские крестьяне, среднеазиатские дехкане и оленеводы Севера не только выражали чувства глубокого горя, но и одновременно обобщали все, сделанное Лениным для бедняков. Таково содержание почти всех траурных песен о Ленине. При этом значительную роль играли образы, заимствованные певцами из мира природы. Горе народа так велико, что вместе с ним горюют и потрясенная природа. И если появление Ленина в Октябре певцы постоянно сравнивали с рассветом, поднявшейся зарей, теплым солнцем, осветившим землю, огненным костром, жарким лучом, то смерть Ленина сопоставлялась с тенью, покрывшей лицо земли; черным мраком, окутавшим небо; плачущей землей; померкшей звездой; меркнущим солнцем; закатившейся луной; плачущим небом; черной тучей, закрывшей небо; черной тучей, закрывшей солнце; отошедшей в вечность звездой.

Вместе с тем в фольклоре о смерти В. И. Ленина родилась важная тема жизненности дела Ленина. В 1925 г. в Москве вышел сборник «Песни рассвета», посвященный памяти Ленина. Там была опубликована песня бедняка-акына Исы Байзакова:

Он умер, но мысли его живут.  
Он умер, но путь наш вперед неизменен.  
Но сердце не верит! Он с нами,  
Он тут!  
В деяниях партии здравствует Ленин! <sup>23</sup>.

В начале 1930-х годов фольклор о Ленине вступил в новую фазу — постепенно угасали традиционные эпические образы, легендарность и сказочность уступили место правдивому реалистическому повествованию. Фольклор этих лет объединяет глубоко идейное содержание: Ленин начал борьбу за свободу, сбросил тирана царя, поднял стяг революции, дал счастливую жизнь беднякам, создал Красную Армию, вырастил могучую силу — партию, построил школы и обучил бедняков, накормил всех и одел, рассказал о лжи эксплуататоров <sup>24</sup>.

Тема ленинской правды зазвучала в алтайской легенде «Зажглась золотая заря», в эвенкийской «Кто дал эвенкам солнце», в «Чукотской легенде о Ленине», в сказаниях о Ленинской правде белорусского, украинского, карельского, бурятского и других народов <sup>25</sup>.

Оригинально раскрыта эта тема в народном рассказе «Как Ленин в чум пришел». Однажды в чум к тунгусам с Лены пришел русский охотник и сказал, как надо за правду бороться. Частенько стал заходить в чумы... «После революции этот охотник уехал в Москву... и узнали мы, что имя тому человеку — Ленин. Он и теперь живет в каждом нашем чуме» <sup>26</sup>.

У эвенков с Лениным связана новая жизнь, свет в тайге. В рассказе «Почему в тайге светло?» говорится: «Как Ленин к власти пришел, в тайге посветлело... Вместе с Лениным в тайгу пришла светлая жизнь...

<sup>23</sup> Журн. «Сов. Казахстан», 1958, № 4, стр. 110.

<sup>24</sup> «Красноармейский фольклор», М., 1938, стр. 35.

<sup>25</sup> «Ленин — наше солнце», Сборник сибирского народного творчества и поэзии, Томск, 1960, стр. 19; «Эвенкийский фольклор», Л., 1960, стр. 168; см. также «Фольклор эвенков Бурятии», Улан-Удэ, 1958; «Творчество народов Дальнего Севера», Магадан, 1958, стр. 23; Журн. «Коммунист Белоруссии», 1967, № 10, стр. 51—54; «Народ славить Ленина и партию», Київ, 1968 (на укр. языке); «О Ленине. Былины и сказы», Петро-заводск, 1943, стр. 3—7; Журн. «Байкал», 1965, № 2, стр. 15; см. также: Н. О. Шарашнинова, Образ В. И. Ленина в устно-поэтическом творчестве бурят-монгольского народа, «Труды Иркутского гос. ун-та», т. XXI, 1958.

<sup>26</sup> Журн. «Байкал», 1965, № 2, стр. 9 («Народные рассказы о Ленине в записи Л. Е. Елиасова»).

Пусть все знают, какой большой человек наш Ленин, кто с ним идет, с дороги не собьется, он всем эвенкам тайгу навечно осветил»<sup>27</sup>.

Осуществление ленинских заветов советские люди видят в электрификации и в орошении засушливых земель Средней Азии.

Ю. Фучик обратил внимание на то, как при Советской власти ожила древняя легенда о воде. Он писал о реке Ходжа Бакирган: «Зацветает хлопчатник. Мираб раскрывает створы и шлюзы. Послушный Ходжа Бакирган вливается в оросительные каналы, поет земля, поет хлопчатник, поет Шамси Каримбай из колхоза «Большевик»:

Ты была бесплодной, земля,  
Ты лежала мертвой, земля,  
Ты страдала от жажды, земля,  
Ты наполнилась влагой, земля,  
Снова ты пробудилась, земля,  
Ты даешь побеги, земля,  
Я целую тебя, земля,

Ходжа Бакирган<sup>28</sup>

С именем Ленина связан в фольклоре Узбекистана и декрет об орошении Голодной степи — Мирзачуле.

Народные поэты пытались осмыслить значение Ленина в их жизни и его отличие от героев древности. В этом отношении интересно произведение «Ленин-батор», записанное в 1936 г. от П. Доржиева на Байкале. Сказитель, повествуя о Ленине, дает глубокую народную оценку старому легендарному эпосу и его героям: «Не было еще в мире такого батора, который бы изничтожил всех врагов на вечные времена. Ждал, ждал народ и дождался. Объявился батор здесь, в наших сибирских краях, на Лене, потому его народ Лениным и прозвал. Батор Ленин не похож был на других баторов, у него вся сила была в том, что он других людей сильными делал...» Старые баторы «были только для души, от их дел только на сердце легче становилось, пока про них сказывали, а Ленин-батор жизнь всем новую дал, всех счастливыми сделал»<sup>29</sup>.

Реальное воплощение идеала в действительность потребовало от художников и новых поэтических средств. В фольклоре о Ленине преобладающим стал реалистический характер повествования, основанный на конкретно-исторических фактах.

Возникли красочные рассказы-воспоминания, которые в устной передаче дополнялись, творчески перерабатывались и изменялись, принимая постепенно форму народных сказов. Они воссоздавали облик гениального вождя революции, пламенного трибуна, мудреца, видевшего далеко вперед, гневного обличителя врагов трудового люда, всесторонне образованного человека, внимательного и заботливого товарища<sup>30</sup>.

Интересные детали облика В. И. Ленина и сила его влияния на массы предстают перед нами и в рассказах рабочих — участников революции, записанных В. А. Кравчинской и П. Г. Ширяевой в 1945—1948 гг.<sup>31</sup>. Все видевшие Ленина единодушно отмечают скромность его внешнего облика. Рабочих поражало, что «... он был простой на вид. Одет был нешикарно. Платье, костюм все очень простое». «Темно-коричневый костюм с поношенными обшлагами, одет в простые штиблеты с тупыми носками. Цвет волос рыжеватый, лоб высокий — самая замечательная черта»<sup>32</sup>.

<sup>27</sup> Там же, стр. 10.

<sup>28</sup> Ю. Фучик, Указ. раб., стр. 240.

<sup>29</sup> Журн. «Байкал», 1966, № 5, стр. 9—10.

<sup>30</sup> «Рассказы рабочих о Ленине». Предисловие Н. К. Крупской, М., 1934; М. Я. Сиrotкин, Песни и сказы чувашей о Ленине, «Филологический сборник», вып. XXVIII, Чувашиздат, 1965, стр. 168—178.

<sup>31</sup> «Русский фольклор. Материалы исследования», т. II, «Устные рассказы рабочих о Ленине», М.—Л., 1957, стр. 169—185.

<sup>32</sup> Там же, стр. 183, 177.

У народа возникло желание создать реальную биографию Ленина. И вот в Ульяновске родилась песня о юности Владимира Ильича — «Песня об Ульяновске», вошедшая в репертуар самодеятельных хоров и ставшая народной:

Вольно и радостно дышится  
Здесь над великой рекой.  
Город как памятник высится —  
Ленина город родной...  
...Здесь по садам и по улицам  
В юности Ленин прошел <sup>33</sup>.

А. М. Горький писал, что Ленин «отказался от всех радостей мира ради тяжелой работы для счастья людей» <sup>34</sup>. В народной песне «Рано утром на заре», записанной в Ульяновской области, эта мысль образно обобщена:

Кто же трудился в бессонные ночи?  
Кто же повел за собою рабочих?  
Ленин великий — вот его имя,  
Ленин бессмертный — вот его имя.  
Ленин за бедных сражался и думал,  
Видел он ссылки, видел он тюрьмы,  
Всю свою жизнь драгоценную отдал  
За новую жизнь,  
За светлую жизнь,  
За радость народа <sup>35</sup>.

Когда рабочего Д. Павлова спросили, какая, на его взгляд, самая характерная черта Ленина, он ответил: «Прост, как правда». Эти слова можно было бы поставить эпиграфом ко всему советскому фольклору о Ленине. Действительно, когда перечитываешь народные сказания о Ленине, обращают на себя внимание постоянно повторяющиеся, как лейт-мотив, народные определения Ленина: «наш», «нашинский», «простой», «из простых простой», «самый простой», «скромнейшая фигура», «очень простой» и т. д. Ленин был примером величайшей скромности, даже пренебрежения к себе и своим личным нуждам.

А. М. Горький, встречаясь с В. И. Лениным, находившимся в эмиграции в Лондоне, замечал, что Владимир Ильич сам жил более чем скромно, но постоянно заботился, не голодают ли товарищи-эмигранты <sup>36</sup>. Об этом рассказывал и рабочий одного из ленинградских заводов: «Приходилось мне быть и в самом кабинете товарища Ленина. В нем стояли табуретки и простой стол, а на столе жестяной чайник и куски хлеба. Создавалось мнение у меня, что никогда не спит Ленин» <sup>37</sup>.

С именем Ленина в современном фольклоре связана также и тема дружбы народов, родившейся благодаря мудрой ленинской национальной политике. В чукотской легенде «О Ленине» говорится, что чукчи увидели портрет Ленина, долго смотрели на него, а Ленин и говорит им: «Вы будете пасти своих оленей. Будете жить в хороших просторных ярангах, если соберете таких же, как вы сами, бедняков... Русские люди многим помогут вам» <sup>38</sup>.

<sup>33</sup> П. Бейсов, В. И. Ленин в народном творчестве родного края, «Уч. зап. Ульяновского гос. педагогического ин-та», т. 12, вып. 1, 1957, стр. 285.

<sup>34</sup> «В. И. Ленин и А. М. Горький». Письма, воспоминания, документы, М., 1958, стр. 218.

<sup>35</sup> П. Бейсов, Указ. раб., стр. 276.

<sup>36</sup> «В. И. Ленин и А. М. Горький», Письма, воспоминания, документы, стр. 228.

<sup>37</sup> «Русский фольклор». Материалы и исследования, т. II, стр. 125.

<sup>38</sup> «Творчество народов Дальнего Севера», Магадан, 1958, стр. 23.

В бурятском сказе «Ленин-багша (учитель)» Ленин изображается первым учителем бурят: «Хвала багше, который научил нас жить по-новому и сроднил нас с русскими, как с родными братьями»<sup>39</sup>.

Народы Кавказа пели:

Пробудился Азербайджан, стал грузин армянину — брат,  
Кто был жалким рабом, тот вошел в первый ряд.  
Верен наш Советский закон — так колхозники говорят.  
Все народы теперь друзья, коммунизму верны, Ленин<sup>40</sup>.

Образ В. И. Ленина был символом нашей победы и в годы Великой Отечественной войны. К нему устремлялись мысли и чувства поэтов национальных республик, когда они выражали любовь и моральную поддержку городу Ленина в дни блокады:

С железного броневика  
Простертая вперед  
Вождя знакомая рука  
К победам нас ведет.  
Великой совестью страны,  
Не бронзовый — живой,  
В багряном зареве войны  
Встал Ленин над землей<sup>41</sup>.

В советском фольклоре существует множество произведений о великой народной любви и уважении к Ленину. Например, в Бурятии долго сохранялась такая традиция:

«Если рабочие собирались на собрание или на какое-нибудь торжественное заседание в дни праздников, то за столом президиума в самом центре всегда один стул оставляли свободным. Все знали, что этот стул оставлен для дорогого Ленина, который как будто бы должен скоро прийти и занять свое место среди приискателей. Вот так Ленин и остался у нас вечно живым»<sup>42</sup>.

Ленин — Прометей XX века — навсегда вошел в художественное сознание народа как воплощение торжества социальной правды и справедливости. И каждый народ вносит в устно-поэтическую Лениниану свои особенные, неповторимые краски. В произведениях о Ленине отчетливо проявляются национальные особенности, характерные для данного края.

У ямальских ненцев-оленьеводов представление о Ленине в первые годы после революции отражало типичные черты местного быта: «У русских бедняков нашелся богатырь. Он рос и копил силы, а когда вырос — стал сильным, как сто богатырей. Он пришел ночью к злому духу... Взял семиверстный хорей и ударил им злого духа... С тех пор стало светить солнце над тундрой.. Кто же этот богатырь? Ленин тот богатырь. Он вернул ненцам солнце»<sup>43</sup>.

Обращение Ленина к народу в северных сказках насыщается местными примерами, понятными данному народу. Призывая эвенков объединиться для борьбы, Ленин говорит:

«Почему у вас память короче утиного носа?  
Разве вы забыли, что туча комаров даже дедушку-медведя  
заставляет плакать, стадо лосей и оленей загоняет  
в реку»<sup>44</sup>.

или:

Ленин — «Оленей пас, бил зверей, созсем легко, шутя,  
бросал аркан на 40 сажений»<sup>45</sup>.

<sup>39</sup> Журн. «Байкал», 1965, № 2, стр. 7.

<sup>40</sup> «Антология азербайджанской поэзии», М., 1939, стр. 364.

<sup>41</sup> М. Я. Сироткин, Указ. раб., стр. 176.

<sup>42</sup> Журн. «Байкал», 1966, № 5, стр. 3 (записи Л. Элиасова).

<sup>43</sup> Журн. «Звезда», 1950, № 4, стр. 162 («Опять с нами солнце»).

<sup>44</sup> Альманах «Томск», Томск, 1958, № 10, стр. 103.

<sup>45</sup> «Эпос народов Востока», 1930, стр. 92.

Для устной поэзии народов СССР о Ленине характерно богатство изобразительных средств, сравнений и метафор, олицетворений, символов, гипербола. Больше всего и чаще всего в них используются образы из мира природы, которые, по народным представлениям, выражают мощь, силу, красоту.

В Средней Азии мудрость Владимира Ильича уподобляется заре:

«И слова твои нетленны, как заря рассвета, Ленин,  
И глубокая, как море, мысль твоя живет повсюду,  
Став звездой путевой на века простому люду»<sup>46</sup>.

Для народной Ленинианы характерно богатство сравнений, отражающих местные представления различных народов:

«Ленин, как снежные горы, высок»<sup>47</sup>;  
Ленин — «орел, побивший стадо воронов»<sup>48</sup>;  
Его жизнь была чиста, как луна в небесах<sup>49</sup>;  
Он мертвых людей пробудил, как неслыханный гром<sup>50</sup>;  
Ленин летал мыслями выше орла<sup>51</sup>.

Характерны также традиционные сопоставления. Например, в алтайской поэзии Ленин сравнивается с кедром.

Наш Алтай славен деревом дивным одним,  
Драгоценно оно, хорошо нам под ним  
В ясный день и в ненастье.  
Есть в Москве человек, честь и слава ему!  
Драгоценней его нет для нас, потому —  
Дал народам он счастье<sup>52</sup>.

Фольклору о Ленине свойственны гиперболизм, символика, олицетворения:

Брови Ленина — подобие горных хребтов;  
Он смелее и ярче солнца<sup>53</sup>.  
Подняв голову выше звезд,  
Ленин сразу видел весь мир<sup>54</sup>.  
Разве можно потушить пылающую степь?  
А огонь сердца Ленина был в тысячу раз сильнее<sup>55</sup>.  
Плакало небо, плакали звезды (когда умер Ленин)<sup>56</sup>.

Иногда встречается антитеза:

Воины: Тамерлан, Чингиз-хан,  
Если видели свет, — делали мрак,  
Если видели сад, — делали пустыню.  
Ленин, если видел мрак, — делал свет,  
Из пустыни делал сад, из смерти — жизнь<sup>57</sup>.

В богатстве поэтических средств выразилось и национальное своеобразие Ленинианы народов СССР, и глубокие любовь и уважение к Ленину трудящихся.

<sup>46</sup> «Песни столетий. Антология узбекской поэзии о Ленине», т. I, Ташкент, 1964, стр. 371.

<sup>47</sup> «Творчество народов СССР», стр. 76.

<sup>48</sup> Л. С. Соловьев, Указ. раб., стр. 111.

<sup>49</sup> Там же, стр. 102.

<sup>50</sup> «Творчество народов СССР», стр. 44.

<sup>51</sup> Л. С. Соловьев, Указ. раб., стр. 105.

<sup>52</sup> «Роль фольклора в коммунистическом воспитании», Улан-Удэ, 1967, стр. 71—72.

<sup>53</sup> «Творчество народов СССР», 21, стр. 32.

<sup>54</sup> Л. С. Соловьев, Указ. раб., стр. 83.

<sup>55</sup> Там же, стр. 84.

<sup>56</sup> Там же, стр. 116.

<sup>57</sup> Там же, стр. 74.

В. И. Ленин — человек дерзновенной мечты — боролся за торжество коммунизма. Советский народ под руководством партии успешно воплощает в жизнь ленинские заветы. В канун 100-летия со дня рождения Владимира Ильича, великого народного праздника, создаются повсюду новые песни труда и побед советского человека.

#### THE IMAGE OF V. I. LENIN IN THE POETICAL FOLKLORE OF SOVIET PEOPLES

The article reveals the image of Lenin in the folklore of Soviet peoples of Middle Asia, the Far North, Siberia. Soviet folklore mirrors all the profound changes which have taken place as a result of the Great October Revolution and of V. I. Lenin's activities: freedom from exploiters, equality and friendship between nationalities, emancipation of women, collectivization, electrification, irrigation of arid lands etc. The folklore image of V. I. Lenin undergoes changes in the course of the 50-year period. In the 1920's Lenin was typically portrayed as a legendary epic hero. With the strengthening of the methods of Soviet realism the image of Vladimir Ilyich gains characteristics taken from real life: of the leader of the Revolution, the sage, the solicitous friend of the working people. Folklore expresses the people's profound love for Lenin, their indestructible faith in the reality of his cause and that of the Communist Party. The article also notes national distinctions in the folklore of various Soviet peoples devoted to Lenin.

---

5

**Э. Л. Нитобург**

## **ЛЕНИН О НЕГРИТЯНСКОМ ВОПРОСЕ В США**

История негритянского народа США — это история никогда не прекращавшейся борьбы против рабства, а позже — против расовой сегрегации и дискриминации, против всех форм порабощения и угнетения. Огромное внимание этой проблеме уделяли в прошлом веке К. Маркс и Ф. Энгельс. Великий продолжатель их дела В. И. Ленин, анализируя закономерности и особенности развития американского капитализма, также неоднократно касался в своих трудах различных аспектов негритянского вопроса в США.

В замечательном по глубине и взволнованности «Письме к американским рабочим» (1918 г.) В. И. Ленин напоминал, что «в американском народе есть революционная традиция, которую восприняли лучшие представители американского пролетариата, неоднократно выражавшие свое полное сочувствие нам, большевикам. Эта традиция — война за освобождение против англичан в XVIII веке, затем гражданская война в XIX веке»<sup>1</sup>. В войне английских колоний в Северной Америке за независимость (1775—1783 гг.) участвовало 5 тыс. негров. Они получили свободу. Уже в конце XVIII — начале XIX в. на севере США рабство негров было ликвидировано. Однако в южных штатах в связи с ростом плантационного хозяйства оно не только сохранилось, но и значительно укрепилось. Потребовалось еще три четверти века ожесточенной борьбы, понадобилась вторая американская буржуазная революция — гражданская война 1861—1865 гг. и реконструкция (1865—1876 гг.) — прежде чем рабовладельческая система хозяйства, ставшая главным препятствием для прогрессивного развития страны, была уничтожена и неграм в США удалось, наконец, сбросить оковы рабства.

Отмечая, что это была «война из-за рабства»<sup>2</sup>, «из-за рабовладения»<sup>3</sup>, и подчеркивая «величайшее, всемирно-историческое значение гражданской войны» в США, Ленин писал, что «свержение рабства негров, свержение власти рабовладельцев стоило того, чтобы вся страна прошла через долгие годы гражданской войны, бездны разорения, разрушений, террора...»<sup>4</sup>.

Так же как Маркс и Энгельс, Ленин делил гражданскую войну на два этапа: первый, когда правительство А. Линкольна вело войну нерешительно, «по-конституционному», и второй — с 1863 г. — года освобождения негров, когда война велась «по-революционному»<sup>5</sup> и изменился сам ее характер. В армии северян насчитывалось 193 тыс. солдат и офицеров негров (не считая четверти миллиона негров во вспомогательных и тыловых частях), в военно-морских силах — около 30 тыс. негров. Негритянские части воевали на всех фронтах, участвовали почти в 200 сраже-

<sup>1</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 58.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Там же, т. 22, стр. 192.

<sup>4</sup> Там же, т. 37, стр. 58.

<sup>5</sup> Там же, т. 23, стр. 128.

ниях, проявив величайшие героизм и отвагу, что засвидетельствовал сам президент А. Линкольн. Ленин очень высоко оценил подвиг американского народа и особенно рабочего класса в борьбе против рабства. Он отмечал величайшую активность народных масс в гражданской войне благодаря чему «народ... разбил наголову, раздавил эту гадину (рабовладельцев.— Э. Н.), смел начисто рабовладение и рабовладельческий государственный строй, рабовладельческие политические привилегии в Америке»<sup>6</sup>.

То обстоятельство, что рабство негров было уничтожено революционным путем, наложило свой отпечаток на все стороны жизни бывших рабовладельческих штатов и в первую очередь на сельское хозяйство как основу их экономики. В. И. Ленин не раз подчеркивал, что латифундии рабовладельцев были раздроблены и уничтожены в ходе гражданской войны и последовавшей за ней реконструкции. В 1917 г. он писал, что «рабовладельческим латифундиям был нанесен решительный удар» и что «до сих пор» происходит «раздробление рабовладельческих латифундий» на юге<sup>7</sup>. «Процесс распада рабовладельческих плантаций вот в чем суть!!»<sup>8</sup>, — подчеркивал он.

В результате гражданской войны негры были освобождены от многовекового рабства, формально получили избирательное право, право на образование и право носить оружие для защиты страны. Однако победившая буржуазия Севера не допустила раздела и бесплатной передачи земель плантаторов бывшим рабам. Более того, в период реконструкции освобожденным рабам пришлось в упорной борьбе с бывшими рабовладельцами отстаивать права, завоеванные в гражданской войне. Единый фронт негров и их белых союзников, выступавших за буржуазно-демократическую реконструкцию, за переустройство бывших рабовладельческих штатов в интересах капиталистического развития, явился важнейшим фактором, обеспечившим ряд серьезных успехов в борьбе с плантаторской реакцией на Юге. Неграм удалось в этот период не только отстаивать, но и широко использовать активное и пассивное избирательное право: двое негров было тогда избрано в сенат и 14 негров — в палату представителей федерального конгресса (с тех пор они никогда больше не имели там такого числа своих представителей). Часть негритянского населения сумела приобрести землю и стать фермерами. Сотни тысяч негров всех возрастов впервые в жизни стали посещать школу. В целом за время войны и реконструкции негритянский народ шагнул далеко вперед в своем развитии.

Однако революционные задачи реконструкции не были осуществлены полностью. В союзе с негритянским народом и буржуазно-демократическими элементами капиталисты Севера нанесли плантаторам-рабовладельцам военное поражение и разгромили их политически, сохранили целостность страны и упрочили свою власть над федеральным правительством. Достигнув цели, они перестали заботиться о своем бывшем союзнике — негритянском народе и пожертвовали его интересами. После гражданской войны на Севере начал вызревать монополистический капитализм, не преминувший протянуть свои щупальца и на Юг. Заняв господствующее положение в стране, прибрав к рукам сырье и рынки Юга, северные промышленники и финансовые магнаты пожелали участвовать в сверхэксплуатации негритянского народа. Пойдя на сделку с южными реакционерами, вашингтонское правительство отменило в 1876 г. военное положение на Юге и способствовало сохранению там плантаторов как реакционной политической силы. Последним удалось к этому времени расколоть единый антирабовладельческий блок на Юге, отколов от него неустойчивые слои белых республиканцев. В результате реконструк-

<sup>6</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 23, стр. 128.

<sup>7</sup> Там же, т. 27, стр. 145, 146.

<sup>8</sup> «Ленинский сборник», XIX, М., 1932, стр. 425.

ция завершилась приходом бывших рабовладельцев и их ставленников к власти во всех южных штатах.

Отмечая прогрессивное значение буржуазных революций, Ленин вместе с тем указывает на их ограниченный характер<sup>9</sup>, что целиком относится и ко второй американской революции. Хотя рабовладение ею и было уничтожено, в бывших рабовладельческих штатах остались глубокие и многочисленные пережитки рабства и, как следствие этого, негритянское население там оказалось в угнетенном полурабском состоянии<sup>10</sup>.

Несмотря на то, что после гражданской войны и реконструкции сельского хозяйство США в целом стало развиваться по фермерскому, или «американскому», пути и «основой капиталистического земледелия послужило не старое рабовладельческое хозяйство крупных помещиков (гражданская война разбила рабовладельческие экономики), а свободное хозяйство свободного фермера»<sup>11</sup>, на Юге и после гражданской войны сохранилась в ряде мест тенденция к развитию капитализма в сельском хозяйстве по «прусскому» пути. Это было связано с тем, что в процессе перестройки рабовладельческих латифундий, приспособления их к вызванным отменой рабства новым условиям бывшие рабовладельцы использовали безвыходное положение освобожденных без земли негров и превратили основную массу их в арендаторов. Крупные плантации были раздроблены и по клочкам сданы в аренду неграм, причем не за деньги, а за долю урожая. Южные штаты превратились, таким образом, в районы издольщичьи, архитеталой формы хозяйства, при которой используется минимум машин и удобрений и отсталая агротехника.

Ленин называл издольщину пережитком рабства. «...Экономические пережитки рабства решительно ничем не отличаются от таковых же пережитков феодализма, а в бывшем рабовладельческом юге Соединенных Штатов эти пережитки очень сильны до сих пор»<sup>12</sup>, — писал он. «На юге... сильна еще полуфеодалная (полурабская тож) эксплуатация в виде издольщины»<sup>13</sup>.

И далее: «Капитал разбил рабовладение полвека тому назад, чтобы теперь восстановить его в обновленной форме, именно в виде издольной аренды»<sup>14</sup>. «...У белых % арендаторов составляет 39,2%, а у негров — 75,3%. Типичный белый фермер в Америке есть собственник своей земли, типичный фермер негр — арендатор... Но этого мало. Перед нами вовсе не арендаторы в европейском, культурном, современном капиталистическом смысле. Перед нами преимущественно полуфеодалные или, — что то же в экономическом отношении, — полурабские издольщики... На юге из 1537 тыс. арендаторов 1021 тыс. издольщики, т. е. 66%»<sup>15</sup>.

Само существование издольщины на Юге США было теснейшим образом связано с особым угнетением и сверхэксплуатацией негритянского населения. Это подтверждается хотя бы тем фактом, что негров-издольщиков в этой стране всегда было не только относительно, но и абсолютно больше, чем белых издольщиков, на что обращает внимание В. И. Ленин. «В свободной, республикански-демократической Америке в 1910 году было 1 1/2 миллиона арендаторов-издольщиков, из них свыше 1 млн. негров»<sup>16</sup>. Даже в наше время, когда издольщина в США все больше вытесняется в результате механизации, это положение все

<sup>9</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 11, стр. 38.

<sup>10</sup> Там же, т. 27, стр. 141.

<sup>11</sup> Там же, т. 17, стр. 129; см. также стр. 150.

<sup>12</sup> Там же, т. 27, стр. 141.

<sup>13</sup> Там же, стр. 151.

<sup>14</sup> Там же, стр. 211.

<sup>15</sup> Там же, стр. 142.

<sup>16</sup> Там же, стр. 143.

еще остается в силе: по данным сельскохозяйственной переписи 1959 г. в США насчитывалось 73,4 тыс. небелых и лишь 47,6 тыс. белых издолщников<sup>17</sup>.

В. И. Ленин характеризовал районы издолщины как районы наибольшего застоя, угнетения и отсталости негритянских масс. В ряде статей он отмечал, что среди белых в США неграмотных было лишь 6%, а среди негров — 44%<sup>18</sup>, что «равенство, отвоеванное гражданской войной 1861—1865 годов и обеспеченное конституцией республики, на деле в главных местах жительства негров (на юге) и во многих отношениях все более ограничивалось в связи с переходом от прогрессивного домонополистического, капитализма 1860—1870-х годов к реакционному, монополистическому капитализму (империализму) новейшей эпохи...»<sup>19</sup>. «О приниженном положении негров,— писал Ленин в другой работе,— нечего и говорить: американская буржуазия в этом отношении ничем не лучше буржуазии других стран. „Освободив“ негров, она по-старалась на почве „свободного“ и республикански-демократического капитализма восстановить все возможное, оделать все возможное и не-возможное для самого бесстыдного и подлого угнетения негров... Замкнутость, заскорузлость, отсутствие свежего воздуха, какая-то тюрьма для освобожденных негров — вот что такое американский юг»<sup>20</sup>.

Победив в гражданской войне и пойдя на компромисс с бывшими плантаторами Юга, буржуазия Севера также оказалась заинтересованной в сохранении приниженного и забитого состояния негров, ибо сверхэксплуатация их давала капиталистам огромные дополнительные прибыли, а сохранение расовой дискриминации, подкрепляемое расистскими «теориями» о «неполноценности» темнокожих американцев, должно было помешать объединению их с белыми трудящимися и направить недовольство последних в русло межрасовой розни. С этой целью в течение трех десятилетий, последовавших за окончанием реконструкции, в южных штатах была принята серия законов расистского характера, составивших то, что стали называть системой джимкрузизма. Особенно жестокими были законы о бродяжничестве, по которым сбежавшего от хозяина негра арестовывали, подвергали судебному преследованию и в принудительном порядке отсылали к старому хозяину. Негры постепенно были лишены права собраний и других политических и гражданских свобод, права занимать судебные должности и т. д. Запрещались браки негров с белыми. В городах неграм приходилось селиться в особых кварталах. Для того чтобы максимально ограничить участие негров в выборах, в конституции южных штатов были внесены специальные статьи, требовавшие от избирателя умения читать и разъяснять текст конституции, погашения задолженности по всем налогам за два года, предшествующие выборам, и т. д. (в Луизиане, например, после принятия такой конституции число зарегистрированных избирателей-негров сократилось со 130,3 тыс. в 1897 г. до 5,3 тыс. в 1900 г., т. е. в 25 раз). Именно в эти десятилетия резко активизировалась деятельность возникшего еще в 1865 г. ку-клукс-клана с его балахонами, пылающими крестами и прочими атрибутами, призванного запугать и терроризировать негритянское население. Для устрашения негров широко использовался также суд Линча, и ночное небо в южных штатах часто озарялось кострами ку-клукс-клановцев. Не случайно великий американский сатирик Марк Твен назвал в те годы свою страну «Соединенными Линчующими Штатами».

«Негры, — писал в 1913 г. Ленин, — позже всех освободились от рабства и до сих пор несут на себе всего более тяжелые следы рабства... По-

<sup>17</sup> «Факты о положении трудящихся в США (1961—1962 гг.)», М., 1964, стр. 155.

<sup>18</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 22, стр. 346; т. 23, стр. 128; т. 24, стр. 135. т. 27, стр. 142.

<sup>19</sup> Там же, т. 30, стр. 354; см. также т. 22, стр. 346.

<sup>20</sup> Там же, т. 27, стр. 141—142, 144.

ложение негров в Америке недостойно цивилизованной страны...»<sup>21</sup>. В 1919 г. в статье «Великий почин» он вновь отмечал, что спустя «полвека после отмены рабства негров в Америке, положение негров там сплошь да рядом оставалось еще полурабским...»<sup>22</sup>.

За прошедшие с тех пор новые полвека, в течение которых США успели превратиться в центр мировой реакции, положение американских негров по существу все еще остается «недостойным цивилизованной страны». Вот почему сейчас с такой же силой звучат гневные ленинские слова: «Позор Америке за положение негров!...»<sup>23</sup>.

\* \* \*

В наше время вновь, как и в годы гражданской войны, негритянский вопрос наложил глубокий отпечаток на многие стороны общественной жизни Соединенных Штатов. Естественно, что это обусловило особый интерес к его теоретическому и в том числе этническому аспекту, а следовательно, и к высказываниям В. И. Ленина в этой связи.

Первые негры-рабы были привезены на территорию нынешних Соединенных Штатов в 1526 г. — четверть века спустя после путешествий Колумба — испанцем Лукасом Васко де Эйлоном, основавшим колонию в устье р. Пиди (Южная Каролина). Однако рабы восстали и белые покинули колонию. Эти негры, таким образом, почти на сто лет опередили первых англосаксонских переселенцев, прибывших в Новый Свет в 1607 г. и основавших в Виргинии колонию Джеймстаун. В 1619 г. голландский военный корабль привез в Джеймстаун два десятка негров для продажи, и с этого времени началась регулярная доставка их из Африки.

В 1760 г. — накануне войны английских колоний в Северной Америке за независимость — число негров-рабов достигло там 326 тысяч. Их огромный труд создал значительную часть капитала, необходимого для быстрого экономического развития колоний, а позже молодой североамериканской республики. Вот почему даже многие буржуазные ученые США не могут не признать, что американские негры имеют в Соединенных Штатах не менее глубокие корни, чем подавляющее большинство белого населения страны<sup>24</sup>.

Однако, хотя негры находятся в США более трех веков, они очень долго, будучи рабами, занимали обособленное положение и не входили в состав американской нации, основы которой складывались еще в XVIII в. Рубежом, отметившим ее появление, стали война за независимость и образование американского независимого государства. Но тогда сформировалось лишь ядро нации, процесс же развития и консолидации ее не завершился и по сей день. Большая часть современных американцев — потомки миллионов иммигрантов из разных стран (главным образом из Европы), прибывших в США за последние полтора века и влившихся в американскую нацию, пожалуй одну из наиболее пестрых в этническом отношении наций на нашей планете. Взаимодействие, социальная и культурная ассимиляция, физическое смешение различных этнических элементов и составляют основу этнической истории американской нации.

Целый ряд факторов способствовал быстрой ассимиляции представителей многих национальностей и этнических групп в Соединенных

<sup>21</sup> Там же, т. 22, стр. 345, 346.

<sup>22</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 39, стр. 19.

<sup>23</sup> Там же, т. 22, стр. 346.

<sup>24</sup> Американский социолог Т. Петтигрю пишет даже, что современные американские «негры, являясь четырнадцатым поколением на земле Соединенных Штатов, имеют в ней более глубокие корни, нежели даже прямые потомки экипажа корабля «Мэйфлауэр» (T. Pettigrew, Negro American personality, «The Journal of Social Issues», 1964, № 2, р. 14). О позиции американских марксистов в этом вопросе см. У. З. Фостер, Негритянский народ в истории Америки, М., 1955, стр. 49; Г. Аптекер, Американская революция 1763—1783, М., 1962, стр. 260, 284.

Штатах. «Как известно, — писал по этому поводу В. И. Ленин, — особые благоприятные условия развития капитализма в Америке и особая быстрота этого развития сделали то, что нигде в мире не перемалывают так быстро и так радикально, как здесь, громадные национальные различия в единую „американскую нацию“»<sup>25</sup>.

В то же время многие другие факторы тормозили ассимиляцию и некоторых отличающихся в расовом отношении этнических групп. И это прежде всего относится к американским неграм. В частности, развитие негритянского народа в США и его освободительного движения имеют некоторые специфические особенности.

Негры были завезены в США насильно из различных районов Африки и в течение двух веков находились в рабстве, причем процесс физического смешения их с белыми в английских колониях происходил значительно меньших масштабах, чем в испанских или португальских колониях в Америке. Хотя культурное взаимодействие негров и белых происходило даже в эпоху рабства, и рабы восприняли английский язык, христианскую религию и т. д., историческое развитие негритянского народа происходило и продолжается до сих пор в условиях значительно более жестокого угнетения и эксплуатации со стороны хищнического американского капитализма, чем это имело и имеет место в отношении всех других элементов, составляющих американскую нацию, что длительное время серьезно тормозило прогресс американских негров. Для освобождения негров от рабства потребовалась кровавая гражданская война, положившая начало изменению взаимоотношений негров и других этнических элементов американского населения. Однако в США так долго насаждались и столь глубоко укоренились белый расизм и шовинизм, что хотя «чисто» африканское происхождение имеют сейчас не более 1/5 американских негров<sup>26</sup>, а остальные — мулаты, угнетение их постоянно принимает форму расовых преследований; а поэтому и борьба их развивается прежде всего под лозунгами борьбы против расовой сегрегации и дискриминации. Нельзя, наконец, забывать и того, что угнетатели негритянского народа — правители самой могущественной капиталистической державы.

Не исчерпывая всех особенностей развития негритянского народа, этот перечень дает некоторое представление о сложности и специфике негритянской проблемы в США.

Рабство, а после его отмены — жестокая расовая дискриминация и сегрегация были важнейшими факторами, препятствовавшими ассимиляции американских негров. В работе «Негритянский народ в истории Америки» У. З. Фостер отмечал, что нет ни одного народа в мире, человеческое достоинство, история и достижения которого были бы так бесстыдно оклеветаны и представлены в таком искаженном виде, как это делалось в отношении негров в США. «Эксплуататоры, — пишет Фостер, — будь то южные плантаторы или северные промышленники — считали необходимым и выгодным делом унижать и оскорблять негритянский народ всеми возможными способами. Они делали это с помощью своих многочисленных лакеев из числа историков, ученых, политиков, проповедни-

<sup>25</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 354—355.

<sup>26</sup> В 1930-х годах М. Херскович определял удельный вес «чистых» негров в 22%, а У. Дюбуа — в 25% всего негритянского населения США (М. Herskovits, *The anthropometry of the American Negro*, New York, 1930, p. 177; W. E. B. DuBois, *Black folk, then and now*, New York, 1939, p. 197). Ф. Боас еще ранее на основе ряда исследований пришел к выводу, что современные американские негры уже во многом отличаются от своих африканских «братьев по расе» и что их антропологические особенности приближаются к особенностям белых американцев (Fr. Boas, *The problem of the American Negro*, «Yale Quarterly Review», 1921; см.: А. Шийк, *Расовая проблема и марксизм*, М., 1930, стр. 26). Это лишний раз иллюстрирует известное положение марксизма о том, что расовые различия могут и должны быть устранены историческим развитием (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 426).

ков, журналистов, писателей и прочих... Они умаляли умственные способности негров, их моральные достоинства и боевой дух; prostituiруя науку до предела, они стремились доказать, что в биологическом отношении негры стоят ниже белых»<sup>27</sup>.

В результате духом расовой ненависти, которым правящие круги на протяжении многих десятилетий отравляли сознание белых американцев, оказалось пропитано, по словам Фостера, «все государство и общество Соединенных Штатов... Этот расистский дух культивировался и насаждался столь долгое время, что успел незаметно проникнуть в язык, нравы и обычаи нашей страны. Белый шовинизм как раковая опухоль распространился на всю американскую культуру. Широкие слои рабочего класса под непрерывным воздействием этой интеллектуальной заразы в большей или меньшей степени тоже поддались ей...»<sup>28</sup>. Многие белые американцы привыкли с юных лет смотреть на негров с презрением. А поскольку негры и после освобождения от рабства почти всегда находились на низших ступенях социальной лестницы, расовое и этническое начала (объективно и субъективно) переплетались с социальным, классовым, социальная характеристика вплеталась в этнический стереотип.

Естественно, что угнетение и дискриминация вызывали у негров, как этнического коллектива, ответную реакцию, проявлявшуюся в разных формах и прежде всего в развитии их этнического самосознания. В частности, в развитии этнического самосознания негритянского народа США наряду со стремлением к полной интеграции в американское общество время от времени достаточно отчетливо проявлялась и другая тенденция — к выделению в особую этническую общность.

Как правило, усиление той или иной тенденции было связано с подъемом и спадом демократических движений в Соединенных Штатах и во всем мире. Так, в колониальный период бесчеловечное угнетение черных рабов и то обстоятельство, что они происходили из разных племен и районов Африки, стоявших на разном уровне экономического и социального развития, как и то, что они говорили на разных языках и диалектах, некоторое время задерживали формирование их этнической общности в США. Революция 1775 г. и война североамериканских колоний за независимость пробудили в неграх надежду стать полноправными гражданами новой республики. Но этому не суждено было сбыться. На Юге рабство сохранилось, причем оковы его там стали еще более тяжелыми. В результате в конце XVIII — первой четверти XIX в. среди свободных негров на Севере США появились первые негритянские организации и возникли движения, имевшие более или менее ясно выраженный сепаратистский характер (негритянские братства и церкви, первые школы и газеты, движение негритянских съездов).

В последующие полвека борьба аболиционистов против рабства (принявшая во второй трети XIX в. весьма острый характер) вновь усилила у негров стремление и надежду стать равноправными членами североамериканской нации. «Мы — американцы. Многие хотели бы отнять у нас право называться американцами, чем мы так дорожим и на что имеем больше оснований, чем пять шестых нации; мы никогда не уступим этого права», — писал редактор одной из первых негритянских газет С. Корниш. В знаменитом «Призыве Уолкера» (1829 г.) — свободного негра из Бостона, звавшего рабов на Юге восстать с оружием в руках, говорилось: «Эта страна является нашей страной; ее свободы и привилегии были куплены усилиями и кровью наших отцов, так же как и усилиями и кровью других людей; язык народа этой страны есть и наш язык; ...его надежды — наши надежды; его бог — это также и наш бог; мы

<sup>27</sup> У. З. Фостер, Негритянский народ в истории Америки, М., 1955, стр. 18.

<sup>28</sup> Там же, стр. 772.

родились среди этого народа, наш удел жить с этим народом и быть частью его...»<sup>29</sup>.

Правда, и в этот период не исчезла полностью вторая тенденция. Например, один из негритянских деятелей, Мартин Демини, в 1852 г. писал: «Мы являемся нацией внутри нации: как поляки в России, венгры в Австрии, валлийцы, ирландцы и шотландцы в британских владениях»<sup>1</sup>. Однако ведущим, преобладающим во второй трети XIX в. было стремление к интеграции. Своей кульминации оно достигло в годы гражданской войны и реконструкции, когда были приняты 13, 14 и 15 поправки к конституции, давшие неграм избирательные права, и проведена реорганизация власти на Юге, позволившая неграм на равных правах участвовать в общественной жизни. Фредерик Дуглас и большинство других руководителей негритянского народа были в то время решительными сторонниками интеграции.

Но предательство капиталистами Севера в 1876 г. интересов своего союзника в гражданской войне — негритянского народа — положило конец этому этапу. Далее, в последней четверти XIX — первой четверти XX в. последовали полвека жестокого угнетения и террора, расизм, джизмкроуизм и судов Линча. В таких условиях надежды негров стали полноправной частью американской нации почти исчезли и в то же время приобрели значительную популярность идеи негритянского национализма. Почти все влиятельные негритянские деятели того времени стояли на националистических позициях. Даже Букер Вашингтон, проповедовавший «сотрудничество» с белым правящим классом и обласканный за это Теодором Рузвельтом, выступил с программой создания «своей», негритянской буржуазии и промышленности, основал Национальную негритянскую деловую лигу, Таскиджийский негритянский институт и широко использовал националистическую идеологию в борьбе за влияние на негритянский народ.

Однако наиболее ярко выраженную расово-националистическую окраску имело утопическое и в целом реакционное по своему характеру движение «Назад в Африку», возглавляемое Маркусом Гарви. Движение Гарви началось в 1914 г. на Ямайке, где он организовал «Всемирную ассоциацию по улучшению положения негров». В 1916 г. она обосновалась в США. Сначала эта организация выдвигала радикальные требования об уравнивании негров в правах с белыми американцами, однако постепенно выродилась в орган массовой депортации негров в Африку. Движение Гарви, совпавшее с усиленным переселением негров с Юга на Север в период первой мировой войны и в начале 1920-х годов и с так называемым Гарлемским возрождением в негритянской литературе и искусстве, было целиком пропитано идеями негритянского буржуазного национализма и пользовалось до середины 1920-х годов довольно большой популярностью среди американских негров.

После гражданской войны и реконструкции, и особенно с начала XX в., среди негров заметно усилилось классовое расслоение. Появились негритянские рабочий класс, буржуазия и интеллигенция. Негритянское движение находилось в эти десятилетия под безраздельным руководством идеологов негритянской буржуазии, и преобладающим в этническом самосознании негритянского народа тогда было стремление к выделению в особую этническую общность.

Это обстоятельство как раз и нашло свое отражение в двух относящихся к рассматриваемому периоду высказываниях В. И. Ленина по данному вопросу. В статье «Статистика и социология», написанной в 1917 г., он отметил, что «в Соед. Штатах только 11,1 % населения состав-

<sup>29</sup> B. Gross, The historical development of the Negro people's movement in the United States from 1817 to 1840, New York, 1947, pp. 5, 8.

<sup>30</sup> «A documentary history of the Negro people in the United States», New York, 1951, pp. 326—327.

ляют негры (а также мулаты и индейцы), которых следует отнести к угнетенной нации...»<sup>31</sup>. В написанном им в 1920 г. для Второго конгресса Коминтерна «Первоначальном наброске тезисов по национальному и колониальному вопросам» говорилось о необходимости помощи «всех коммунистических партий революционным движениям в зависимых или неравноправных нациях (например, в Ирландии, среди негров Америки и т. п.) и в колониях»<sup>32</sup>.

Как известно, Ленин нередко употреблял слово «нация» в расширительном смысле, приближающемся к понятиям «народ», «этническая общность»<sup>33</sup>. Тем не менее, учитывая, по-видимому, и приведенные выше высказывания В. И. Ленина, Коммунистическая партия США приняла в 1928 г. и снова в 1930 г. решения, в которых негритянский народ, проживающий в так называемом Черном поясе, был охарактеризован как угнетенная нация, имеющая право на самоопределение, а борьба его против гнета монополий и плантаторов — как борьба в основном национально-освободительная. Вкратце позиция партии по негритянскому вопросу определялась так: «Коммунистическая партия выступает за предоставление негритянскому народу полного экономического, политического, социального и культурного равноправия, включая право на самоопределение в Черном поясе»<sup>34</sup>.

В статье, написанной еще в начале 1916 г., В. И. Ленин указывал, что «право на самоопределение наций означает исключительно право на независимость в политическом смысле, на свободное политическое отделение от угнетающей нации»<sup>35</sup>. Следовательно, лозунг национального самоопределения негров логически вел к требованию негритянской республики в Черном поясе (где негры долгое время составляли большинство населения), и оно было выдвинуто Компартией США в те годы.

Однако начиная с середины 1930-х годов в этническом самосознании американских негров — первое время подспудно, а затем все более заметно — усиливалась и в 1950—1960-х годах вновь стала доминирующей тенденция к интеграции, к слиянию со всей американской нацией. В статье «Замечания по негритянскому вопросу», опубликованной в апреле 1959 г., руководители американских коммунистов У. Фостер и Б. Дэвис связывали это с «мощными демократическими движениями», развернувшимися в США и за их пределами. «Среди этих движений, — писали они, — следует назвать „новый курс“ 1930-х годов, охват профсоюзными около двух миллионов негритянских рабочих, великую международную борьбу против фашизма, завершившуюся победой во второй мировой войне и потрясающим развитием социалистических стран в Восточной Европе в послевоенный период. Эти широкие демократические движения оказали глубокое влияние на негритянский народ, значительно усилив стремление его к интеграции»<sup>36</sup>.

Кроме того, важнейшую роль среди факторов, способствовавших этому, сыграли радикальные изменения в размещении и социальной структуре негритянского населения США за последние несколько десятилетий.

Еще в 1915 г., характеризуя американский Юг как тюрьму для «освобожденных» негров, В. И. Ленин отмечал, что «население бежит из него в другие капиталистические районы и в города...»<sup>37</sup>. Переселение негров с Юга на Север началось еще в последней трети XIX в., но массовый характер оно приняло лишь со времени первой мировой войны,

<sup>31</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 254.

<sup>32</sup> Там же, т. 41, стр. 165.

<sup>33</sup> См. об этом статью В. И. Козлова «О некоторых аспектах национальной проблематики в трудах В. И. Ленина» («Сов. этнография», 1969, № 6, стр. 18).

<sup>34</sup> Цит. по У. З. Фостер, Указ. раб., стр. 603—604.

<sup>35</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 27, стр. 255.

<sup>36</sup> W. Z. Foster and B. J. Davis, Notes on the Negro question, «Political Affairs», April, 1959, p. 41.

<sup>37</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 27, стр. 143, 144.

когда практически прекратилась европейская иммиграция в США, а американской промышленности потребовались миллионы дешевых рабочих рук. И если до наступления общего кризиса капитализма важнейшим источником дешевой рабочей силы для монополий США была иммиграция, то со времени войны 1914—1918 гг. таким источником стала внутренняя миграция негритянского населения из аграрных штатов Черного пояса.

По переписи 1910 г. 89% американских негров проживали на Юге, 10,5% — на Севере и 0,5% — на Западе. При этом, как отмечал В. И. Ленин, «количество негров, не превышающее 0,7—2,2% в населении северных и западных районов, составляет на Юге от 22,6 до 33,7% всего населения»<sup>38</sup>. Он отмечал также, что 77—80% всего негритянского населения южных штатов живет в сельской местности и в своем подавляющем большинстве занимается сельским хозяйством<sup>39</sup>. С 1910 по 1940 г. с Юга на Север и Запад переселилось 1,8 млн. чел.<sup>40</sup> Разумеется, они и здесь обычно выполняли самую тяжелую и низкооплачиваемую работу, но заработная плата за неквалифицированный и малоквалифицированный труд на Севере и Западе была выше, а кроме того, расовая дискриминация и расистский террор не применялись здесь в столь широких и грубых формах и так открыто, как это было на Юге. В годы второй мировой войны и последующие десятилетия бегство негров с Юга приняло невиданные масштабы: насиженные места там покинуло около 4 млн. негров и сейчас уже более половины (53% в 1966 г.)<sup>41</sup> негритянского населения США живет на Севере и Западе. В результате число графств Черного пояса, где негры составляют большинство населения, сократилось с 286 в 1900 г. до 137 в 1960 г.<sup>42</sup>

Еще более разительные изменения произошли в распределении негритянского населения на городское и сельское: в 1910 г. в городах проживали 27,4% американских негров, а в 1965 г. — 75%. По степени урбанизации негры обогнали белых американцев и являются в настоящее время наиболее урбанизированной из крупных этнических групп, составляющих американскую нацию. Сейчас треть всего негритянского населения США сосредоточена в 12 крупнейших городах страны, причем в семи из них негры составляют свыше 30%, а в Вашингтоне даже 66% всех жителей<sup>43</sup>.

В первой трети XX в. негры переселялись главным образом в города северных и западных штатов, и негритянское население этих городов с 1910 по 1966 г. возросло в 11 раз<sup>44</sup>. Но начиная с 1940-х годов массовое переселение негров в города происходит и в пределах самих южных штатов. Начавшаяся в конце XIX в. индустриализация аграрного Юга послужила в годы второй мировой войны и в послевоенный период мощный толчок, и в настоящее время в южных штатах сосредоточена значительная часть военной промышленности США. С ростом военных отраслей было связано расширение и развитие металлургии и энергетики, нефтяной, газовой, алюминиевой, химической, судостроительной, а также легкой промышленности. Юг дает теперь более половины всей продукции горнодобывающей промышленности страны и стал главным поставщиком ядерного горючего. Монополистов привлекают тут сравнительная

<sup>38</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 27, стр. 141.

<sup>39</sup> Там же, стр. 144.

<sup>40</sup> См. Э. Л. Нитобург, Сабурбанизация и негритянские гетто в США, «Сов. этнография», 1968, № 5, стр. 65.

<sup>41</sup> «Newsweek», 10/XI 1967, p. 18; «United States news and World report», 10/VI 1968, p. 62.

<sup>42</sup> Э. Л. Нитобург, Об изменениях в размещении и социальной структуре негритянского населения США, М., 1964, стр. 6.

<sup>43</sup> «Report of the National Advisory Commission on Civil Disorders», New York, 1968, p. 243.

<sup>44</sup> Там же.

дешевизна рабочих рук и более слабая организованность пролетариата<sup>45</sup>. Образование в Бирмингеме и других районах Черного пояса мощного промышленного пролетариата подняло борьбу негритянского населения в южных штатах на качественно новую ступень, о чем ярко свидетельствуют бирмингемские события весны 1963 г., когда негры во главе с М. Л. Кингом выступили с массовыми протестами против расовой дискриминации и сегрегации, или знаменитая стачка коммунальных рабочих Мемфиса весной 1968 г.

Массовое перемещение негров в города привело к коренному изменению социальной и профессиональной структуры негритянского населения. Ушли в прошлое времена, когда большинство американских негров работало на плантациях и фермах. В настоящее время в сельском хозяйстве занято лишь 6% всех работающих негров (причем лишь четвертая часть их, или всего 1,5%, — владельцы ферм и арендаторы, остальные — сельскохозяйственные рабочие). Буржуазия составляет не больше 3—5%, а остальные негры — это трудящиеся<sup>46</sup>. Девять десятых самостоятельного негритянского населения относятся к рабочему классу в широком смысле этого слова. Две трети его — промышленные, строительные, транспортные рабочие. К ним примыкают и другие отряды современного рабочего класса: сельскохозяйственный пролетариат, работники сферы обслуживания и торговли, конторские работники.

С изменением классового состава негритянского населения изменилась и основная форма его эксплуатации, а следовательно, изменился и сам характер негритянской проблемы в США. Плантационная система и связанная с ней форма эксплуатации негров — сначала рабов, а позже издольщиков — долгое время составляла главную экономическую основу и главную форму угнетения негров. В настоящее время подавляющее большинство их не издольщики, арендаторы и сельскохозяйственные рабочие, а рабочие фабрик, заводов, шахт, строек, эксплуатируемые монополиями. Из населения, главным образом крестьянского по своему составу, американские негры превратились в наиболее пролетарскую из основных этнических групп США. На смену изолированному от городской жизни, забитому и приниженному сельскому населению, гнувшему спину на плантаторов, приходит быстро растущий негритянский рабочий класс.

Массовое переселение негров с Юга на Север и Запад заметно изменило «географию» негритянской проблемы, привело к превращению ее из региональной — «южной» — в общенациональную проблему; а превращение большинства негров в городских пролетариев способствовало не только заметному росту их классового самосознания, изменению их экономических и политических требований, но и сдвигам в их этническом самосознании. Недавним переселенцам пришлось резко менять свой образ жизни и приспосабливаться к темпу и другим характерным чертам жизни современного большого города. Постоянное общение на работе и в быту с людьми различного этнического происхождения, нередко членство в одном профсоюзе, совместное участие в производственном процессе и борьбе за лучшие условия труда, чувство классовой солидарности, а также совместное с белыми американцами участие в борьбе за гражданские права — все это не могло не способствовать изменениям в психологии и поведении большинства американских негров, а в конечном счете и стремлению при определенных условиях к интеграции в американское общество.

Для марксистско-ленинской науки характерен конкретно-исторический подход к анализу всякого явления. Такой подход тем более необходим при рассмотрении столь сложного и к тому же имеющего в разных

<sup>45</sup> См. сб. «Против расизма», М., 1966, стр. 52—56.

<sup>46</sup> «Statistical abstract of the United States, 1967», Washington, 1967, p. 231.

странах различные аспекты социального явления, как национальный вопрос. Именно поэтому при постановке его В. И. Ленин всегда требовал учитывать, «каковы конкретные особенности национального вопроса и национальных движений данной страны в данную эпоху?»<sup>47</sup>. «...Никуда не годится абстрактная постановка вопроса о национализме вообще», — писал он в декабре 1922 г.<sup>48</sup>

Массовая урбанизация негритянского населения и фундаментальное изменение его классовой структуры показали, что характер негритянского вопроса изменился и назрела необходимость нового подхода к его решению. Перед американскими коммунистами встал вопрос — можно ли говорить о развитии особой негритянской нации в Черном поясе и на этом основании настаивать на выдвижение лозунга о праве ее на самоопределение, как это казалось правильным 40—50 лет назад? Дискуссия по этому вопросу началась в 1954 г. Состоявшийся в феврале 1957 г. XVI съезд Компартии США отметил, что при анализе негритянского вопроса необходимо исходить из «изменившихся условий сегодняшнего дня» и преодолеть «концепции, причинившие вред борьбе партии за свободу негритянского народа»<sup>49</sup>.

В ходе продолжавшейся после съезда дискуссии и выработки новой программы отмечалось, что партией были допущены в прошлом теоретические и тактические ошибки (например, представление о том, что лозунг самоопределения для негритянского народа США означает требование создания негритянской республики в Черном поясе; отрицание существенной роли расового аспекта негритянского вопроса; недооценка его классового аспекта и т. д.). В частности У. Фостер и Б. Дэвис подчеркивали необходимость всегда иметь в виду и правильно учитывать все три основных элемента негритянского вопроса в США: расовый, национальный и классовый. «Это особенно важно, — писали они, — в связи с постоянно меняющейся ролью этих трех элементов в борьбе негритянского народа. Мы должны всегда сознавать, что борьба негритянского народа и его положение вообще не находятся в статическом состоянии, но постоянно изменяют свой характер в связи с быстрыми и радикальными изменениями в обстановке, в которой живет негритянский народ»<sup>50</sup>.

Дискуссия помогла Национальному комитету Компартии США подготовить проект резолюции по негритянскому вопросу, послуживший основой для принятой на XVII съезде партии (декабрь 1959 г.) резолюции, в которой, по существу, была кратко изложена новая программа американских коммунистов по негритянскому вопросу. Негритянский народ рассматривается в этом документе как «наиболее угнетаемая и эксплуатируемая группа среди всех народов, составляющих американскую нацию». Но, говорится там, «хотя негры и являются особенно угнетаемой частью населения, они в Соединенных Штатах тем не менее не составляют отдельной нации. Негры обладают характерными чертами, позволяющими считать их отличающимся в расовом отношении народом или национальностью, составной частью американской нации, которая сама представляет собой исторически сложившуюся национальную формацию, смесь национальностей, в той или иной степени отличающихся друг от друга»<sup>51</sup>.

<sup>47</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 25, стр. 265.

<sup>48</sup> Там же, т. 45, стр. 358.

<sup>49</sup> «Proceedings (abridged) of the 16th National Convention of the Communist Party, U. S. A. February 9—12, 1957», New York, 1957, p. 296—297.

<sup>50</sup> «Political Affairs», April, 1959, p. 37; о дискуссии, см. сб. «Современная американская этнография», М., 1963, стр. 172—174.

<sup>51</sup> «The Negro question in the United States. Resolution adopted by the 17-th National Convention of the Communist Party, U. S. A. Together with the address to the Convention by Claude Lightfoot», New York, 1960, p. 2.

В то же время в программе подчеркивалось, что хотя негры США не составляют нации, это не означает, что негритянский вопрос здесь не является национальным, ибо национальный вопрос существует в самых разнообразных формах и имеет различные стороны.

В прошлом коммунисты США ошибочно сводили его к проблеме нации. Между тем к нему относятся и вопросы народности и вообще национальных меньшинств, национальных и этнических групп, национально-общинных (религиозных) групп и т. д. Поскольку негры в США не являются нацией, XVII съезд Компартии снял лозунг о самоопределении негритянского народа на Юге и создании там негритянской республики, заменив его требованием о «возможно более быстром и полном предоставлении негритянскому народу подлинно равного экономического, политического и социального положения со всеми другими американскими гражданами»<sup>52</sup>.

В связи с тем, что правильная оценка теоретического и прежде всего национального аспекта негритянского вопроса имеет важнейшее значение для практической борьбы за его демократическое решение, в программе уделялось большое внимание также вопросам стратегии и тактики негритянского движения, союза его с рабочим движением, единства белых и черных трудящихся, роли негров-фермеров, буржуазии и интеллигенции в негритянском движении, его международному аспекту и т. д.<sup>53</sup>

Важное место занял негритянский вопрос в работе XVIII съезда Компартии США (июнь 1966 г.), отметившего, что движению за гражданские права стали присущи новые методы, более разнообразные организационные формы, а также создание союзов с различными слоями белого населения. На съезде подчеркивалось, что ключом к победе в борьбе за экономическое и политическое равенство негров является союз рабочего движения и негритянского движения<sup>54</sup>.

В докладе на XIX съезде Компартии США, состоявшемся в мае 1969 г. Гэс Холл, отметил, что угнетение негритянского народа по-прежнему носит трехсторонний — расовый, национальный и классовый характер, проанализировал борьбу негров против каждого из этих видов угнетения и подчеркнул, что акцент на тот или иной из них может в разное время меняться, но борьба будет продолжаться. Он сказал также, что «вопрос о полном праве угнетенного народа на определение своей судьбы не связан с тем, считают ли афро-американскую общность особой нацией или угнетенным в расовом отношении национальным меньшинством...»<sup>55</sup>.

В резолюции, принятой съездом по вопросу о самоопределении, говорится: «Хотя негритянский народ сейчас и не является нацией, мы не ставим каких-либо ограничений дальнейшему развитию национальной борьбы негритянского народа за осуществление его чаяний, включая право на развитие самоуправления и осуществление права на самоопределение»<sup>56</sup>.

Таким образом, американские коммунисты исходят из того, что хотя в последние десятилетия преобладающей в этническом самосознании негров является тенденция к интеграции, т. е. к полному слиянию со всей американской нацией, до тех пор, пока в США существует расовое угнетение негров, у определенной части их имеется и может сохраняться стремление к национальному обособлению, проявляющееся в различных формах негритянского сепаратизма и национализма.

<sup>52</sup> Там же, стр. 16.

<sup>53</sup> Подробно об этом см. Э. Л. Нитобург, О негритянском вопросе в США, «Новая и новейшая история», 1963, № 5, стр. 49—55.

<sup>54</sup> «Worker», 26, 28/VI, 1966; «New Program of the Communist Party USA (A draft)», New York, 1966, p. 58—67.

<sup>55</sup> G. Hall, On course. The revolutionary process, New York, 1969, p. 60.

<sup>56</sup> Цит. по: «Daily World», 6/V 1969; «Political Affairs», July, 1969, p. 8.

В частности, в начале 1960-х годов на волне невиданного со времени гражданской войны и реконструкции подъема массового негритянского движения вновь активизировались, значительно увеличив свои ряды и популярность, сепаратистские и националистические по своему характеру негритянские организации типа «черных мусульман» и др. А в самые последние годы усиление расистского террора и репрессий со стороны полиции привело к росту националистических настроений даже в такой негритянской молодежной организации, как Студенческий координационный комитет ненасильственных действий, ранее безоговорочно выступавшей за интеграцию.

Негритянское движение в США переживает сейчас сложный переломный момент: усиливается размежевание между различными социальными слоями, участвующими в нем, в некоторых негритянских массовых организациях происходит пересмотр тактики и перестройка их структуры, меняются лидеры. То обстоятельство, что негритянский вопрос в США является не только расовым и классовым, но и национальным, как раз и объясняет, почему различия классовых взглядов выступают в негритянском движении в виде разногласий именно по национальному вопросу.

Борьба американских негров за свои права продолжается. Она пользуется поддержкой прогрессивных сил в США и во всем мире. Становится все более очевидным, что победа негритянского народа в этой вековой борьбе за гражданские права возможна. Правда, это еще не значит, что тем самым негритянский вопрос в США будет полностью решен. Как всякий национальный вопрос, окончательно он может быть решен только при социализме<sup>57</sup>. Но, уничтожив уже в рамках капиталистического строя сегрегацию и дискриминацию негров, такая победа создаст основу для более высокого единства рабочего класса и проложит путь к радикальному преобразованию всего американского общества.

## LENIN ON THE NEGRO PROBLEM IN THE UNITED STATES

The author begins by citing V. I. Lenin's views about the character of the 1861—1865 Civil War, its importance and main results and consequences for the subsequent evolution of the American South (including that of the agrarian relations there) and particularly for the destinies of the United States Negro population.

The second part of the article is devoted to the national aspect of the Negro problem in the light of some views expressed by Lenin on this problem. Certain specific factors in American Negro history are characterized which hindered their assimilation with the American nation. It is noted among other things that in the course of the evolution of the American Negroes' ethnic self-consciousness their urge towards full integration in American society was at certain historical periods counteracted by an aspiration towards the formation of a separate Negro ethnic community.

Lastly comes an analysis of certain factors influencing that striving towards integration which has been dominant in recent decades. The present-day position of American Marxists on this problem is set forth.

---

<sup>57</sup> См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 22; т. 38; стр. 94, 111.

**Л. Е. Куббель**

**ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ  
СТРАН АФРИКИ В СВЕТЕ ЛЕНИНСКОГО УЧЕНИЯ  
О КУЛЬТУРНОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ**

В учении В. И. Ленина о культурной революции как важнейшей составной части революционного преобразования общества видное место занимает проблема преемственности в развитии культуры и связанная с нею необходимость определить и последовательно проводить в жизнь правильную политику в отношении культурного наследия. Успехи культурного строительства в нашей стране в решающей степени объясняются тем, что культурная политика Советского государства строилась на строго научных основах, выработанных в трудах его основателя. Понятен поэтому тот интерес, который проявляют к марксистско-ленинской концепции освоения культурного наследия советские исследователи и ученые других стран социалистического содружества<sup>1</sup>.

Большинство авторов обычно трактует хорошо известное указание Ленина относительно возможности и необходимости параллельного осуществления социально-экономической и культурной революции, содержащееся в его работе «О нашей революции»<sup>2</sup>, как свидетельство глубокой веры в творческие силы победивших народных масс, что, конечно, справедливо. Но ленинская мысль диалектична: наряду с уверенностью в созидательных возможностях революционного народа, она включает и не менее важную посылку — признание необходимости создания качественно нового уровня культуры всего народа как обязательного условия успешного решения социально-экономических задач революции.

Известно, что непрременной предпосылкой для достижения такого уровня, для создания новой культуры, культуры социалистической, В. И. Ленин считал всемерное использование всех культурных богатств, созданных человечеством. «Нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство», — писал он<sup>3</sup>. В. И. Ленин настойчиво подчеркивал, что культура, созданная в рамках эксплуататорских обществ, может и должна быть превращена в орудие социалистического строительства, и призывал «...превратить всю сумму накопленного капитализмом богатейшего, исторически неизбежно-необходимого для нас запаса культуры и знаний и техники — превратить все это из орудия капитализма в орудие социализма»<sup>4</sup>. Обращаясь к делегатам III Съезда

<sup>1</sup> См., например: Э. А. Баллер, Культурное развитие и коммунизм, М., 1968; его же, Преемственность в развитии культуры, М., 1969; В. В. Горбунов, Ленин и проблема преемственности в процессе формирования социалистической культуры, «Вопросы истории», 1969, № 8; F. Staufienbiel, Kultur heute für morgen. Theoretische Probleme unserer Kultur und ihre Beziehung zur technischen Revolution, Berlin, 1966; E. John, Probleme der Kultur und der Kulturarbeit, Berlin, 1967.

<sup>2</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 45, стр. 382.

<sup>3</sup> Там же, т. 38, стр. 55.

<sup>4</sup> Там же, т. 36, стр. 382.

комсомола, он специально разъяснял, что необходимую для построения нового общества культуру можно взять только из культурного наследия, что невозможно пытаться строить социалистическую культуру на голом месте: «Социалистическая культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества»<sup>5</sup>.

Опыт исторического развития человечества за последние десятилетия дает убедительные подтверждения всеобщности и действенности ленинской теории культурного строительства. Интересную составную часть этого опыта составляет история культурного развития независимых стран африканского континента. В данном случае имеются определенные элементы сходства между культурной революцией в нашей стране и культурным строительством в африканских государствах, поскольку, в принципе, культурное строительство в странах африканского континента объективно призвано, хотя и на иной базе и в совершенно иной международной обстановке, решать общедемократические задачи, близкие к тем, которые решала культурная революция в нашей стране.

Перед независимыми государствами Африки, которым приходится в кратчайшие исторические сроки преодолевать разрыв между ними и развитыми странами мира, проблема освоения и использования культурного наследия, его творческой переработки, стояла и стоит с особенной остротой. Однако в африканских условиях проблема эта приобретает и некоторые специфические черты, обусловленные особенностями исторического развития континента. Здесь нет ничего неожиданного или удивительного: в той же работе «О нашей революции» Ленин предупреждал и о том, что «...при общей закономерности развития во всей всемирной истории несколько не исключаются, а, напротив, предполагаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития»<sup>6</sup>.

Специфика современной Африки и ее культурного развития достаточно многообразна и не может быть сколько-нибудь полно рассмотрена в рамках одной статьи. Я ограничусь лишь одним ее аспектом, именно — вопросом о соотношении традиционной культуры африканских народов и тех новых явлений и форм культуры, которые все расширяющимся потоком проникают в наши дни на континент.

Культура африканских народов составляет неотъемлемую часть культурного наследия всего человечества, важную составную часть мировой культуры. В своеобразной, очень часто непривычной для европейского наблюдателя внешней форме традиционная духовная культура всегда отражала, в конечном счете, то же самое стремление человека, как существа социального, к познанию, осмыслению и освоению окружающего мира, к выражению своего миропонимания в художественных образах, что и классическая культура народов иных континентов. Общечеловеческая ценность культуры народов Африки заключена как раз в том, что в ней запечатлен, чаще всего в художественных образах, исторический опыт значительной части человечества. Именно поэтому вопрос о соотношении традиционного и современного в культуре стран африканского континента, или, говоря более широко, проблема модернизации в этих культурах неразрывно связаны с проблемой соотношения национального и интернационального в складывающихся новых культурах стран Африки.

С другой стороны, вопрос о соотношении национального и интернационального неотделим от вопроса о характере, формах и пределах восприятия и освоения, часто — в преобразованном виде, культурных цен-

<sup>5</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 304—305.

<sup>6</sup> Там же, т. 45, стр. 379.

ностей, созданных в рамках иных культур, чем традиционные культуры Африки, т. е. процесса, который возможно, мне кажется, назвать «культурной рецепцией».

Сама по себе проблема культурной рецепции не нова для африканистики. Хорошо известно, что контакты африканских народов и созданных ими культур с внешним миром начались еще в глубочайшей древности. Несомненно и то, что такие контакты носили по меньшей мере двусторонний характер, поскольку исторической науке неизвестны случаи абсолютно изолированного развития какой-либо человеческой общности<sup>7</sup>. С этой точки зрения не выдерживает серьезной научной критики теория о якобы самодовлеющем характере африканских культур древности, преимущественно — в их древнеегипетском варианте. Согласно этой теории, впервые выдвинутой английскими учеными Э. Смитом и Н. Перри еще в 1923 г.<sup>8</sup>, но последовательнее всего изложенной в серии исследований сенегальского историка Ш. А. Диопа, древнеегипетская культура (Диоп особо подчеркивает ее, по его мнению, чисто негрские происхождение и характер) будто бы лишь оказывала на культуры окружающих Египет народов благотворное воздействие, но сама при этом не испытывала никаких ощутимых влияний с их стороны<sup>9</sup>. По логике таких теоретических построений при их экстраполяции на большую часть Тропической Африки, культуры этого региона практически не воспринимали никаких элементов чужеродного характера вплоть до массовой европейской колонизации, т. е., по существу, до рубежа XIX и XX вв. Исключение, да и то с существенными оговорками, делается только для ислама, влияние которого во многих районах континента к югу от Сахары было бы просто слишком трудно отрицать.

Но при всей своей теоретической несостоятельности охарактеризованная выше точка зрения, тем не менее, отражает в искаженном виде тот объективный исторический факт, что воздействие, которое культура высокоразвитых капиталистических стран Европы оказала и продолжает оказывать на традиционные культуры африканского континента, настолько превосходит и по интенсивности, и по социально-экономическим последствиям те влияния, какие африканские культуры воспринимали до империалистического раздела Африки, что нынешние культурные контакты можно считать качественно новым явлением в сравнении с теми, которые имелись до этого времени. Качественно иной характер культурных контактов в наше время подчеркивается еще и тем важнейшим фактом, что после окончания второй мировой войны в Африке неизмеримо возросло влияние культуры стран мировой социалистической системы.

Разрушительное воздействие, оказанное колониализмом и его культурной политикой на традиционные культуры африканских обществ, — явление общеизвестное. Но вместе с тем мы не можем забывать важнейшее методологическое указание Ленина — его тезис о невозможности полной ликвидации культуры: «Каковы бы ни были разрушения культуры, ее вычеркнуть из исторической жизни нельзя, ее трудно будет возобновить, но никогда никакое разрушение не доведет до того, чтобы эта культура исчезла совершенно»<sup>10</sup>. Невозможность уничтожить культуру логически вытекает из невозможности уничтожить «материальные основания культуры», которым Ленин придавал столь важное значение, т. е. прежде всего — экономическую структуру общества<sup>11</sup>.

<sup>7</sup> Эта проблема специально рассмотрена С. Н. Артановским, см.: С. Н. Артановский, Историческое единство человечества и проблема взаимодействия культур, Л., 1967.

<sup>8</sup> G. Elliot Smith and N. E. Perry, *The Children of the Sun*, London, 1923.

<sup>9</sup> Подробнее о концепции Диопа см.: Л. Е. Куббель, Доколониальная Африка в трудах Ш. А. Диопа, «Сов. этнография», 1969, № 4.

<sup>10</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 36, стр. 46.

<sup>11</sup> Там же, т. I, стр. 255—256.

Реальная африканская действительность убедительно подтверждает актуальность этих ленинских положений. Специфика исторического развития Африки заключается не в последнюю очередь в сохранении двух важнейших типов экономики, свойственных колониальному обществу (при этом следует иметь в виду, что достижение политической независимости вовсе не означает автоматической и немедленной ликвидации такого общества). Один из них представляет товарную экономику, тесно связанную с мировой системой капиталистического хозяйства, второй — экономику традиционную, т. е. натуральную и очень часто функционирующую в рамках простого воспроизводства (то, что французские авторы называют *économie de subsistance*), которая и в наши дни служит основой существования подавляющего большинства населения Тропической Африки. Соответственно, существование двух главных типов хозяйства означает существование «материальных оснований» двух разных типов культуры, хотя, конечно, новые ее формы оказывают все возрастающее давление на традиционные. Этим и объясняется в огромной мере устойчивость традиционной культуры.

Происходящие сейчас в среде африканской интеллигенции жаркие споры о месте традиционной культуры в африканской «неокультуре» (выражение, принадлежащее видному вольтийскому историку Ж. Ки-Зербо<sup>12</sup>) достаточно ясно свидетельствуют как о том, что культура традиционная остается еще живой реальностью сегодняшней Африки, так и о стремлении к сохранению ее лучших достижений. Но вместе с тем некоторые представители интеллигенции африканских стран, отдавая должное традиционным формам культуры, одновременно с известной тревогой отмечают, что их исключительная устойчивость в немалой степени затрудняет модернизацию культуры, так как традиция консервативна, а заключенная в ней полезная социальная информация по необходимости ограничена уже пережитым историческим опытом<sup>13</sup>.

Таким образом, в сегодняшней Африке, как, впрочем, и везде, культурная рецепция может рассматриваться лишь в диалектическом единстве с культурной преемственностью. Но в то же самое время понятие культурной рецепции в Тропической Африке наших дней было бы неверно, на мой взгляд, сводить к восприятию тех или иных элементов и форм культуры только высокоразвитых стран мира. Этот процесс имеет и вторую сторону — внутриафриканскую.

Преобладающей тенденцией в культурном развитии государств африканского континента является сейчас, по-видимому, сложение национальных культур. Однако в африканских условиях содержание этого понятия существенно отличается от того, к какому мы привыкли в применении к культурам других частей света — можно даже считать его в определенной мере условным. На большей части территории Тропической Африки в настоящее время еще не сложились нации в марксистском понимании этого слова; то, что африканские политические и общественные деятели именуют нациями — это скорее особый тип исторической общности людей, обусловленный заданными (и искусственными) государственно-политическими границами. Неизбежным следствием искусственного характера этих границ оказывается большая

<sup>12</sup> J. Ki-Zerbo, *Positions et propositions pour la néo-culture africaine*, Alger, juillet 1969. Выражение «неоафриканская культура» впервые употребил Я. Ян в 1958 г. (см.: J. Jahn, Muntu, *Umriss einer neoafrikanischen Kultur*, Köln-Düsseldorf, 1958). Советские авторы подвергли концепцию Яна серьезной критике, но нужно признать, что он впервые систематизировал некоторые главные идеи и посылы, которые сейчас довольно широко используются в трудах теоретиков культурного национализма.

<sup>13</sup> Ср., например, выступление тунисского писателя А. Мемми на I Панафриканском фестивале культуры (A. Memmi, *Culture et tradition*, Alger, juillet 1969, p. 9). Аргументация Мемми близка к точке зрения советского ученого Б. С. Ерасова (см.: Б. С. Ерасов, «Мифы и тотемы» или реальное единство?, «Вопросы философии», 1969, № 3, стр. 91—92).

пестрота этнического состава населения внутри них<sup>14</sup>. Естественно, что правительства и правящие партии в африканских странах заинтересованы в максимально более быстром сплочении этого населения в единое целое. Одним из важнейших средств такого сплочения становится культура, которая при современных массовых коммуникационных средствах предоставляет огромные возможности воздействия на массы в желаемом направлении. Вполне отдавая себе в этом отчет, африканские лидеры стремятся по возможности способствовать сложению новой единой культуры, которая выполняла бы функции культуры национальной, и в этом они пользуются поддержкой основной части интеллигенции своих стран. Таким образом, национальная культура складывается в большинстве стран континента параллельно с формированием наций, а во многих случаях и опережает этот процесс. Причем характерной особенностью таких культур оказывается то, что они отражают не психический склад нации (которая еще не сложилась), а прежде всего — государственную идеологию, точнее — ее интеграционную тенденцию.

В формировании этих новых культур, которые можно условно обозначить как национальные, участвуют два главных компонента: с одной стороны, это заимствования из культуры индустриально-развитых стран; с другой — использование элементов традиционных культур тех различных этнических общностей, из которых складываются молодые нации. Преемственный характер африканской «составляющей» этого процесса бесспорен. Однако характер преемственности здесь иной, чем это было в Европе и в большей части азиатских стран. Она выражается не столько в развитии культурной традиции этноса по европейскому образцу, сколько в отборе — сознательном и бессознательном, — элементов традиционных культур тех отдельных этнических групп, из которых складывается нация. При этом надо учитывать, что эти группы и их культуры отличаются двумя особенностями, которые совершенно неприемлемы для культуры национальной — дробностью и замкнутостью, тогда как национальная культура по необходимости носит массовый характер и широко открыта внешним влияниям. Поэтому восприятие тех или иных элементов традиционных культур формирующейся национальной культурой можно считать более близким к рецепции, нежели к развитию национальной культурной традиции. Однако социально-политический смысл культурной рецепции в применении к африканскому и неафриканскому материалу очень различен.

Объективная необходимость модернизации всех сторон жизни современных обществ африканского континента ведет к тому, что заимствования из культуры высокоразвитых стран мира (то, что часто определяют как заимствование элементов индустриальной цивилизации) более или менее однозначно воспринимаются в сегодняшней Африке как неизбежность. Это особенно относится к заимствованиям в сфере точных и естественных наук и промышленной технологии. Сложнее обстоит дело с заимствованиями в области политико-идеологической, где любой заимствуемый элемент всегда классово детерминирован, причем двусторонне: и своим происхождением, и социальной позицией рецептора. Именно здесь острее всего проявляется идеологическая борьба между двумя мировыми системами на африканском континенте. Но и в этом случае речь идет все же о попытках преломления в африканской реальности понятий и категорий, выработанных в совершенно иных исторических условиях, независимо от того, о социалистической или буржуазной идеологии идет речь (как раз механическим перенесением этих категорий в африканские условия и объясняется в основном эклектический ха-

<sup>14</sup> Общий обзор тенденций этнического развития в Африке см.: Б. В. Андрианов, Проблемы формирования народностей и наций в странах Африки, «Вопросы истории», 1967, № 9.

рактёр большинства современных африканских политико-идеологических концепций, в первую очередь всех разновидностей «африканского социализма»).

Иначе обстоит дело с использованием элементов традиционных африканских культур<sup>15</sup>. В условиях Африки «реабилитация» этого наследия служит одним из главных средств формирования национального самосознания у населения молодых государств. Это в очень яркой форме выразил, например, один из виднейших представителей африканской революционной демократии, бывший Президент Республики Мали Модибо Кейта: «Нашей первоочередной целью должно быть признание существования нашей собственной культуры, восстановление ее ценностей, утверждение нашей личности, нашей самобытности»<sup>16</sup>. Решение вопроса осложнено еще и тем, что одновременно приходится решать проблему сохранения и приумножения тех общечеловеческих ценностей, которые создали и продолжают создавать, несмотря на огромные изменения, быстро протекающие в культурной жизни континента, люди, живущие еще в условиях сохраняющихся форм традиционной культуры. Проблема «отбора» традиций, решения — что сохранить, а что отбросить в них, — оказывается поэтому исключительно актуальной.

Не случайно революционно-демократическое крыло африканской интеллигенции, обосновывая свою позицию при таком отборе, нередко ссылается на В. И. Ленина. Так, гвинейская делегация на I Панафриканском фестивале культуры в Алжире в июле 1969 г., подчеркивая, что культурная революция отнюдь не означает огульного отрицания прошлой культуры, приводила в подтверждение ленинские слова: «Не голое отрицание... а отрицание, как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного, т. е. без всяких колебаний, без всякой эклектики» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 207)<sup>17</sup>.

Теоретическое решение данной проблемы как будто вполне очевидно: подлинно современная и подлинно демократическая новая африканская культура может родиться лишь на базе творческого осмысления и переработки как лучших достижений традиционных культур, так и вновь заимствуемых форм и явлений культуры. Сложившаяся на такой двойной основе культура в тем большей степени осознавала бы себя частью общемировой культуры человечества, что современные коммуникационные средства обеспечивают невиданные ранее возможности взаимодействия культур разных народов и регионов земного шара.

Но существование правильного теоретического решения, основанного в значительной мере на советском опыте и признаваемого сейчас и некоторыми видными африканскими теоретиками<sup>18</sup>, ни в коей мере не снимает резкие противоречия между авторами, которые представляют разные направления африканского культуроведения, как не спасает и отдельных из них от попыток провозгласить таким решением теорию «синтеза культур» — хороший образец той самой эклектики, от которой предостерегал Ленин. Обострение споров по этому предмету следует, очевидно, рассматривать, как отражение обостряющейся социально-политической дифференциации в независимых африканских государствах. В исторической обстановке 60-х гг. XX вв. выбор социально-экономической ориентации той или иной страной в конечном счете определяет культурную политику ее правящих кругов, включая и попытки отбора тех или иных элементов как традиционных культур, так и заимствуемых

<sup>15</sup> См.: «Tradition et modernisme en Afrique Noire», Paris, 1965.

<sup>16</sup> M. Keita, VI-e Semaine Nationale de la Jeunesse, Discours de clôture, le 16 juillet 1967, Bamako, 1967, p. 15.

<sup>17</sup> «La culture africaine, Intervention de la délégation guinéenne», Alger, le 25 juillet 1969, p. 24.

<sup>18</sup> См., например: «Allocution prononcée par le Président L. S. Senghor à l'ouverture de la II-e session du Congrès International des Africanistes», «Dakar—Matin», 12.XII.1967, p. 4.

вне Африки, для их использования в целях культурной модернизации. И в этом процессе своеобразно проявляется ленинское положение о существовании внутри культуры любого общества с антагонистическими классами двух культур — культур, классово детерминированных и неразрывно связанных с определенными социальными группами данного общества<sup>19</sup>.

По мере того, как действительность все более отдалялась от радужных прогнозов кануна независимости, все яснее намечалось и расслоение в некогда более или менее едином потоке культурных теорий, выдвигавшихся идеологами национально-освободительного движения. Одним из немаловажных проявлений этого расслоения стала дифференциация отношения африканской интеллигенции и правящих кругов африканских государств к традиционным культурам. Известный французский африканист Ж. Баландые дал в своей последней книге подробную типологию главных видов культурной ориентации в современной Африке, включающую достаточно широкий спектр отношения к традиционной культуре: от попыток полной ее консервации до стремления использовать традиционные формы культурной жизни для выражения совершенно новых явлений в общественно-политическом развитии стран континента<sup>20</sup>. Типология, предложенная советским исследователем Б. С. Ерасовым, в общем отражает примерно те же типы социально-культурной ориентации. Однако в ней вводится и весьма существенный дополнительный элемент в сравнении с предложенными Баландые: в самостоятельный тип выделяется отношение к традиционной культуре левого крыла африканской интеллигенции — революционных демократов<sup>21</sup>. Это дополнение важно потому, что, как показывает анализ различных теорий культуры, выдвигаемых в наши дни африканскими авторами, единственно реальную перспективу создания действительно массовой, действительно демократической культуры, благами которой могли бы пользоваться широкие народные массы, открывают в настоящее время позиции представителей революционно-демократического крыла интеллигенции.

Здесь, однако, нужно сказать, что в дискуссиях о путях освоения наследия — безразлично, мировой культуры или традиционных культур, — о том, что из этого наследия брать, а что отбрасывать, стремясь определить субъективную культурно-идеологическую ориентацию, нередко забывают об объективной стороне дела: о том, что процесс культурной рецепции, как внешней, так и внутриафриканской, идет непрерывно и в основном стихийно. При этом неизмеримо возросшие по сравнению с доколониальным периодом истории Африки коммуникационные возможности резко интенсифицируют этот процесс, так что достаточно исправно действовавший в традиционном обществе механизм, обеспечивавший избирательность заимствования (тоже стихийную) уже не может справиться с колоссально возросшими нагрузками. И если с этой точки зрения рассматривать культурное развитие современной Африки, то сразу же становится очевидным, что африканские деятели культуры, вне зависимости от их намерений и убеждений, вовсе не так свободны в выборе социально-культурной ориентации, как может показаться по их теоретическим работам. И дело не только в классовой обусловленности позиций, хотя это важнейший фактор, но и в том, что, как писал в 1872 г. Ф. Энгельс, «всякая социальная революция должна будет брать вещи такими, какими она их найдет, и бороться с наиболее вопиющим

<sup>19</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 24, стр. 120—121.

<sup>20</sup> G. Balandier, *Anthropologie politique*, Paris, 1967, pp. 203—208.

<sup>21</sup> Б. С. Ерасов, Тенденции развития африканской культуры. Доклад на Всесоюзной конференции африканистов, М., 1969; B. S. Erassov, *Ideological challenge in Africa and cultural tradition*, Moscow, 1967 (II International Congress of Africanists, Papers presented by the Delegation of the USSR).

злом при помощи имеющихся налицо средств»<sup>22</sup>. Иначе говоря, в данном случае мы имеем дело с проявлением диалектики таких категорий, как преемственность и наследование культуры<sup>23</sup>. В этих условиях речь может идти о выборе политическим руководством не столько общей культурной ориентации, сколько путей ускорения ее реализации в случае развития в желательном направлении или притормаживания — в противном случае.

Среди проблем, возникающих при решении задачи модернизации африканских культур, заслуживает внимания такая, как качественно иной характер культурного творчества в современной Африке в сравнении с Африкой традиционной. Речь идет не только о том, что совершенно несопоставим кругозор человека традиционного общества и современного интеллигента. И не о том, что в результате массового проникновения в страны Африки новых форм культуры — таких, как пресса, радиовещание, кино, телевидение, профессиональный театр, — проникновения, особенно усилившегося со времени достижения независимости, на африканскую аудиторию обрушивается огромное количество информации о культурной жизни других континентов. Бесспорно, эти условия исключительно важны. Но нельзя забывать и о том, что молодая африканская интеллигенция, на чьи плечи ложится главная тяжесть культурного строительства, получила и продолжает в большинстве своем получать образование и воспитание, выработанные в рамках совершенно иного исторического опыта, резко отличного от того, который при всех своих вариациях представляла традиционная культура. И одной из особенностей, отличающих новую культуру от традиционной, служит то, что культурное творчество в наши дни и в условиях современного высокоразвитого общества непременно индивидуализировано. Конечно, развитие творческого процесса носит диалектический характер. Хорошо известно, например, что в массовых видах культуры — таких, как прежде всего, пресса, кинематография, — труд творческих работников порой оказывается разновидностью труда индустриального: специализация и кооперационная расчлененность в известной мере его обезличивают. Но даже это не может до конца ликвидировать индивидуализацию творческого процесса<sup>24</sup>. Последнее в особенности относится к художественной интеллигенции, в частности — к литераторам и художникам. Но социально-психологический аспект современного художественного творчества, осознание самим художником своей социальной роли существенно отличны от представлений традиционного общества. Социально-психологические установки, свойственные членам последнего, в значительной мере исключают возможность аналитического и, тем более, критического отношения к традиционным формам социальной действительности, без чего нельзя представить художника в современном обществе.

Африканские авторы, рассматривая традиционное общество, как правило, настойчиво подчеркивают будто бы присущий ему изначально «социалистический», гуманистический характер, представление о человеке как основе всех ценностей, признаваемых обществом за таковые. Подобные взгляды высказывают люди, занимающие очень разные политические позиции<sup>25</sup>.

<sup>22</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 18, стр. 239.

<sup>23</sup> См., например: Э. А. Баллер, Преемственность в развитии культуры, стр. 60—70.

<sup>24</sup> Об этом см., например: R. L. Brown, The creative process in the popular arts, «International Social Science Journal», vol. XX, 1968, № 4.

<sup>25</sup> Ср.: K. Nkrumah, Consciencism, London, 1964; K. D. Kaunda, Humanism in Zambia and a guide to its implementation, Lusaka, s/a (1967); L. Koné, La culture en tant qu'élément positif dans la réalisation de l'unité nationale, «Visages d'Afrique» «Ouagadougou», № 5, juin 1969. Интересна в смысле аргументации: A. Mabanla, Éléments de culture africaine, «Présence Africaine», 1962, № 41.

Но такая точка зрения внутренне противоречива. Большинство африканских авторов в своем понимании гуманизма вольно или невольно отрывает его от производственной деятельности человека, рассматривая эту категорию исключительно с ценностной точки зрения. В этом, кстати сказать, отражается воздействие на африканскую интеллигенцию современных буржуазных концепций культуры<sup>26</sup>.

С другой стороны, признание неизбежной индивидуализации культурного творчества в современных условиях подрывает самую основу концепции превосходства традиционного общества над современным. Ведь нынешняя африканская интеллигенция формировалась в ходе национально-освободительной борьбы, когда именно новые формы культуры — пресса, литература, театр и др., — служили средством защиты и утверждения тех гуманистических ценностей, которые сейчас приписываются доколониальной Африке. Но при оценке культуры развитых стран мира африканские авторы очень часто, во-первых, не делают различия между культурой социалистической и буржуазной, а во-вторых, обычно молчаливо ставят знак равенства между понятиями индивидуальности и индивидуализма, в результате чего искусство и литература всех индустриально развитых стран иногда объявляются непригодными для Африки.

Было бы, конечно, неверно отрицать, что влияние культуры и идеологии капиталистического общества в известной мере способствует проявлению индивидуализма в сознании некоторых африканских деятелей культуры. Подавляющее их большинство пока еще получает образование в странах Запада, впитывает определенные мировоззренческие и художественные идеи и сохраняет контакты с соответствующими художественными направлениями за рубежом. В дополнение к этому крайняя ограниченность, как количественная, так и социальная, например, читательской аудитории в странах Африки заставляет писателей этих стран в значительной мере ориентироваться на иностранного читателя в языке, художественной форме, а довольно часто — и в идейном содержании (в последнем отношении неплохим примером может послужить недавний роман малийского писателя Я. Уологема «Долг насилия»<sup>27</sup>).

Но рост индивидуалистических тенденций у определенной части африканской интеллигенции все же не может поставить под сомнение ни неизбежность, ни прогрессивный характер профессионализации и индивидуализации культурного творчества в современной Африке. Если рассматривать вопрос взаимодействия индивидуального и коллективного в данном случае, то вполне очевидно, что коллективизм, основой которого были социально-экономические отношения традиционного общества принципially оно не может выдержать напор отношений, построенных на совершенно иной социально-экономической базе.

Наконец, с вопросом о соотношении традиционного и современного непосредственно связан и вопрос о единстве и различиях в культуре различных стран и народов африканского континента. Он обычно ставится в несколько иной форме: существует ли в действительности какая-то единая африканская культура, о которой довольно часто говорят и пишут в Африке. Помимо чисто теоретического аспекта, этот вопрос сейчас нередко уже служит аргументом в спорах политического характера.

Действительно, даже поверхностное ознакомление с традиционной культурой народов африканского континента совершенно отчетливо показывает, что ее ни в коем случае нельзя воспринимать как единое недифференцированное целое. Но вместе с тем невозможно и отрицать существование многочисленных черт сходства в культуре различных регио-

<sup>26</sup> Об этих теориях см.: Ц. Г. Арзаканьян, Трактовка гуманизма в современных буржуазных концепциях культуры и цивилизации, сб. «От Эразма Роттердамского до Бертрانا Рассела (проблемы современного буржуазного гуманизма и свободомыслия)», М., 1969.

<sup>27</sup> Y. O u o l o g e m, Le devoir de violence, Paris, 1968.

нов континента, прежде всего в материальной культуре, что позволяло говорить о наличии определенной степени общности в традиционных культурах. Но общность эта обусловлена не имманентными психическими особенностями африканских народов, ссылки на которые вплоть до последнего времени можно обнаружить у авторов-африканцев, пишущих о теоретических проблемах культуры стран Африки, а общностью исторических судеб многих из этих народов и сходными условиями их хозяйственного и общественного развития, которые в немалой степени обуславливались сходством в природных условиях существования. Нужно сказать, что последняя точка зрения встречает все **большую** поддержку со стороны наиболее трезво мыслящих африканских теоретиков и практических деятелей<sup>28</sup>.

Подобные изменения во взглядах имеют своим основанием совершенно реальные исторические факты 60-х гг. Представление о единой африканской культуре, служившее достаточно действенным оружием против колониализма в борьбе за достижение независимости, сейчас уже не просто противоречит фактическому положению вещей. В определенной мере оно приходит в противоречие и с политической обстановкой сегодняшней Африки. Помимо несомненной социальной дифференциации в культуре различных африканских стран, необходимо считаться и с тем, что в Африке сложение государственно-политических общностей в рамках прежних колониальных границ предшествует, как уже говорилось, сложению общностей национальных. И тенденция к сложению национальных культур, которые бы смогли стать важным фактором сплочения разнородного в этническом отношении населения в единую нацию остается преобладающей (о чем также уже шла речь), хотя общности исторических задач, перед которыми стоят народы большинства стран континента, позволяет говорить и об известном, строго ограниченном единстве современных африканских культур. Сейчас, по-видимому, трудно ожидать сложения в обозримом будущем единой в политическом смысле Африки. И таким образом, формирование национальных культур становится непрямым этапом в процессе сложения действительно единой африканской культуры — составной части интернациональной культуры человечества в том смысле, в каком понимал ее В. И. Ленин, т. е. такой, «...в которую от каждой национальной культуры входит только часть, именно: лишь последовательно-демократическое и социалистическое содержание каждой национальной культуры»<sup>29</sup>.

#### **SOME PROBLEMS OF THE CONTEMPORARY CULTURE OF AFRICAN COUNTRIES IN THE LIGHT OF LENIN'S THEORY ON CULTURAL CONTINUITY**

The article considers some problems of cultural development in the independent countries of Africa in the light of Lenin's teaching on continuity in cultural evolution. It is mainly concerned with the most vital problem — that of the interrelation between cultural borrowing and the legacy of traditional African cultures or, in broader terms, the interrelation between international and local elements in the erection of a new culture in African countries. The specific features are also considered of the process of the forming of national cultures paralleling the formation of national communities. The changes in the character of cultural creative work in modern African societies, as compared with that of traditional societies, are also closely examined. In conclusion the author considers the problem of unity and diversity in African cultures in relation to the political situation on the continent and the perspectives of social development of the independent states of Africa.

<sup>28</sup> Ср., например, J. Ki-Zerbo, *La personnalité négro-africaine*, «Présence africaine», 1962, № 41, pp. 139—143; Boubou Hama, *Enquête sur les fondements et la genèse de l'unité africaine*, Paris, 1966, pp. 439—474.

<sup>29</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 23, стр. 209.

**Э. К. Васильева, В. В. Пименов,  
Л. С. Христюбова**

## **СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В УДМУРТИИ**

(ПРОГРАММА И МЕТОДИКА ОБСЛЕДОВАНИЯ)

В широком спектре проблем исследования этнических процессов, протекающих в нашей стране, особое место занимают вопросы о степени сохранения (или утраты) тем или иным народом традиционных форм быта и культуры. В 1967—1968 гг. авторы попытались собрать данные для освещения этих вопросов на примере одного народа — удмуртов. Ниже излагаются основные программные принципы, описываются методика, организация и процедуры, примененные в этом исследовании.

### **I**

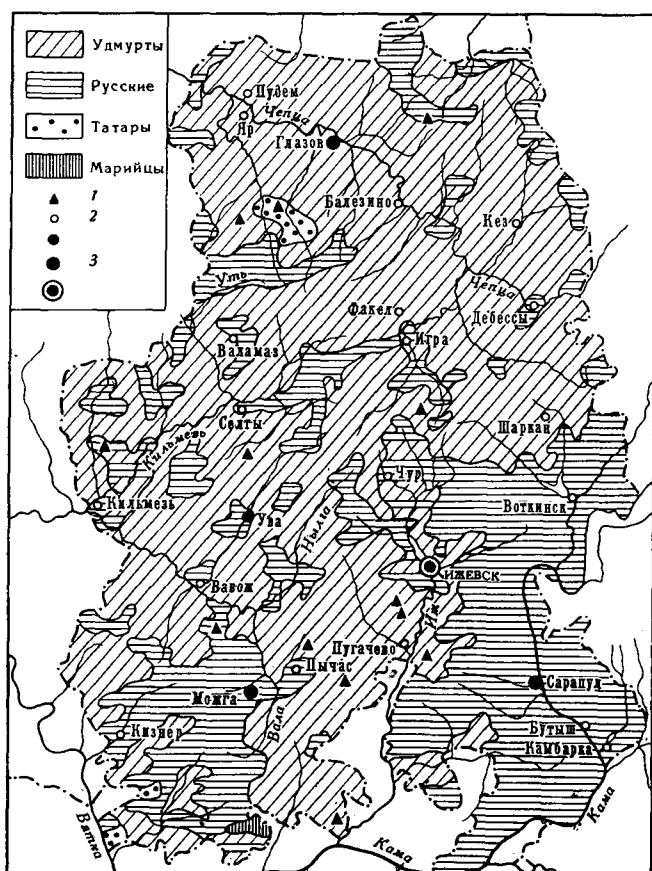
В современной науке все большее признание получает системный подход к анализу социальных явлений. В этой связи кажется целесообразным представить себе основной объект этнографического исследования — этнос, этническую общность — как некоторую относительно обособленную динамическую социальную систему, имеющую свою внутреннюю структуру. К сожалению, структура этноса на таком уровне еще не разработана. Однако, опираясь на традиционное для нашей этнографии представление об этнической общности, можно вычленить наборы существенных признаков, которые характеризуют важные стороны этноса. К ним относятся, например, такие, как родной язык, духовная и материальная культура, семейный быт, определенные формы этнического самосознания и пр. Каждая из названных сторон также может быть представлена как система низшего порядка.

Допустимы два аспекта изучения и описания этноса: а) в рамках его самого как системы с целью изучения присущих ему имманентных свойств, отношений и тенденций; в этом случае мы отвлекаемся от внешних воздействий; б) в более широкой системе — в группе этносов, в которую данный этнос органично включен «на правах» подсистемы. В нашем исследовании отдано предпочтение первому аспекту. Однако ряд воздействий извне необходимо учесть. С этой целью вводится понятие социально-этнографической ситуации, с помощью которого описывается состояние изучаемого этноса в общем контексте внутренних и внешних связей и воздействий и определяется вероятная направленность этих связей на «момент» проведения исследования.

Возможны различные пути научного проникновения в этнос. Мы пошли путем изучения личности, которая трактуется как представитель этноса и носитель этнических черт — этнофор. Правомерность такого подхода обосновывается, с одной стороны, известным марксистским определением личности как совокупности общественных (в том числе, следовательно, и этнических) отношений и, с другой стороны, представлением о социальных (т. е. и этнических) процессах как о массовых, закономерности которых улавливаются как вероятностные, статистические тенденции.

Исходя из высказанных программных посылок, определим объект исследования (опишем этнографическую ситуацию) и сформулируем основные проблемы и гипотезы.

Изучению подлежал один народ — удмурты, расселенные в пределах Удмуртской АССР. В поле нашего зрения должны были попасть все его основные социальные классы, слои и группы (рабочие, крестьяне, интеллигенция с учетом их более дробной стратификации), основные членения по полу, возрасту, семейному положению и т. п., а также по месту жительства (жители сельских и городских поселений) и этнографические группы (южные, средние и северные удмурты и бесермяне).



Этнический состав населения Удмуртии и населенные пункты, обследованные в 1968 г.

Условные обозначения: 1 — сельские поселения, 2 — прочие поселения, 3 — городские поселения

Социально-этнографическая ситуация, по имеющимся данным, характеризуется следующими чертами. Удмурты — советская социалистическая нация. Они имеют государственную автономию (с 1920 г.). Их численность в пределах Удмуртской АССР достигает 475,9 тыс. человек (по данным 1959 г.). Этнический состав населения республики следующий: помимо удмуртов (35,59%), здесь живут русские (56,75%), татары (5,48%) и другие национальности (2,18%), с которыми удмурты расселены вперемешку. Имеет место миграция населения из сел в города и из Удмуртии в соседние области и республики так и в обратных направлениях. При общем довольно высоком росте городов степень

урбанизированности удмуртов невысока: в различных городах республики численность удмуртского населения составляет от 7 до 30 %. В среднем 18,5 % удмуртов Удмуртской АССР — городские жители (1959 г.). Заметим, что в 1939 г. удмурты-горожане составляли лишь 7,5 % общего числа удмуртского населения республики.

Социальная структура удмуртской нации в принципе та же, что и у всех советских социалистических наций, однако численность рабочего класса и интеллигенции ниже, чем в среднем по РСФСР.

Язык удмуртов принадлежит к пермской группе финно-угорской ветви уральской семьи. Подавляющее большинство считает его родным, однако все же 6,72 % удмуртов в республике называют родным языком русский. На юге республики часть удмуртов владеет наряду с русским языком также и татарским, а некоторые считают его родным. Абсолютное большинство удмуртов хорошо говорит по-русски, что важно было учесть при разработке плана обследования. Традиционные формы материальной культуры еще бытуют — хорошо сохраняются сельские жилища и некоторые хозяйственные постройки, хуже сохранилась женская одежда (мужчины уже давно не носят национального костюма), в еще меньшей степени бытуют национальные типы утвари, сельскохозяйственных орудий и т. п. Фольклорный слой духовной культуры вполне заметен, но имеет тенденцию к сокращению. Профессиональный слой национальной культуры, напротив, был создан только в советское время и увеличивает свою мощь. Его развитию способствует создание организаций писателей и журналистов, национального театра, ансамбля песни и танца, средств массовой коммуникации — радио, телевидения, ведущих передачи на удмуртском языке, издание журнала, двух республиканских и нескольких районных национальных газет, деятельность издательства и т. п. Резко сократились религиозные и календарные обряды удмуртов; семейная обрядность еще сохраняется.

Давние связи с русским и татарским народами наложили заметный отпечаток на все компоненты удмуртского этноса. Это сказалось в языке, материальной и духовной культуре и пр. Постоянное тесное общение способствовало тому, что в сознании удмуртов нет места антирусской и антитатарской предубежденности. Из конкретных черт этнической психологии нужно было принять во внимание повышенную застенчивость удмуртов. Наконец, известно было заранее, что по всем этнографическим характеристикам север и юг Удмуртии заметно отличаются: на юге они выражены сильнее, а в центре и на севере — слабее.

Основываясь на общем представлении о социально-этнографической ситуации в Удмуртии, мы сформулировали три основных задачи исследования.

1. Какова степень сохранения национальных форм быта и культуры у разных социальных групп удмуртов?

2. Какие компоненты этноса более устойчивы и какие менее?

3. Какова общая тенденция развития удмуртов как этноса?

Постановка этих задач продиктована их научной и практической актуальностью, потребностями более точного выявления факторов, действующих на течение этнокультурного процесса, желательностью построения более или менее достоверного прогноза и получения возможности управления процессом, т. е. его оптимизации.

В ходе исследования подлежат проверке три основных гипотезы:

1. Повышение социального статуса удмурта в условиях Удмуртии, как правило, ведет в целом к ослаблению приверженности к национальным ценностям.

2. Относительная устойчивость отдельных элементов этноса (в порядке убывания) такова: 1) язык, 2) этнопсихологические качества, 3) духовная культура профессионального слоя, 4) обряды, 5) духовная культура фольклорного слоя, 6) материальная культура.

3. Имеет место тенденция ко все более тесному сближению удмуртов с русскими, однако еще не исчерпаны возможности их самостоятельно-го этнического развития.

## II

Постановка проблемы потребовала решения еще двух задач: избрания подходящей методики обследования и выработки соответствующего инструментария. С самого начала стало ясно, что проверить наши гипотезы возможно лишь на основе массового представительного материала, приспособленного для статистической обработки<sup>1</sup>. Мы остановились на методе стандартизованного интервью, считая, что он в наибольшей степени обеспечивает для данного случая достоверность, полноту и надежность информации. В нем сочетаются возможности как словесной фиксации, так и числового выражения информации.

Основной рабочий инструмент обследования — «этнографический вопросник»<sup>2</sup> — вырабатывался в соответствии с программными установками, характером задач и типом избранной методики. Один из первых его вариантов был опробован летом 1967 г. в южной Удмуртии, Горномарийском районе Марийской АССР и Лаишевском районе Татарии (всего опрошено около 200 человек в селах и городах). В результате были исключены «плохо работающие» и прямо не относящиеся к проблеме вопросы, формулировка некоторых изменена, для других удалось получить сравнительно четкий набор вариантов ответов.

Вопросник конструировался в соответствии с нашими представлениями о существенных чертах этноса. Выделено шесть блоков вопросов, определяющих этнографическую специфику исследования: 1) язык, 2) материальная культура, 3) обрядовая жизнь, 4) фольклор, 5) профессиональная духовная культура и 6) этническая психология. В каждом блоке по шесть вопросов-признаков (параметров). Блоки намеренно выравнены по числу вопросов, так как этим достигается возможность измерить относительный вес каждого из них в системе этноса.

Большие трудности встали перед нами при определении конкретных признаков, которые должны войти в блоки и подлежат измерению. Здесь мы исходили из опыта этнографической науки, собственного научного опыта, данных пробного опроса; немалую роль играла интуиция. В конце концов структура блоков приобрела следующий вид:

1. Блок языка — вопросы о родном языке, степени владения им, о языке в семье, на работе и в общественной жизни и о знании других языков народов СССР.

2. Блок материальной культуры — вопросы об одежде, пище и утвари.

3. Блок обрядовой жизни — вопросы о свадьбе, родинах и похоронах.

4. Блок фольклора — вопросы о преданиях, народных сказках, песнях и танцах.

5. Блок профессиональной культуры — вопросы о знании национальных писателей и чтении национальной литературы и прессы, знании деятелей музыкальной культуры и их произведений.

6. Блок этнопсихологии — вопросы об этнических предпочтениях, национальном самосознании, степени осознания связи со своей национальностью и пр.

В особый (7) блок выделены три контрольных вопроса, обращенных не к информатору, а к интервьюеру, об отношении информатора к беседе, о темах, вызвавших у него интерес, и о вопросах, на которые он затруднился ответить.

<sup>1</sup> Статистическая процедура сбора информации разработана Э. К. Васильевой.

<sup>2</sup> Составлен В. В. Пименовым.

В самый большой (8) блок вошло 19 вопросов, в том числе вопросы, касающиеся социально-демографических признаков (пол, возраст, образование, социальное положение и пр.), а также некоторые специальные вопросы; из них особенно любопытны вопросы о национальном составе основных референтных групп — семьи, первичного производственного коллектива, соседей и друзей.

По своему характеру вопросы различны. Одни из них ориентированы на выяснение наличия признака, другие — на определение степени информированности опрашиваемого о признаке, третьи — на выявление его отношения к признаку. Например, расспрашивая об обрядах, мы сначала просим информатора описать родильно-крестильные обряды, а затем выясняем, как, по его мнению, следует отмечать рождение ребенка — с соблюдением народных традиционных обрядов или без них. Вместе с тем вопросы классифицируются и по другим особенностям. Есть вопросы, которые должны вызвать у информатора анамнез — воспоминание («Как Вы были одеты на свадьбе?»); анамнезу сопутствует метод создания проективной ситуации («Если бы Вам пришлось начать жизнь сначала, то, вступая в брак, какую Вы хотели бы устроить свадьбу?»). Комбинацией разных по характеру и стилю вопросов достигается получение достаточно разносторонней и достоверной информации.

Этнографические признаки не имеют естественных единиц измерения. А так как с самого начала предполагалось вести количественную обработку полученной информации, и, по возможности, механизированным способом, то выработка приема измерения рассматривалась как первостепенная задача. Мы решили сочетать словесную фиксацию сведений с приблизительной оценкой выраженности признака по четырехбалльной шкале (например, «не знает», «слабо знает», «имеет ясное представление», «очень хорошо знает»). Следовательно, интенсивность признака отмечалась в диапазоне от 01 до 04. В некоторых случаях удалось ввести более определенные количественные критерии (например, число известных информатору национальных блюд и т. п.). Оценки ставили интервьюеры. При наличии словесных записей их можно было контролировать.

### III

Сбор материала для глубокого исследования современных этнокультурных процессов является настолько трудоемким, что осуществить его можно только методом несплошного наблюдения.

Объектом данного исследования являются взрослые удмурты (17 лет и старше), проживающие постоянно на территории Удмуртской АССР. Численность их в 1968 г. составляла несколько более 300 тыс. чел. С учетом реальных условий и возможностей обследования, наличия кадров, материально-технического обеспечения и сроков проведения работы численность выборочной совокупности определяется не более 2000—2500 чел. Это составляет 0,7—0,8% от объема генеральной совокупности.

Прежде всего нужно было установить, обеспечивает ли выборка в 2000—2500 человек получение представительных данных, по которым можно было бы судить обо всей совокупности. Первое условие достоверности выборочных данных состоит в том, что отобранная часть должна быть достаточно многочисленной, чтобы в ней могли проявиться объективные закономерности изучаемого процесса. Этому требованию намеченный объем выборки удовлетворяет (см. табл. 1); он обеспечивает выявление и анализ решающих тенденций, хотя некоторые взаимосвязи при этом и не удастся раскрыть с исчерпывающей полнотой.

Выборочные данные будут достоверными, если численность выборки достаточно велика для того, чтобы ошибки репрезентативности не пре-

## Теоретическая и фактическая погрешности выборки в обследовании 1968 года

Показатели по взрослому населению Удмуртской АССР	Значение показателя по данным		Ошибки выборки	
	переписи	выборки	теорети- ческая	фактиче- ская
Процент женщин	63,0	64,4	2,0	1,4
Процент лиц в возрасте 60 лет и старше	13,2	14,8	1,5	1,6
Процент лиц, считающих родным языком удмуртский:				
а) среди городского населения	86,0	77,7	0,7	9,0
б) среди сельского населения	97,5	96,5		1,0

высыли допустимых пределов. Были вычислены вероятные (с вероятностью 0,954) максимальные размеры ошибок репрезентативности при объеме выборки в 2000 чел. Расчеты показали, что по такому показателю как доля женщин среди взрослых удмуртов, составляющему по генеральной совокупности около 63%, предел ошибки репрезентативности равен 2%. Максимальная величина ошибки выборки для показателей доли пожилых (60 лет и старше) среди удмуртов и доля лиц, считающих удмуртский язык родным, составляет 1,5% и 0,7%. Таким образом при выборке в 2000 единиц будут получены данные, представительные для республики в целом.

При проектировке работ объем выборки был определен в 2300 единиц, т. е. минимальная необходимая численность завышена на 15%. Тем самым создавался резерв на случай недобора материала и выборки недоброкачественно заполненных вопросников.

В основе выборки лежал метод случайного отбора, при котором все единицы имеют равную возможность быть отобранными. Этим обеспечивается пропорциональное представительство в выборке всех видов и категорий единиц совокупности. Однако в двух следующих случаях этот метод был осложнен применением специальных способов отбора. Принцип пропорциональной выборки удобен для получения представительных данных по совокупности в целом. Но в то же время в таком случае теряется возможность изучить некоторые частные совокупности, малочисленные, но важные для исследуемой закономерности. В нашем обследовании требовалось усилить представительство группы творческой интеллигенции, которая в общем массиве оказалась бы слишком мала. Поэтому было намечено дополнительно, кроме 2300 вопросников, заполнить еще 100 вопросников на лиц указанной социально-профессиональной группы, чтобы затем обработать их как самостоятельный массив.

Сохраняя фактические пропорции в выборочной совокупности, следовало бы отобрать 1425 человек сельского населения и 875 горожан. Это соотношение было скорректировано увеличением доли городского населения. Это объясняется тем, что у жителей городов наблюдается большая вариация признаков; кроме того, требовалось довести объем выборки по городам до размеров, допускающих разработку итогов раздельно по двум массивам: по городскому и по сельскому населению. Намечено было охватить выборкой 1300 человек сельского населения и 1000 человек обследовать в городах. Для восстановления реального соотношения городского и сельского населения по республике в целом при разработке будут введены поправочные коэффициенты.

Чтобы определить оптимальные в условиях данного исследования принципы организации работы, пришлось экспериментально проверить несколько вариантов схемы выборки. При проверке обнаружилась невозможность полной идентификации порядка отбора городского и сель-

ского населения. Городское население Удмуртской АССР сконцентрировано в ограниченном числе населенных пунктов, а сельское население рассеяно по значительной территории и по большому числу населенных мест. Кроме того, списки единиц генеральной совокупности, необходимые как основа, из которой производится отбор, различны по городам и сельской местности.

В городах была проведена районированная выборка единицами (дисперсная выборка). Сами городские поселения подразделялись на несколько групп (характерных типов) в зависимости от численности населения и доли в нем удмуртов, от уровня экономического развития, а также с учетом функции города как культурного и административного центра. Отбор производился пропорционально количеству населения в каждой типической группе. Как правило, выборочная совокупность отбиралась в случайном порядке из всех единиц, составляющих типическую группу. Дважды мы допустили отступление от этого порядка. Сплошной охват поселков городского типа и мелких городов (до 16 тысяч жителей) оказался бы слишком трудоемким из-за большой разбросанности по территории, а значимость их по численности населения сравнительно невелика. Поэтому они представлены в выборке только одним пунктом (пос. Ува). Кроме того, чтобы уменьшить трудоемкость работы, из числа обследуемых городов был исключен г. Воткинск, представительство которого в выборке распределено на другие однотипные с ним города. В конечном счете для обследования отобраны города Ижевск, Глазов, Сарапул и Можга, а также рабочий поселок Ува.

Единицами отбора были сами единицы совокупности, т. е. отдельные лица из числа взрослых удмуртов, составляющих постоянное население города. В этом случае, как известно, в качестве перечня единиц генеральной совокупности удобно использовать списки избирателей или переписные листы, если обследование организуется вскоре после выборов или переписи населения. Но такая возможность представляется не часто, поэтому в обычном случае предпочтительнее ориентироваться главным образом на материалы текущего учета. Мы использовали картотеки адресных столов. С точки зрения полноты и достоверности они в данном обследовании представляют достаточно надежную основу для проведения выборки и, кроме того, дают возможность максимального расчленения единиц выборочной совокупности по территории города. Если бы выборка проводилась как гнездовая, т. е. в качестве единицы отбора выступал бы городской квартал, домовладение или другая укрупненная группа единиц совокупности, то (при малой численности выборки и значительной дифференциации структуры населения в разных частях города) было бы труднее гарантировать репрезентативность данных.

Но если в гнездовой выборке можно опираться на стабильные перечни гнезд, то списки (картотеки) населения, применяемые при отборе отдельных лиц, таким качеством не обладают. Население, особенно городское, настолько мобильно, что любые учетные данные оказываются в большей или меньшей степени устаревшими. Можно отметить ряд причин, обуславливающих частичное несоответствие данных адресных столов фактическому составу населения. Документальное оформление таких событий, как перемена места жительства и смерть, происходит с запозданием, иногда значительным. Потребовалось эмпирически определить объемы расхождений указанных данных с действительностью. В связи с этим выборка производилась с необходимым запасом (до 40% величины выборочной совокупности). Применялся метод механического отбора.

Если характерные для городов высокая плотность и концентрация населения позволили провести в них выборку единицами, то в отношении села этот метод неприемлем. По сельской местности проведена рай-

онированная гнездовая двухступенчатая выборка. Объединение административных районов<sup>3</sup> в типические группы производилось на основе комплексной оценки этнических и экономико-географических характеристик. В пределах каждой из четырех выделенных типических групп была проведена первая ступень выборки — механический отбор гнезд.

Единицей отбора в данном случае могли бы быть такие административные подразделения, как сельский Совет или населенный пункт. В сельские советы значительно превышают размеры гнезд, оптимальны для данного обследования. Нецелесообразно также брать за единицу отбора населенные пункты, так как их общее число очень велико, кроме того, работа затрудняется существованием множества точечных населенных пунктов. Наиболее удобной оказалась система гнезд, составленная для выборочных обследований органами государственной статистики. Эти гнезда сформированы так, что они имеют примерно одинаковые размеры и состоят из компактно расположенных населенных пунктов. В связи с тем, что требовалось отобрать небольшое число гнезд, проводился многократный механический отбор с изменением точки отсчета. В результате наиболее подходящим был признан тот вариант, который давал результаты, наиболее близкие к средним по типическим группам. После нанесения намеченных гнезд на карту оказалось, что в выборке представлены районы с различными природно-климатическими условиями и географическим положением (Юкаменский, Базинский, Селтинский, Сюмсинский, Игринский, Завьяловский, Можгинский, Малопургинский и Алнашский). В выборку попали гнезда, охватывающих 40 населенных пунктов (см. карту).

Вторая ступень выборки — механический отбор хозяйств (семей) в гнездах. На основе формы № 1 похозяйственного учета (так называемых похозяйственных книг) в сельских советах были выделены семьи — удмуртские и смешанного национального состава, в которых имелись взрослые удмурты. Шаг отбора устанавливался дифференцированно с учетом численности удмуртских хозяйств в гнезде и числа лиц, которых следовало отобрать в соответствии с пропорциональным распределением выборочной совокупности по типическим группам. Для выбора конкретного члена семьи, подлежащего опросу, разработана специальная схема (см. ниже).

Выборка по городским и сельским населенным пунктам произведена в соответствии с намеченной методикой организации отбора. Недобор составил по сельской местности 80, а по городам 79 человек. Это тем не менее превысило необходимую минимальную численность, так как ее исходный объем рассчитывался с запасом. Следовательно, из предполагавшейся совокупности в 2300 единиц удалось обследовать 2141 человек. Основными причинами недобора были либо временное отсутствие лиц, попавших в выборку, либо невозможность найти нужного человека из-за неточности списков. Мы обследовали различные категории населения, поэтому недобор не привел к сколько-нибудь существенному увеличению ошибок репрезентативности.

Рассчитанные по выборочной совокупности показатели можно сравнить с соответствующими данными переписи населения 1959 г.

Как правило, выборочные данные не имеют существенных отклонений от показателей, характеризующих все взрослое удмуртское население республики. Кроме того, приводя такие сопоставления, нужно иметь в виду, что материалы переписи могли устареть. Скорее всего именно этим объясняется столь большое отклонение от теоретической погрешности доли городского населения, считающего удмуртский язык родным.

<sup>3</sup> Не принимались во внимание четыре района, в которых доля удмуртского населения составляет менее 4%.

Таким образом, при данном объеме выборки обеспечивается получение достаточно представительных данных для удмуртского населения республики в целом и по основным категориям: а) городскому и сельскому населению; б) по полу (мужчины и женщины); в) укрупненным возрастным группам; г) укрупненным социально-профессиональным группам.

Можно образовывать группы путем комбинирования указанных и других признаков. Но при этом надо избегать чрезмерного дробления материала. В случае необходимости ограниченные возможности членения выборочной совокупности могут быть компенсированы за счет применения математических методов обработки (стандартизация и др.).

Сравнительно небольшой объем выборки лимитирует только число типических групп. Система показателей, включающая весь комплекс собственно этнических характеристик и рассчитываемая по каждой отдельной категории населения, таких ограничений не имеет.

#### IV

Организационной и процедурной сторонам дела придавалось большое значение. Опираясь на всестороннюю поддержку Удмуртского областного комитета КПСС, Совета Министров республики, Удмуртского научно-исследовательского института истории, экономики, языка и литературы при Совете Министров Удмуртской АССР, вузов, педучилищ и других учреждений, нам удалось провести организационную работу без существенных промахов. Это обеспечило сравнительно благоприятные условия для сбора первичной информации.

Обследование проводилось экспедиционным способом. На первом этапе в летний период (июль—август) обследовалось удмуртское сельское население, на втором (ноябрь—декабрь) — удмурты, проживающие в городах и рабочих поселках республики.

Мы считали существенным заранее информировать население об основных задачах и характере нашей работы. С этой целью начальник экспедиции выступил по областному радио и телевидению. В республиканской газете были опубликованы информационные заметки о начале работы экспедиции. В каждом городе были организованы выступления по радио и в районных газетах. Осведомленность жителей облегчала работу интервьюеров, способствовала более быстрому и легкому установлению контактов.

Костяк экспедиции составил Удмуртский отряд Института этнографии АН СССР, численность которого менялась от 4 до 6 человек (1 научный сотрудник, 1 аспирантка, остальные научно-технические сотрудники); кроме того, к обследованию были привлечены временные работники, всего 220 человек.

В летний период в состав экспедиции было включено 27 студентов второго курса исторического факультета Удмуртского государственного педагогического института, проходившие свою экспедиционную практику. Они были разделены на три подгруппы, каждая из которых находилась «в поле» по 16 дней.

Экспедиция работала одновременно двумя отрядами. За сорок дней удалось опросить 1220 человек. Для опроса одного человека требовалось в среднем около двух часов.

На втором этапе обследовано 1013 городских жителей (в том числе 94 представителя творческой интеллигенции). Организация работы в городских условиях оказалась значительно сложнее, чем в селах. Контигент интервьюеров в каждом городе менялся: в Ижевске это были главным образом студенты исторического факультета Удмуртского пединститута (часть из них уже прошла летом экспедиционную практику); в Глазове — также студенты местного пединститута; в Сарапуле и Мож-

[illegible]

Интервьюеры выполняли свою работу как общественное поручение. Никто из них от учебных занятий не освобождался, поэтому темп обследования в городе оказался много медленнее, чем в селе. Кроме того, затруднения вызвали большое количество неточных адресов, многосменная работа информаторов и некоторые другие причины.

Задача обучения сотрудников экспедиции рассматривалась нами как важнейшая и решалась с максимальной тщательностью. В основу обучения была положена «Инструкция по заполнению этнографического вопросника», разработанная В. В. Пименовым. Все интервьюеры прошли инструктаж по шестичасовой программе. В ходе инструктажа разъяснялись общие проблемы исследования, освещалась роль интервьюеров в системе «интервьюер — информатор», указывались конкретные способы работы с вопросником. Каждый вопрос прочитывался; разъяснялось, в какой форме лучше задать его информатору, какие сведения необходимо получить; указывались возможные варианты ответов и приемы их фиксирования. По отдельным вопросам инструкция давалась непосредственно на месте (например, определение типа жилища). Интервьюерам сообщались также общие сведения по этнографии удмуртов (народная одежда, пища, семейные обряды и пр.). Особое внимание обращалось на свойственную удмуртам повышенную застенчивость, обсуждались возможные способы преодоления этого препятствия с целью получения как можно более полной информации по каждому вопросу.

Для проверки усвоения техники опроса в конце занятия имитировалась ситуация беседы интервьюера с информатором. В дальнейшем при проверке вопросников а также на совещаниях по обмену опытом работы каждому сотруднику отдельно давались необходимые указания. На всех этапах обследования мы стремились объяснить интервьюерам важность порученного им дела, ответственность за качество его исполнения. Кроме того, интервьюеров поставили в известность о том, что их деятельность в выборочном порядке будет проверена путем контрольного обхо-

да. Особое внимание обращалось на то, чтобы все сотрудники имели идентичные критерии оценок выраженности (силы) признаков, заложенных в вопроснике.

Важным моментом процедуры обследования являлось составление списков лиц, подлежащих опросу. Такие списки составлялись непосредственно по прибытии на место, для чего в сельских населенных пунктах использовались, как уже сказано выше, данные «похозяйственных книг». Каждая семья (хозяйство) представлена в списке одним взрослым членом. Семьи классифицировались по числу поколений<sup>4</sup>. Были выделены семьи с одним, двумя и тремя поколениями. Процедура составления списка сводилась к следующему. При просмотре в «похозяйственной книге» состава каждой удмуртской (или имеющей в своем составе удмуртов) семьи раньше всего устанавливался тип семьи по числу входящих в нее поколений. Если нам встречалась семья, состоящая из двух членов — мужчины и женщины, — принадлежащих к одному поколению, то из этой семьи выписывалась женщина, из следующей подобной семьи выписывался мужчина. Если семья состояла из представителей двух поколений, то из первой такой семьи выписывалась женщина младшего поколения, из второй семьи этого типа — женщина старшего поколения, из третьей — мужчина младшего поколения, из четвертой — мужчина старшего поколения и т. д. При наличии в семье двух, трех и более лиц одного поколения и одного пола в список сначала попадали младшие по возрасту. Семьи с тремя поколениями подвергались аналогичной процедуре: в них выделялись младшие, средние и старшие. Тот, кто выполнял эту работу, составлял для самоконтроля рабочую сетку, в которой отмечал чередование лиц по поколениям, возрасту и полу.

Если поколение в очередной семье представлено одним человеком, то при включении этого человека в список в контрольной сетке ставился «+» (в данном случае не было нужды различать пол этого лица, так как оно единственное и в любом случае попадает в список). В остальных случаях женщины обозначались буквой «Ж», мужчины — буквой «М».

В итоге мы получали список, в котором каждое лицо представляло одну семью. Дальше, в соответствии с репрезентативной квотой, заранее рассчитанной для данного гнезда, и известным шагом отбора, в списке оставлялись лишь те, кого предстояло опросить. Исключенные из списка служили резервом для замены отсутствующих информаторов. Затем заполнялись индивидуальные адресные карточки, которые раздавались интервьюерам для работы. Для облегчения контроля порядковый номер из списка переносился на адресную карточку и на вопросник.

В первый день работы в поле интервьюеры разбивались на пары. Позднее (в городах) мы отказались от такого порядка, так как он не стимулирует индивидуальной ответственности. Каждому интервьюеру выдавалась одна адресная карточка. В случае отсутствия лица, указанного в адресной карточке, ее следовало возвратить начальнику отряда и взамен получить другую (из резерва). Заполненный вопросник сразу же проверялся руководителем отряда, подвергаясь логическому и качественному контролю. Лишь после проверки и внесения необходимых уточнений вопросники считались сданными.

Работа показала, что целесообразно раздавать все адресные карточки по данному населенному пункту в первый же день. Это позволяло установить наличие на месте всех информаторов, а в случае отсутствия того или иного из них выяснить причину и сроки отсутствия и при необходимости заменить его «портретно» схожим лицом. Карточки раздава-

<sup>4</sup> Дети, не достигшие 16,5 лет, исключены из всех расчетов и разработок.

лись с учетом знания удмуртского языка интервьюерами и русского языка информаторами. Лиц старшего поколения, не владеющих или плохо владеющих русским языком, как правило, опрашивали интервьюеры-удмурты.

## У

Таковы программные, методические и организационно-процедурные принципы и приемы, примененные в ходе этнографического обследования удмуртов. О результатах обследования говорить рано: материалы его находятся в обработке. Однако некоторые выводы сделать уже можно. Наиболее существенны из них три.

Прежде всего удалось экспериментально проверить самую возможность организации и проведения достаточно массового выборочного этнографического обследования с соблюдением весьма жестких методических правил и требований, диктуемых статистической процедурой, с применением чрезвычайно объемного вопросника, с привлечением большого числа помощников-интервьюеров.

В итоге полевой работы мы убедились, далее, в пригодности примененного инструментария. «Вопросник», как выяснилось, нуждается лишь в небольших редакционных и технических поправках.

Наконец, в-третьих, предварительный анализ полученного материала позволяет считать его достаточным по количеству и хорошим по качеству. В результате обследования мы получили весьма обильную этнографическую информацию о целом народе.

### MODERN ETHNOCULTURAL PROCESSES IN UDMURTIA

The article describes the programme, methods, organization and techniques of an ethnographic study carried out by the authors in 1968 in the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic. Over 2000 Udmurts in rural and urban places of the Republic were studied by means of a special questionnaire. 58 questions were asked pertaining to socio-demographic characteristics, mother tongue, material culture, ritual, folklore, professional intellectual culture and ethnic psychology. The data is to be processed by electronic computer. The authors discuss the representativeness of the sampling, its specific features in rural and in urban districts. They come to the conclusion that the research tool implemented in the study satisfy the requirements posed by the problem. They are of the opinion that the assembled data are abundant and suitable for elucidating the process of ethnocultural evolution of the Udmurts.

---

**Ч. М. Таксами**

## **ИЗМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО СОСТАВА МАЛЫХ НАРОДОВ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА**

(К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)<sup>1</sup>

За годы Советской власти, в результате претворения в жизнь в нашей стране ленинской национальной политики, у малых народов Севера, Сибири и Дальнего Востока произошли большие социально-экономические и культурные изменения. Прежде всего благодаря социалистическому строительству у этих народов сформировались колхозное крестьянство и интеллигенция; появились рабочие и специалисты в разных отраслях народного хозяйства.

В нашей научной литературе имеется довольно много работ о колхозном строительстве и о формировании интеллигенции среди северных народов. Однако вопрос о социальных изменениях у этих народов в целом исследован еще слабо, недостаточно разработан и вопрос о формировании у северных народов рабочего класса, хотя последняя проблема и была затронута в отдельных статьях<sup>2</sup>.

Еще к началу третьей пятилетки во всех национальных районах Сибири было в основном проведено социалистическое преобразование в экономике и созданы различные отрасли промышленности: горнорудная, металлообрабатывающая лесная, деревообрабатывающая, топливная, рыбная, пищевая, полиграфическая и др. Большие успехи были достигнуты в транспортном строительстве<sup>3</sup>. Уже в то время появились рабочие из среды коренных сибирских народов. В послевоенные годы в связи с промышленным развитием всех районов Сибири и Дальнего Востока число их резко возросло.

На наш взгляд, имеются следующие узловые проблемы, которые необходимо исследовать:

а) процесс формирования рабочего класса в среде малых народов Севера — потомственных рыбаков, морских зверобоев, оленеводов и охотников;

<sup>1</sup> Материалы, изложенные в данной статье, были доложены автором на ежегодной научной сессии Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР в 1968 г. См. «Тезисы докладов годичной научной сессии Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР», Л., 1968.

<sup>2</sup> Г. А. Докучаев, Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока накануне Великой Отечественной войны, Новосибирск, 1966; А. Н. Айкаров, К вопросу о формировании национальных кадров рабочего класса в Якутии, «Проблемы изучения национальных отношений в Сибири на современном этапе. Материалы к сибирскому региональному совещанию», Новосибирск, 1967; Ч. М. Таксами, Нивхи. Современное хозяйство, культура и быт, Л., 1967; его же, Процесс вовлечения в промышленность малых народов Севера, «Тезисы докладов годичной научной сессии Ленинградского отделения института этнографии АН СССР», Л., 1968; Б. М. Росугбу, Формирование национального рабочего класса в Приамурье, «Материалы Второй Дальневосточной межвузовской научной конференции по истории Советского Дальнего Востока, посвященной 50-летию Октябрьской революции», Хабаровск, 1967, и др.

<sup>3</sup> Г. А. Докучаев, Указ. раб.

б) домашний и семейный быт, современная культура этого отряда советского рабочего класса;

в) влияние развития промышленности на направление хозяйственной деятельности малых народов Севера, на их колхозное и совхозное производство.

В данной статье ставится задача показать изменение социального состава малых народов Приамурья, живущих между Хабаровском и Амурским лиманом, и коренных жителей Сахалина; проследить формирование рабочих из среды нанайцев, нивхов, негидальцев, ороков, орочей, удгейцев, а также дать краткую характеристику их быта и культуры.

Материалы для данной статьи автор собирал во время экспедиционных поездок в районы Сахалина и бассейна Амура в 1956, 1957, 1961 и 1962 гг. Летом 1967 г. с целью сбора материалов по исследуемому вопросу автор специально посетил крупнейшие промышленные центры Дальнего Востока — Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре, Амурск, Николаевск-на-Амуре, а также районные центры Троицкое и Богородское. В указанных пунктах была получена обширная информация по тем основным отраслям промышленности, в которых работают представители малых народов Севера. Дополнительные материалы по этому вопросу были собраны во время зимней экспедиции в 1968—1969 гг. на Сахалине<sup>4</sup>.

По переписи 1926 г. в указанных районах Амура и Сахалина проживало более одиннадцати тысяч коренных жителей Севера, среди них 5304 нанайцев, 4076 нивхов, 683 негидальцев, 723 ульчей, 646 орочей, 162 орока и, наконец, небольшая группа эвенков, расселенных на Сахалине и в районе озер Орель и Чля. Великая Октябрьская социалистическая революция застала эти народы на различных стадиях разложения первобытнообщинного строя. В их экономике господствовал патриархальный уклад.

В первые годы Советской власти, как и в дореволюционное время, малые народы Приамурья и Сахалина занимались традиционным хозяйством — рыболовством, морским зверобойным промыслом, охотой и оленеводством — и были расселены небольшими группами на огромной территории Амурского бассейна и Сахалина. Оседлые рыбаки и морские охотники жили (в небольших селениях) на морском побережье и по берегам рек. Оленеводы и охотники кочевали на определенной территории, обычно примыкающей к морскому побережью, рекам и озерам. И лишь совсем небольшая часть коренных жителей (менее 1%) проживала в городах Дальнего Востока — Хабаровске, Благовещенске, Николаевске-на-Амуре, Александровске-Сахалинском. Перепись 1926 г. зафиксировала в городах всего 40 северян. Среди них были 31 нанаец, 1 ороц, 8 нивхов. Судя по всему, большинство из них работали проводниками и каюрами и жили в городах временно.

Некоторые группы северных народов еще до революции занимались сезонными несельскохозяйственными работами, например, работали по найму в период путины у русских и японских рыбпромышленников в районах Нижнего Амура и Сахалина. В устье р. Поронай, в южной части Сахалина, до 100 айнов, нивхов и ороков работали по найму во время хода лососевой рыбы. Под влиянием русской колонизации и иностранного капитала в этих районах происходило развитие обмена и торговли, разрушались традиционные формы производства и распределения.

<sup>4</sup> Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить товарищей, оказавших помощь в сборе материалов — В. П. Ломакина, бывшего секретаря Хабаровского крайкома КПСС, ныне первого секретаря Приморского крайкома КПСС, И. П. Николаенко — первого секретаря Николаевского-на-Амуре Горкома КПСС, А. Н. Шульге — второго секретаря Комсомольского-на-Амуре Горкома КПСС, В. С. Скального — зав. отделом промышленности Амурского райкома КПСС, С. М. Дмитриенко — зам. председателя Ульчского райисполкома и др.

Этот процесс, естественно, способствовал возникновению мелкотоварного уклада в экономике малых народов.

Культурный уровень малых народов был чрезвычайно низким. Подавляющее большинство коренных жителей не имело самого элементарного образования. На Нижнем Амуре и Сахалине в 1926 г. было зафиксировано лишь около 800 грамотных. Это составляло немногим более 7% общего числа коренных жителей. А грамотными в то время, как правило, считались уже люди, умевшие расписываться и кое-как читать по слогам. Особенно мало было грамотных среди женщин. Перепись 1926 г. отмечает всего 48 грамотных женщин.

С установлением Советской власти в районах Севера начался переход коренных жителей от первобытнообщинного строя к социализму. В их жизни произошли большие изменения. Прежде всего благодаря осуществлению ленинского кооперативного плана, они прошли школу потребительских, промысловых и интегральных коопераций. Это помогло им приобщиться к современной общественной и культурной жизни страны, подготовиться к коллективному хозяйству. Кроме того, первоначальные формы кооперации оказали малым народам большую экономическую помощь. Только после этого можно было приступить к объединению в хозяйства социалистического типа — колхозы. Нивхи, нанайцы, ульчи, негидальцы и орочи объединились в рыболовецкие колхозы, а эвенки и ороки Сахалина — в оленеводческие. Уже к 1939 г. в колхозы объединилось до 96% хозяйств аборигенов Приамурья и Сахалина<sup>5</sup>.

Победа колхозного строя изменила и быт древних рыболовов, морских зверобоев, охотников и оленеводов. Прежде всего укрупнение рыболовецких колхозов привело к более компактному расселению коренных жителей. Теперь в каждом районе выделяются крупные селения, в которых живет по несколько сот человек. Например, нанайцы сосредоточены в населенных пунктах Найхин, Даерга, Болонь, Нерген, Дада, Кондон и др.; нивхи — в Кальма, Тахта, Иннокентьевка, Алеевка, Астрахановка, Макаровка, Некрасовка, Ноглики, остров Южный, Чир-Унвд и др.; ульчи — в Булава; ороки — в Вал; эвенки — в Виахту и др. Кроме того, в каждом районе появились большие населенные пункты со смешанным населением. Концентрация населения в крупных поселениях способствовала образованию у малых народов общих черт материальной и духовной культуры в каждом районе.

Дальний Восток — один из крупных промышленных районов Советского Союза. В советский период развитие промышленности повлекло за собою рост численности населения в крае. В Сахалинской области в 1926 г. было 11 859 чел.<sup>6</sup>, в 1939 г. — 99 925 чел., а по переписи 1959 г. — 649 405 чел: из них более двух тысяч приходится на долю коренных народов Севера. В Хабаровском крае в 1939 г. проживало 657 352 чел.; а в 1959 г. население края уже составляло 1 142 535 чел., причем численность аборигенов составляла 16 960 чел. По переписи 1959 г. нанайцев было 7919, нивхов — 3690, ульчей — 2049, удэгейцев — 1395, орочей — 779<sup>7</sup>. Негидальцы и ороки не выделены переписью отдельно.

Расселение малых народов Севера по районам Хабаровского края и Сахалинской области в 1965 г. показано в таблице на стр. 72.

На Сахалине коренные жители расселялись в Кировском (сел. Чир-Унвд), Охинском (Некрасовка, Луполово, Рыбное) и Александровском (Виахту) районах. В настоящее время значительная часть представителей малых народов Приамурья и Сахалина живет в городах, промыш-

<sup>5</sup> М. А. Сергеев, Некапиталистический путь развития малых народов Севера, М.—Л., 1955; А. В. Смоляк. Ульчи, М., 1966; Ч. М. Саксами, Нивхи; П. В. Кириченко, Осуществление ленинского кооперативного плана среди народностей Приамурья 1922—1936 гг., Автореф. канд. дис., Томск, 1969 и др.

<sup>6</sup> «Всесоюзная перепись населения, 1926», т. VII, М., 1928, стр. 8.

<sup>7</sup> «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г.», М., 1962, стр. 302.

# Расселение коренных народов Приамурья и Сахалина\*

Районы	Народы							
	эвенки	нивхи	нанай- цы	ороки	ульчи	удэ- гейцы	неги- дальцы	орочи
	численность							
<b>Хабаровский край</b>								
Амурский р-н (включая пос. Амурск)	—	—	1176	—	10	19	—	18
Нанайский р-н	—	1	3618	—	23	111	10	—
Комсомольский р-н	30	—	1382	—	2	23	—	41
Ульчский р-н	37	721	332	—	1894	7	188	—
Николаевский р-н (включая г. Николаевск-на- Амуре)	26	990	5	—	24	—	1	—
Хабаровский р-н	104	—	128	—	11	27	1	—
<b>Сахалинская область</b>								
Ногликский р-н	64	630	—	118	—	—	7	—
Поронайский р-н (включая г. Поронайск)	14	80	155	171	—	—	—	*

\* Эти сведения получены в Хабаровском Краевом статистическом управлении, в Ногликском райисполкоме и в Поронайском горисполкоме. В данные по Николаевскому району из-за отсутствия материала не включены эвенки сел. Кульчи и Орел-Чья, а также негидальцы пос. Маго.

ленных центрах и рабочих поселках. По имеющимся у нас данным, в Комсомольске-на-Амуре их проживает более 350 чел. (288 нанайцев, 20 ульчей, 6 орочей, 25 эвенков, 2 эвена, 10 нивхов и др.), в Хабаровске более 400 чел. (217 нанайцев, 97 ульчей, 13 орочей, 76 эвенков, 13 эвенков, более 20 нивхов и др.), в Амурске — 200 чел. (186 нанайцев, 4 удэгейцев и др.), в Поронайске — 340 чел. (ороки, нивхи, нанайцы и эвенки), в Николаевске-на-Амуре более 100 чел. (нивхи, нанайцы, негидальцы, эвенки, ульчи и др.) и т. д. Значительное число коренных жителей населяет рабочие поселки и районные центры — Рыбное, Ноглики, Маго, Богородское, мыс Лазарева и др. Отдельные семьи живут в городах Охе, Александровске-Сахалинском, Южно-Сахалинске, Биробиджане, Советской Гавани и др.<sup>8</sup>

Северяне — постоянные жители городов, промышленных центров и рабочих поселков в основном работают на предприятиях и в государственных учреждениях. Среди коренных жителей, проживающих в городах, есть и интеллигенция, но ее здесь мало, так как большинство живет и работает в родных районах в сельской местности.

Довольно много коренных жителей занято в машиностроительной и судостроительной промышленности. В 1967 г. только на шести крупных заводах Хабаровска, Комсомольска и Николаевска-на-Амуре работало 59 северян, в основном 1930—1948 гг. рождения (33 нанайца, 13 нивхов, 1 негидалец, 1 ороч, 6 ульчей, 1 алеут). Из них 1 чел. имел высшее техническое образование, 8 — среднее техническое, 11 — среднее, 17 — 7-9 классов, 20 — 5-6 классов. У многих из них большой трудовой стаж. Так, 10 человек трудятся на заводах от 15 до 25 лет, остальные — с 1957—1964 гг. До 90% рабочих-северян получили специальность в тех-

<sup>8</sup> В ряде городов Хабаровского края временно живут и учатся представители малых народов (в Хабаровском педагогическом и медицинском институтах — 130 чел., в Николаевском-на-Амуре педагогическом и медицинском училищах — 143 чел.).

нических и профессиональных училищах, а также во время службы в Советской Армии.

На указанных заводах работали северяне различных специальностей: слесари (5 нанайцев, 2 нивха, 2 ульча, 1 эвенк), токари (2 нанайца, 2 ульча), модельщики (2 нанайца), обрубщик (нанает), крановщик (нанает), старший техник-технолог (ульчанка), старший резчик листового проката (нанает), техник-электрик (нанает), прокатчики-вальцовщики (6 нанайцев), старший машинист-оператор (нанает), резчики металлолома (2 нанайца), слесарь шлифовщик (нанает), сборщик электроплиток (нанает), газосварщик (нанает), автосварщик (нивх), котельщик (ульч), судосборщики (3 нивха), такелажник (нивх), моторист (нивх), машинисты (нанает, нивх, негидалец), автовиловщик (нивх), мастер поточной механики (манси) и др.

На заводе «Амурсталь» в г. Комсомольске работало 17 чел. (16 нанайцев, одна алеутка). Из них 9 человек имеют среднее техническое образование, которое они получили в технических училищах г. Комсомольска, один — среднее. У этих рабочих следующие специальности: резчик листового проката, дежурный электрик, прокатчики-вальцовщики (6 чел.), старший машинист-оператор, резчик металлолома мартена, каменщик-сифонщик мартена, машинист электромостового крана, токарь, слесарь шлифовщик, рабочая по покраске и обжигу. Многие из них имеют уже большой стаж работы.

Приведем некоторые конкретные примеры. Так, нанает Г. Н. Бельды начал работать с 1943 г. слесарем-строгальщиком, сейчас он дежурный электрик; П. Д. Самар с 1948 г. работал прокатчиком-вальцовщиком, а в настоящее время занимает должность старшего машиниста-оператора. В. А. Актанко с 1949 г. после окончания ремесленного училища работает токарем, Г. Т. Актанко также после окончания ремесленного училища в 1951 г. работает токарем, А. Н. Бельды начал работать в 1957 г. слесарем, теперь он — старший резчик листового проката. Другие работают на заводе с 1959, 1962, 1964 и 1966 гг. На другом заводе Комсомольска «Амурлитмаш» работало 10 человек, из них 5 нанайцев, 4 ульча, 1 нивх. Трое из них имеют среднее специальное образование, в том числе одна ульчанка — старший техник-технолог (она работает заведующей технической библиотекой).

Десять северян работали на Хабаровском заводе «Энергомаш». На другом хабаровском заводе «Дальдизель» было два нанайца, один нивх, один ульч. На двух заводах Николаевска-на-Амуре, в том числе в ремонтно-эксплуатационной базе флота Амурского речного пароходства, работало 10 нивхов, 4 нанайца, негидалец, ульч.

По нашим подсчетам более 100 нивхов, ороков и эвенков работали на предприятиях нефтяной промышленности Сахалина. Большинство из них получило специальность в системе профтехобразования и в технических училищах в г. Охе. Многие из них овладели ведущими специальностями. Так, среди нивхов, работавших на нефтепромыслах Сахалина, есть бурильщики, вышкомонтажники, операторы, трактористы, автослесари и т. д. Нивхи, проживающие в с. Порт Набилы на Сахалине, почти все работают в нефтепроводной конторе — рабочими и охранниками.

В молодом городе Амурске вступил в строй Комсомольский целлюлозно-бумажный комбинат. В строительстве этого комбината принимали участие 70 нанайцев. В 1967 г. на предприятиях этого комбината работало 76 северян, в основном 1920—1939 гг. рождения. Из них один (ульч) имел высшее техническое образование, трое — среднее техническое, семь — общеобразовательное среднее, два — незаконченное высшее техническое и 22 человека — 7—9 классов. Среди них имеются такие специалисты: газорезчик, моторист, шофер, моторист транспортера углоподачи, моторист по зачистке судов, бетонщик, машинист-экскаваторщик, машинист башенного крана, маляр, плотник, бетонщик-штукатур

и др. Несколько нивхов и ороков работают на бумажном комбинате г. Поронайск в южной части Сахалина.

Довольно много северян занято в строительных организациях. По нашим данным, в строительных трестах Комсомольска-на-Амуре и Амурска их насчитывалось 86 человек; в стройтресте № 6 города Комсомольска-на-Амуре работало 26 нанайцев, в тресте № 2 этого же города — 12 человек (из них 3 ульча, 1 негидалец, 8 нанайцев). В строительных организациях северяне работают шоферами, бетонщиками, плотниками, малярами, штукатурами. Есть среди них бригадир каменщиков и, начальник планового отдела железобетонного завода в г. Амурске. Двадцать пять нивхов, ороков и нанайцев работают в строительных организациях Поронайского района. Мы встречали северян-строителей в г. Николаевске-на-Амуре, в г. Охе, а также во многих строительных предприятиях и организациях Сахалина и Хабаровского края. Часть строителей получила специальность в государственных профессионально-технических училищах, другие овладевали специальностью непосредственно на стройке. Возраст строителей почти такой же, как и рабочих на заводах.

В морских и речных портах (Николаевск-на-Амуре, на мысу Лазарева, в портах Маго, Москальво, Набиль, Поронайск) трудилось более 50 северян, в том числе в торговом порту Поронайск 8 чел. (2 нивха, орок, 5 нанайцев); в Лазаревском морском порту — 10 чел. (нивхи), в Николаевском-на-Амуре морском порту — 7 чел. (3 нанайца, 2 нивха, 2 эвенка). Среди северян-работников порта есть трактористы, шоферы, кочевары, крановщики, тальман морского участка, рабочие.

Предприятия рыбной промышленности по характеру производства ближе к традиционным занятиям малых народов Приамурья и Сахалина. Поэтому в них и занято значительное число нивхов, ороков, нанайцев, ульчей, эвенков и других. Например, на предприятиях Нижне-Амурского госрыбтреста (рыбокомбинаты Озерпах и Нижние Пронги, порт Маго, Лесотарный комбинат и другие) на 1 января 1967 г. числился 71 северянин, в том числе 68 нивхов, 2 ульча, эвенк. На рыбобазе Рыбное Рыбновского рыбокомбината было 40 нивхов. В Поронайском рыбокомбинате работало 14 северян, работают они и на других предприятиях рыбной промышленности Сахалина и Нижнего Амура — в Ногликах, Трамбаусе, Рыбновске и в других местах. Всего на рыбных заводах, рыбобазах и рыбокомбинатах Нижне-Амурского Госрыбтреста и на предприятиях рыбной промышленности Сахалина насчитывается более 200 северян. Большинство из них работают рыбозасольщиками, рыбаками, дзелистами, капитанами судов, а также слесарями, плотниками, станочниками, шоферами и т. д. В предприятия рыбной промышленности нанайцы, нивхи и ороки перешли работать из колхозов. Особенно увеличилось число коренных жителей, трудящихся в этой отрасли, в 1960-е годы, после начала массового объединения и укрупнения рыболовецких колхозов.

Представители малых народов Севера принимают также активное участие в работе предприятий легкой промышленности. Так, в Хабаровском пошивочном объединении работают швеями 24 женщины-северянки, в основном 1940—1947 гг. рождения (10 нанаяк, 1 нивхка, 6 эвенок, 1 ульчанка, 3 удэгейки, 1 ненка). Одна из них имеет среднее техническое образование, 6 — общеобразовательное среднее, 13 чел. окончили 8—9 классов. Только в Троицком и Богородском комбинатах бытового обслуживания швеями работали 23 женщины — нивхки, нанайки и ульчанки.

В районах Нижнего Амура и Сахалина организованы государственные лесозаготовительные предприятия — леспромхозы. Среди них выделяются Троицкий, Иннокентьевский, Сидинский, Быстринский, Кизинский, Де-Кастринский, Нигирский и др. Больше всего северян работают в Быстринском леспромхозе, который был создан раньше других пред-

приятный. В 1967 г. здесь работали 37 северян (9 ульчей, 4 эвенка, 6 чивхов, 18 нанайцев). В основном это сплотчики и лесорубы, но среди них есть и монтер связи, механик катера, помощник старшины катера, плотник, тракторист, маркировщик, шофер, мастер лесозаготовки. В Троицком леспромхозе работает 61 северянин (56 нанайцев, 2 удэгейца, ульч, эвен и ительмен), в Синдинском лесопункте — 10 и т. д.

В последние годы часть колхозов была преобразована в совхозы и коопзверопромхозы (в них работают эвенки, ороки и нивхи). Это Нижне-Амурский коопзверопромхоз, Троицкий откормочный, Амурский пчеловодческий, Эльбанский и Комсомольский совхозы, Троицкий коопзверопромхоз. Только в одном Хабаровском крае на подобных предприятиях насчитывается 100 рабочих-северян<sup>9</sup>. Несколько сот нивхов, ороков и эвенков работают в совхозах Сахалинской области. Живут сельскохозяйственные рабочие в сельской местности и практически по своей культуре, быту и образовательному уровню не отличаются от колхозников-рыбаков, живущих по соседству с ними.

Выше мы перечислили только основные отрасли народного хозяйства, в которых заняты представители малых народов Северного Сахалина и Амура. Однако их можно встретить почти во всех отраслях промышленности и сельского хозяйства этих районов, например, в Солнечном торнообогатительном комбинате, на угольных шахтах Сахалина, в автотранспортных базах, в рыбоперерабатывающих станциях, на железной дороге, на речных судах, в аэропорту, в комбинатах коммунальных предприятий, в отделениях связи, на электростанции, в торговых организациях, на цементных заводах, в жилищных конторах и т. д.

Занятые в промышленном производстве, особенно в таких отраслях, как машиностроение, судостроение, нефтяная промышленность и др., представители малых народов Севера, как правило, не только освоили нужную специальность, но и по своему культурному уровню вполне подготовлены к работе на этих предприятиях и к жизни в новых бытовых условиях — в городах или промышленных центрах.

Домашний быт и одежда коренных жителей Северного Сахалина и Приамурья, живущих в городах и рабочих поселках, такие же, как и у людей других национальностей, проживающих вместе с ними в промышленных центрах Дальнего Востока. Однако некоторые отличия все же имеются. В быту они проявляются в некоторых традиционных элементах домашней одежды, украшениях, предпочтении некоторых видов пищи, в частности рыбных блюд, и т. д. Переселяясь в город, рабочие-северяне не теряют связи друг с другом. Даже если сородичи или друзья живут в разных районах города или промышленного центра, они встречаются регулярно. Нередко они совместно проводят праздники, посещают друг друга в дни семейных торжеств. Семьи нанайцев, нивхов, негидальцев, ульчей, удэгейцев, орочей, ороков и эвенков не теряют связи также и со своими сородичами из сельской местности. Многие из рабочих проводят свой отпуск в родных селениях или отвозят детей на летний отдых к своим родителям. Часто горожане приучивают отпуск к осенней путине — периоду лова кеты. В это время в колхозные селения съезжаются многие семьи из Хабаровска и Комсомольска-на-Амуре. В свою очередь, жители сельской местности, приезжая в город, останавливаются у своих знакомых и родных.

Большинство коренных жителей, работающих на промышленных предприятиях и живущих в городах, хорошо владеют как своим родным, так и русским языком. Дети же их в основном знают язык своей национальности лишь пассивно. Они понимают его, но сами, как правило, говорить на нем не могут.

<sup>9</sup> Б. М. Росугбу, Малые народности Приамурья на современном этапе коммунистического строительства (1959—1965 гг.), Автореф. канд. дисс., Владивосток, 1969, стр. 20.

Смешанных браков у рабочих-северян, несмотря на то, что они живут в инонациональной среде, очень мало, как и у сельского населения<sup>10</sup>. Так, в Амурске на 200 чел. коренных жителей, мы встретили всего две смешанные нанайско-русские семьи. Это объясняется тем, что многие северяне пришли в город или в промышленный центр уже семейными. Молодые же люди предпочитают вступать в брак с людьми из своих районов. И надо заметить, что при вступлении в брак иногда соблюдают экзогамные нормы, о которых узнают от своих родителей или старших сородичей.

В Программе КПСС, принятой на XXII съезде партии, говорится: «Партия будет по-прежнему проводить политику, обеспечивающую фактическое равенство всех наций, народностей с полным учетом их интересов, уделяя особое внимание тем районам страны, которые нуждаются в более быстром развитии. Растущие в процессе коммунистического строительства блага необходимо справедливо распределять среди всех наций и народностей»<sup>11</sup>. Эти указания партии нашли отражение в пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР на 1966—1970 гг. По этому плану важной народнохозяйственной задачей считается ускоренное развитие производительных сил в районах Сибири и Дальнего Востока.

Развитие промышленности в Сибири и на Дальнем Востоке будет в дальнейшем оказывать все большее влияние на культуру северных народов. Конечно, прежде всего этот процесс затронет оседлых рыболовов и охотников, а позднее — и оленеводов. Изучение и прогнозирование хода этих процессов имеет важное научное и практическое значение. Проблема влияния промышленного развития на культуру малых народов Сибири и Дальнего Востока начинает интересовать людей разных областей наук и практических работников.

На наш взгляд, настало время комплексного исследования социально-экономического развития малых народов Севера в районах, где происходит бурное развитие промышленности, в частности в Тюменской, Магаданской, Иркутской, Сахалинской областях, а также в Красноярском и Хабаровском краях. Пока же подобные исследования проводятся лишь сотруниками Института истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР. Они, в частности, сделали попытку объяснить причину миграции нанайского населения<sup>12</sup>.

В соответствии с Программой КПСС на данном этапе коммунистического строительства в первую очередь решаются такие кардинальные задачи: создание материально-технической базы коммунизма, систематическое повышение уровня жизни населения и ликвидации различий между городом и деревней, коммунистическое воспитание трудящихся и формирование нового типа человека коммунистической эпохи. Чтобы выполнить эти задачи в северных районах, нужно точно знать их фактическое социально-экономическое состояние и составить на основе этих данных перспективные планы развития.

С ростом промышленности восточных районов будет постоянно увеличиваться и численность квалифицированных кадров, куда войдут и аборигены Сибири и Дальнего Востока. Однако процесс этот будет длительным, поскольку социалистической экономике нужны и традиционные отрасли хозяйства северных народов — оленеводство, охота, морская

<sup>10</sup> А. В. См о л я к, О некоторых этнических процессах у народов Нижнего и Среднего Амура, «Советская этнография», 1963, № 3, 28—29; Ч. М. Так с а м и, Нивхи, стр. 206.

<sup>11</sup> «Материалы XXII съезда КПСС», М., 1961, стр. 407.

<sup>12</sup> В. И. Б о й к о, Потенциальная миграция нанайского сельского населения (Из опыта социологического обследования), «Этногенез аборигенов Восточной Азии» Тезисы докладов, Новосибирск, 1969, стр. 163—167.

промысел, прибрежное и речное рыболовство. Специфика северной экономики требует работников с необходимыми знаниями и трудовыми навыками ведения хозяйства в этих районах. Такими работниками являются прежде всего коренные жители.

В социальном составе малых народов Нижнего Амура и Сахалина велик удельный вес интеллигенции, сформировавшейся в годы Советской власти. Начало подготовки северных национальных кадров относится к периоду, когда по всей стране велась борьба «за ликвидацию фактического неравенства национальностей, борьба за поднятие культурного и хозяйственного уровня отсталых народов»<sup>13</sup>. Подготовка кадров на Севере проводилась в соответствии с решениями X и XII съездов ВКП(б), где особое внимание уделялось вопросам поднятия экономики и культуры в национальных районах. Партия указывала, что необходимо сделать все для ускорения подготовки местных квалифицированных рабочих и партийно-советских работников во всех областях управления и прежде всего в области просвещения. Партия и правительство исходили из того, что только путем подготовки грамотных людей, хорошо знающих быт, культуру и язык своего народа, можно в короткий срок ликвидировать экономическую и культурную отсталость северных народов.

Планомерная подготовка северных кадров в стране началась в 1925 г. с создания в Ленинграде Института народов Севера. В этом институте учились и представители малых народов Приамурья и Сахалина — нанайцы, нивхи, ульчи, ороки, негидальцы и орочи. Кроме того, представители этих народов учились в Дальневосточных педагогических училищах народов Севера в Хабаровске и Николаевске-на-Амуре. Северяне учились также в Ленинградском государственном университете и в Институте живописи и архитектуры им. Репина. В настоящее время нанайцы, нивхи, негидальцы, ульчи, ороки, орочи, удэгейцы учатся в Ленинградском педагогическом институте им. Герцена и в Институте культуры им. Н. К. Крупской в Ленинграде, а также почти во всех вузах и техникумах Дальнего Востока — в медицинском, педагогическом, политехническом и других вузах Хабаровска, в педагогическом и политехническом институтах Комсомольска-на-Амуре, в многочисленных техникумах и училищах в Хабаровске, Владивостоке, Биробиджане, Южно-Сахалинске, Николаевске-на-Амуре, Александровске-Сахалинском и др. Только в 1967 г. в вузах и техникумах Хабаровского края обучалось 419 северян, из них в медицинских училищах и институте — 200, в педагогических институте и училище — 125, в культпросветшколе и училище искусств — 94 чел.<sup>14</sup>. Отряд интеллигенции, вышедшей из среды северян, насчитывает многие сотни человек. Большинство специалистов работает в родных районах и селениях<sup>15</sup>. Только в Хабаровском крае в 1967 г. было 253 учителя, 98 медицинских работников, более 60 культпросветработников-северян. Амурские и сахалинские народы имеют и творческую интеллигенцию — ученых, писателей, художников, преподавателей вузов. Некоторые из них работают в ведущих научно-исследовательских институтах и творческих организациях страны.

Предварительный подсчет показывает, что в настоящее время более 20% коренного населения Приамурья и Сахалина заняты, в государственных промышленных предприятиях, строительных организациях и совхозах. Кроме того, около 10% коренных жителей этих областей работают в общественных организациях, в советских органах, школах,

<sup>13</sup> «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. 1, М., 1954, стр. 714.

<sup>14</sup> А. П. Шитиков, Наш орденоносный Хабаровский край, Хабаровск, 1967, стр. 163.

<sup>15</sup> См. А. В. Смоляк, Указ. раб.; Ч. Таксами, Нивхи; В. Г. Ларькин, Орочи, М., 1964; е го же, Удэгейцы, Владивосток, 1959.

медицинских и культурных учреждениях, а также в других многочисленных государственных организациях.

В заключение мы можем сказать, что в годы Советской власти благодаря осуществлению ленинской национальной политики у малых народов Приамурья и Сахалина сформировались все классы и социальные группы социалистического общества. При этом из-за специфических условий социально-экономического развития Севера рабочий класс образовался здесь сравнительно недавно и пока что малочислен. И это явление, как и детальное изучение социальной структуры каждого класса, требует дальнейшего специального исследования.

### **CHANGES IN THE SOCIAL COMPOSITION OF THE PEOPLES OF THE SOVIET FAR EAST**

The article shows the changes in the social composition of the small Far Eastern peoples — the Nanaians, Nivkhs, Negidalis, Oroks, Oroches, Udeghe and Olcha — during the Soviet period. As a result of socialist construction a new social class has been formed — the collective peasantry; a fairly considerable layer of intelligentsia has also sprung up. Consequent upon industrial development about 20 p. c. of former fishermen, hunters and reindeer breeders of the Amur and Sakhalin are at present working in various branches of industry. Urbanization has led to the formation of an urban and industrial population among the northern peoples.

Industrial development in Siberia and the Far East will in future exert a stronger influence over the culture of the northern peoples. The scientific study and forecasting of these processes has a great practical importance.

---

**М. С. Великанова**

## **НАСЕЛЕНИЕ ПРУТСКО-ДНЕСТРОВСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ В ЭПОХУ БРОНЗЫ ПО АНТРОПОЛОГИЧЕСКИМ ДАНЫМ**

Эпоха бронзы на территории Прутско-Днестровского междуречья изучена мало. Систематические археологические раскопки проводились лишь на единичных памятниках, хотя многолетние разведочные обследования свидетельствуют о значительной заселенности Попрутья и Поднестровья в это время.

Проведенными в последние годы раскопками двух могильников положено начало антропологическому изучению этой области периода II тысячелетия до н. э. Могильник у станции Калфа (правобережье Днестра, южная часть Молдавии) раскапывался в 1963—1964 гг. южно-славянским отрядом Прутско-Днестровской археологической экспедиции под руководством Г. Ф. Чеботаренко. Памятник в целом относится к раннему этапу срубной культуры (XV—XIII вв. до н. э.)<sup>1</sup>. 17 погребений, вскрытых в могильнике, находятся на глубине от 60 до 170 см в овальных или круглых ямах, одно — в катакомбе. Скелеты скорчены, лежат на правом или левом боку. Ориентировка различная. Некоторые костяки окрашены охрой. Погребальный инвентарь обнаружен менее чем в половине погребений и представлен глиняными лепными сосудами и костяными изделиями — пряжками и поворотным гарпуном<sup>2</sup>.

Могильник у с. Старые Бедражи на р. Прут в северной Молдавии раскапывался Западно-Украинской экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством Г. И. Смирновой<sup>3</sup>. За два года раскопок — в 1964 и 1965 гг. — было вскрыто 54 погребения. Почти для всех погребений характерно скорченное положение скелетов на правом или левом боку с различной ориентировкой. Погребения сопровождаются одним — тремя сосудами (чаши с высокими ручками, кубки, реже сосуды баночной формы). Могильник относится к культуре Ноуа, распространенной в период поздней бронзы в Прикарпатье, Трансильвании, северной Молдавии, и датируется XIII в. до н. э.<sup>4</sup>

Костяки в обоих могильниках имели довольно плохую сохранность. Однако были приложены все усилия, чтобы сохранить костный материал из каждого раскопанного погребения, что важно для суждения о половом и возрастном составе погребенных и вытекающих отсюда палеодемографических заключений. Могильник Калфа не представляет в этом отношении особого интереса из-за малочисленности погребений. Важнее

---

<sup>1</sup> Г. Ф. Чеботаренко, Могильник эпохи бронзы у с. Калфа на Днестре, «Краткие сообщения ин-та археологии» (далее КСИА), № 105, 1965.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Г. И. Смирнова, Западноукраинская экспедиция 1963—1964 гг., «Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Гос. Эрмитажа за 1964 год», Л., 1965.

<sup>4</sup> Там же.

материал могильника Старые Бедражи, насчитывающий 54 погребения. Остановимся прежде всего на возрастном составе.

Определение индивидуального возраста скелета проводится на основе возможно более комплексного учета состояния зубного аппарата и степени зрелости костной системы в целом. Естественно, что все имеющиеся данные о возрастных изменениях скелета относятся к современности, и перенесение их на древнее население в какой-то степени условно. Правда скорости окостенения и развития не были, возможно, подвержены значительным эпохальным изменениям<sup>5</sup>. Что же касается темпов стирания зубов, то они в связи с иным составом пищи, несомненно, у древнего человека были заметно ускоренными. Совершенно очевидно, что никакие современные стандарты не применимы в данном случае. Между тем именно состояние зубной системы в палеантропологической практике часто оказывается ведущим признаком при определении возраста<sup>6</sup>.

В связи с этим заслуживает внимания интересный опыт А. Майлса, учтивавшего при определении возраста скорость износа зубов внутри данной конкретной краниологической серии<sup>7</sup>. Метод заключается в следующем. В исследуемой серии выделяются детские черепа, уже имеющие постоянные моляры. По порядку прорезывания зубов определяется возраст черепа. Отмечается функциональный возраст каждого моляра и одновременно степень его стертости. Таким образом выясняется, какой срок функционирования зуба в данной человеческой группе при данном режиме питания приводит к той или иной стадии его изношенности. Затем такая полученная для детских (главным образом подростковых) черепов «шкала» переносится на группу наиболее молодых взрослых индивидуумов. Здесь зубной возраст определяется путем сопоставления картины стертости второго и третьего моляров с аналогично стертыми первым и вторым молярами детской группы. Состояние же первого моляра взрослой группы, естественно, более стертого, чем детские моляры, пополняет «шкалу» скоростей стирания и дает возможность перейти к оценке возраста зубов следующей, более старшей группы. Такое постепенное экстраполирование продолжается и дальше — от меньших степеней стертости к большим, от более молодых возрастов к более старшим.

Описанный метод был применен нами для определения возраста погребенных в могильнике Старые Бедражи.

В результате был получен ряд индивидуальных возрастных оценок. По-видимому, даже самый объективный способ не может гарантировать абсолютно точного определения индивидуального возраста. Тем более это должно относиться к описанному методу. Индивидуальные особенности неизбежно должны сказываться на скорости износа зубного аппарата. Поэтому полученные оценки мы считаем условными средними, удобными для общегрупповых подсчетов. Индивидуальный же возраст следует считать находящимся в пределах  $\pm 2,5$  лет от полученной оценки.

Следует отметить, что проверка «зубного» возраста по степени облитерации швов черепа и некоторым другим признакам не внесла в него существенных коррективов.

Результаты определения возраста и пола всех погребений могильника Старые Бедражи представлены в табл. 1.

Определение половой принадлежности взрослых проводилось на основе учета морфологических особенностей как черепа, так и посткраниального скелета. Из 32 взрослых, у которых оказалось возможным уста-

<sup>5</sup> Д. Г. Рохлин, Болезни древних людей, М.—Л., 1965, стр. 284.

<sup>6</sup> Методики, дающие достаточно точное определение возраста по костям, основаны на изучении рентгенограмм и распилов и чрезвычайно трудоемки.

<sup>7</sup> A. E. Miles, The dentition in the assessment of individual age in skeletal material, «Dental anthropology», London—Oxford—New York—Paris, 1963.

## Пол, возраст и сохранность антропологического материала могильника Старые Бедражи

№ погр.	Пол	Возраст	Череп	Скелет	№ погр.	Пол	Возраст	Череп	Скелет
1	ж.	28	изм.*	изм.	26	—	взросл.	—	фр.
2	муж.	19	фр.**	»	27	муж.	37	изм.	—
					(парн.)	—	7	фр.	—
3	ж.	13	изм.	—	28	—	детск.	»	—
4	—	5	фр.	—	29	ж.	44	»	изм.
5	—	4	»	—	30	»	30	изм.	—
6	—	5	»	—	31	—	2	фр.	—
7	муж.	23	изм.	изм.	32	—	7	»	фр.
8	ж.	26	»	—	33	ж.	23	изм.	изм.
9	муж.	23	»	изм.	34	—	детск.	фр.	фр.
10	»	44	»	»	35	—	детск.	—	»
11	»	44	фр.	—	36	—	8	фр.	—
12	—	10	»	фр.	37	муж.	14	изм.	—
					(парн.)	—	6	фр.	фр.
13	ж.	>60	изм.	изм.	38	—	7	»	»
14	муж.	36	»	»	39	муж.	54	изм.	изм.
15	—	детск.	фр.	—	40	ж.	25	»	»
16	ж.	20	изм.	изм.	41	муж.	15	»	—
17	»	35	»	»	42	ж.	взросл.	—	—
					(парн.)	—	детск.	—	изм.
18	»	24	фр.	»	43	—	10	фр.	фр.
19	—	детск.	—	фр.	44	ж.	60	изм.	—
20	ж.	38	фр.	—	45	»	33	»	изм.
21	муж.	33	изм.	изм.	46	—	12	фр.	—
(парн)		4	фр.	фр.	47	—	8	»	фр.
22	—	7	»	—	48	—	5	»	»
23	муж.	>60	изм.	изм.	49	—	7	»	»
24	—	9	фр.	—	50	муж.	>60	изм.	изм.
25	муж.	53	изм.	изм.	51	ж.	37	»	»
					52	»	50	»	»
					53	»	38	»	»
					54	—	8	фр.	фр.

\* Измерен

\*\* Фрагменты

Таблица 2

## Смертность детей в эпоху бронзы, % от общего числа погребенных

Возраст	Молд. ССР, Старые Бедражи	Румыния, Сэрата- Монтеору	Румыния Кырна	Австрия, сборная серия
	50 набл.	173 набл.	102 набл.	257 набл.
До 7 лет	24,0	18,7	32,4	7,9
8—14 лет	42,0	29,4	37,3	

новить пол, 14 (43,7%) определены как мужчины и 18 (56,3%) как женщины.

Почти половину погребенных составляют дети до 14 лет — 42,0%. Несмотря на то, что эта цифра превышает уровень детской смертности в эпоху бронзы по другим данным (Австрия<sup>8</sup>; Румыния<sup>9</sup>; табл. 2), нам кажется, что и она недостаточна высока. Известно, что вплоть до последнего столетия детская смертность, особенно на первом году жизни, была необычайно высока. Между тем среди погребенных в могильнике не об-

<sup>8</sup> Н. Vallois, La durée de la vie chez l'homme fossile, «L'Anthropologie», t. 47, № 5—6, 1937.

<sup>9</sup> К. Максимилиан, В. Карамелеа, Д. Николаеску-Плошор, Палеодемографическое исследование населения эпохи неолита и бронзы Румынии, «Вопросы антропологии», вып. 15, 1963.

Смертность в различные возрастные периоды в эпоху неолита и бронзы,  
% от общего числа взрослых

Возраст	Бронза				Энеолит, МолдССР, Выхвятицы	Неолит, Румыния Боян- Вэрэшти
	МолдССР, Старые Бедражи	Румыния, Сэрата- Монтеору	Румыния, Кырна	Австрия, сборная серия		
	26 набл.	115 набл.	62 набл.	209 набл.	20 набл.	53 набл.
21—30	30,8	35,6	35,5			37,7
	61,6	67,8	82,3	52,6	25,0	81,1
31—40	30,8	32,2	46,8			43,4
41—50	15,4	17,4	16,1			15,1
	26,9	29,6	17,7	37,8	70,0	18,9
51—60	11,5	12,2	1,6			3,8
60—X	11,5	2,6	—	9,6	5,0	—

наружено ни одного ребенка младше двух лет. Это объясняется, вероятно, полным разрушением скелетов раннего возраста, чему помимо самой их непрочности способствовал обычай очень неглубокого захоронения детей. Возможно также, что новорожденных и грудных детей хоронили на другом кладбище или по иному обряду, что отмечено этнографическими наблюдениями у разных народов.

Отсюда и средняя продолжительность жизни людей, погребенных в могильнике, оказавшаяся равной 25 годам, должна считаться завышенной. По-видимому, лишь в немногих случаях средняя продолжительность жизни, определяемая на палеоантропологическом материале, оказывается достоверной. В большинстве же случаев, даже при тщательном сборе материала, для суждения о продолжительности жизни правильнее полагаться на соотношение количества взрослых, умерших в разные возрастные периоды. Как показывает такое соотношение, смертность населения оставившего могильник у с. Ст. Бедражи, наступала в среднем довольно рано. В возрасте до 40 лет взрослые умирали чаще, чем после 40. Такие же в общем соотношения были получены для эпохи бронзы и неолита соседних территорий<sup>10</sup> (табл. 3). Своеобразно «включенным» среди групп неолита и бронзы оказывается лишь позднетрипольское население (Выхвятинский могильник)<sup>11</sup>, где соотношение умерших до и после 40 лет обратное и приближающееся, скорее, к современности. Может ли это быть объяснено высоким жизненным уровнем оседлого населения трипольской культуры?

Вследствие плохой сохранности не все взрослые костяки и черепа удалось реставрировать. В результате краниологическую серию из Старых Бедражей составляют 10 мужских и 13 женских черепов и из Калфы — 7 мужских и 6 женских. Длинные кости имеются от 23 скелетов из Ст. Бедражей и 8 из Калфы.

Сравнение черепов из Бедражей и Калфы (табл. 4) обнаруживает достаточно большое сходство между ними. Для обеих серий характерны выраженные европеоидные величины углов горизонтальной профилировки и выступления носа, а также высоты переносья, крупные размеры и умеренная массивность черепной коробки, долихокрания, довольно

<sup>10</sup> Н. Vallois, Указ. раб.; К. Максимилиан, В. Карамелеа, Д. Николаеску-Плопшор, Указ. раб.

<sup>11</sup> М. С. Великанова, Антропологический материал Выхвятинского могильника, «Материалы и исследования по археологии СССР» (далее МИА), № 84, 1961, стр. 211.

Средние размеры черепов из могильников эпохи бронзы  
Прутско-Днестровского междуречья

№ по Мартину	Признаки	Мужские		Женские	
		Калфа	Старые Бедражы	Калфа	Старые Бедражы
		$\bar{x}$ (n)	$\bar{x}$ (n)	$\bar{x}$ (n)	$\bar{x}$ (n)
1	Продольный диаметр	190,7 (7)	192,3 (10)	182,5 (6)	182,8 (12)
8	Поперечный диаметр	139,3 (7)	134,6 (10)	132,7 (6)	131,5 (11)
17	Высотный диаметр	142,2 (5)	140,5 (8)	130,0 (5)	134,1 (7)
5	Длина основания черепа	108,2 (5)	109,0 (8)	103,0 (5)	102,5 (6)
9	Наименьшая ширина лба	97,1 (7)	96,7 (10)	94,5 (6)	95,1 (12)
8:1	Черепной указатель	73,2 (7)	70,1 (10)	72,8 (6)	72,2 (11)
32	Угол профиля лба от $n$	82,0 (5)	81,0 (7)	80,5 (4)	83,2 (8)
	Надбровье (по Март. 1—6)	3,71 (7)	3,30 (10)	1,83 (6)	1,69 (13)
45	Скуловой диаметр	136,8 (5)	135,7 (6)	130,2 (4)	126,4 (9)
40	Длина основания лица	96,5 (2)	104,6 (5)	98,8 (4)	99,0 (5)
48	Верхняя высота лица	75,0 (3)	72,6 (7)	65,0 (4)	67,4 (11)
48:45	Верхнелицевой указатель	55,2 (3)	54,3 (6)	49,9 (4)	54,0 (8)
55	Высота носа	54,2 (4)	52,4 (7)	48,5 (4)	50,2 (10)
54	Ширина носа	25,1 (4)	26,7 (7)	25,5 (4)	26,0 (8)
54:55	Носовой указатель	46,3 (4)	51,0 (7)	52,6 (4)	51,4 (8)
51	Ширина орбиты от $mf$	42,8 (5)	42,4 (7)	41,4 (3)	41,8 (10)
51a	Ширина орбиты от $d$	40,6 (5)	41,5 (3)	39,1 (3)	39,1 (9)
52	Высота орбиты	31,6 (5)	31,7 (7)	31,8 (3)	32,7 (10)
52:51	Орбитный указатель I	73,6 (5)	74,7 (7)	76,7 (3)	78,2 (10)
52:51a	Орбитный указатель II	77,7 (5)	75,7 (3)	81,2 (3)	83,6 (9)
77	Нозо-маллярный угол	138,6 (5)	136,9 (7)	140,5 (4)	140,1 (8)
/ $zm$	Зигма-максиллярный угол	122,2 (1)	121,0 (6)	131,1 (3)	125,8 (2)
SS:SC	Смолотический указатель	73,0 (4)	63,7 (5)	56,7 (2)	48,6 (6)
DS:DC	Дакриальный указатель	84,5 (2)	61,5 (4)	58,4 (2)	57,1 (4)
72	Общий лицевой угол	86,0 (4)	83,9 (7)	83,0 (4)	85,1 (7)
75 (1)	Угол выступания носа	32,0 (4)	30,6 (5)	31,0 (2)	25,8 (4)

широкое лицо с низкими орбитами. Иными словами, в обеих сериях представлен один и тот же антропологический тип. Этот европеоидный, долихокранный, с умеренно массивным строением скелета и черепа тип можно считать протоевропейским в его смягченном варианте<sup>12</sup>. Можно ли как-то использовать этот вывод при решении вопроса о происхождении населения эпохи бронзы Прутско-Днестровского междуречья?

Известно, что протоевропейский тип характеризовал в эпоху бронзы население огромной территории степной полосы СССР вплоть до Енисея, известна крайне слабая его территориальная дифференцированность<sup>13</sup>. Эти обстоятельства, конечно, очень снижают возможности антрополога при установлении расогенетических взаимоотношений на территориях, занимаемых носителями протоевропейского типа. Однако такие возможности возрастают, когда речь идет об окраинных областях распространения этого типа. Дело в том, что массивные, так называемые гиперморфные формы, к которым относится протоевропейский тип, имеют в рассматриваемую эпоху вполне четкую ареальность, занимая северные и восточные области расселения европеоидной расы. На юге и западе распространены гипоморфные, более грацильные формы. Таким образом, в зоне возможных контактов этих двух групп европеоидного населения массивность черепа выступает как признак, наиболее существенный для антропологической диагностики<sup>14</sup>.

<sup>12</sup> Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. IV, 1948, стр. 109.

<sup>13</sup> Там же.

<sup>14</sup> Г. Ф. Дебец, Палеоантропологические материалы из погребений срубной культуры Среднего Заволжья, МИА, № 42, 1954, стр. 491.

Таблица 5

## Средние размеры мужских черепов эпохи неолита и энеолита территориально близких к Прутско-Днестровскому междуречью областей

№ по Мартину	Признаки	Область, памятник, автор									
		Добруджа, Черновод, (Некрасова, Кристеску, 1965)	Олтения, Черника (Некрасова, Кристеску, 1965)	Верхнее Поднестровье, Бильче-Злоте (Стояновский, 1948)	Нижнее Подунавье Русе (Босв, 1966)	Среднее Поднестровье, Выхагиница (Великанова, 1961)	Средиземноморье. Пределы колесбий средних пяти серий эпохи неолита и бронзы	Украина, Надпорожье — Приазовье			
								Васильевка, III (Тохман, 1966)	Воняки (Кондакторова, 1960; Тохман, 1966)	Вольное (Сурнина, Зиневич, 1967)	
1	Продольный диаметр	191,5 (37)	190,1 (34)	184,0 (42)	186,4 (27)	183,4 (5)	182,1—190,9	189,5 (40)	193,2 (35)	194,8 (42)	194,7 (42)
8	Поперечный диаметр	141,2 (41)	140,6 (30)	137,2 (42)	139,8 (28)	132,6 (5)	137,9—140,6	145,6 (40)	144,8 (37)	146,1 (42)	144,6 (50)
8:1	Черепной указатель	73,1 (37)	74,1 (30)	74,6 (42)	75,0*	72,3 (5)	72,2—78,2	76,7 (10)	74,9 (34)	75,1 (42)	74,4 (42)
17	Высотный диаметр	—	—	138,0 (41)	141,4 (45)	135,5 (2)	133,4—139,1	144,3 (3)	145,8 (49)	149,1 (42)	145,3 (48)
9	Наименьшая ширина лба	99,9 (31)	97,2 (27)	97,2 (42)	—	92,8 (5)	95,5—96,8	106,8 (41)	101,2 (37)	101,9 (42)	101,5 (37)
45	Скуловой диаметр	133,0 (7)	125,7 (44)	128,1 (8)	127,6 (47)	127,8 (4)	128,2—133,2	153,5 (9)	146,3 (36)	147,5 (42)	144,5 (42)
48	Верхняя высота лица	69,2 (8)	69,9 (44)	70,6 (41)	72,2 (48)	69,0 (2)	68,2—69,0	75,3 (7)	72,2 (31)	75,8 (42)	73,8 (46)
48:45	Верхнелицевой указатель	53,6 (7)	55,7 (44)	55,0 (8)	56,5*	52,1 (2)	51,6—53,6	49,1 (7)	49,4 (31)	51,4 (42)	51,7 (40)
55	Высота носа	52,4 (8)	52,0 (44)	51,4 (41)	50,9 (27)	52,0 (2)	49,7—51,5	55,8 (7)	53,4 (31)	54,3 (42)	53,5 (47)
54	Ширина носа	25,7 (8)	25,7 (44)	24,5 (41)	24,8 (24)	26,2 (2)	23,8—25,3	26,8 (8)	26,5 (30)	25,9 (42)	26,9 (46)
54:55	Носовой указатель	48,9 (8)	49,6 (44)	47,9 (41)	48,7*	50,2 (2)	46,2—49,7	48,2 (7)	49,4 (29)	47,7 (42)	50,5 (44)
51	Ширина орбиты от <i>mf</i>	39,6 (9)	41,3 (44)	41,1 (41)	42,2 (24)	43,1 (4)	41,0—43,5	47,7 (8)	44,8 (35)	46,0 (42)	44,1 (48)
52	Высота орбиты	33,2 (9)	33,2 (44)	31,5 (41)	31,7 (25)	31,9 (4)	31,4—33,3	32,0 (8)	32,5 (35)	33,6 (42)	32,5 (20)
52:51	Орбитный указатель	84,3 (9)	82,1 (44)	76,9 (41)	75,1*	74,0 (4)	72,2—81,2	67,3 (8)	72,8 (34)	73,1 (42)	73,3 (48)
72	Общий лицевой угол	—	—	85,4 (40)	85,0 (22)	85,5 (2)	84,2—87,8	85,3 (7)	83,5 (26)	84,5 (42)	85,1 (43)
75 (4)	Угол выступания носа	—	—	26,3 (3)	33,2 (43)	38 (4)	—	31,7 (3)	29,6 (49)	31,6 (40)	28,0 (40)

\* Указатели вычислены по средним.

Средние размеры мужских черепов эпохи бронзы Прутско-Днестровского междуречья и сравнительные данные. Объединенные серии

№ по Матрину	Признаки	Румыния		МолдССР	Украина			Ниж. Поволжье, лесостепь
		средняя бронза (Максимелиан, 1960, 1962, Некрасова, 1964)	поздняя бронза (Некрасова, 1964)		поздняя бронза (Великанова, 1970)	Укрaina		
						ямная	катакомбная	
				(Дебэц, 1948; Кондукторова, 1956; Зиневич, 1967)	(Кондукторова, 1955; Зиневич, 1967)		(Дебэц, 1948, 1954; Герасимова, 1958)	
1	Продольный диаметр	188,2 (58)	193,0 (24)	191,6 (17)	191,8 (13)	187,6 (34)	188,1 (10)	189,3 (34)
8	Поперечный диаметр	139,2 (58)	138,7 (24)	136,5 (17)	144,8 (12)	142,0 (33)	139,7 (9)	139,2 (33)
8:1	Черепной указатель	74,1 (58)	72,0 (20)	71,4 (17)	76,3 (12)	75,9 (33)	72,9 (5)	73,3 (33)
17	Высотный диаметр	139,8 (41)	—	141,2 (13)	140,5 (6)	134,9 (18)	138,7 (5)	137,8 (25)
9	Наименьшая ширина лба	96,3 (47)	100,5 (24)	96,9 (17)	99,7 (13)	98,1 (35)	95,8 (9)	98,7 (30)
45	Скуловой диаметр	130,9 (26)	131,7 (13)	136,2 (11)	136,4 (10)	136,8 (26)	133,3 (3)	135,1 (29)
48	Верхняя высота лица	68,9 (26)	73,4 (11)	73,3 (11)	70,0 (11)	72,1 (32)	71,2 (4)	71,1 (29)
48:45	Верхнелицевой указатель	53,1 (24)	56,1 (11)	54,6 (9)	51,4 (11)	52,4 (25)	54,7 (3)	52,6*
55	Высота носа	52,4 (25)	55,0 (11)	53,1 (11)	51,1 (11)	52,7 (34)	53,2 (4)	52,5 (28)
54	Ширина носа	24,5 (25)	25,7 (11)	26,1 (11)	24,9 (11)	25,4 (32)	27,6 (3)	25,0 (24)
54:55	Носовой указатель	47,1 (25)	46,8 (11)	49,3 (11)	48,9 (11)	48,3 (32)	53,8 (2)	47,9 (23)
51	Ширина орбиты от <i>mf</i>	41,7 (29)	41,7 (11)	42,6 (12)	42,5 (10)	42,3 (30)	40,7 (4)	43,6 (26)
52	Высота орбиты	33,5 (29)	33,2 (11)	31,7 (12)	31,2 (11)	32,5 (36)	32,9 (5)	33,6 (29)
52:51	Орбитный указатель	80,6 (28)	80,2 (11)	74,2 (12)	73,3 (10)	77,9 (30)	84,1 (3)	77,1*

\* Указатели вычислены по средним.

Исходя из западного положения Прутско-Днестровского междуречья на территории южно-русских степей и учитывая имеющиеся антропологические данные по Западной Европе и Средиземноморью, с одной стороны, и степному Востоку — с другой, можно предполагать заранее, что Пруто-Днестровье лежит где-то близко к зоне стыка ареалов гипоморфных и гиперморфных европейских групп. Нам, однако, важно точно установить положение рассматриваемой области по отношению к этим двум ареалам. Рассмотрим для этого конкретные антропологические материалы сопредельных — с запада и востока — с Пруто-Днестровьем областей.

Начнем с эпохи неолита (табл. 5). Неолитические серии с территории Румынии (Чернавода, Добруджа<sup>15</sup>, Черника, Олтения<sup>16</sup>) узколицы, хотя и отличаются крупными размерами черепной коробки. Еще более узколиций тип с грацильным строением черепа отмечен в период энеолита в Верхнем Поднестровье (Бильче-Злоте)<sup>17</sup> и Нижнем Подунавье (Русе)<sup>18</sup>.

Сопоставление этих серий с антропологическими данными по Средиземноморью (Греция, Лигурия, Тоскана, Сицилия, Испания<sup>19</sup>) показывает, что все они вполне укладываются в пределы размаха колебаний того гипоморфного антропологического типа, который с древности был характерен для обитателей этой области и получил вследствие этого наименование средиземноморского. Правда, при помощи типологического анализа неолитических серий румынские антропологи обнаруживают в них присутствие помимо средиземноморского и других антропологических типов, в том числе и протоевропейского<sup>20</sup>. Хотя, как нам кажется, в подобных случаях речь идет, скорее, только о нормальной внутрigrupповой изменчивости, однако и действительное просачивание антропологических типов, чуждых для местного населения, вполне вероятно. Западные и юго-западные в направлении Балкан передвижения из области северного Причерноморья, начиная с эпохи неолита, — процесс, твердо устанавливаемый сейчас археологически<sup>21</sup>. Однако для нас важно то обстоятельство (об этом говорят средние арифметические), что средиземноморский элемент на протяжении неолита остается безусловно преобладающим на территории, непосредственно примыкающей к Прутско-Днестровскому междуречью с запада и юго-запада.

Могильников эпохи неолита в самом Прутско-Днестровском междуречье пока не обнаружено. В энеолитический период Пруто-Днестровье лежит в центре расселения племен трипольской культуры, антропологический тип которых относится также к кругу средиземноморских форм (Выхватинский могильник)<sup>22</sup>.

Настоящим контрастом ко всем этим областям в антропологическом отношении является неолитическое население, граничащее с трипольскими племенами с востока. Речь идет о населении днепро-донецкой культуры, распространенной на значительной территории Украины. Оно представляет особый вариант протоевропейского типа, где специфические

<sup>15</sup> O. Necrasov, M. Cristescu, Données anthropologiques sur les populations de l'âge de la pierre en Roumanie, «Homo», Bd. 16, Ht. 3, 1965, p. 129—161.

<sup>16</sup> Там же.

<sup>17</sup> K. Stojanowski, Antropologia prehistoriczna Polski, «Prace i materialy antropologiczne», t. II, № 1, Krakow, 1948.

<sup>18</sup> П. Боев, Антропологично проучване на енеолитичния човек в България, Дисертация за придобиване на научна степен кандидат на медицинските науки, София, 1966.

<sup>19</sup> J. L. Angel, A racial analysis of the ancient Greeks, «American Journal of physical anthropology», vol. II, 1944; G. M. Morant, A preliminary classification of European races, «Biometrika», vol. XX, B., 1928; R. Parenti, P. Messeri, I resti scheletrici umani del neolitico Ligure, «Paleontographia Italica», vol. L (n. s. vol. XX), 1955, Pisa, 1962.

<sup>20</sup> O. Necrasov, M. Cristescu, Указ. раб.

<sup>21</sup> Н. Я. Мерперт, О связях Северного Причерноморья и Балкан в раннем бронзовом веке, КСИА, № 105, 1965, стр. 10—13.

<sup>22</sup> М. С. Великанова, Указ. раб.

черты этого типа — общая массивность, большая ширина лица — выступают в особо подчеркнутом виде<sup>23</sup> (табл. 5).

Обращаясь к эпохе бронзы, мы на всем ее протяжении обнаруживаем на территории Украины, население, хотя и уступающее в отношении массивности скелета носителям днепро-донецкой культуры, но также являющееся по типу протоевропейским либо генетически восходящим к нему<sup>24</sup> (табл. 6).

К западу же от Прутско-Днестровского междуречья неизменность антропологического состава в самом начале эпохи бронзы (точнее, в период, переходный к бронзе), на первый взгляд, как будто бы нарушается. Вся степная и лесостепная Румыния в этот период покрыта могильниками со скорченными и окрашенными охрой погребениями. Антропологический тип, хорошо известный по многочисленным памятникам (Глэвенешть, Корлэтенъ, Стойкань-Четедуйе<sup>25</sup>, Брейлица, Холбока, Змении, Валя-Лупулуй<sup>26</sup>), — протоевропейский. Однако восточное, северно-причерноморское происхождение культуры «погребений с охрой» не вызывает никаких сомнений<sup>27</sup>. Несмотря на широкое распространение этой культуры в восточной Румынии, несмотря на то, что движение отдельных групп северопонтийских племен продолжалось, то усиливаясь, то затихая, и в дальнейшем<sup>28</sup>, преобладание протоевропейского типа на территории западной Прута не становится постоянным явлением. Даже в населении такой культуры средней бронзы, как культура Монтеору, являющейся автохтонной, но занимающей территориально именно область погребений с охрой и воспринявшей, как считается, отдельные восточные влияния, даже в такой группе, грацильный средиземноморский тип имеет безусловное преобладание<sup>29</sup> (табл. 6). В период поздней бронзы можно отметить некоторое изменение в антропологическом типе населения. Объединенная серия черепов из восточной Румынии отличается от серии культуры Монтеору в сторону увеличения общих размеров черепа, ширины лица. Скуловой диаметр возрастает, величина его лежит уже на верхней границе выраженности этого признака у средиземноморских групп. Однако несмотря на это, по сравнению с населением поздней бронзы восточных территорий Украины и Нижнего Поволжья<sup>30</sup>, румынская группа оказывается все-таки более узколицей (табл. 6).

Итак, можно заключить, что Прутско-Днестровское междуречье на протяжении эпох неолита и бронзы представляло собой область погра-

<sup>23</sup> И. И. Гохман, Население Украины в эпоху мезолита и неолита, М., 1966, Т. С. Сурнина, Палеоантропологический материал из Вольненского неолитического могильника, «Антропологический сборник», III, «Труды ин-та этнографии, АН СССР», т. XXI, М., 1961; Т. С. Кондукторова, Палеоантропологичні матеріали вонизьких пізньонеолітичних могилок, — Матеріали з антропології України, вып. 1, Київ, 1960; Г. П. Зиневич, Очерки палеоантропологии Украины, Киев, 1967.

<sup>24</sup> Т. С. Кондукторова, Материалы по палеоантропологии Украины, «Антропологический сборник», I, «Труды ин-та этнографии АН СССР», т. XXXIII, 1956, Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, Г. П. Зиневич, Указ. раб.

<sup>25</sup> Н. Хаас, К. Максимилиан, Антропологическое исследование окрашенных костей из комплекса могил с охрой в Глэвенешти Век, Корлэтенъ и Стойкань Четедуйе, «Сов. антропология», 1958, № 4.

<sup>26</sup> O. Necrasov, M. Cristescu, Указ. раб.

<sup>27</sup> В. Зирра, Культура погребений с охрой в Закарпатских областях РНР, «Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и РНР», Кишинев, 1960, 114—120.

<sup>28</sup> Н. Я. Мерперт, Указ. раб., стр. 16.

<sup>29</sup> C. Maximilian, Sărata-Monteoru, Studiu antropologic, Bucuresti, 1962, p. 181—186; его же, Observații antropologice asupra craniilor de la Poiana, «Probleme de antropologie», vol. 5, 1960, p. 71—82; О. К. Некрасова, К изучению антропологического состава населения бронзового века восточной части Румынской народной республики, Сб. «Современная антропология», Труды МОИП, т. XIV, 1964, стр. 272—283.

<sup>30</sup> Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, стр. 104; его же, Палеоантропологические материалы из погребений срубной культуры Среднего Заволжья, стр. 485; Т. С. Кондукторова, Материалы по палеоантропологии Украины, стр. 174; Г. П. Зиневич, Указ. раб., стр. 113—115, М. М. Герасимова, Череп из погребений срубной культуры в Среднем Поволжье, КСИИМК, № 71, 1958, стр. 72—77.

ничья ареалов двух больших краниологических подразделений европейского расового ствола — форм массивных, широколицых и грацильных узколицых. Следовательно, обнаруживая на этой территории в эпоху бронзы протоевропейский тип, мы имеем все основания связывать происхождение его носителей только с восточными по отношению к Пруту Днестровью областями.

Учитывая отличие физического типа позднетрипольского населения известного по Выхватинскому могильнику, можно считать, что на протяжении II тысячелетия до н. э. в Прутско-Днестровском междуречье происходит смена населения. Трудно сказать, когда именно происходит эта смена, так как нет данных по более ранним этапам эпохи бронзы. Трудно сказать, были ли позднетрипольские племена вытеснены пришельцами с востока или поглощены им. Во всяком случае, никакого влияния средиземноморского типа, который представлен у трипольцев, в антропологическом типе населения поздней бронзы не ощущается.

К аналогичным выводам о происхождении рассматриваемых групп приводит и рассмотрение остеологического материала (табл. 7).

Как согласуются полученные выводы с данными археологии? Восточные связи той группы, которой оставлен могильник Калфа, вполне подтверждаются ее принадлежностью срубной культуре<sup>31</sup>.

Сложнее вопрос с группой, относящейся к культуре Ноа. Наибольшая часть ареала этой культуры, занимающей кроме северной Молдавии Прикарпатье, Молдову и Трансильванию, лежит к западу от Пруто-Днестровья. Могильник Ст. Бедражи относится к наиболее восточной группе памятников культуры Ноа.

Существуют две точки зрения на происхождение культуры Ноа в Румынии. Первая ведет ее происхождение от местных культур предшествовавшего периода средней бронзы, главным образом культуры Монтеору<sup>32</sup>. Другая точка зрения связывает формирование культуры Ноа с появлением пастушеских племен из степей юга Европейской части СССР. Культура Ноа сложилась, согласно этому взгляду, не в результате естественного развития местных культур, но на основе синтеза их с культурой пришельцев<sup>33</sup>.

Антропологические данные согласуются скорее со второй точкой зрения. Сравнение наиболее представительных краниологических серий культуры Ноа (Старые Бедражи, МолдССР и Трушешть, Молдова)<sup>34</sup> с серией культуры Монтеору средней бронзы (Сэрата — Монтеору, Молдова) обнаруживает существенное различие между ними (табл. 8).

Направление и размах различий таковы, что с определенностью позволяют говорить как о появлении новых групп населения в Молдове и МолдССР, так и о восточном направлении происхождения пришельцев.

В то же время антропологические данные свидетельствуют и об участии местных элементов в формировании состава населения культуры Ноа. Это участие было, вероятно, неравномерным в разных коллективах носителей культуры. Так, антропологический тип серии из Трушешть очень близок к типу черепов из Старых Бедражей и также может считаться протоевропейским, не воспринявшим никаких местных влияний. Другие серии культуры Ноа с территории Румынии, правда очень малочисленные, оказываются уже несколько другими. Черепа из Пробот<sup>35</sup>

<sup>31</sup> Г. Ф. Чеботаренко, Указ. раб.

<sup>32</sup> M. Petrescu-Dâmbovița, Sfârșitul epocii bronzului și inciputul epocii fierului în Moldova, «Studii și cercetări de istorie veche», № 3—4, 1953; его же, Конец бронзового и начало раннежелезного века в Молдове в свете последних археологических раскопок, «Dacia», n. s., t. IV, 1960, 139—159.

<sup>33</sup> A. Florescu, Contribuții la cunoașterea culturii Noua, «Arheologia Moldovei», t. II—III, 1964, стр. 203—208.

<sup>34</sup> О. К. Некрасова, Указ. раб.

<sup>35</sup> О. К. Некрасова, Указ. раб.

Средние размеры длинных костей, рост и вес мужского населения эпохи бронзы  
Прутско-Днестровского междуречья и сравнительные данные

Признаки	МолдССР, поздняя бронза (Великанова, 1970)	Украина и Поволжье, срубная культура, (Дебец, 1948. 1954 Кондукторова, 1956)	Лигурия, неолит (Паренти, Мессери, 1962)	Греция, неолит, бронза* (Энджел, 1946)
Наибольшая длина бедренной кости	46,91 (13)	45,72 (43)	42,28 (18)	42,03 (14)
Общая длина большой берцовой кости	38,83 (10)	37,65 (35)	35,23 (24)	33,52 (10)
Наибольшая длина плечевой кости	33,78 (11)	33,55 (38)	30,48 (22)	29,64 (11)
Наибольшая длина лучевой кости	25,58 (9)	25,50 (34)	23,75 (22)	22,29 (6)
Окружность середины диафиза бедренной кости	9,16 (14)	9,16 (43)	8,78 (20)	8,32 (13)
Наименьшая окружность диафиза большой берцовой кости	7,98 (13)	7,85 (36)	7,53 (23)	7,49 (10)
Наименьшая окружность диафиза плечевой кости	6,85 (12)	6,79 (36)	6,40 (24)	5,55 (9)
Рост по формуле Г. Ф. Дебеца**	171,0	169,0	159,3	161,4
Вес	68,9	67,4	59,8	57,2

\* J. L. Angel, Skeletal change in ancient Greece, «American Journal of physical anthropology», vol. 4, p. s. № 1, 1946, p. 69—97.

\*\* Г. Ф. Дебец, Опыт определения веса живых людей по размерам длинных костей, Доклад на VII МКАЭН, М., 1964.

Таблица 8

Средние размеры мужских черепов культуры Ноуа и сравнительные данные

№ по Мартину	Признаки	Ноуа				Монтеору с элементами Ноуа, Балинтешт (Кристеску и др., 1966)	Монтеору, Сэрага-Монтеору, (Максимлян, 1962)
		Старые Бедражы (Великанова, 1970)	Трушешть (Некрасова, 1964)	Пробота (Некрасова, 1964)	Дойга (Кристеску, Антониу, 1962)		
1	Продольный диаметр	192,3 (10)	193,4 (15)	182,5 (2)	196,7 (4)	186,4 (5)	187,8 (48)
8	Поперечный диаметр	134,6 (10)	139,6 (15)	136,0 (2)	136,7 (4)	137,6 (5)	139,3 (48)
8:1	Черепной указатель	70,1 (10)	72,2 (14)	74,9 (2)	69,6 (4)	73,4 (5)	74,3 (18)
20	Ушная высота	117,6 (10)	114,7 (14)	115,5 (2)	119,2 (4)	116,2 (5)	111,3 (34)
	Наименьшая ширина лба	96,7 (10)	101,0 (15)	95,5 (2)	101,0 (4)	95,3 (3)	95,2 (37)
45	Скуловой диаметр	135,7 (6)	134,9 (7)	126,5 (2)	128,7 (4)	132,0 (4)	129,9 (21)
48	Верхняя высота лица	72,6 (7)	74,3 (7)	72,0 (2)	71,5 (2)	70,0 (3)	68,9 (21)
	Верхнелицевой указатель	54,3 (6)	54,9 (7)	56,9 (2)	59,4 (2)	53,6 (3)	53,8 (19)
55	Высота носа	52,4 (7)	54,9 (7)	53,0 (2)	57,5 (2)	50,5 (4)	52,4 (20)
54	Ширина носа	26,7 (7)	26,2 (7)	25,0 (2)	24,5 (2)	23,8 (4)	23,9 (20)
54:55	Носовой указатель	51,0 (7)	47,7 (7)	47,4 (2)	42,8 (2)	47,0 (4)	46,0 (20)
51	Ширина орбиты от mf	42,4 (7)	42,2 (7)	39,0 (2)	42,5 (2)	39,5 (4)	41,4 (24)
52	Высота орбиты	31,7 (7)	34,0 (7)	31,5 (2)	32,0 (2)	32,2 (4)	33,6 (24)
52:51	Орбитный указатель	74,7 (7)	81,5 (7)	80,5 (2)	75,6 (2)	81,6 (4)	81,5 (23)

и Дойны<sup>36</sup> значительно более грацильны, узколицы. Большей узколицестью и грацильностью отличается также серия из Балинтешт — памятника, считающегося переходным от культуры Монтеору к культуре Ноуа<sup>37</sup>. Этими чертами перечисленные группы обязаны, вероятно, вхождению в них элементов средиземноморского типа автохтонного населения эпохи средней бронзы. Трансильванские серии культуры Ноуа из

<sup>36</sup> M. Cristescu, S. Antoniu, Contribuție la cunoașterea structurii antropologice a populației aparținind culturii Nouă din Moldova, «Analele științifice ale Univ. «Al. I. Cuza», din Iași» sec. II, t. VIII, f. 2, 1962, pp. 193—203.

<sup>37</sup> M. Cristescu, S. Sandu-Antoniu, R. Klüger, Studiul antropologic al schelelor de la Cioinagi-Bălințești, «Studii și cercetări de antropologie», t. 2, № 1, 1965, pp. 29—42.

Клу́жа<sup>38</sup> и Мо́решти<sup>39</sup> отличаются преобладанием мезокранных и брахикранных форм, что также связано с местными влияниями; в небольшой, но единственной имеющейся серии периода средней бронзы из Трансильвании (Пир), состоящей из 6 черепов, также преобладают брахикраны<sup>40</sup>.

Сопоставляя вышесказанное с картой памятников культуры Но́уа, нетрудно заметить, что значение местных элементов в антропологическом составе ее носителей возрастает по мере продвижения к западу. Следовательно, влияние пришло́го протоевропейского компонента не было одинаково сильным по всей территории распространения культуры от Днестра до Трансильвании, а, скорее, затухало к западу.

В наиболее «чистом» виде протоевропейский тип обнаруживается на территории Прутско-Днестровского междуречья. Здесь нет оснований говорить ни о влиянии со стороны населения предшествующих периодов ни о влияниях из более западных областей распространения культуры. Последнее важно отметить в связи со следующим. Констатируя большое значение восточных влияний в культуре Но́уа, археологи, разделяющие эту точку зрения, считают, что произошедший этнокультурный сдвиг вызвал в свою очередь противотечения, отголоски которого довольно сильно отразились в степях Северо-Западного Причерноморья<sup>41</sup>. Это противотечение нельзя, конечно, представить в целом как передвижения людей, однако возможность переселений отдельных коллективов не может быть, очевидно, исключена. «Неразбавленность» протоевропейского типа серии из Ст. Бедражей устраняет возможность предположения о переселении этой группы культуры Но́уа с запада в результате такого процесса.

#### THE BRONZE AGE POPULATION OF PRUT-DNESTR VALLEY (ACCORDING TO ANTHROPOLOGICAL DATA)

The anthropological materials studied stem from two burial grounds of the Bronze era in the Prut-Dniestr interfluvial area. The same anthropological type was uncovered in both burial grounds: widefaced, with a massive skull, on the whole resembling the protoeuropean.

Analysis of anthropological data from adjacent territories shows that during the Neolithic and Bronze eras the Prut-Dniestr interfluvial area formed a borderland between two great craniological subdivisions of the Caucasian race — the eastern characterized by a prevalence of massive, widefaced types and the western where fine-structured narrow-faced types predominated. On these grounds the origin of the Prut-Dniestr interfluvial population in the Bronze era may be linked with areas lying to the east of the region.

<sup>38</sup> I. Russu, M. Șerban, N. Motiuc, T. Farcaș, Date antropometrice asupra populației vechi (epoca tîrzie a bronzului) din regiunea Cluj, «Morfologia normală și patologică», I, 1958.

<sup>39</sup> О. К. Некрасова, Указ. раб.

<sup>40</sup> O. Necrasov, M. Cristesco, Etude anthropologique des squelettes de l'âge du bronze, découverts à Pir (Baia Mare), appartenant à la culture Otomani, «Analele științifice ale Univ. «Al. I. Cuza» din Iași», sec. II. t. VI, f. 1, 1960, p. 39—48; О. К. Некрасова, Указ. раб.

<sup>41</sup> A. Florescu, Указ. раб., стр. 207.

**Мак Дьонг**

## **ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ ВО ВЬЕТНАМЕ \***

Несмотря на то, что марксистская этнография как научное направление сложилась во Вьетнаме только после первой войны Сопротивления (1945—1954), этнографические знания в стране начали накапливаться с самых древних времен<sup>1</sup>.

Уже средневековые эпиграфические памятники (VII и XI вв.) содержат некоторые данные об этническом составе и быте населения страны. Интересные сведения о расселении различных народов, о культуре и быте вьетов в период средневековья можно почерпнуть и из нарративных источников, например, из книги «Историко-географические записки», автором которой был известный историк-патриот Нгуен Чай (1427—1468)<sup>2</sup>.

Однако первой этнографической работой можно считать труд знаменитого вьетнамского энциклопедиста XVIII в. Ле-куи-Дона<sup>3</sup>. Это многотомное издание, состоящее из 967 глав, в которых, наряду с историческими и философскими изысканиями, приводится также подробная характеристика предметов материальной культуры вьетов, в том числе земледельческих орудий, народных музыкальных инструментов, одежды и украшений, пищи. Заслугой Ле-куи-Дона можно считать то, что он первый обратил внимание на большое значение рисосеяния в жизни вьетов и разработал типологию рисоводческого земледельческого хозяйства. Другое сочинение этого же автора, «Краткое описание увиденных явлений»<sup>4</sup>, особенно интересно тем, что в нем, помимо этнографического очерка жизни вьетов в XIV—XV вв., приводится также большой материал о горных народах современного Северного Вьетнама — тхо, тхай, нунг, са, яо, мяо, лава.

В XVIII в. группа придворных ученых составила описание южной части страны<sup>5</sup>, в частности провинции Тхуанкуан, расположенной на юге современной центральной части Вьетнама (Чунгбо). В этой книге впервые мы находим сведения о мон-кхмерских народах западной части Чунгбо (бру, ванкьеу, тойой, кхату и др.).

В начале XIX в. под руководством историка Фан-хыу-Тью был со-

---

\* Освещаемая автором тема частично поднималась ранее вьетнамским этнографом Фан-хау-Затом (см. его статью «Вьетнамская этнографическая литература за 15 лет ДРВ», «Сов. этнография», 1961, № 3).

<sup>1</sup> В 1960 г. историком Дао-зуй-Анем в уезде Донгшон провинции Тханьхоа был обнаружен эпиграфический памятник, который датируется 618 г. н. э. Этот памятник содержит некоторые данные о смешении ханьских и вьетских групп в начале н. э. См.: *Đào duy - Anh, Bìa cổ ở Trùng xuân với văn đề nhạ: Tiên Lý, «Nghiên cứu lịch sử»* (далее NCLS), № 50, Hanoi, 1963; *Trần văn - Giáp, Văn bia Việt nam*, там же, № 118, Hanoi, 1969.

<sup>2</sup> *Nguyễn - Trai, Du địa chí*, Hanoi, 1960.

<sup>3</sup> *Le quý - Dôn, Văn dải loại ngu* («Записки о многослойном мире»), Hanoi, 1962.

<sup>4</sup> *Le quý - Dôn, Kiên văn tiêu lục*, Hanoi, 1962.

<sup>5</sup> «*Phu biên tạp lục*» («Общие сведения о южных округах»), Hanoi, 1962.

ставлен свод обрядов и традиционных установлений<sup>6</sup>, в котором приводится подробное описание придворного этикета и быта феодальных кругов этого периода. В середине XIX в. был опубликован ряд сочинений и путевых записок путешественников, включающих сообщения не только о народах Вьетнама, но и о населении сопредельных стран, в особенно сти Лаоса и Камбоджи<sup>7</sup>.

Можно сказать, что в этот первый период развития этнографических знаний этнография еще не выделилась как особая наука из общего комплекса историко-географических наук. Историки феодального времени, одновременно являвшиеся этнографами и географами, в большинстве своем выступают как наивные материалисты, хотя их мировоззрение и формировалось под большим влиянием идей конфуцианства и буддизма.

В XVI—XVII вв. начинается проникновение во Вьетнам европейцев преимущественно итальянцев и французов. Первые европейские купцы и миссионеры интересовались историей, обычаями, нравами и языком вьетнамцев. Ранний период этнографического изучения Вьетнама европейцами связан с именем миссионера и ученого XVII в. Александра де Рода — автора многих книг, содержащих собранный им богатейший материал о быте, культуре и языке вьетов в период разложения феодализма<sup>8</sup>. Им же была разработана и введена в обиход «кюок нгы» — вьетнамская письменность на основе латинской графики. Однако объективно научные исследования Александра де Рода способствовали проникновению и закреплению во Вьетнаме французского колониализма, о чем наглядно свидетельствуют его собственные слова: «Французы должны овладеть Айнном. Если нам удастся это сделать, наши торговцы овладеют необъятными богатствами, получают высокие прибыли»<sup>9</sup>.

Этнографические знания европейцев о Вьетнаме расширялись одновременно с завоеванием нашей страны французскими колонизаторами. Как правило, офицеры французской колониальной армии сведения, собранные ими в период захватнической войны, использовали для написания специальных работ, в дальнейшем оказавших немалую помощь колониальной администрации.

Среди наиболее известных исследователей, вышедших из среды французского офицерства, можно отметить прежде всего А. Бонифаси. Большинство его работ посвящено изучению горных народов, живущих в верхнем течении реки Красной (Хонг Ха), в особенности групп яо<sup>10</sup>. Кроме того, он известен своими обобщающими трудами «Курс сравнительной этнографии» и «Курс этнографии Индокитая»<sup>11</sup>.

Другой французский офицер, Э. Люнэ де Лажонкиер, специализировался в области изучения тайско-ханьской группы народов, расселен-

<sup>6</sup> Phan huy-Chú, Lich triêu hiên chuông loai chi («Историческое обозрение Колонизаторства»), Hanoi, 1960.

<sup>7</sup> Например: Trính hoai-Duc, Gia dinh thành thông chi («Записки о крепости Зиа Динг»), рукописный подлинник хранится в Институте истории при Комитете общественных наук ДРВ; То ngoc-Khuyn, Cao-mên ky luoc, рукописный подлинник хранится там же.

<sup>8</sup> A. de Rhôdes, Histoire du Royaume de Tonquin, Lyon 1651, trad. par R. Henry Vidal; его же, Relations des progrès de la Royaume de la Cochinchine, Paris, 1652; его же, Divers voyages et missions, Paris, 1633.

<sup>9</sup> A. Thomazi, La conquête de L'Indochine, Paris, 1934, p. 13—14. Оценку личности этого колонизатора в сутане см.: Э. О. Берзин, Католическая церковь в Юго-Восточной Азии, М., 1966, стр. 33.

<sup>10</sup> A. Bonifacy, Etude sur les Tays de la Rivière Claire au Tonkin et dans la Chine méridionale (Yunnan et Kouangsi), «Bulletin de la Société d'Anthropologie de Paris», serie II, vol. VIII, 1907; его же, Les groupes ethniques du bassin de la Rivière Claire, «Bulletin et mémoire de la Société d'Anthropologie de Paris», serie V, 1906. В 1905—1911 гг. в журн. «Индокитайское обозрение» были опубликованы более десяти статей А. Бонифаси, посвященных изучению разных групп яо Вьетнама.

<sup>11</sup> A. Bonifacy, Cours d'ethnographie comparée, Hanoi, 1889; его же, Cours d'ethnographie indochinoise, Hanoi, 1919.

ных в восточной части северного Вьетнама (Бакбо). Его внимание привлекали социальная организация и особенности быта этих народов<sup>12</sup>. В отличие от этих исследователей, миссионер Л. Кадьер, работавший в Центральном Вьетнаме (Чунгбо), главное внимание сосредоточил на изучении верований и фольклора народов этой области, в частности горных вьетов<sup>13</sup>. Л. Кадьер основал научное «Общество друзей древнего Хюэ».

Журнал, издаваемый этим обществом, был одним из первых специальных этнографических периодических изданий периода господства французских колонизаторов. В 1893 г. в Ханое был основан журнал «Индокитайское обозрение» («Revue indochinoise»), переименованный в 1904 г. в «Иллюстрированное индокитайское обозрение» («Revue indochinoise illustrée»). В 1883 г. в Сайгоне стал выходить «Бюллетень Общества по изучению Индокитая» («Bulletin de la Société des Etudes Indochinoises»), в котором печатались статьи, посвященные истории и социальной организации народов Вьетнама. И, наконец, в 1901 г. в Ханое был создан научный центр общественных наук (преимущественно древней истории, археологии и этнографии) — Французская школа по изучению Дальнего Востока. Печатный орган этого центра — «Бюллетень Французской школы по изучению Дальнего Востока» («Bulletin d'Ecole Française d'Extrême Orient») — широко известен. Следует отметить, что, несмотря на большую и плодотворную работу указанных научных обществ и журналов, в целом их деятельность предопределялась той политикой культурного порабощения вьетнамского народа, которая проводилась французскими колонизаторами.

Период между мировыми войнами можно характеризовать как новый этап в развитии истории, археологии, этнографии и антропологии Индокитая, в том числе и Вьетнама. В это время публикуются труды таких известных ученых, как А. Масперо, М. Колани, Э. Сорен, А. Мансюи, Э. Пат, П. Верно, Ж. Кюизинье, А. Робекен. Несмотря на трудности, создаваемые колониальным режимом, в этот же период выдвинулись и вьетнамские ученые — Нгуен-ван-Хюэн, До-суан-Хоп, Чан-ван-Зап, Дао-дуй-Ань<sup>14</sup> и др. Тогда же были сформулированы основные проблемы истории, археологии и этнографии Вьетнама, как, например, происхождение народов Индокитая, их этнолингвистическая классификация, особенности и формы духовной и материальной культуры.

Пожалуй, наибольший вклад в этнографию внесли М. Колани и Ж. Кюизинье. М. Колани исследовала не только археологические культуры Вьетнама, но и быт современного населения. Она интересовалась также методическими проблемами, которые изложены в ее работе «Курс сравнительной этнографии»<sup>15</sup>. Ж. Кюизинье посвятила свои работы изучению народа мыонг, близкого по происхождению к вьетам. Ее книга о мыонгах<sup>16</sup> представляет собой хороший историко-этнографический очерк, содержащий богатый фактический материал. К сожалению, в ряде случаев ценность исследования несколько снижается, например, из-за того, что она недостаточно обратила внимание на традиционные формы хозяйства и социальную структуру мыонгов.

<sup>12</sup> E. Lunet de Lajonquière, *Ethnographie du Tonkin septentrional*, Paris, 1906.

<sup>13</sup> L. Cadière, *Croyances et dictons populaires de la vallée de Nguôn-son*, «Bulletin d'Ecoles Française d'Extrême Orient» (далее BEFEO), t. I, II, 1901; его же, *La famille et la religion en pays annamites*, BEFEO, t. IV, 1930.

<sup>14</sup> Nguyễn van-Huyên, *Introduction de l'étude de l'habitation sur pilotis dans l'Asie du Sud-Est*, Paris, 1934, Đỗ xuân-Hoà, *Les crânes Mois*, «Bulletin de l'Institut de l'Indochine d'études des hommes», № 2, Hanoi, 1940; Đào duy-Anh, *Việt nam văn hóa su cùng*, Hue, 1938.

<sup>15</sup> M. Colani, *Cours d'ethnographie comparée*, BEFEO, 1936—1937.

<sup>16</sup> J. Cuisinier, *Les Muongs. Géographie humaine et sociologie*, Paris, 1936.

Этот период характеризуется также значительным повышением интереса к культуре горных народов Индокитая, которым посвящается ряд специальных исследований<sup>17</sup>.

По предварительным данным Министерства культуры ДРВ (1955 г. опубликованные за время французского господства этнографические работы по Индокитаю тематически распределяются следующим образом<sup>18</sup>:

Тема	Число книг
нравы, обычаи, религия (верования фольклор	525
монографии и историко-этнографические очерки	231
языки и письменность	120
этническая антропология	50
этническая география	12
обычное право	12

Нередко французские исследователи недооценивали роль этнической и культурной самобытности народов Индокитая и Юго-Восточной Азии в целом. Так А. Груссе писал, что «... политическая структура и социальный строй народов Юго-Восточной Азии примыкают к китайскому типу, а духовная культура, религия и искусство восходят к Индии» О. Жансе считал, что донгшонская культура во Вьетнаме была заимствована из гальштадской культуры в Европе<sup>20</sup>. Следует отметить, что французских ученых сравнительно мало интересовало изучение хозяйственной деятельности и социальной организации у исследуемых ими народов. В области истории культуры они были склонны преувеличивать роль внешних влияний в становлении местных культур.

За период французского господства во Вьетнаме была создана колониальная школа в истории, этнографии и археологии, ряд представителей которой в своей практической деятельности шел зачастую рука об руку с колонизаторами. И это понятно. «Прогресс техники и науки, — подчеркивал В. И. Ленин, — означает в капиталистическом обществе прогресс в искусстве выжимать пот»<sup>21</sup>. Вместе с тем публикации работ ряда ученых того времени объективно расширяли представления о культуре народов Вьетнама, делали сведения о них доступными широкому кругу читателей. Среди ученых этого периода были и исследователи, труды которых знаменовали начало собственно вьетнамской науки: Нгуен-ван-Хюэн, До-суан-Хоп.

\* \* \*

В 1945 г. во Вьетнаме победила Августовская революция. 2 сентября была провозглашена Демократическая Республика Вьетнам. Под влиянием идей ленинской национальной политики начинается современный этап развития этнографических знаний.

Еще во время войны, в трудных условиях 1945—1950 гг., проводились первые этнографические экспедиции для сбора новых полевых материалов у горных народов Вьетнама. Силами участников этих экспедиций были собраны материалы для создания письменности на латинской основе для многих малых народов страны, в особенности для меньшинств плато Тхайнгуйен.

С 1950 по 1954 гг. был проведен ряд полевых исследований в районах предгорий, т. е. там, где феодальные отношения среди малых

<sup>17</sup> М. Abadie, *Les races du Haut Tonkin*, Paris, 1924; H. Maitre, *Les jungles Moïs*, Paris, 1912; D a m B o, *Les populations montagnardes du Sud Indochine*, Lyon, 1950.

<sup>18</sup> См. журн. «*Dân tộc*», Hanoi, 1961, № 19.

<sup>19</sup> A. Grousset, *Histoires d'Extrême — Orient*, Paris, 1929, pp. 1—2.

<sup>20</sup> O. Jansé, *Recherches archéologiques en Indochine*, Harvard University Press, 1945—1947.

<sup>21</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 23, стр. 19.

народов были наиболее развиты. Эти экспедиции ставили своей целью не только изучение и описание общественного строя и характера землепользования у исследуемых народов, но также выяснение возможностей проведения земельной реформы, путей повышения уровня жизни национальных меньшинств, постепенной ликвидации фактически сохранившейся еще эксплуатации народных масс местными феодалами.

Создание в 1955—1956 гг. двух автономных национальных районов Вьетбак и Тайбак поставило перед этнографами ДРВ новые задачи, связанные с более глубоким изучением истории и этнографии национальных меньшинств. Руководствуясь в своей деятельности политикой Партии Трудящихся Вьетнама, молодые этнографы-марксисты на основе полевых исследований 1950—1957 гг. создали коллективную монографию, в которой впервые в истории этнографической науки страны было дано описание всех горных народов Вьетнама<sup>22</sup>. Параллельно с этой монографией был подготовлен первый полный перечень народов страны и их подразделений.

В 1958 г. было открыто отделение этнографии при Институте истории ДРВ. В конце 1968 г. на базе этого отделения был создан Институт этнографии при Комитете общественных наук ДРВ. В это же время на историческом факультете Ханойского университета начала работать кафедра этнографии.

В 1963—1964 гг. новые полевые материалы были опубликованы в двух книгах, в которых рассматривалась этническая специфика и особенности культуры горных народов Северного Вьетнама. В первой из них, принадлежащей перу Вьонг-хуан-Туэна, содержится попытка доказать существование у малых народов Вьетнама мон-кхмерских элементов культуры, обусловленных проявлением черт древнего аустроазиатского субстрата<sup>23</sup>. Во второй книге, написанной автором данной статьи<sup>24</sup>, впервые во вьетнамской науке к территории, представляющей собой область расселения китайско-тибетских и мон-кхмерских групп, было применено учение о хозяйственно-культурных типах и историко-этнографических областях, разработанное, как известно, советскими учеными. В 1968 г. Ла-ван-Лю и Данг-нгием-Ван опубликовали книгу «Историко-этнографический очерк народов тай, тхай и нунг во Вьетнаме»<sup>25</sup>, в которой анализируют материальную и духовную культуру, а также этнические процессы у этих народов в период построения социализма.

Социальной структуре земледельцев вьетов была посвящена книга Нгуен-хонг-Фонга «Сельская община во Вьетнаме»<sup>26</sup>. Автор рассматривает динамику развития быта вьетского населения равнинных районов и особо останавливается на изучении пережитков и путей их преодоления в период социалистического переустройства вьетнамской деревни.

Результаты этнографических исследований в ДРВ были отражены не только в вышеупомянутых монографических исследованиях, но и в целом ряде статей, публиковавшихся в период с 1959 по 1965 г. в журналах «Исторические исследования» («Nghiên cứu lịch sử»), «Народ» («Dân tộc»). В этих статьях затрагивались самые различные аспекты этнографии народов Вьетнама, от социальной организации до вопросов

<sup>22</sup> La van - Lô, Nguyễn Hữu - Thái, Mạc - Duong, Các dân tộc thiểu số ở Việt nam, Hanoi, 1959.

<sup>23</sup> Vương hoàng - Tuyên, Các dân tộc nguồn gốc Nam-A ở miền Bắc Việt nam, Hanoi, 1963.

<sup>24</sup> Mạc - Duong, Các dân tộc miền núi Bắc Trung bộ, Hanoi, 1964.

<sup>25</sup> La van - Lô, Đặng nghiêm - Van. Sơ lược giới thiệu các dân tộc Tày, Nùng, Thái ở Việt nam, Hanoi, 1968.

<sup>26</sup> Nguyễn hồng - Phong, Xã thôn Việt nam, Hanoi, 1960.

этногенеза как вьетов, так и малых народов Вьетнама<sup>27</sup>. Ученые Ха-ван-Тан и Нгуен-динь-Хоа выступили со статьями по этнической антропологии<sup>28</sup>. В связи с проведением в 1960 г. переписи населения ДРВ, вьетнамские этнографы провели научную дискуссию о принципах определения этнического состава и особенностях современных этнических процессов у малых народов страны<sup>29</sup>. Вьетнамские ученые исследовали также проблемы национальных взаимоотношений в условиях всенародного отпора агрессорам. В 1965—1966 гг. журналы опубликовали статьи, в которых освещались особенности борьбы горных народов Южного Вьетнама против агрессоров, за свободу и национальную независимость, за единство народов страны<sup>30</sup>.

Необходимо отметить большую роль советских научных учреждений (особенно кафедры этнографии исторического факультета МГУ и Института этнографии АН СССР) в деле подготовки кадров вьетнамских этнографов, в создании и развитии марксистской этнографии во Вьетнаме. Теоретические, методические и методологические труды советских ученых, а также написанные ими учебные пособия по этнографии и антропологии, хорошо известны вьетнамским этнографам и археологам.

Мы постарались показать, что передовая марксистская этнография ДРВ служит делу строительства социализма, борьбе народов Вьетнама против гнета колонизаторов и империалистов, тесно связана с народными интересами. Вместе с тем, в оккупированных американской армией больших городах Южного Вьетнама до сих пор распространены реакционные течения в этнографии. Так, в Сайгоне в 1958 г. был основан Институт археологии, в котором имеются секторы археологии, этнографии и социологии. Институтом в 1958—1960 гг. руководил археолог Нгием Тхам, затем с 1960 по 1961 г. — этнограф Чан-ван-Тхуан, а с 1961 г. — философ Нгуен-данг-Тхук. Кафедра этнографии существует при Университете Хюэ. В Сайгоне до 1960 г. работало созданное с помощью американских агрессоров «Общество по изучению азиатской культуры». Периодические научные издания, посвященные вопросам истории, археологии и этнографии, сохранившие демократические традиции, подверглись репрессиям. Так, например, журнал «Исторические и географические исследования» («*Tạp chí Su địa*») был закрыт после выхода в свет 6 номеров; приблизительно такого же была судьба журналов «Археология» («*Khao cổ tập san*») и «Сообщения филологического университета в Сайгоне» («*Dai hoc Van khoa thông báo*»). Единственный журнал, который продолжает публиковаться регулярно, это издаваемый под контролем французских ученых «Бюллетень исследований Индокитай» («*Bulletin d'études de l'Indochine*») на французском языке. В Сайгоне работает также созданный американским посольством «Центр по исследованию Вьетнама», который главным образом осуществляет переводы работ американских исследователей в области общественных наук на вьетнамский язык. Эти переводы разрешены к использованию в качестве учебных пособий для преподавания этнографии в южновьетнамских университетах.

Деятельность сектора этнографии сайгонского Института археологии преимущественно посвящена исследованию явлений и проблем ре-

<sup>27</sup> Van - Tân, Bàn góp vào việc tìm hiểu nguồn gốc dân tộc Việt-nam, NCLS, 1959, No 9; Nguyễn lương - Bích, Lạc-Việt, Lạc vương và vấn đề tổ tiên của người Việt, NCLS, 1963, No 49.

<sup>28</sup> Hà van - Tân, Về vấn đề người Indonêdiêng. «*Thông báo Khoa-học*», т. I. Đại-học Hanoi, 1963; Nguyễn đình - Khoa, Về yếu tố Indonêdiêng, NCLS, 1965, No 75.

<sup>29</sup> Доклады Мак Дюнга, Вьонг-хоанг-Туенга на заседании Центрального Комитета по делам нацменьшинств см. в журн. «*Dân tộc*», 1962—1963.

<sup>30</sup> Nguyễn đông - Chi. Truền thông bát khuát cau các dân tộc miền núi miền nam Việt-nam. NCLS, 1965, No 76; Mac - Duong. Su xâm-luoc của chủ nghĩa đế quốc vào lịch sử đấu tranh của các dân tộc Tây-nguyên, NCLS, 1965, No 70.

лигии, в том числе деятельности гадалок, прорицателей и астрологов в городах Юга, роли буддизма в жизни и культуре современного городского населения и т. д. Работы, посвященные изучению горных народов или вьетских крестьян на равнинах, принадлежат иностранным авторам, в первую очередь американским, французским, австралийским и новозеландским этнографам.

Легально действующие историки и этнографы Южного Вьетнама угодливо выступают против учения марксизма-ленинизма. Научными авторитетами для этих ученых являются Э. Дюркхейм, З. Фрейд и др.

Развитие науки в Южном Вьетнаме происходит под значительным влиянием религии — буддизма, католицизма и особенно конфуцианства. Широкое хождение имеют теории, согласно которым все особенности духовной культуры народов Вьетнама рассматриваются как производное от религии. В период господства марионеточного режима Нго-динь-Зьема (1955—1960) католицизм стал определяющим идеологическим течением во всех общественных науках в городах Южного Вьетнама. Католические этнографы преувеличивали заслуги европейских миссионеров, в первую очередь Александра де Роде<sup>31</sup> в деле развития культуры и науки во Вьетнаме. Южновьетнамские этнографы нередко пропагандировали «американский образ жизни», который усиленно насаждался марионеточным правительством в так называемых «стратегических поселениях», представлявших собой по существу концентрационные лагеря для местного населения. Реакционные ученые доходили до того, что рассматривали такие «поселения» как необходимое условие развития вьетнамского народа, ибо, как они утверждали, только при такой форме поселений возможны успешное развитие земледелия и повышение жизненного уровня крестьян, расцвет культуры и даже формирование «единой вьетнамской нации»<sup>32</sup>.

После свержения Нго-динь-Зьема господствующей идеологией в южновьетнамских общественных науках стало конфуцианство. Продолжая, так же как и их предшественники, яростно выступать против марксизма-ленинизма, ученые-конфуцианцы видят наивысшую добродетель народов Юго-Восточной Азии в некоем «традиционном гуманизме», якобы привитом конфуцианством; «гуманизм» этот якобы глубоко проник в психологию вьетов и китайцев. Выдвинуто также положение о конфуцианстве как идеологии, которая должна стать идеологической основой для перестройки общества и модернизации страны<sup>33</sup>.

Вместе с тем мы должны отдать должное деятельности вьетнамских патриотов и прогрессивных ученых. Так, например, известный исследователь проблем этнопсихологии и истории культуры Вьетнама профессор Ле-ван-Хао, преподавая до 1968 г. в университете Хюэ, активно выступал за сохранение национальной культуры. В настоящее время он активно участвует в деятельности Национального Фронта Освобождения Южного Вьетнама. Ряд прогрессивных южновьетнамских ученых — Фам-ги-Дак, Чан-ван-Кхе, Нгуэн-те-Ань и др. — в годы второй войны Сопротивления были вынуждены эмигрировать во Францию и там продолжают свои исследования.

Мы должны отдать должное и тем этнографам, которые в условиях подполья, а теперь в освобожденных районах, самоотверженно участвуют в народной борьбе за независимость своей родины.

Борьба вьетнамского народа против империалистической агрессии, за освобождение своей родины и за построение социализма неотделима

<sup>31</sup> См. журналы «Van d'an», Saigon, 1960, № 38, и «Van hoá A-châu», Saigon, 1960, № 22.

<sup>32</sup> См. журналы «Bách-khoa», «Quê hương», Saigon, 1959—1961.

<sup>33</sup> Thach-nhân, Cách mạng xã hội nông thôn trên tang ý thức hệ nhỏ giáo, «Van hóa nguyệt san», Saigon, 1964, N 10.

от борьбы с реакционной идеологией, которая разворачивается и в этнографии. Поэтому первой задачей вьетнамских этнографов в наше время является разоблачение реакционных направлений буржуазной этнографии, которые базируются на индивидуализме и спиритуализме. Одновременно должна вестись борьба против различного рода мелкобуржуазных теорий и буржуазного объективизма, для которых характерно выпячивание роли религии во Вьетнаме — конфуцианства, буддизма и католицизма.

Активно участвуя в строительстве социализма в нашей стране, вьетнамские этнографы продолжают работу по определению этнического состава и уточнению этнической карты республики. В последнее время большинство этнографов проводит стационарные полевые исследования в горных районах, готовит монографии по таким народам, как тай, нунг, тхай, яо, мяо, са. Вместе с археологами этнографы участвуют в изучении вьетнамского земледельческого населения, что способствует развитию комплексного метода исследования этногенеза вьетов. Тем не менее основное внимание этнографов ДРВ сосредоточено на изучении современной социальной организации, материальной и духовной культуры земледельческих народов Вьетнама. Именно эти задачи обуславливают тесную связь этнографии с такими науками, как география и социология.

Как известно, марксистская наука об обществе, частью которой является этнография, не только объясняет мир, но и указывает пути его преобразования, поскольку она дает подлинно научное объяснение закономерностям развития общества. Поэтому естественно, что во Вьетнаме в эпоху построения социализма исследования этнографов утратили свой чисто академический характер, ученые активно включились в практическую деятельность по преобразованию жизни отсталых ранее народов и развитию их культуры и хозяйства.

Один из вопросов, интересующих в настоящее время вьетнамских этнографов, — развитие учения о хозяйственно-культурных типах и историко-этнографических областях, разработанного советскими учеными. По нашему мнению, изучение хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей должно быть тесно связано с марксистским учением об общественно-экономических формациях, с данными социологии и географии, с комплексным анализом всех сторон быта и культуры. Следует отметить большую роль, которую могут сыграть при этом такие науки, как этническая картография и этническая статистика. Мы не выступаем против применения структурного анализа в этнографических исследованиях. Однако мы отвергаем структурализм К. Леви-Стросса, который в последнее время оказывает существенное влияние на развитие буржуазной этнографии. Характерно, что известный буржуазный философ Ж.-П. Сартр, критикуя структурализм К. Леви-Стросса, определяет его как попытку создания «новой идеологии — последней плотины, которую буржуазия еще способна возвести против К. Маркса»<sup>34</sup>. Несмотря на то, что сам К. Леви-Стросс признал себя марксистом, на деле он выступает против марксизма и против историзма.

\* \* \*

Вот уже около полувека вьетнамский народ последовательно борется против империализма, вначале против французских и японских колонизаторов, а теперь против американских агрессоров. Наш народ ведет борьбу за свою свободу и независимость, за построение социализма. Мы уже одержали много побед и победим окончательно. Опираясь на

<sup>34</sup> См. «J. P. Sartre repond», «L'arc», 1966, No 3, pp. 87—92.

учение марксизма-ленинизма, на опыт Великой Октябрьской социалистической революции, совершенной героическим советским народом, и на его бескорыстную помощь, мужественный вьетнамский народ непоколебимо верит в победу и является примером для всех угнетенных и колониальных народов нашей эпохи, борющихся за свободу и независимость. Это вдохновляет вьетнамских ученых и позволяет надеяться на новые успехи в области науки, в том числе этнографии.

## THE MAIN STAGES OF DEVELOPMENT OF ETHNOGRAPHIC KNOWLEDGE IN VIET-NAM

The accumulation of ethnographic knowledge in Viet-Nam began in the most remote antiquity. But till the end of the Feudal period ethnography was not yet specified as a separate branch of science. Later ethnography was, until the August Revolution of 1945, closely connected with the interests of French colonialism. After the Revolution, and especially in the period of socialist construction, Marxist ethnography in Northern Viet-Nam has been serving the cause of social reconstruction and reforms. At the same time, in the occupied cities of Southern Viet-Nam there is a tendency of use ethnography as a weapon against Marxist-Leninist ideas, against the peoples' interests. At the present time ethnographers in Northern Viet-Nam are engaged in collecting multifarious data on everyday life of the peoples of the country, in studying the specific ethnic characteristics and the traditions of its various nationalities. On the other hand, they are confronting the necessity to oppose some reactionary trends in bourgeois ethnography and various petty-bourgeois theories.

---

**Д. Т. Тодоров**

## **НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ СОВРЕМЕННОГО БЫТА И КУЛЬТУРЫ В БОЛГАРИИ**

Преобразование быта важный фактор строительства социалистического общества и формирования нового человека. Оно особенно важно для преодоления исторически сложившихся консервативных традиций, навыков и привычек, наиболее устойчивых в сфере быта. Здесь мы встречаемся с закостенелыми предрассудками, вековыми напластовками в сознании народа, которые получили выражение в общественных и семейных взаимоотношениях, в морально-этических нормах и вообще повседневном образе жизни.

Преодоление вредных традиций и консерватизма, внедрение высокой культуры в современный быт — это одна из серьезнейших проблем строительства нового, социалистического общества. Успеха в этой области можно добиться только планомерной, продолжительной и конкретно направленной работой.

Важную роль в борьбе с вредными традициями играет пропагандистская и просветительская деятельность, однако основное значение для практического решения данной задачи имеют экономические, социально-бытовые и культурные достижения нашего общества.

Этнографический институт Болгарской Академии наук в последние годы все чаще обращается к изучению некоторых вопросов современного быта и культуры. Подготовлены два коллективных труда: «Быт и культура рабочей семьи в городе Перник» (крупного центра угольной промышленности) и «Быт и культура села Дропла Толбухинского округа» (Добруджа, северо-восточная Болгария). Одним из первых итогов подобного исследования была кандидатская диссертация Райны Пешевой, посвященная новому быту колхозной семьи в с. Рыжево Кюнаре (Пловдивского района — Фракия). При постановке проблем, определении структуры и методики исследований широко использовались достижения советских этнографов.

Однако, признавая ценность содержащихся в этих работах этнографических и фольклорных материалов, мы позволим себе высказать в отношении их несколько критических замечаний. Так, несмотря на наличие в данных исследованиях очерков социально-экономического и культурного развития изучаемых населенных пунктов или районов, а также описания характерных черт традиционного быта, современные быт и культура анализируются в них статично. В работах не выделяются достаточно отчетливо те главные процессы (положительные и отрицательные), без понимания которых невозможно практическое переустройство быта на более высоком уровне. Указанный недостаток, возможно, является следствием того, что рассматриваемые исследования посвящены одному населенному пункту. Они представляют собой своеобразный компендиум неодинаковых по своему значению этнографических, культурно-социальных и фольклористических проблем, начиная от истории населенных пунктов и кончая развитием художественной самобытности.

При изучении современного быта в г. Пернике семьи, попавшие в выборку, были разделены на три группы: так называемые ведущие (семьи инженерно-технического персонала, ударников и коммунистов), средние и отсталые. Такой подход неизбежно привел к известной идеализации первой группы, в то время, как третья группа оказалась носителем всех консервативных традиций и предрассудков. Картина, составленная по такой схеме, вряд ли правильно отражает всю сложность этнографических проблем в современном быту рабочей семьи.

Два года назад коллектив из четырех сотрудников института (Л. Дуков, Б. Тумангелов, М. Василева и Д. Тодоров) под руководством профессора Хр. Гандева начал этнографическое изучение современного быта и культуры в одном из крупных районов нашей страны — в Бургасском округе (юго-восточная Болгария). В настоящее время работа завершена. Какие же причины побудили болгарских ученых взяться за этот труд?

Несколько лет назад в Болгарии по инициативе трудящихся развернулось движение за новый, социалистический быт и культуру. Оно возникло потому, что, благодаря быстрому развитию страны, создалась реальная предпосылка для поднятия материального и духовного уровня народа. В движение включились многие округа страны. Одним из первых был Бургасский округ. Главными целями движения были воспитание и утверждение новых, социалистических нравственных норм в общественных и семейных взаимоотношениях, преодоление религиозных пережитков. Особое внимание обращалось на внедрение новых гражданских обрядов при рождении, бракосочетании и похоронах. Одной из важных задач было повышение материальной культуры и гигиены быта в селах. Движение возглавили общественно-политические организации страны (Отечественный фронт и Болгарская Коммунистическая партия).

В этнографический институт неоднократно обращались с просьбами о компетентной научной помощи, но ученые не всегда могли дать необходимый и верный ответ. Вот почему решено было приступить к внимательному изучению назревших вопросов быта на материале одного округа.

С администрацией Бургасского округа был заключен двусторонний договор. Округ обеспечивал финансовую и материальную сторону полевых исследований, а также издание труда. Институт же обязался провести в округе первую в Болгарии научно-теоретическую конференцию по вопросам современного быта и культуры, а также подготовить за два года монографическое исследование, основанное на конкретном анализе главных сторон быта и культуры Бургасского округа. Эти обязательства уже выполнены.

Болгарские этнографы попытались научно обосновать положительные и отрицательные тенденции в быту и культуре современного крестьянского населения, чтобы помочь найти правильные практические пути решения проблем строительства нового, социалистического быта и новой культуры.

Мы не будем подробно останавливаться на итогах научно-теоретической конференции, а отметим только один существенный результат проведения подобного мероприятия. Бургасский округ первым в стране перешел от пропаганды к конкретным делам. Это существенно изменило характер самой работы. Народные Советы, кооперативы и окружные организации возглавили движение за осуществление конкретной программы переустройства быта и культуры. Позднее и другие округа пошли по тому же пути.

Какая же методика была разработана для наших полевых исследований?

Округ был разделен на четыре района с учетом географических особенностей и этнографической специфики: прибрежный, равнинный и горных — старопланинский и странджанский. В каждом районе эграфы изучали несколько объединенных колхозов. При выборе объектов нужно было считаться с различиями в экономических показателях культурно-бытовых традициях. Из 260 сел округа были обследованы 100. Мы считаем, что такая выборка репрезентативна и позволяет воссоздать общую картину. Использовался метод личных наблюдений. Кроме того были разработаны анкеты (вопросники). При выборе семей, среди которых распространялись анкеты, учитывались следующие показатели: уровень образования, профессия, возраст супругов, состав семьи по поколениям и др. Анкета включала около 30 страниц, и поскольку в ней ряд деликатных вопросов, научные работники стремились получить ответы в ходе непринужденной беседы. Этнографам известно, сколько нужно такта, чтобы добиться откровенности и доверия у людей. В этом смысле задача была значительно облегчена тем, что в каждом селе были проведены собрания по вопросам улучшения быта.

Другим источником информации были сведения, полученные от руководства и общественного актива сел, например, данные местных Советов о составе населения (численность, возраст, образование), о производственных специальностях, жилищном фонде и миграциях за последние 10 лет. Использовались также документы органов здравоохранения, клубов, домов культуры, почты, школ и т. д. Для большей ясности о том одну подробность организационного характера: при каждой командировке в окружном городе предварительно составлялся график работы и Окружком сообщал на места время приезда ученых. Поэтому кооперативе или селе этнографов ждал весь актив. Активистам излагались цели и смысл работы, раздавались формуляры для общих сведений с ними же уточнялся и выбор семей. Полученный опыт показал, что трудно осуществить быструю и результативную этнографическую работу в широком масштабе без организованного содействия местного и окружного актива.

За два года и три месяца был собран огромный полевой и статистический материал — объемом около 1500 страниц. При его обработке выяснилось, что без обобщения статистических данных по всему округу и некоторым основным показателям мы все-таки рискуем получить не вполне достоверные и точные выводы. Вот почему окружные статистические, административные, санитарно-гигиенические, торговые, культурно-просветительные организации в течение трех месяцев предоставили нам обобщенные сведения по всем колхозам округа. Так была выявлена полная и реальная картина водоснабжения сел, состояния жилищного фонда, коммунально-бытовых объектов, организации библиотечного дела и пр.

Прежде чем охарактеризовать основные результаты проделанной работы, мы дадим общую характеристику исследованной области. Округ состоит из 260 сел, каждое из них в среднем имеет от 250 до 800 домов. Число сельских жителей достигает в округе 103 000 человек. До 9 сентября 1944 г. Бургасский округ был одним из отсталых в экономическом отношении районов Болгарии. В настоящее время он превратился в один из ведущих промышленных районов с современным кооперативным крестьянским хозяйством. В последние годы прибрежная часть округа развивается как важный курортный район страны, принимающий ежегодно тысячи болгарских и иностранных туристов. Это обусловило основные виды занятий сельского населения в настоящее время: работа в колхозах на предприятиях консервно-перерабатывающей и лесной промышленности, в бытовых комбинатах и курортных комплексах.

За последние 20 лет почти весь жилищный фонд (90—95%) обновлен: появились новые, большие (3—8 комнат) дома с современной обстановкой.

новкой. Значительные средства расходуются на общественное благоустройство — асфальтирование улиц и площадей, постройку торговых, бытовых, культурных и медицинских учреждений. Все села давно электрифицированы и в большинстве своем снабжены водопроводом. Электричество и вода широко используются в сельском доме, что коренным образом изменило культуру быта.

Повышение жизненного уровня в значительной степени обусловило и расцвет духовной культуры. Вместе с тем некоторые важные вопросы в сфере материального и духовного быта сельского населения все еще не решены, хотя реальные предпосылки для их решения уже существуют.

Немалый интерес представляют миграции сельского населения. На первый взгляд, такой демографический вопрос стоит как бы в стороне от этнографических исследований. Однако этот фактор сильно влияет на развитие современного быта и культуры. Миграционные процессы имеют важные этнографические аспекты. В исследуемом округе, как и во всей стране, миграции населения идут в основном в трех направлениях: 1) из сел в города, 2) из горных районов в равнинные села, 3) из небольших деревень в ближайший колхозный центр.

В результате уже достаточно четко наметились три группы сел: 1) почти обезлюдившие села в горных районах Странджи и Старой Планины; 2) равнинные села в предгорьях Балкан, население которых сравнительно велико и достаточно стабильно ввиду притока крестьян из горных районов; 3) села, население которых отличается устойчивым составом и имеет тенденцию к увеличению (богатые равнинные и курортные села).

Причины миграций в основном экономические. Однако нельзя забывать и о влиянии культурно-бытовых факторов. Иначе невозможно объяснить переселение на 5—10 км из сравнительно небольших деревень в центральные. Интересно также, что значительная часть крестьян, переселившихся в маленькие провинциальные города, не изменяет своей профессии: они продолжают работать в сельском хозяйстве.

Следствие миграций возникает ряд этнографических проблем. Вот некоторые из них. Подбалканские деревни в значительной степени потеряли свою прошлую этнографическую специфику. Население, пришедшее из горных районов, имеет более низкий уровень культуры быта и сравнительно долго сохраняет консервативные традиции и предрассудки. Это смешение коренного равнинного и пришлого горного населения, смешение разных традиций и культурных особенностей создает также многочисленные трудности. Преобразование быта в таких селах идет менее эффективно, чем в остальных населенных пунктах.

В подготовленной монографии болгарские этнографы попытались дать некоторые практические рекомендации для дальнейшей работы, учитывая последствия миграций. При анализе и выводах учитывались как экономические возможности и культурно-бытовая специфика изученных районов, так и последствия этих новых процессов.

Как уже упоминалось, болгарские ученые исследовали только те проблемы в сфере материального и духовного быта, которые в наибольшей степени обуславливают коренное переустройство быта и культуры.

В области материального быта такими проблемами являются, на наш взгляд, следующие: полное водоснабжение, улучшение санитарно-гигиенического состояния и благоустройство сел, а также внедрение гигиенических навыков в семейный быт; строительство, переустройство и наиболее рациональное использование сельского жилища в соответствии с его новым функциональным назначением.

В приложении к монографии был дан проект новых семейных ритуалов в деревне.

Основным критерием роста культуры быта мы считаем санитарно-гигиенический уровень. Проблема повышения уровня гигиены рассмат-

ривалась в двух аспектах — общественном и семейном. Чтобы получить представление о развитии общественной гигиены, этнографы обследовали состояние водоснабжения, канализационной сети (на нынешнем этапе эта проблема практически решена только в больших курортных и частично в равнинных селах), общественных бань и хлебопекарен, а также санитарное состояние общественных, торговых, культурных заведений.

Специально изучался вопрос о гигиене производственного быта в колхозах, в частности на животноводческих фермах.

Отмечая достигнутые успехи, ученые указывали на ряд неразрешенных до конца задач, прежде всего связанных с водоснабжением (проведение воды во все дома, обеспечение водой горных сел, полное обеспечение водой производственного быта). Выяснилось, что в некоторых селах, имеющих сравнительно хорошие материальные условия, из-за низкого уровня культуры переустройство быта идет медленно.

Изучая гигиену семейного быта, этнографы обращали внимание на характер и степень водоснабжения жилища (наличие теплой воды, наличие отводов), на гигиену жилищ, особенно кухонь, на личную гигиену, гигиену пищи.

Здесь налицо бесспорный прогресс, обусловленный сочетанием хороших старых традиций поддержания чистоты жилищ и их обитателей с ростом материальных возможностей и культуры. Вместе с тем отмечены и некоторые недостатки: кухня иногда еще используется как спальня и как жилое помещение; не всегда еще удовлетворительна гигиена тела; почти повсеместно работают не в специальной, а в повседневной одежде, — причем это вызвано не материальными трудностями, а старыми привычками.

Хочется обратить внимание и на некоторые вопросы, связанные с жилищем. За последние 20 лет значительно изменились и типы сельского жилища. Здания, построенные до 1950-х годов, уже не могли удовлетворить повышенные потребности сельского населения. В них не предусмотрена кухня. В связи с этим к дому пристраивались так называемые летние кухни (1—2 комнаты). Они широко распространились. Это привело во многих случаях к тому, что фактически семья переселилась в пристройки, которые стали вторым постоянным домом, а основной дом превратился в парадный и использовался для приема гостей. В более современных, двухэтажных пяти-шестикомнатных домах жизнь семьи зачастую протекает в комнатах нижнего этажа, а комнаты верхнего этажа, более удобные и гигиеничные, служат в основном парадными помещениями. Эта вредная тенденция идет от мещанского быта провинциальных городов и является показателем сравнительно низкой культуры.

Нерациональное использование жилищ связано также с недостатками в проектировании: здесь не всегда учитывается специфика сельского быта. Дома строятся из пяти-шести комнат без подсобных помещений, обычно по шаблонам городского домостроительства. Большую роль играют также трудности, связанные с отоплением новых многоквартирных домов.

Специально изучалось использование жилищ в приморских районах, где сельские дома превращаются в маленькие гостиницы.

Обследуя внутренние помещения, этнографы обратили внимание на процесс стандартизации в подборе мебели, стенных ковров, покрытий пола и постелей, а также в украшении комнат. Обычными стали ковры, расписанные масляными красками, бумажные и пластмассовые цветы, репродукции с сентиментально-аляповатых картин и пр. К сожалению, совершенно не встречаются традиционные красивые тканые материалы.

Безвкусица является результатом влияния мещанской эстетики. Но она поддерживается также торговыми организациями, которые запол-

няют рынок бытовыми предметами сомнительной художественной ценности.

В области духовного быта был исследован ряд факторов и форм работы, которые обеспечивают усвоение и распространение более высокой культуры. Эти вопросы включены в другой раздел книги — «Факторы, способствующие повышению культурного уровня и культурных навыков». Были изучены состояние образования сельского населения (по возрасту), характер и формы культурно-просветительной работы, состояние личных и общественных библиотек, деятельность читален, место и роль радио и телевидения и пр.

В этой сложной сфере быта предстоит еще большая работа, так как болгарским этнографам удалось установить известное несоответствие между относительно высоким уровнем материального быта крестьян и сравнительно низким уровнем их культурных интересов.

Один из разделов работы был посвящен теме «Место и роль сельской женщины в семейной, производственной и общественно-политической жизни». Уничтожение частной собственности и установление социалистических производственных отношений привело к равноправному участию сельской женщины в производственной и общественной жизни. Изменилось также положение женщины в семейном и общественном быту. Этнографы сделали попытку выделить основные проблемы, связанные с жизнью сельской женщины на современном этапе социалистического строительства.

Анализируя проблему «женщина в семейной жизни», ученые рассмотрели такие вопросы: женщина-домохозяйка, женщина — мать и воспитательница детей, отношения между супругами, отношение женщины к коммунальным бытовым услугам и пр. В области производственной жизни женщины было уделено внимание следующим проблемам: участие и занятость женщины в сельском хозяйстве, в промышленных и коммунально-бытовых предприятиях и т. д. Специально изучалось участие женщин в руководящих органах кооперативов, общественно-политических и культурных организациях.

Были отмечены и некоторые недостатки в организации труда и быта сельской женщины: у женщины уходит слишком много времени на производственную деятельность и домашнюю работу, а сеть коммунально-бытовых учреждений еще недостаточна, чтобы облегчить ее труд. Лишь немногие женщины используются на руководящей работе.

Это только некоторые аспекты выполненной болгарскими учеными работы, изложенные по необходимости в весьма краткой форме.

## **SOME ASPECTS OF ETHNOGRAPHIC STUDIES OF MODERN EVERYDAY LIFE AND CULTURE IN BULGARIA**

The work of Bulgarian ethnographers in studying modern everyday life and culture of rural population in Burgas district is described. These studies are characterized by their close connection with practical aims of socialist construction. The author notes the main results and tendencies in the transformation of everyday life and culture; he also dwells upon the methods and techniques of the study.

---

**А. И. Першиц**

## **К ВОПРОСУ О «ТРЕТЬЕМ ТИПЕ» СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПЕРВОБЫТНОСТИ**

В статье М. В. Крюкова «О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации»<sup>1</sup> развивается мысль о том, что в первобытном обществе наряду с родом и семьей существовал еще один, третий тип социальной организации. Этот тип, который «обнаруживает внешнее сходство с родом, но в то же время базируется на принципах, лежащих в основе большой семьи», обозначается автором термином «клан». М. В. Крюков отождествляет свой клан с социальной группой, состоящей из нескольких домохозяйств, главы которых ведут происхождение от общего предка,— кланом Дж. Мэрдока<sup>2</sup> и с группой больших или малых семей, образовавшейся в результате сегментации большой семьи, сохраняющей определенное единство и носящей общее имя по имени главы разделившейся семьи,— патронимией М. О. Косвена<sup>3</sup>. В той мере, в какой клан М. В. Крюкова не выходит за рамки эпохи расцвета первобытнообщинного строя, он может быть отождествлен также и с родовой общиной Н. А. Бутинова<sup>4</sup>. Таким образом, хотя М. В. Крюков, как уже неоднократно отмечалось в ходе дискуссии, объединяет в «третьем типе» социальной организации явления стадийно различные, восходящие как к эпохе родового строя, так и к эпохе его распада, по сути дела главный из поднятых им вопросов — это старый вопрос о соотношении кровнородственных и производственных отношений в родовом обществе.

Вслед за Н. А. Бутиновым М. В. Крюков выдвигает тезис, что род, будучи лишь экзогамным кровнородственным коллективом, не совпадает с коллективом экономическим, так как в условиях экзогамного унилокального брака (а первоначальная дислокальность брачного поселения отнюдь не доказана), род не может быть реальной хозяйственной ячейкой.

Действительно, гипотезу первоначальной дислокальности брачного поселения нельзя считать окончательно доказанной. Но, на наш взгляд, решение вопроса о соотношении кровнородственных и производственных отношений в родовом обществе определяется не только локализацией брака. Несравненно большее значение в этом плане имеет одна из кардинальных проблем первобытной истории — проблема соотношения хозяйственных функций семьи и рода, семейной и родовой экономики.

М. В. Крюков ничего не говорит о том, что представляют собой семьи, входящие в его клан. Поэтому если бы мы захотели задуматься

<sup>1</sup> «Сов. этнография», 1967, № 6.

<sup>2</sup> G. P. Murdock, Social structure, New York, 1949, p. 68.

<sup>3</sup> М. О. Косвен, Семейная община и патронимия, М., 1963, стр. 37.

<sup>4</sup> Н. А. Бутинов, Община, семья, род, «Сов. этнография», 1968, № 2, стр. 91.

о соотношении рода и клана только на основании данных статьи М. В. Крюкова,—вопрос повис бы в воздухе. Но обратимся к данным о папуасской родовой общине, приведенным Н. А. Бутиновым. Родовая община папуасов состоит не из отдельных, а из парных семей. Эти семьи не лишены известных хозяйственных функций, но не являются экономическими ячейками общества; они не в состоянии самостоятельно вести хозяйство, имущество супругов раздельно и не подлежит взаимному наследованию, семейные узы слабы; сфера семейной жизни настолько узка, что некоторые исследователи совсем ее не замечают; можно даже сказать, что родовая община состоит не из семей, а из мужского ядра, временной части (сестры мужчин, живущие в общине до замужества) и пришлой части (жены мужчин, пришедшие из других общин)<sup>5</sup>. Перед нами выразительная картина резкого преобладания родовой экономики над семейной, кстати сказать, картина тем более убедительная, что она в принципе ничем не отличается от тех, которые нарисовали другие советские исследователи, обращавшиеся к австралийскому, меланезийскому, американскому этнографическому материалу<sup>6</sup>.

Однако если это так, если и мужское ядро, и временная часть родовой общины состоят из кровных родственников, а роль даже и локализованной парной семьи настолько мала, что ее можно попросту не заметить, то в чем же проявляется коренное, решительное несоответствие в родовом обществе кровнородственных и производственных отношений? Не правильнее ли говорить, что эти отношения по большей части, по преимуществу, в основном совпадали?

Подойдем к вопросу с другой стороны. Естественно ожидать, что при матрилокальном поселении основную массу членов родового хозяйственного коллектива составят сородичи по линии матери, при патрилокальном поселении — сородичи по линии отца. Действительно, предположим, что такой коллектив насчитывает 100 человек, половина из которых мужчины, половина — женщины. Предположим далее, что некоторую их долю  $a$  составляют люди, еще не вступившие в брак; следовательно, их будет  $100a$  человек. Состоящих в браке окажется  $100(1-a)$  человек. Очевидно, что из них  $50(1-a)$  человек будет чужеродцев или чужеродок. Следовательно, сородичей будет  $100-50(1-a)=50(1+a)$  человек, а их доля составит:

$$\frac{50(1+a)}{100} = \frac{1+a}{2}.$$

Остается определить долю людей добрачного возраста. По данным, сведенным Л. Крживицким, у отсталых племен нового времени она чаще всего колебалась в пределах от 0,4 (яганы, кун и ламаса Новой Гвинеи и др.) до 0,6 (тасманийцы, некоторые племена Австралии и Северной Америки)<sup>7</sup>, т. е. составляла в среднем 0,5. Палеоантропологические данные, например, костные остатки из мезолитического могильника Тафоральт в Марокко (183—186 особей, из которых 97—100 особей не достигло 17 лет) показывают примерно ту же величину — 0,53<sup>8</sup>. Подстав-

<sup>5</sup> Н. А. Бутинов, Происхождение и этнический состав коренного населения Новой Гвинеи, сб. «Проблемы истории и этнографии народов Австралии, Новой Гвинеи и Гавайских островов», М.—Л., 1962, стр. 180—181; его же, Письмо в редакцию, «Сов. этнография», 1965, № 3, стр. 182; его же, Община, семья, род, стр. 93.

<sup>6</sup> См., например: А. М. Золотарев, Очерк истории родового строя, Рукспис, Архив Ин-та этнографии АН СССР, стр. 121 и сл.; Л. А. Файнберг, О формах социальной организации у индейцев северо-западной части бассейна Амазонки в конце XIX — начале XX в., «Американский этнографический сборник», I, М., 1960, стр. 133 и сл., 149 и сл.

<sup>7</sup> L. K r z y w i c k i, Primitive society and its vital statistics, Warsaw, 1934, pp. 251—253.

<sup>8</sup> D. Ferembach, La necropole épipaléolithique de Taforalt (Maroc Orientale), «Etude des squelettes humains», Rabat, 1962.

для это значение  $a$ , мы видим, что доли сородичей и чужеродцев или чужеродок составляют 0,75 и 0,25 или в процентном выражении 75 и 25.

О том, насколько это теоретически ожидаемое соотношение близко к фактическому, свидетельствуют статистические данные о проценте замужних женщин у различных отсталых племен в XIX—начале XX в., что при экзогамном унилокальном браке приблизительно соответствует проценту чужеродцев или чужеродок<sup>9</sup>.

Племя или группа племен	Годы	% замужних женщин
Меланезийцы о-ва Тамоара	1900	17,9
Яганы	1883	25,4
Куни Новой Гвинеи	1906	26,3

Эти данные могут быть дополнены данными Б. О Долгих по некоторым малым народам Северной Сибири<sup>10</sup>:

Народность	Годы	% замужних женщин
Нганасаны	1926/27	17,0
Тундровые энцы	»	21,2

Итак, даже на сравнительно позднем этапе развития процент кровных родственников в хозяйственных коллективах как правило не меньше 75. Этот процент может колебаться, так как в каждом конкретном случае он зависит от рождаемости, среднего брачного возраста мужчин и женщин, средней продолжительности жизни и ряда других демографических факторов, но только в таких нечастых специфических случаях, как, например, при амбилокальном брачном поселении, он изменится принципиальным образом и приблизится к отмечаемому Н. А. Бутиновым — 50<sup>11</sup>.

Можно было бы возразить, что высокий процент кровных родственников имеет чисто формальный характер: он отражает не только работоспособных сородичей, но и большое число детей, не принимающих участия в хозяйственной жизни коллектива. Однако, во-первых, тяжелые условия жизни первобытного человечества, как и, позднее, условия жизни отставших в своем развитии племен, как правило исключали одновременное воспитание одной семьей хотя бы двух маленьких детей; отсюда широко фиксируемые этнографами обычаи временного отчуждения супругов, применение противозачаточных средств и абортов, различные виды детоубийства и т. д.<sup>12</sup> Во-вторых же, известно, что дети очень рано начинали помогать взрослым и у некоторых народов уже к 10 годам становились самостоятельными работниками<sup>13</sup>.

Таким образом, наиболее правильным нам представляется не альтернативное решение рассматриваемого нами вопроса, а уже выдвигавшееся положение о том, что в родовом обществе производственные отношения в основном совпадали с кровнородственными отношениями<sup>14</sup>.

<sup>9</sup> L. Krzywicki, Указ. раб., стр. 257—259. Из приведенных Л. Крживицким данных взяты лишь те, которые показывают долю именно замужних женщин (married women) в группах, сохранивших родовую экзогамию.

<sup>10</sup> Б. А. Долгих, Родовая экзогамия у нганасан и энцев, «Сибирский этнографический сборник», IV, М., 1964, стр. 199—200.

<sup>11</sup> Н. А. Бутинов, Община, семья, род, стр. 94.

<sup>12</sup> A. M. Cagg-Saunders, The population problems. A study in human evolution, Oxford, 1922, pp. 167, 175; L. Krzywicki, Указ. раб., стр. 121 и сл.; 148 и сл.; 153 и сл.; 184 и сл.; 192 и сл.

<sup>13</sup> См., например: Н. М. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. 1, М., 1950, стр. 233; К. Бухер, Возникновение народного хозяйства, Пг., 1923, стр. 23.

<sup>14</sup> А. И. Першиц, Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа его периодизации, «Сов. этнография», 1955, № 4, стр. 26. К сожалению, при последующей публикации расширенного варианта этой работы в сб. «Проблемы истории первобытного общества» точное выражение «в основном совпадали» было заменено менее точным — «совпадали».

Если Н. А. Бутинов и другие советские этнографы правы в том отношении, что парная семья не играла в родовом обществе сколько-нибудь существенной экономической роли (а нам думается, что они в этом совершенно правы) и если верить статистическим данным, то у нас нет решительно никаких оснований для выделения принципиально нового «третьего типа» социальной организации первобытности, а тем более для возведения его на тот пьедестал, на котором вот уже почти столетие стоит род.

### **ON THE ISSUE OF THE «THIRD TYPE» OF SOCIAL ORGANIZATION OF PRIMITIVE SOCIETY**

The problem of whether a third type of social organization (besides the gens and the family) existed in primitive society, which may in essence be reduced to the problem of interrelation between the gens and the gens community, is stated to be artificial. Independently of whether the dislocal form of marriage in the early stages of gens society is considered proved, gens communities were composed in an overwhelming majority of blood relatives; consequently gens relations coincided in the main with relations of production. The author substantiates his views by statistical data on marriages and the number of blood relatives among various tribes and peoples.

---

С. Е. Яхонтов

## ДРЕВНЕЙШИЕ УПОМИНАНИЯ НАЗВАНИЯ «КИРГИЗ» \*

Древнейшими тюркоязычными источниками, в которых упоминается этноним *киргиз*, являются памятники рунической письменности. Слово *киргиз* неоднократно встречается в орхонских надписях начала VIII в. Оно имеет в них форму *qırqız* (пишется *qırqz*). К несколько более раннему времени относится греческая запись того же слова — *Chérkis* <sup>1</sup>.

Однако еще раньше мы встречаем тот же этноним в китайских исторических сочинениях. В разное время он записывался по-разному: (1) *гэгунь* (*гэкунь*), (2) *гяньгунь* (*гянькунь*), (3) *кигу*, (4) *гегу*, (5) *хэгусы*, (6) *хягясы* <sup>2</sup>. Правда, существует мнение, что последняя из этих форм — (6) *хягясы* — обозначает другое слово (произношение которого реконструируется как *хакас*) и имеет иное значение, чем остальные. Однако в китайских источниках все перечисленные формы рассматриваются как названия одного и того же народа (или государства).

Название (1) *гэгунь* приводит Сыма Цянь в связи с событиями, происходившими в первые годы династии Хань, т. е. примерно в 200 г. до н. э. (точная дата не указана) <sup>3</sup>. Форма (2) *гяньгунь* появляется в 49 г. до н. э. <sup>4</sup>, (3) *кигу* — в 553 г. или несколько позже, (4) *гегу* — в 638 г. (везде имеется в виду дата описываемого события, а не время составления текста, в котором упомянута соответствующая форма) <sup>5</sup>.

Народу (6) *хягясы* отведен специальный раздел в главе 2176 «Новой истории Тан» <sup>6</sup>. Название *хягясы* отождествлено здесь с *гяньгунь* и *гегу*, причем о формах *хягясы* и *гегу* говорится как об «ошибочных». Форма *хягясы* появилась между 758 и 843 гг. В книге „Изложение сведений о варварах четырех стран света“ («Сы и шу»), составленной Цзя Данем, были полностью приведены все наименования хягясы. После этого стало ясно, что действительное положение в диких странах Цзя Дани

\* Обсуждение этой проблемы было начато в журнале «Сов. этнография» статья-ми К. И. Петрова «К этимологии термина „кыргыз“» и Н. А. Баскакова «К вопросу о происхождении этнонима „кыргыз“» (1964, № 2).

<sup>1</sup> Менаандр Протектор, История. В кн.: С. Дестунис, Византийские историки, СПб., 1860, стр. 379—380.

<sup>2</sup> Здесь и ниже китайские формы, представляющие собой фонетическую запись иноязычных слов, приводятся в русской транскрипции начала XIX в.; в настоящее время перед *е, и, ю, я* вместо прежних *г, к, х* принято писать *цз, ц, с* (*сяцзясы* вместо *хягясы* и т. п.). Иероглифическое написание китайских слов см. в конце статьи.

<sup>3</sup> Н. Я. Бичурин (Иакинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, I, М.—Л., 1950, стр. 50 (здесь и ниже во всех случаях, когда китайский текст переведен Н. Я. Бичуриным, дается ссылка на перевод, а не на оригинальный текст).

<sup>4</sup> В 648 г. эта форма вводится вновь (Н. Я. Бичурин, Указ. раб., стр. 355).

<sup>5</sup> Там же, стр. 91, 229, 287. Вместо *кигу* Н. Я. Бичурин пишет *цигу*; это слово фигурирует также в легенде о происхождении тюрков (там же, стр. 222).

<sup>6</sup> Там же, стр. 350—357.

знал точно и безошибочно»<sup>7</sup>. Судя по этому рассказу, форма *хягасы* впервые упомянута в написанной в 801 г.<sup>8</sup> книге Цзя Даня, одного из крупнейших географов Китая.

Согласно тому же «Тан хуйяо», в годы Кайюань (713—741 гг.) губернатор пограничного округа Аньси (на территории нынешнего Синьцзяна) Гай Цзя-юнь писал в книге «Записки о Западном крае» («Си юй цзи»), что «государство Гяньгунь... ныне некоторые измененно называют Хэгусы». Это название далее отождествляется с этнонимом (7) *хэгу*, мимоходом упоминаемым при перечислении почти сорока племен в разделе о телэ «Истории Суй» и «Истории Северных династий»<sup>9</sup>. Таким образом, форма (5) *хэгусы* впервые зарегистрирована в первой половине VIII в.

Среди перечисленных китайских названий наиболее обычными являются (2) *гяньгунь*, (4) *гегу* и (6) *хягасы*. Везде, где эти наименования выступают в пределах одного и того же текста (как в уже упоминавшемся разделе о хягасы в «Новой истории Тан» или в разделе о гегу в «Тан хуйяо»), они определенно считаются равнозначными, и это специально оговаривается. Только в текстах компилятивного характера, включающих ряд отрывочных заметок различного происхождения, эти названия могут употребляться параллельно, не будучи отождествляемыми. Так, в разделе о хусюэ из главы 217б «Новой истории Тан», где перечисляется около десяти разных народов, об одном из них говорится, что он часто воюет с гегу, а о другом — что он соседствует с хягасы<sup>10</sup>.

Все рассмотренные китайские слова представляют собой транскрипцию (т. е. фонетическую запись средствами китайской письменности) самоназвания народа, о котором идет речь. Сомнения может вызвать только форма (6) *хягасы*; в китайских источниках встречается утверждение, что это уйгурское слово с собственным значением. В «Тан хуйяо» говорится по этому поводу следующее: «Спрашивали у переводчиков, и те сказали, что (8) *хягя* имеет значение «желтая голова, красное лицо». Видимо, уйгуры называют их так. Но ныне посол говорит, что они сами имеют это название. Не знаю, что правильно»<sup>11</sup>. По-видимому, название народа хягасы ассоциировалось у переводчиков с уйгурским словом *qīgu* ~ *qīzu* 'розовый, румяный'<sup>12</sup>. Но из текста отнюдь не следует, что их мнение было правильно; разумнее верить тому, что утверждал сам хягасский посол<sup>13</sup>.

Вопрос о том, как звучали оригинальные (некитайские) слова, лежащие в основе китайских транскрипций, не может решаться без обращения к древнему чтению китайских иероглифов. Никакие отождествления, сделанные без учета исторической фонетики китайского языка, не имеют доказательной силы.

<sup>7</sup> Ван Пу, Тан хуйяо («Собрание важнейших сведений о династии Тан»), Пекин, 1955, т. III, гл. 100, стр. 1785. Ср. Н. В. Кюнер, Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока, М., 1961, стр. 56 (Н. В. Кюнер переводит тот же текст по другому источнику), а также Н. Я. Бичурин, Указ. раб., стр. 356 (где приводится менее подробный рассказ о том же посольстве).

<sup>8</sup> «Цзю Тан шу» («Старая история Тан»), гл. 138. В сер. «Соинь байна бэнь эрши сы ши» («Уменьшенное воспроизведение сводного текста 24 историй»), т. 12, стр. 14947 (1047).

<sup>9</sup> Ван Пу, Указ. раб., гл. 100, стр. 1785.

<sup>10</sup> Н. Я. Бичурин, Указ. раб., стр. 350 (в переводе Н. Я. Бичурина в обоих случаях употреблено слово *хягасы*).

<sup>11</sup> Ван Пу, Указ. раб., гл. 100, стр. 1785.

<sup>12</sup> Ср. «Древнетюркский словарь», Л., 1969, стр. 446 и 450.

<sup>13</sup> Здесь не рассматривается вопрос об этимологии самого слова *кыргыз*, которое иногда производят от *qīgu* (К. И. Петров, Указ. раб., стр. 81 и сл.; Н. А. Баскаков, Указ. раб., стр. 92—93). Речь идет только о том, является ли *хягасы* самоназванием народа или прозвищем, данным ему уйгурами.

Есть несколько систем реконструкций китайской фонетики VI VII вв., но во всем существенном они согласуются между собой. Ни приводится древнее чтение иероглифов, составляющих китайские тра скрипции, в соответствии с реконструкциями Б. Карлгрена <sup>14</sup>.

Китайское слово	Древнее чтение
(1) гэгунь, гэкунь	kek kuəp
(2) гяньгунь, гянькунь	kien kuəp
(3) кигу	khiet kuət <sup>15</sup>
(7) хэгу	ʔət kuət
(4) гегу	kiet kuət
(5) хягусы	ʔət kuət sie
(6) хягясы	ʔăt kăt sie

Некоторые из этих реконструкций требуют комментариев.

Иероглиф 9 в древности читался двояко: liek и kek, иероглиф 10 только как kek. Поскольку оба написания представляют собой лишь графические варианты одной и той же транскрипции, иероглифы в обоих вариантах должны читаться одинаково. Заметим еще, что если иероглиф читается двояко и в одном из чтений обозначает имя собственное или географическое название, то обычно это же чтение он имеет и тогда, когда используется для транскрипции иностранных слов. Иероглиф 9 в чтении kek означает название уезда, а также фамилию, поэтому в составе транскрипций он должен читаться kek.

Иероглиф 11 в словаре «Гуан юнь» читается ʔət, ʔuət, ʔiet. Указано, что ʔət — это имя отца Конфуция; в этом же чтении иероглиф входит в состав трех «варварских» (т. е. не китайских) фамилий. В соответствии со сказанным выше можно предположить, что именно это чтение, связанное с именами собственными, использовалось в составе транскрипций.

Иероглиф 12 в словаре «Гуан юнь» читается kuət, ʔuət, kiət, kăt, и во всех чтениях он имеет одно и то же значение. Но ключевые словари (например, «Канси цзидянь») на первом месте дают разрезание, соответствующее чтению kuət.

Для иероглифа 13 словарь «Гуан юнь» также указывает несколько чтений: khiei, khiet, khjət. К последнему дано пояснение: «Кидань, название варварского народа; взято из словаря „Цзы линь“». Естественно предположить, что иероглиф 13 во всех случаях, когда он употребляется для транскрипции иностранных слов, читался одинаково. Однако по причинам, которые будут изложены несколько ниже, чтение khjət для первого иероглифа в слове *кигу* маловероятно; выбрано было ближайшее к нему чтение khiet.

Чтение иероглифа 14 Б. Карлгрен реконструирует как kăt, а иероглифа 15 — как ʔət <sup>16</sup>. У этих двух слогов оказываются неодинаковые гласные; между тем оба иероглифа входят в одну и ту же рифму «Гуан юня» — 14-ю рифму тона «жу». Этой рифме в системе реконструкций Б. Карлгрена должна соответствовать финаль -at; итак, иероглиф 14

<sup>14</sup> В. Karlgren, *Grammata Serica*, Stockholm, 1940. Некоторые малоупотребительные иероглифы не вошли в исследование Б. Карлгрена. Чтение их устанавливается по китайским словарям, где оно обозначено способом «разрезания»: к иероглифу подбираются два других так, чтобы первый из них читался с тем же начальным согласным, а второй — с той же конечной частью, что и исходный («разрезаемый») иероглиф. Зная реконструкцию чтения двух иероглифов, употребленных для «разрезания» третьего, мы можем сложить из них чтение этого третьего иероглифа. «Разрезания» представленные в старейшем из дошедших до нас фонетических словарей — «Гуан юне», восходят к VI—VII вв.

<sup>15</sup> По соображениям технического характера придыхание здесь и ниже обозначается буквой *h*, а не апострофом, как у Б. Карлгрена.

<sup>16</sup> В. Karlgren, Указ. раб., р. 254, 226.

следовало бы читать *kat*. Однако, как показал Дун Тун-хэ, гласный 14-й рифмы восстановлен Б. Карлгреном неверно (ошибка кроется в самих китайских источниках, на которые он опирался,— 14-ю и 15-ю рифмы тона «жу» следует поменять местами)<sup>17</sup>. С учетом поправки Дун Тун-хэ финаль 14-й рифмы тона «жу» должна быть *-ät*, а финаль 15-й рифмы — *-at* (у Б. Карлгрена — наоборот). Поэтому слоги 14-й рифмы и транскрибируются выше как *yät* и *kät*.

Какие же иноязычные звуки могли изображаться с помощью перечисленных китайских транскрипций?

Начнем с того, что неопределенным гласным *a* в сочетаниях *uəp*, *-uət* можно пренебречь. В китайском языке VI—VII вв. гласный *u* не мог непосредственно сочетаться с конечными *-n* и *-t*, т. е. не было сочетаний *-un*, *-ut*, и их заменяли *-uən*, *-uət*.

Далее, китайский *k* в транскрипциях служил регулярным соответствием тюркского *q*; тюркский *k* передавался сочетаниями *ki*-, *kj*-. В санскритских словах звуки *k*, *kh* также всегда передавались сочетаниями *ki*-, *kj*- и *khi*-, *khj*-; твердых (не йотированных) начальных *k* и *kh* в китайских транскрипциях санскритских слов практически вообще нет<sup>18</sup>. Таким образом, встречая в составе транскрипции твердый *k*, мы можем предполагать, во-первых, что слово, изображаемое этой транскрипцией, принадлежит языку алтайского типа; во-вторых, что слово это содержит гласные заднего ряда, поскольку в алтайских языках только такие гласные сочетаются с *q*. Во всех интересующих нас транскрипциях заднеязычные согласные твердые (это относится и к слогам *kien*, *kiet*, *khiet*); следовательно, исходные слова имели гласные заднего ряда. Есть, правда, один сомнительный случай — *кигу*. Иероглиф 13, как упоминалось выше, имеет чтение *khiet* в слове *кидань*. Поскольку, однако, второй слог слова *кигу* имеет твердый согласный, то и для иероглифа 13 в этом слове было выше выбрано чтение с твердым начальным *kh* (иначе пришлось бы предположить, что в этом слове отсутствует гармония гласных).

Формы (2) *kien kuən* (*гяньгунь*) и (4) *kiet kuət* (*гегу*) очень близки между собой, отличаясь только конечным согласным в обоих слогах. Несмотря на это различие, обе китайские транскрипции могут отражать одну и ту же исходную форму. Хорошо известно, что конечный *-r* иностранных слов в эпоху Хань китайцы передавали своим конечным *-n*, а в эпоху Тан — конечным *-t*<sup>19</sup>. Поэтому возможно, что в слове, изображаемом китайскими транскрипциями *гяньгунь* и *гегу*, оба слога кончались звуком *-r*.

Поскольку первый слог обеих транскрипций начинается твердым *k*, в исходном слове он должен был иметь начальный *q* и гласный заднего ряда. Этим гласным явно не мог быть *a*; скорее всего это был *ī*. В целом слово, лежавшее в основе китайских *гяньгунь* и *гегу*, может быть восстановлено как *qīŋ qur*.

То, что в первом слоге слова, изображаемого китайским *гяньгунь*, должен быть восстановлен именно *-r*, а не *-n*, можно утверждать довольно определенно. Во-первых, в середине слова маловероятно сочетание *-pq-* (с переднеязычным, а не заднеязычным носовым). Во-вторых, показательна несколько более ранняя форма (1) *гэгунь*. Если взять реконструкции Б. Карлгрена, относящиеся не к VI—VII вв. н. э., а к I тысячелетию до н. э., то иероглиф 9 должен читаться *klēk*<sup>20</sup>, что

<sup>17</sup> Дун Тун-хэ, Шангу иньюнъ бяо гао (Опыт фонетических таблиц древнекитайского языка), «Лиши юйянь яньцзюсю цзикань» («Бюллетень Ин-та истории и филологии»), № 18, Шанхай, 1948, стр. 95—96.

<sup>18</sup> С. Е. Яхонтов, рецензия на: В. Csongor, Chinese in the Uighur script of the T'ang-period, «Советское востоковедение», 1956, № 2, стр. 191.

<sup>19</sup> F. Hirth, Chinese equivalents of the letter «R» in foreign names, «Journal of the China Branch of the Royal Asiatic Society», vol. XXI, 1886, p. 214—223.

<sup>20</sup> В. Karlgren, Указ. раб., p. 351.

могло бы обозначать qḡḡ. Очевидно, китайские (1) *гэгунь* и (2) *гянь-гунь* отражают одно и то же слово, но с метатезой *ī* и *ḡ* (qḡḡ qḡḡ и qḡḡ qḡḡ).

Что касается конечного согласного второго слога, то в нём мы не можем быть вполне уверены. Не исключено, что (1) *гэгунь* и (2) *гянь-гунь* транскрибируют слово с конечным *-n* (а не *-r*), т. е. qḡḡ qḡḡ, qḡḡ qḡḡ. Таким же образом и (4) *гегу* может отражать исходное qḡḡ qḡḡ — с конечным *-t*.

Не исключено даже, что (4) *гегу* (kiet kuət) означает исходную форму qḡḡ qḡḡ. По-видимому, в единичных случаях китайский конечный *-t* мог передавать иноязычный *-z*; ср. (16) *аде*, K. â dhiet = ädiz<sup>21</sup>.

Напомню еще, что китайский язык не различает *r* и *l*, поэтому везде, где мы восстанавливаем *r*, теоретически возможно предполагать и *l*. Это относится и ко всем транскрипциям, которые будут рассмотрены ниже; мы не будем оговаривать это каждый раз особо.

Форма (3) *кигу*, K. khiet kuət, если мы правильно выбрали чтение первого иероглифа, отличается от (4) *гегу* только наличием придыхания у первого согласного. Возможно, что это указывает на звук, более близкий к *x*, чем к *q*; ср. *kh* в транскрипции названия хазар — (17) *кэса*, K. khâ sât. Итак, *кигу* может обозначать xḡḡ qḡḡ или xḡḡ qḡḡ.

Третья форма, относящаяся приблизительно к тому же времени, что (3) *кигу* и (4) *гегу* — это (7) *хэгу*, K. ɣət kuət. Гласный *a*, несомненно, изображает *i*; что касается *ɣ*, то ему, скорее всего, соответствовал тот же звук оригинала. Однако есть ряд примеров, в которых начальный *ɣ* китайской транскрипции соответствует отсутствию начального согласного в тюркском (это — особенность именно транскрипций тюркских слов; при записи звуков других языков указанное соответствие не наблюдается). Ср., например, (18) *хэ*, K. ɣ âp = alp, (19) *хойхэ*, K. ɣuâi ɣət = uɣuḡ. Таким образом, первый слог формы *хэгу*, вероятно, обозначает *ɣḡḡ*, но не исключено и *iḡḡ*.

Прежде чем перейти к последующим двум транскрипциям, надо отметить, что где-то около 700 г. (или, может быть, несколько позже — в первых десятилетиях VIII в.) в китайском произношении произошли серьезные изменения; речь идет, по-видимому, не о естественных и постепенных изменениях внутри одной формы языка, а о смене господствующего диалекта<sup>22</sup>. Среди этих изменений наиболее существенно для нас начало оглушения звонких согласных: после 700 г. глухие и звонкие согласные (особенно щелевые) в транскрипциях иностранных слов начинают смешиваться.

Иероглиф 20 *сы*, K. sie в конце двух последних транскрипций (*хэгусы* и *хягасы*) мог обозначать согласный *s*, а также *z*, поскольку звонкие и глухие различались нечетко. Впрочем, еще до 700 г. тот же иероглиф передавал *z* в имени *Пируз*: (21) *бэйлузы*<sup>23</sup>, K. pje luo sie.

Начальный *ɣ* первого слога обеих транскрипций, как мы уже знаем, мог изображать исходный *ɣ*, но не исключено также, что он соответствовал гласному началу слова. Кроме того, в соответствии с тем, что было сказано выше о звонких и глухих согласных, этот *ɣ* в VIII—IX вв. мог обозначать и *x*.

Некоторых дополнительных (и довольно сложных) объяснений требует конечный *-t* второго слога обеих транскрипций.

<sup>21</sup> Здесь и ниже приводятся без ссылки на источник китайские транскрипции, вошедшие в указатели к книге Н. Я. Бичурина (Указ. раб., III, 1953, стр. 160—307), а также наиболее широко распространенные транскрипции буддийских терминов. Буква *K* означает реконструкции произношения VI—VII вв. по Б. Карлгрену; знак = после реконструкции вводит предполагаемую исходную форму.

<sup>22</sup> С. Е. Яхонтов, Указ. раб., стр. 194.

<sup>23</sup> У. Н. Я. Бичурина — *Билуз*.

Мы уже знаем, что конечный согласный, который Б. Карлгрен восстанавливает как *-t*, в эпоху Тан мог в транскрипциях обозначать конечный *-r*. К этому надо добавить, что по крайней мере с VIII в. наблюдается и обратное явление: в китайских словах, записанных средствами алфавитной письменности (например, тибетской или уйгурской), китайский *-t* почти всегда передается через *-r*. По-видимому, он действительно произносился близко к *r*. А. Масперо предполагает, что все неносовые конечные согласные китайского языка — *p*, *t*, *k* — в VIII в. представляли собой звонкие спиранты, которые, однако, были очень неустойчивы и на стыке слогов легко видоизменялись под влиянием начального согласного следующего слога<sup>24</sup>.

По-видимому, конечный неносовой согласный полностью ассимилировался (или просто выпадал), если он оказывался перед согласным того же места образования, начинающим следующий слог (как видно из примеров, приводимых ниже, это наблюдалось не только в VIII в., но и значительно раньше). В составе транскрипций конечный неносовой в этих условиях не имеет самостоятельного фонетического значения, т. е. ему не соответствует никакой звук в исходной форме. Возможно, что употребление в транскрипции слога с конечным согласным указывает в таких случаях краткость предшествующего гласного; но сам согласный в указанных условиях во всяком случае можно игнорировать. В частности, конечный *-t* ассимилируется (или выпадает) не только перед *t* или *l*, но и перед *s* и даже *i*, например:

(22) *дада*, К. *dhât tât*=*tatar*

(23) *гулигань*, К. *kuæt lji kân*=*qurïqan*

(24) *фасунаньду*, К. *bhi<sup>w</sup>æt suo bhuân dhuo*=*Vasubandhu*<sup>25</sup>

(25) *хэса*, К. *γât sât*=*xazar*<sup>26</sup>

(26) *баегу*, К. *bhuât ia kuo*=*bajïrqu*<sup>27</sup>.

Для *-p* и *-k* трудно найти примеры, ясно показывающие, что эти согласные подвергались аналогичной ассимиляции. Однако *-p* явно не произносится перед *t*, например:

(28) *самогань*, К. *sâp muât kïen*=*Samarkand*<sup>28</sup>.

Аналогичным примером с *-k* может послужить (29) *дэ'у*, К. *tək ŋji* — название какого-то большого озера или моря на запад от Китая<sup>29</sup>; транскрипция эта передает звуки *tă' ŋi* и может быть отождествлена с тюркским *täñiz* 'озеро, море' (конечный согласный в китайской записи опущен).

Конечные согласные перед начальными, отличавшимися от них по месту образования, сохраняют в транскрипциях самостоятельное

<sup>24</sup> Н. Масперо, *Le dialecte de Tch'ang-ngan sous les T'ang*, «Bulletin de l'Ecole française d'Extrême-Orient», т. XX, № 2, 1920, p. 41—44.

<sup>25</sup> Сюань Цзан, Бянь Цзи, Да Тан Си юй цзи («Записки о Западном крае великого государства Тан»), Пекин, 1955, гл. 5, стр. 10а.

<sup>26</sup> Хазары трижды упоминаются в гл. 2216 «Новой истории Тан» — в первый раз под именем (25) *хэса* (у Н. Я. Бичурина *гэса*) при определении местоположения Хосюнь (Хорезма) и затем под названием (17) *кэса*, К. *khâ sât* в разделах о Босы (Иране) и Фулинь (Византии). Исходная форма в обоих случаях одинакова независимо от наличия или отсутствия *-t* в конце первого слога китайской транскрипции.

<sup>27</sup> Для иероглифа 27 выбрано чтение, которое он имеет, обозначая географическое название.

<sup>28</sup> Сюань Цзан, Бянь Цзи, Указ. раб., гл. 1, стр. 10б.

<sup>29</sup> «Суй шу» («История Суй»), гл. 84. В сер. «Уменьшенное воспроизведение сводного текста 24 историй», т. 9, стр. 11718 (840). Иероглиф 30 имеет чтения *ŋiək* и *ŋji*; выбрано второе, так как в этом чтении иероглиф входит в состав китайского географического названия.

значение, например:

(31) *дагань*, К. dhât kân=tarqan

(32) *гемо*, К. kiät muâ=karma

(33) *шэгу*, К. îär yuo=jabyu

(34) *иологэ*, К. iak lâ kât=jaylaqar.

В транскрипциях (5) *хэгусы* и (6) *хягясы* и первый, и второй слог кончались согласным *-t*. Однако во втором слогѣ он ассимилировался передующему *s*; в исходной формѣ в этом мѣстѣ не было согласнаго. В первом слогѣ *-t* находился перед *k* и, следовательно, отражал какъ то согласный оригинала — скорее всего *-r*.

Гласные звуки в словѣ (5) *хэгусы* не вызываютъ сомнѣній; это те же гласные, что и в болѣе раннемъ (7) *хэгу*, и они имеютъ то же транскрипционное значеніе. Такимъ образомъ, *хэгусы* отражаетъ исходную форму *yîg qu' s* или *xîg qu' s*; менѣе вероятно, но возможно также *îg qu' s*.

В (6) *хягясы*, К. yât kat sie, гласные в двухъ первыхъ слогахъ одинаковы — *ä*.

В китайскомъ языкѣ VI—VII вв. было два широкихъ нелабиализованныхъ гласныхъ — болѣе задній *â* и болѣе передній *a*. Оба, по мнѣнію Б. Карлгрена, первоначально могли быть долгими и краткими; в VIII в. во всякомъ случаѣ они уже не различались по длителности. Звукъ *a* иноязычныхъ словъ всегда передавался черезъ *â*, за исключеніемъ случаевъ, когда начальный согласный передъ нимъ вообще не сочетаетсяъ съ *â*. В слѣдующихъ примѣрахъ *a* после *q*, *y* в тюркскихъ словахъ передается китайскимъ *â*:

(35) *кэхань*, К. khâ yân=qayan

(36) *гань*, К. kâm=qam

(31) *дагань*, К. dhât kân=tarqan

(37) *гэлолу*, К. kâ lâ luk=qarluq

Болѣе передній *a* обычно встречается в транскрипціяхъ только въ сочетаніи съ промежуточнымъ *i* или вслѣдъ за такими согласными, послѣ которыхъ невозможенъ *â*. В этихъ случаяхъ онъ передаетъ звуки *a*, *ä*, изредка *i* (в словѣ (26) *баегу*, К. bhuât ia kuo=bajirqu). В другихъ условіяхъ передній *a* практически не встречается вообще, за исключеніемъ названія (6) *хягясы*. В этомъ последнемъ онъ не можетъ передавать тюркскій *a*, поскольку, какъ мы видели, этотъ звукъ послѣ *q* и *y* всегда передается китайскимъ заднимъ *â*. Такъ какъ в словѣ, изображаемомъ китайскимъ *хягясы*, должны быть гласные задняго ряда, то остается предположить, что *â* передаетъ *i*. Итак, форма *хягясы* отражаетъ исходное *yîg qî' s* или *xîg qî' s*, менѣе вероятно — *îg qî' s*.

Теперь мы можемъ обобщить полученные результаты и указать для каждой китайской транскрипціи предполагаемый оригиналъ. Мы будемъ различать формы болѣе вероятныя и маловероятныя, но теоретически возможныя. Выбирая болѣе вероятную форму, мы учитываемъ во-первыхъ, какіе звуки передаются даннымъ китайскимъ звукомъ чаще всего и, во-вторыхъ, какая форма находитъ подтвержденіе в другихъ (болѣе раннихъ или болѣе позднихъ) формахъ записи того же слова.

Для краткости только болѣе вероятныя исходныя формы приводятся полностью; остальные возможныя варианты указываются только для перваго и втораго слога.

В этой таблицѣ не указаны теоретически возможныя формы съ конечнымъ *-l* (какъ уже упоминалось, китайскій языкъ не различаетъ в транскрипціяхъ *r* и *l*).

	Китайское слово	Наиболее вероятная исходная форма	Другие возможные формы	
			1-й слог	2-й слог
(1)	гэгунь	qīq quŋ		qun
(2)	гяньгунь	qīŋ quŋ		qun
(3)	кигу	qīŋ quŋ, xīŋ quŋ		quŋ, quz
(7)	хэгу	γīŋ quŋ	īŋ	quŋ, quz
(4)	гэгү	qīŋ quŋ		quŋ, quz
(5)	хэгусы	xīŋ qu' s, γīŋ qu' s	īŋ	qu' z
(6)	хягясы	xīŋ qī' s, γīŋ qī' s	īŋ	qī' z

Полученные реконструкции не оставляют сомнений, что во всех случаях мы имеем дело с записями вариантов одного и того же слова.

Китайские источники дают и некоторые другие транскрипции этого слова, но они нигде не встречаются в текстах самостоятельно и приводятся лишь как видоизменения или искажения какой-то другой формы, принимаемой за основную. Никаких новых сведений эти варианты нам не дают. Исключением является только слово (38) *гюйву*, К. kī<sup>w</sup>o miuät, которое упоминается как одно из названий *хягясы* в «Новой истории Тан»<sup>30</sup>. Китайское сочетание -j<sup>w</sup>o могло обозначать *й*, а в VIII—IX вв. — также *і*; форму в целом можно реконструировать как kūmūr, kūvir, kivir (конечный согласный может быть также *l* или *t*). Очевидно, что это название этимологически не связано с остальными; речь идет либо об ошибочном отождествлении, либо о другом названии того же народа.

Форма xīŋ qī' s, восстанавливаемая по китайской транскрипции (6) *хягясы*, наиболее близка к названиям киргизов, известным по памятникам алфавитных письменностей — руническому qīrqīz и греческому Chérakis. В китайской и греческой передаче первый согласный слова отражен как звук типа *х* (хотя китайская транскрипция может указывать и на *γ*). Форма, представленная в тюркских рунических памятниках, правда, начинается на *q*, но этот *q* чаще всего записывается буквой *◀*, т. е. иначе, чем второй *q*, хотя оба находятся перед одним и тем же гласным *ī*; разница в написании может указывать на какие-то, пока не известные нам различия в произношении. Все более ранние китайские транскрипции отличаются от рунической и греческой тем, что показывают гласный *и*, а не *ī* во втором слоге. Конечный согласный, отражаемый более старыми транскрипциями, неясен; для эпохи Хань это может быть *r* или *n*, для VI—VII вв. — *r*, *t* или *z*.

Выше уже упоминалось, что исходную форму китайской транскрипции (6) *хягясы* иногда реконструируют как *хакас*<sup>31</sup>. Эта реконструкция не может быть принята. Во-первых, как уже было сказано, звук *а* других языков китайцы всегда передавали задним *á*, а не передним *а*. Во-вторых, остается неучтенным конечный *-t* в первом слоге, который, очевидно, передает звук *р*. Иностранные конечные *р* и *l* китайцы иногда не передавали вообще; ср., например, транскрипцию (26) *баегу*, К. bhuāt ia kuo для слова bajīŋqu<sup>32</sup>. Но если в транскрипции присутствует *-t* (перед

<sup>30</sup> Н. Я. Бичурин, Указ. раб., т. I, стр. 350.

<sup>31</sup> Л. Р. Кызласов, Взаимоотношение терминов *хакас* и *кыргыз* в письменных источниках VI—XII веков, «Народы Азии и Африки», 1968, № 4, стр. 89. Л. Р. Кызласов считает, что этноним *хакас* сохранился в настоящее время в форме *хаас* как самоназвание одной из групп современных хакасов (Там же, стр. 92).

<sup>32</sup> Как правило, в таких случаях можно найти и параллельную форму с *р(l)*, обозначенным через *-l*. Так, для bajīŋqu имеется и другая транскрипция — (39) *баегу*, К. bhuāt iāt kuo. Чтение iāt для второго иероглифа отсутствует в «Гуан юне», но дается более поздним «Цзи юнем» со ссылкой на географическое название. Современное чтение этого иероглифа тоже предполагает древнее iāt.

заднеязычным или губным согласным), ему непременно должен был соответствовать какой-то согласный в оригинале<sup>33</sup>.

По тем же самым причинам не может быть сближаема с китайским (6) *хягясы* современная форма *хаас*<sup>34</sup>.

Основанием для прочтения *хягясы* как *хакас*, вероятно, послужила форма *хагас*, которой пользуется Н. Я. Бичурин. Но в действительности она представляет собой лишь искусственное упрощение китайского слова. Говоря о народе жуаньжуань, Н. Я. Бичурин замечает: «В переводе слово *Жуань-жуань*, для легкости в выговоре, сокращено в *Жужань*». Такое же сокращение (но не оговоренное) представляет собой *хага*.

Таким образом, форма (6) *хягясы* есть китайская транскрипция слова *кыркыз*; другие формы, к которым она приравнивается в китайских историях — (2) *гяньгунь*, (4) *гегу* и др. отражают фонетические варианты того же этнонима (например, *кыркур* или, может быть, *кыркун*, *кыкут*, *кыркуз*). Форма *хягясы* не может передавать звуки *хакас*.

Кыркуры-кыркызы на протяжении более тысячи лет сохраняли свое название и занимали приблизительно одну и ту же территорию; очевидно, они представляли собой довольно большой народ, говоривший на одном языке, а не случайное государственное образование, включавшее разноплеменные элементы. Численность кыркызов в эпоху Тан составила несколько сот тысяч человек<sup>37</sup>, и они могли выставить 80 000 воинов (для сравнения: хойху, т. е. уйгуры, имели 50 000 воинов, киданы — 40 000, сяньто — 200 000, гулигань — 5 000)<sup>38</sup>.

Кыркызы эпохи Тан говорили на языке тюркской семьи; «письмо и язык совершенно сходны с хойхускими», — читаем о хягясы в «Новой истории Тан»<sup>39</sup>. Некоторые кыркызские слова, приводимые китайскими источниками, без сомнения тюркские. Таковы (41) *ай*, К. *aj* = *aj* 'месина', (36) *гань*, К. *kām* = *qam* 'шаман', (42) *су*, К. *suo* = *sol* 'левый'. К этому списку можно добавить (43) *ме*, К. *miet* — название рыбы, водящейся в стране кыркызов<sup>40</sup>. Начиная с VIII в. китайцы часто передавали сво-

<sup>33</sup> Э. Дж. Пуллибленк указывает на ряд транскрипций, в составе которых согласный звук оригинала передается по-китайски целым слогом, кончающимся на носовой согласный (E. G. Pulleyblank, The Chinese name for the Turks, «Journal of the American Oriental Society», vol. 85, № 2, 1965, p. 121—125). Однако в нашем случае это объяснение явно не может быть применено: слог *хя* не может соответствовать в оригинале один только согласный звук без следующего гласного. Независимо от этого следует отметить, что транскрипции, о которых говорит Э. Дж. Пуллибленк, представляют собой довольно редкий случай.

<sup>34</sup> Не исключено, что слово *хаас* связано с этнонимом *qatqas* из «Юань чжао би» (С. А. Козин, Сокровенное сказание, т. I, М.—Л., 1941, стр. 174, 293). Может быть, тот же народ упоминается в «Новой истории Тан» среди трех племен «лыжных тузов» под названием (40) *гэ'эчжи*. К. *kā qā tšie* (что может указывать на исходную форму *qatqas* или *qatqas*); см. Н. Я. Бичурин, Указ. раб., I, стр. 354 (слово *гэ* от Н. Я. Бичурина к предыдущему слову).

<sup>35</sup> Н. Я. Бичурин, Указ. раб., I, стр. 185, примеч. 2 (в китайском тексте фаньжунань нет; действительное название народа — *жеужань*, в современной транскрипции *жужань*).

<sup>36</sup> Н. В. Кюнер не прав, когда говорит, что *хагас* Иакинфа Бичурина есть «старое чтение китайских иероглифов» (Н. В. Кюнер, Указ. раб., стр. 25). Во время Н. Я. Бичурина прежнее чтение иероглифов еще не было известно даже прибалтийцам.

<sup>37</sup> Н. Я. Бичурин, Указ. раб., I, стр. 351. Н. Я. Бичурин полагает, что речь идет о числе семейств; однако в «Собрании важнейших сведений о династии Тан» (гл. стр. 1784) те же цифры приведены как число «ртов». В тексте, переведенном Н. Я. Бичуриным, речь идет о хягясах, в «Тан хуйяо» — о гегу, но численность населения войска указана одинаковая.

<sup>38</sup> Н. Я. Бичурин, Указ. раб., I, стр. 302, 362, 340, 348.

<sup>39</sup> Н. Я. Бичурин, Указ. раб., I, стр. 353.

<sup>40</sup> «Синь Тан шу» («Новая история Тан»), гл. 2176. В сер. «Уменьшенное воспроизведение сводного текста 24 историй», т. 13, стр. 16945 (1531). Н. Я. Бичурин переводит это место неточно (ср. Н. В. Кюнер, Указ. раб., стр. 59); должно быть: «Из рыб, семи-восьми футов длиною, и мохынь, без костей, со ртом ниже челюстей». В эту рыбу можно вслед за Н. Я. Бичуриным отождествить с осетром.

高昆 (隔昆) 堅昆 契骨 結骨 紇乞斯

1 2 3 4 5

黠戛斯 紇骨 黠戛 隔 紇 乞 契 戛 黠

6 7 8 9 10 11 12 13 14 15

阿跌 可薩 合 回 紇 斯 卑 路 斯 達 韃

16 17 18 19 20 21 22

骨 利 幹 伐 蘇 畔 度 曷 薩 拔 野 古 拔

23 24 25 26 27

颯 赫 建 得 嶷 嶷 達 干 羯 摩 葉 護

28 29 30 31 32 33

藥 羅 葛 可 汗 甘 哥 邏 祿 勿 拔 曳 固

34 35 36 37 38 39

哥 餓 支 哀 素 蔑 迦 沙 阿 熱 移 涅

40 41 42 43 44 45 46

начальными носовыми звонкие неносовые других языков; поэтому слог *miēt* может обозначать *bäl* 'таймень'—слово, существующее в тувинском, алтайском и (в другой фонетической форме) хакасском языках.

Среди слов, имеющих другую (не тюркскую) этимологию, наиболее убедительно объяснено (44) *гыша*, К. *ka ša* 'железо', происходящее из самодийских языков<sup>41</sup>. Слово это относится к области культуры и легко могло быть заимствовано (так же, как оно было заимствовано киданями)<sup>42</sup>, поэтому наличие его у кыркызов не противоречит утверждению, что они были тюрками по языку.

Вопрос о происхождении титула кыргызского государя — (45) *ажэ*, К. *â ġziāt* — не может считаться окончательно решенным. В китайских транскрипциях санскритских слов до начала VIII в. при помощи *ġz* передавался звук *ñ*. Скорее всего слово *ажэ* стало известно китайцам ранее VIII в. — в 648 г.; в середине VIII в. сношения между обоими государствами прервались, а вскоре после этого *ажэ* объявил себя каганом, т. е. титул его изменился. Если так, то транскрипция *ажэ*, К. *â ġziāt* должна обозначать звуки *aġag* или *aġār* (конечным согласным может

<sup>41</sup> L. Ligeti, Mots de civilisation de Haute Asie en transcription chinoise, «Acta Orientalia», t. I, fasc. 1, 1950, p. 152.

<sup>42</sup> Там же, стр. 155.

быть также *l* или *t*). Эту форму можно отождествить с тюркским титулом *ināl* или *īnāl*<sup>43</sup>.

Этимологии, предложенные для других кыргызских слов, известных нам из китайских источников, неубедительны.

Сведений о языке кыргызов до эпохи Тан у нас нет. Существует предположение, что первоначально кыргызы говорили не на тюркском, а на каком-то другом языке, но оно основано только на косвенных (не лингвистических) данных.

Итак, киргизы (кыргызы) впервые упоминаются в китайских исторических сочинениях под названием (1) *гэгунь*, (2) *гяньгунь*; позднее они называются (4) *гегу* и (6) *хягясы*. Все эти транскрипции отражают одну и ту же исходную форму и рассматриваются китайскими историками как равнозначные. Кыргызы эпохи Тан описываются как довольно большой (судя по размерам армии, превосходившей по численности войска уйгуров и киданей) народ, говоривший на языке тюркской семьи.

### THE EARLIEST CASES OF MENTION OF THE ETHNONYM «KIRGHIZ»

The earliest known records of the ethnonym «*Kirghiz*» in alphabetical writing are the Greek and the Runic Turkish. It occurs still earlier in Chinese script. The Chinese form *Hsia-chiaszu*, which is dated later than the Greek and the Runic, approaches them most nearly; it appears to denote the sounds *xir gi's*. All earlier Chinese transcriptions of the same word differ from it, among other things, by showing the vowel *u* instead of *i* in the second syllable. The title of the Kirghiz sovereign *A-je* may be identified with the Turkish *ināl*. For correct interpretation of Chinese transcriptions the following should be borne in mind: 1) the Chinese transcribed the Turkish *q* by their own *k*, and the *k* both in Turkish and in Sanskrit words — by the combinations *kī*, *kj*; 2) the sound *a* of other languages was transcribed by the Chinese back *ā* but never by the front *a*; 3) the final oral consonants dropped off if the next syllable began with a consonant of the same region of articulation, but were retained in all other cases; 4) about 700 A. D. substantial changes occurred in Chinese pronunciation; among other changes the voiced and the voiceless consonants began to merge together.

<sup>43</sup> Есть сведения, относящиеся к более позднему времени, что киргизский правитель носил титул инал: «Киргизы своего правителя называют Иналь; это слово у них то же, что у Монголов (каан) и Таджиков падшах» («Родословное древо тюрков. Сочинение Абуль-Гази, Хивинского хана. Перевод и предисловие Г. С. Саблукова», Казань, 1906, стр. 39). Сводку сведений о слове инал см. в кн.: А. Н. Кононов, Родословная туркмен, сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского, М.—Л., 1958, стр. 95—96. В китайских исторических текстах представлена и другая транскрипция слова *ināl* (в имени Инэнь-кагана): (46) *ине*, К. *ie* *nie*. Эта транскрипция указывает скорее на исходное *jīnāl*, так как слоги, начинавшиеся в китайском непосредственно с *i-* или *i-*, передают иноязычные слоги с начальным *j-*, в то время как иноязычные слоги с гласным началом передаются слогами, начинающимися с гортанной смычки -, как в слоге *ажэ*) и реже с *у-*.

**Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева**

## **К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ ГОРОДА**

Приступая к изучению культуры и быта современного городского населения, весьма многочисленного и во многом разнородного, этнограф сразу сталкивается с рядом неразрешенных методологических и методических проблем. Одной из таких проблем, имеющих первостепенную важность при исследовании этнографии города, является определение групп населения, которые в первую очередь и должны стать предметом изучения. От выбора этих групп, от того, насколько полно учитываются основные факторы, влияющие на развитие быта современного городского населения, во многом зависит степень объективности всего исследования. Подобная задача встала перед нами при изучении культуры и быта городов средней полосы РСФСР.

В городах Калуге (областной центр), Ельце (Липецкая область) и Ефремове (Тульская область), ставших основными пунктами стационарной работы по сбору этнографических материалов, мы стремились выделить такие группы населения, которые при известном сходстве имели бы в повседневном образе жизни и свои отличительные черты. В процессе работы выяснилось, что, в соответствии с профилем исследования, наиболее целесообразно разделить население по отраслям народного хозяйства, с учетом социальной структуры этого населения и некоторых других факторов, воздействующих на быт. В результате должны выявиться такие группы городского населения, которые условно могут быть названы социально-бытовыми. Они-то и будут служить основными объектами этнографического изучения. Городская статистика не дает достаточно полных сведений для выделения таких групп, и мы использовали с этой целью данные выборочного анкетного обследования самостоятельного населения Калуги и Ельца.

Опыт проведения такого обследования уже освещался в печати<sup>1</sup>, и в настоящем сообщении мы останавливаться на нем не будем. Напомним лишь, что анкетным обследованием было охвачено 3% самостоятельного населения городов и что оно проводилось в Калуге на десяти, а в Ельце на одиннадцати предприятиях и учреждениях, которые представляют основные отрасли народного хозяйства, развитые в этих городах.

Перечислим обследованные объекты: завод транспортного машиностроения в Калуге и завод «Гидропривод» в Ельце, фабрика художественной вышивки в Калуге, табачная и кружевная фабрики в Ельце; в Калуге и в Ельце — строительное управление, автоколонна, железнодорожный узел, узел связи, средняя школа, поликлиника (в Ельце с больницей), магазины (в Калуге — универмаг, в Ельце — промтоварный и продовольственный), городской комбинат бытового обслуживания (в Калуге — один из четырех).

<sup>1</sup> Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева, Использование анкетно-статистических данных при этнографическом изучении города, «Сов. этнография», 1968, № 3.

Для сравнения и проверки выводов при выделении групп мы использовали, насколько позволяла статистика, данные по аналогичным объектам, где анкетирование не проводилось (например, завод сухих элементов в Ельце, заводы синтетического каучука и ацетона-бутиловый в Ефремове и др.).

Цель настоящего сообщения — познакомить читателей с принципами выделения социально-бытовых групп городского населения, которые положены нами в основу этнографического изучения намеченных городов, а также с составом этих групп.

Для выделения этих групп из множества разнообразных признаков, нашедших отражение в анкетно-статистических данных, отобраны признаки, более всего связанные с особенностями формирования населения и с его социальной характеристикой, т. е. такими факторами, которые оказывают самое непосредственное воздействие на развитие быта. Эти признаки и послужили критериями при анализе собранных материалов.

Одним из важнейших признаков, использованных при выделении социально-бытовых групп, является, на наш взгляд, показатель степени включения приезжего населения в состав рабочих кадров обследованных объектов. Процент приезжих повсюду высок, но сильно колеблется: в Калуге — от 60 до 93, в Ельце — от 46 до 81%. Анализ данных по этому признаку позволяет, с одной стороны, выделить среду предполагаемого бытования местных городских традиций, с другой — очертить круг возможных носителей сельских традиций в городе. Среда бытования местных городских традиций в основном образуют, видимо, местные городские жители, а также приезжие из городов ближайшей округи. Соотношение числа местных жителей и приехавших из городов и числа бывших сельских жителей, входящих в состав современного городского населения, показывает, что ядро носителей городских традиций сравнительно невелико. Оно составляет менее половины всех горожан. Но сила воздействия этой группы на развитие быта города в целом определяется не только ее численностью, но также и влиянием целого комплекса городских условий жизни, которые создают благоприятную почву для развития и укрепления городских традиций.

Носителями сельских традиций, как можно предположить, являются бывшие сельские жители, которые в разное время приезжали в город. По данным анкеты, выходящие из села составляют  $\frac{2}{3}$  всех приезжих, т. е. более половины всего современного населения обследованных городов. По этим же данным мы знаем, что большинство приехавших, в том числе и из села, появилось в городах сравнительно недавно — в течение последних 10—15 и особенно 6—7 лет<sup>2</sup>. Поэтому можно говорить о наличии в городе носителей еще очень живых сельских традиций. Можно даже уточнить, какие именно этнические традиции приносят с собой приезжие. Мы подсчитали, что подавляющее большинство приехавших из сельской местности (более 70%) прибыли из сел и деревень ближайших районов, т. е. являются носителями местных этнических традиций.

Поскольку приезжие из села по своему социальному составу не едины, для уточнения характера сельского компонента в отдельных группах городского населения мы привлекали данные об их социальном происхождении.

Другой признак, который учитывается при определении социально-бытовых групп — это распределение обследованного населения по социальному происхождению. В данном случае нас интересует крестьянская по своему происхождению прослойка в городском населении. Она характерна для всех обследованных групп, хотя удельный вес ее различен и, по-видимому, находится в зависимости от ряда факторов, например специфики труда на конкретном производстве, степени развития той или иной отрасли народного хозяйства в данном городе и т. п.

Анкетные данные свидетельствуют, что основная масса приезжих из села по своему происхождению — крестьяне. Выходцами из крестьянских семей является и некоторая часть местных городских жителей, которые стали горожанами лишь в своем поколении. Учитывая показатели по этим двум признакам, можно говорить о значительной крестьянской струе в народной культуре современного городского населения. При этом надо полагать, что горожане, которые еще недавно были крестьянами несут сильный заряд крестьянских традиций, горожане же, являющиеся лишь потомками крестьян, сохраняют только отдельные элементы крестьянских традиций. Степень сохранен-

<sup>2</sup> Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева, Указ. раб., стр. 20.

сти этих традиций и их активность зависит также и от состава семьи (в частности, от наличия в ней старших родственников крестьянского происхождения), от характера окружающей среды (городской или сельской), от того, насколько сельская жизнь в соответствующей местности подверглась влиянию города. Материалы анкеты позволяют детализировать и эти вопросы. В целом же оба признака дают достаточно четкое представление о круге возможных носителей как крестьянских, так и других традиций в культуре и быте населения современного города.

Сходство и различие между отдельными группами самостоятельного населения наглядно выявляются и при распределении его по социальной принадлежности, профессиональной подготовке и наличию дополнительных профессий. Эти признаки дают возможность получить социальную характеристику населения, которая необходима для решения целого комплекса вопросов, касающихся различных сторон производственного и домашнего быта, материальных условий жизни семьи, повседневного уклада этой жизни, условий труда, развития духовных запросов и т. д.

Следующий критерий — уровень образования. Учитывается школьное образование, а также специальное среднее (законченное и незаконченное) и высшее (законченное и незаконченное). Известно, что образование в условиях социалистической действительности является одним из важнейших факторов социальной мобильности населения, значение же этого фактора для развития культуры и быта не нуждается в комментариях.

Если распределить самостоятельное население по названным признакам, то выделится несколько групп, каждая из которых отличается рядом присущих ей черт. Мы можем также наметить, в чем и в каких сочетаниях эти группы сходны друг с другом. В каждой группе имеется свое постоянное ядро со свойственным ему комплексом устойчивых признаков и переходные компоненты, которые в силу своей неоднородности могут примыкать то к одной, то к другой группе. Необходимо сразу сказать, что в социально-профессиональном отношении намечаемые нами группы не едины. Каждая из них включает как более, так и менее социально продвинутые элементы рабочих и служащих. Для подробной социально-профессиональной характеристики этих элементов мы также располагаем материалами анкетного обследования, однако в настоящей статье целесообразно остановиться на определении социально-бытовых групп в целом, пользуясь в основном средними для них количественными показателями.

На основании материалов, собранных в Калуге и Ельце, можно выделить четыре социально-бытовые группы. Наиболее массовую группу образуют работники давно сложившихся промышленных предприятий (заводов и фабрик). Ядро этой группы составляют работники машиностроительного завода и завода «Гидропривод». Судя по некоторым статистическим данным, сюда могут быть отнесены и работники элементного завода в Ельце, а также завода синтетического каучука и ацетон-бутилового завода в Ефремове. Основу этой группы составляют рабочие — процент их колеблется между 83% и 96%. Одна из отличительных черт группы — решительное преобладание квалифицированных рабочих над неквалифицированными. В среднем квалифицированные рабочие на обследованных предприятиях составляют 85% от всех рабочих. Среди работников этой группы довольно высок процент лиц, имеющих другие профессии (сходные и несходные с основной). В среднем на этих предприятиях число лиц, имеющих другие профессии составляет 45—50% от всех работающих. Это означает, что около половины работников данных промышленных предприятий представляют профессионально-подвижные кадры, со временем повышающие социальный статус в пределах своей социальной группы или переход ее границы (т. е. переходя от мало- и среднеквалифицированных рабочих к высококвалифицированным, от высококвалифицированных рабочих к инженерно-техническим работникам). Тенденцию к социальной мобильности у работников крупных промышленных предприятий стимулирует само высокоорганизованное, технически оснащенное производство, которое постоянно развивается и совершенствуется. Не случайно, что здесь существует уже давно сложившаяся, четко организованная система подготовки кадров, которая включает и повышение квалификации, и приобретение новых профессий, и повышение уровня образования. Все это способствует формированию на крупных промышленных предприятиях прочного контингента кадровых рабочих, которые и составляют значительную часть названной группы городского самостоятельного населения. О стабильности кадров говорят данные о про-

должительности стажа работы на обследованных предприятиях. Так, на калужском заводе транспортного машиностроения в 1964 г. работники со стажем свыше 5 лет составляли около 65%, а со стажем свыше 15 лет — 28%.

В Ефремове на ацетоно-бутиловом заводе в 1965 г. лица со стажем более 10 лет составляли свыше 46%, на заводе синтетического каучука в 1964 г. работников со стажем свыше 5 лет числилось 65%, а со стажем свыше 15 лет — 26%.

В связи с тем, что на крупных промышленных предприятиях уже давно сложился контингент кадровых рабочих, включающий и определенный резерв, необходимый для постоянного развития производства, а также в связи с повышенными требованиями к профессиональной подготовке на этих предприятиях, приток приезжих на данные объекты невелик. В группе работников крупных промышленных предприятий мы наблюдали наименьший по сравнению с другими группами процент приезжего населения. Обращает на себя внимание близость удельного веса приезжих на промышленных предприятиях Калуги и Ельца (на машиностроительном заводе приезжие составляют 60% работающих, на «Гидроприводе», в Ельце — 56%). Напомним, что на других объектах процент приезжих доходит до 93%.

Данная группа выделяется и соотношением сельского и городского элемента среди приезжих. На указанных заводах число приезжих из села превышает число приезжих из города лишь в три раза, что по сравнению с другими объектами можно считать умеренным. С еще большей точностью сельский компонент выделяется при учете социального происхождения. Для этой группы характерно значительное преобладание лиц рабочего происхождения, на втором месте стоят лица крестьянского происхождения, на третьем — выходцы из семей служащих<sup>3</sup>. На машиностроительном заводе, например, выходцы из рабочих составляют 59% всех работающих, из крестьян — 27%, из служащих — 11%; в Ельце на заводе «Гидропривод» соответственно 57%, 30% и около 7%<sup>4</sup>. Такое соотношение характерно для большинства обследованных предприятий и учреждений, но наибольший разрыв между показателями социального происхождения отмечается на крупных заводах, таких как машиностроительный и «Гидропривод». Это, вероятно, связано с уже давно начавшимся на старых предприятиях процессом формирования кадров потомственных рабочих.

Таким образом, названную группу характеризует преобладание устойчивых рабочих кадров, значительная прослойка потомственных рабочих, отсутствие большой текучести.

Рассмотрим, что дают для характеристики этой группы сведения об уровне образования. Образовательный уровень работников машиностроительного завода в Калуге и рабочих «Гидроприводе» в Ельце примерно одинаков. На обоих заводах около половины рабочих имеет неполное среднее образование (52% в Калуге и 45,8% в Ельце). Работники, имеющие законченное среднее образование, составляют на указанных заводах соответственно 15,1% и 28,5%, имеющие образование в объеме 5—6 классов — 14% и 13%. При этом работники со средним и более высоким образованием составляют в Калуге 27,5% в Ельце — 35,9%. Примерно так же распределяются по уровню образования кадры завода синтетического каучука в Ефремове и элементного завода в Ельце. На заводе синтетического каучука первое место занимает группа лиц, имеющих неполное среднее образование, второе и третье — лица, со средним и более высоким образованием. На элементном заводе на первом месте — рабочие с неполным средним образованием, на втором — с образованием в объеме 5—6 классов, на третьем — со средним образованием.

Из сказанного ясно, что уровень образования работников заводов достаточно высок.

Кроме рабочих, на промышленных предприятиях имеется небольшое число служащих, главным образом работников инженерно-технического труда, которые по уровню образования и специальной подготовки, а отчасти и по характеру труда во многом сходны с массовой интеллигенцией (учителями, врачами и др.). Но, с другой стороны, их показатели по социальному происхождению и по тому насколько они владеют другими профессиями близки к подобным же показателям у рабочих.

<sup>3</sup> Лица, вышедшие из семей, смешанных в социальном отношении, число которых невелико, в данном случае не учитываются.

<sup>4</sup> Остальные имеют смешанное социальное происхождение.

Кроме того, их объединяет и специфика производственных процессов и вся организация производства. К тому же на заводах инженеры и техники, только что окончившие обучение, входя во все детали производства, некоторое время выполняют задания, близкие по характеру труда к труду квалифицированных рабочих. С другой стороны, инженерно-технические должности нередко занимают рабочие, заканчивающие без отрыва от производства средние специальные или высшие учебные заведения, а также практики, прошедшие на производстве путь от рабочего до инженера. На любом крупном промышленном предприятии всегда имеется свой резерв инженерно-технического руководства производством, состоящий из рабочих, получающих специальное образование. Из всего этого следует, что работники инженерно-технического труда, несмотря на определенную социальную специфику, имеют много общего с основной частью рассматриваемой группы — рабочими.

К той же группе самостоятельного населения, в которой преобладают рабочие, занятые на крупных промышленных предприятиях, могут быть отнесены и кадры фабрик художественной вышивки в Калуге и табачной в Ельце, а также елецкого кружевного производства, хотя полного совпадения всех показателей с основной частью группы здесь не наблюдается. Причины расхождения кроются, вероятно, в специфике производства этих отраслей промышленности и в особенностях формирования кадров. На этих предприятиях несколько больше приезжих работников, в том числе и из сельской местности. Так, на фабрике художественной вышивки, на кружевном производстве, на табачной фабрике приезжие составляют от 63 до 67%, а число приехавших из села превышает число приехавших из города в 4—5 раз. Несколько по-иному обстоит здесь дело и с образовательным уровнем кадров. На этих предприятиях так же, как на машиностроительном заводе и на заводе «Гидропривод» первое место занимают лица, имеющие неполное среднее образование (53% в Калуге и 51% в Ельце). На втором же месте в Калуге стоят лица с образованием в объеме 5—6 классов (14%), в Ельце — лица, имеющие среднее специальное образование (17%). На третьем месте в обоих городах — лица, имеющие среднее образование (13% в Калуге и 13,9% в Ельце). Напомним, что на крупных заводах лица со средним образованием занимают второе место<sup>5</sup>.

По своей социальной принадлежности и профессиональной подготовке работники этих предприятий стоят ближе к работникам крупных заводов. Показатели их сходны.

К той же группе могут быть причислены и работники других подобных промышленных предприятий с устойчивыми кадрами, т. е. предприятий, давно сформировавшихся. Устойчивость рабочих кадров является очень важным признаком и для этих предприятий. О новых предприятиях в городах можно сказать, что состав их кадров отличается большей разнородностью и несовпадением показателей по рассмотренным признакам с показателями трудовых коллективов старых предприятий. Известно, например, что кадры елецкого сахарного завода включают большое число бывших его строителей. Но эти заводы еще не попали в сферу нашего обследования.

Основу другой группы образуют работники строительных организаций и городского автотранспорта, которые также составляют значительную часть городского самостоятельного населения. Например, в Калуге в 1964 г. работники строительства и городского транспорта составляли 16% от числа всех работающих. В этой группе самый высокий процент приезжего населения, в том числе сельского. В Калуге наиболее высокий процент приезжих наблюдается среди работников строительного управления — 93%, в автоколонне приезжих 77%. В Ельце соответствующие показатели составляют 75% и 71%. Число приехавших из села при этом превышает число приехавших из города примерно в четыре раза. Это обстоятельство объясняется бурными темпами развития этих отраслей народного хозяйства, непосредственно связанных с ростом самих городов, их промышленности и благоустройства. Постоянно существующий спрос на рабочие кадры, а также известные льготы в отношении жилья и устройства в городе (существующие, например, для строителей) стимулируют приток в эти отрасли народного хозяйства приезжего населения. Часть сельской молодежи приходит со специальной подготовкой, полученной в профтехшколах и на курсах, но большинство профессий строителей, водителей, кондукторов и др. не требуют длительного обучения,

<sup>5</sup> Другие группы не учитываются.

что также облегчает приезд на работу на этих предприятиях. К тому же некоторый резерв подобных профессий имеется и в сельской местности. Однако значительная часть приезжающих из деревень рассматривают работу на строительстве или на автотранспорте, где всегда имеется нужда в рабочих руках, как первый шаг своего устройства в городе. Отсюда в строительстве и на автотранспорте наблюдается сильная текучесть кадров, т. е. их быстрая сменяемость. Не случайно, что на этих предприятиях значительную группу составляют лица, проработавшие здесь лишь от одного года до пяти лет. Так, в Ефремове, по данным отдела кадров городской автоколонны на 1965 г. 52% всех работников имели стаж работы на этом предприятии от одного до пяти лет; в Ельце 42% работников строительного управления № 4 имело еще более низкий стаж работы — от одного до трех лет.

На строительстве и в городском транспорте работают как потомственные рабочие, так и бывшие крестьяне. Соотношение числа лиц рабочего и крестьянского происхождения здесь несколько иное, чем в предыдущей группе. Так, в Калуге в строительном управлении выходцев из крестьян насчитывается 65%, выходцев из рабочих — 27%, в автоколонне соответственно 52% и 40%. В Ельце в строительном управлении число работников, вышедших из рабочей и крестьянской среды по 47%; в автохозяйстве выходцев из рабочих больше, чем из крестьян (соответственно 51% и около 40%).

В целом же можно говорить о преобладании в этой группе лиц крестьянского происхождения.

По уровню образования группа строителей и работников городского транспорта дает более низкие показатели, чем первая группа. И в Калуге, и в Ельце эти показатели совпадают почти полностью. Примерно половина работников (от 47 до 56%) имеет неполное среднее образование. На втором месте — лица, имеющие образование в объеме 5—6 классов (от 16 до 22%), на третьем — работники со средним образованием (от 7 до 12%). Некоторое исключение составляют строители в Калуге, среди которых на третьем месте стоят лица с законченным или незаконченным высшим и специальным средним (чаще всего с незаконченным средним специальным) образованием — 12%. В отличие от предыдущей группы (и, как будет показано ниже, также от других групп) среди строителей и транспортников насчитывается значительное число лиц с начальным образованием — от 7 до 12%.

С этими данными согласуются и сведения об образовании работников автоколонны № 118 г. Ефремова. Среди них первое место занимают лица, имеющие неполное среднее образование (47%), второе — лица с образованием в объеме 5—6 классов (24%), третье — с начальным образованием (14%) и только четвертое — со средним (12%).

По социально-профессиональной характеристике (преобладание рабочих, в том числе квалифицированных, небольшой процент служащих, главным образом ИТР, сравнительно высокая степень владения другими профессиями) работники строительства и городского транспорта сближаются с группой работников заводов и фабрик. Видимо, формирование устойчивых рабочих кадров в этих новых отраслях народного хозяйства идет по тому же пути, что и на давно сложившихся промышленных предприятиях.

В особую группу можно объединить работников службы быта, в данном случае представленных работниками комбината бытового обслуживания и магазинов. Сюда также можно отнести работников предприятий общественного питания, бань, прачечных, ателье, пошивочных мастерских и других специфических учреждений, обслуживающих бытовые нужды населения.

Большинство работников службы быта не имеет пока высокой профессиональной подготовки, и многие из них обходятся лишь небольшой суммой навыков и знаний. Поэтому значительная часть кадров здесь легко заменима и пока еще подвержена текучести.

До последнего времени практиковалась подготовка кадров для этой отрасли народного хозяйства на рабочем месте, путем прикрепления учеников к мастерам и присвоения им разрядов квалификационной комиссией. Но по мере развития сферы обслуживания совершенствуется и система подготовки кадров для нее, расширяются возможности приобретения специальности как с отрывом, так и без отрыва от производства.

В настоящее время число квалифицированных работников со специальной подготовкой в составе данной группы начало быстро расти. Частично это старые кадры, являющиеся до некоторой степени носителями традиций бывших ремесленников, но большинство — новые работники, получившие специальность в системе профтехобразования.

Анкетное обследование отдельных учреждений сферы обслуживания обнаруживает определенное сходство социально-профессиональных характеристик кадров этих учреждений. В составе этой группы, как и двух первых, преобладают рабочие, хотя процент их здесь несколько меньше — 70—80%. Квалифицированных рабочих в сфере обслуживания также несколько меньше — в среднем 78% от всех работающих. Более умеренным является и удельный вес лиц, имеющих другие профессии, — 36—41%.

По социальному происхождению работники различных учреждений службы быта в Калуге и Ельце также имеют одинаковые показатели. По характеру показателей они приближаются к работникам промышленных предприятий, хотя и имеют некоторые свои особенности. В этой группе лица рабочего происхождения составляют 48—58%, крестьянского — 23—34%. Сравнительно высокий процент лиц, вышедших из семей служащих, дает новый универсам в Калуге (20%); среди его работников много городского молодежи.

Известная неоднородность группы отразилась в расхождении внутри ее показателей по таким важным признакам, как пути формирования кадров и уровень их образования. Так, число приезжих в составе рабочих кадров дает на обследованных предприятиях сильные колебания — от 46 до 81% всех работающих. Различны и показатели образовательного уровня. Комбинаты бытового обслуживания, например, и в Калуге и в Ельце имеют самый большой из всех обследованных предприятий процент лиц с начальным образованием (соответственно 19 и 23,7%). В то же время кадры магазинов выделяются в целом сравнительно высоким уровнем образования. По проценту лиц со средним, высшим и специальным средним образованием они стоят на втором месте после группы с преобладанием служащих (см. ниже), для которой характерны самые высокие показатели по этому признаку. По другим категориям образования группа работников сферы обслуживания ближе всего к строителям и работникам городского транспорта.

Значительные расхождения внутри этой группы данных об удельном весе приезжих и об уровне образования обусловлены, с одной стороны, особенностями конкретных производств и разной значимостью городов, с другой же — некоторой спецификой выборки объектов обследования<sup>6</sup>.

В целом число работников сферы обслуживания, этой молодой быстро развивающейся отрасли хозяйства, непрерывно растет и составляет уже значительную часть самостоятельного населения города. Уже в настоящее время очерченная группа может рассматриваться как самостоятельная, хотя признаки ее еще не до конца оформились.

Ядро следующей, наиболее социально продвинутой группы самостоятельного городского населения, составляют школьные и медицинские работники, т. е. в ней преобладает массовая интеллигенция и счетно-канцелярские работники (служащие труда обслуживания). Имеется также небольшой процент рабочих, в основном неквалифицированных, которые, если рассмотреть их отдельно, дадут иные, чем основная часть группы, параметры. К этой группе можно отнести и работников многих других учреждений (например, библиотек, клубов и домов культуры, детских садов, государственных и общественных организаций). В составе их кадров мы видим и работников интеллектуального труда, и служащих труда обслуживания, и рабочих, в основном малоквалифицированных, хотя их здесь сравнительно немного.

Группа в целом характеризуется преобладанием служащих — до 90%. Причем значительная часть их, а в школах преобладающее большинство — интеллигенция. Рабочих же более всего в больнице и они почти все малоквалифицированные (это санитарки и другой обслуживающий персонал).

<sup>6</sup> В Калуге обследовались главным образом цеха парикмахеров, портных и фотографов, тогда как в Ельце обследован комбинат бытового обслуживания целиком. Выбранные для обследования магазины также не были равнозначны: в Калуге — это большой недавно открытый универсальный магазин, в Ельце — магазин с промтоварным и продовольственным отделами.

Процент приезжего населения в группе довольно высок (в Калуге — 70—75% в Ельце — 63—67%). Школы и поликлиники принадлежат к учреждениям с дав сложившимися рабочими кадрами, но быстрые темпы их роста в послевоенные го: в связи с развитием городов обусловили появление и в них большого числа приезж: Среди приезжих городской и сельский элемент распределяется почти поровну (в шк лах «городские» приезжие несколько преобладают, в поликлиниках, и особенно больницы, наоборот — число сельских приезжих немного превышает число городски:

Эту картину дополняют материалы по социальному происхождению:

школа в Калуге:	из рабочих — 33 %	из крестьян — 27 %	из служащих — 37 %
школа в Ельце:	» 21 %	» 33 %	» 41,5 %
поликлиника в Калуге:	» 37 %	» 26 %	» 39 %
поликлиника в Ельце:	» 40 %	» 31,5 %	» 26 %

В целом в этой группе выходцы из семей служащих немного преобладают над в ходцами и из рабочей среды и из среды крестьянской. Исключение составляет полик- клиника в Ельце, которая обследовалась вместе с больницей, где значительно выше процент младшего обслуживающего персонала. Вообще же более равномерное чем в других группах распределение здесь рабочих кадров по социальному происхождению, во многом, видимо, отражает процесс образования интеллигенции из всех слоев совет- ского общества.

Группа, естественно, характеризуется самыми высокими показателями уровня об- разования. В Калуге и в Ельце лица, имеющие законченное или незаконченное выс- шее и специальное среднее образование, составляют в этой группе 64—82%, а вместе с лицами, имеющими среднее образование — 71—87%, остальные 29% и 13% составляют лица, имеющие образование в объеме неполной средней школы или в объеме 5—6 классов. Эти данные относятся ко всей группе в целом. Если же отбросить часть ее, составляющую младший обслуживающий персонал, то показатель уровня образования основной части группы будет еще выше.

Еще одна особенность группы — низкий процент лиц владеющих другими профес- сиями (менее 20%) — связана с преобладанием в ее составе интеллигенции. Приобре- тение профессии врача, педагога, воспитателя требует длительной учебы и, как пра- вило, исключает возможность овладения другими специальностями.

Рабочие кадры остальных обследованных объектов (железной дороги и городско- го узла связи) не образуют единой группы; по отдельным признакам они примыкают то к одной, то к другой из перечисленных групп. Железнодорожники по наличию зна- чительного сельского элемента в их составе и по уровню образования ближе всего к группе строителей и работников городского транспорта. В то же время по числу квалифицированных рабочих, составляющих основу коллектива, а также по развитию системы подготовки кадров они примыкают к работникам промышленных предпри-ятий.

Еще сложнее состав работников узлов связи. Здесь много и служащих и рабочих разных квалификаций. По числу приезжих, в том числе из села, узлы связи дают до- вольно высокие показатели. Служащие здесь имеют много общего со служащими школ, поликлиник и тому подобных учреждений, рабочие-связисты же ближе всего, судя по данным анкеты, к рабочим-строителям и автотранспортникам. Следовательно, изучение подобных групп населения требует более дифференцированного подхода.

Как можно было заметить, в каждой из намеченных групп имеется некоторое чи- сло неквалифицированных рабочих, которые заняты не в основном производственном процессе, а в его обслуживании, на различного рода подсобных работах. Однако ос- новную характеристику этим группам дает ядро, состоящее из социально-продвинутых элементов. Неквалифицированные рабочие всегда составляют меньшинство группы, и их контингент непрерывно сокращается с развитием техники. В составе неквалифици- рованных рабочих обычно преобладают люди старших возрастов. В Калуге, например, 46,4% всех неквалифицированных рабочих, а в Ельце даже 50% — это лица в возрас- те от 40 лет и старше. Имеется и небольшое число молодежи в возрасте от 16 до 25 лет (в Калуге — 16% всех неквалифицированных). Для большинства из них такая ра- бота является временной — первым шагом в начале их трудового пути. Как правило

для этого контингента работников характерна быстрая сменяемость. Следует еще заметить, что 90% неквалифицированных рабочих — женщины, причем, преобладание женщин прослеживается во всех возрастных группах.

Неквалифицированные рабочие, входящие во все намеченные выше группы городского населения, в социальной характеристике имеют много общего между собой. Вместе с тем, вряд ли целесообразно изучать их отдельно, как особую группу.

Таковы социально-бытовые группы современного самостоятельного городского населения, определившиеся в результате анкетного обследования. На наш взгляд, они могут стать основными объектами этнографического изучения выбранных городов. Уже предварительные итоги этнографической работы в малых и средних городах средней полосы РСФСР показывают целесообразность выделения таких групп, охватывающих почти все самостоятельное городское население. Оно дает возможность собрать разнообразный, рационально организованный и сравнимый материал и получить объективное представление о культуре и быте населения города в целом.

---

**В. С. Кондратьев**

## **ЭКСПЕРИМЕНТ «EX POST FACTO» В ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ**

Этносоциологическое изучение городского и сельского населения Татарской АССР, начатое в 1967 г. сектором конкретно-социологических исследований Института этнографии АН СССР,— это первый опыт исследования, в котором сочетаются социальный и этнический аспекты. В недалеком будущем следует ожидать развертывания подобных исследований как в отдельных республиках, так и в масштабе всей страны.

Этносоциологическое исследование, обладающее всеми чертами, присущими конкретно-социологическому исследованию вообще, в то же время отличается и некоторой спецификой, а именно — наличием такой важной, определяющей характеристики, как этническое, национальное. Это обстоятельство требует применения соответствующих материалов методов.

Методика и техника этносоциологического исследования в нашей стране еще полностью не сложились, поэтому разработка отдельных проблем, связанных с методологической и методической характеристикой такого исследования, представляется достаточно актуальной.

В данном сообщении рассматривается метод интервьюирования, быть может больше других методов связанный с влиянием этнического фактора.

В ходе этносоциологического изучения сельского населения Татарской АССР и последующего анализа собранных материалов перед нами встала проблема, которую мы в какой-то мере попытались выяснить, а именно: в каких случаях и насколько расходятся ответы респондентов в процессе интервью, если их опрашивают люди разных национальностей<sup>1</sup>.

До настоящего времени подобная задача никем не решалась, хотя важность этого вопроса неоспорима.

Если бы при обработке анкетного массива в ЭВМ были введены зашифрованные данные о национальности интервьюера, то задача решалась бы довольно легко: достаточно было бы установить корреляционную связь между интересующими нас признаками и потом по величине коэффициента корреляции судить о влиянии национальности интервьюера на ответы респондента. Однако программа обработки такой возможности не предоставляла, следовательно, необходимо было искать иной путь.

Для выяснения поставленного вопроса был применен экспериментальный метод, а именно эксперимент «ex post facto». Смысл эксперимента состоит в следующем: имея контрольную группу с набором признаков и экспериментальную группу, отличающуюся от контрольной одним из признаков, выясняем, какое воздействие на конечный результат оказывает данное изменение одного из признаков. То же самое можно выразить в логической форме:

$$\begin{array}{l} \text{I} \quad a, b, c, d, e \rightarrow k \\ \text{II} \quad \frac{a, b, c, d, e' \rightarrow k'}{e \rightarrow k} \end{array}$$

где  $e$  — переменная, являющаяся причиной изменения конечного результата  $K$ .

<sup>1</sup> О факте влияния личности человека, проводящего интервью, на характер ответов, которые он получает, упоминают американские авторы Д. Мюллер и К. Шусслер в своей книге «Статистические методы в социологии» («Информационный бюллетень Советской социологической ассоциации», 1968, № 10, ч. I, стр. 79).

Таблица 1

№ вопроса	Содержание	Число ответивших	
		контрольная группа	экспериментальная группа
32	На каком языке Вы говорите на работе? 1. На татарском 2. На русском 3. На обоих 4. Затрудняюсь ответить	98 — 1 1	87 2 11 —
33	Каким языком Вы свободно владеете? 1. Татарским 2. Русским 3. Обонми 4. Затрудняюсь ответить	92 1 3 4	90 1 9 —
48	В какой школе Вы хотели бы обучать своих детей? 1. В татарской 2. В русской 3. В смешанной 4. Затрудняюсь ответить	38 47 8 7	32 39 20 9
51	Есть ли у Вас родственники, состоящие в браке с лицами другой национальности? 1. Да 2. Нет 3. Нет ответа	12 85 3	19 79 2
63	На каком языке слушаете радио? 1. На татарском 2. На русском 3. На обоих	51 — 34	46 5 29
69	Празднуете ли Вы курбан-байрам, рамазан? 1. Праздную 2. Не праздную 3. Безразличен 4. Затрудняюсь ответить	44 24 28 4	34 41 — 25
70	Как Вы относитесь к обряду обрезания? 1. Можно делать 2. Не нужно делать 3. Затрудняюсь ответить 4. Нет ответа	59 11 20 10	45 18 5 32

В нашем случае в качестве переменной будет выступать национальность интервьюера, конечный результат будет представлен в виде ответов респондентов на вопросы, вскрывающие в той или иной степени их установки в национальных отношениях.

После определения интересующих нас признаков важным этапом в подготовке эксперимента является построение контрольной и экспериментальной групп. Необходимо было получить группы, совершенно идентичные по целому ряду признаков, которые могут так или иначе оказать влияние на установки респондентов. Например, если мы полагаем, что образование опрашиваемого тесно связано с его отношением к смешанным бракам, то обе группы (контрольная и экспериментальная) должны быть выравнены по образованию, чтобы элиминировать его влияние и т. д. Различие должно было проходить лишь по одному признаку — национальность интервьюера.

В контрольной группе национальности интервьюера и интервьюируемого совпадали (в нашем исследовании это лица татарской национальности). В экспериментальной группе имело место расхождение в национальности респондента и интервьюера.

В ходе работы были сформированы две совокупности опросных листов, которые обладали следующими характеристиками:

1. Численность опросных листов в каждой группе — 100.
2. В обе совокупности входили опросные листы, составленные на лиц татарской национальности, принадлежащих к одной и той же социально-профессиональной группе — группе разнорабочих.
3. Обе группы были сходны по поло-возрастному составу: женщины составляли 52%, мужчины — 48%; в возрасте 16—27 лет — 22%, 28—34 года — 28%, 35—49 лет — 30%, 50 лет и старше — 20%.

4. Средний уровень образования респондентов в каждой из выделенных совокупностей — 4,4 класса.

5. Средний размер населенных пунктов, в которых проживают попавшие в нашу выборку татары, относится к группе сел с численностью населения от 501 до 1000 человек.

6. Этнический состав этих сел однозначен в обеих совокупностях — татарские села.

7. Так же однозначно и семейное положение попавших в выборку лиц — 83% респондентов состоят в браке.

8. Контрольная и экспериментальная группы, как уже указывалось, различались между собой по национальности интервьюера. Однако уровень подготовки интервьюеров был выравнен: в контрольной группе в роли интервьюеров выступали татарские студенты Казанского университета, в экспериментальной группе — лица не татарской национальности — студенты московских вузов.

Распределение ответов на вопросы, выявляющие установки в национальных отношениях, в контрольной и экспериментальной группах наглядно показывает табл. 1.

Для более полного и углубленного анализа результатов эксперимента необходимо уточнить разброс в ответах по каждому вопросу у представителей контрольной и экспериментальной групп. Это позволит нам судить о мере влияния национальности интервьюера на ответы на отдельные вопросы.

Таблица 2

Номер вопроса	Разброс в ответах
32	12
48	14
51	7
63	10
69	38
70	29

Рассчитаем разброс по каждому вопросу по следующей формуле:

$$W = \frac{|n_1 - k_1| + |n_2 - k_2| + \dots + |n_n - k_n|}{2}$$

где  $W$  — разброс в ответах между контрольной и экспериментальной группами,  $n$  — число ответивших на данный пункт вопроса в контрольной группе,  $k$  — число ответивших на данный пункт вопроса в экспериментальной группе.

При  $W=0$  ответы респондентов обеих групп совершенно идентичны, иначе говоря, отсутствие разброса свидетельствует о безразличном отношении респондента к национальности интервьюера.

Анализируя полученные результаты, можно отметить, что наибольшие различия между контрольной и экспериментальной группами в ответах на вопросы 69, 70 (выявляющие отношение к религиозным праздникам и обрядам).

Таким образом, в результате эксперимента установлено, что личность интервьюера (а именно — его национальная принадлежность) имеет значение при ответе респондента на вопросы, так или иначе касающихся его установок в национальных отношениях. Наблюдается тенденция к росту положительных установок у тех татар, которыми беседовали русские интервьюеры. Конечно, полученные данные нельзя абсолютизировать. Контрольная и экспериментальная группы идентифицированы лишь по учтенным при опросе признакам, а они, естественно, не исчерпывают всех характеристик. Задача данного сообщения состоит, однако, не в том, чтобы точно установить степень смещения ответа за счет национальности анкетера. Мы лишь хотим обратить внимание на некоторые сложности, которые приходится учитывать на всех этапах организации этно-социологического исследования.

**И. Хидоятов**

## **О ХАРАКТЕРЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫХ РАЙОНОВ СУРХАНДАРЬИНСКОЙ ОБЛАСТИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЕ ВРЕМЯ**

Районы Сурхандарьинской области — Денау и Сарыассия — расположены в Южном Узбекистане. С трех сторон они окружены высокими горами (с севера и северо-востока — горами Гиссара, а с юга — отрогами Бабаатагского хребта), и только по берегам рек Тупаланг, Обизаранг, Ходжаи-Пок, Сангардак расположены равнины. Высокогорные хребты, закрывающие долину от вторжения холодных ветров, и обилие воды создали благоприятные условия для развития земледелия и садоводства.

Лето здесь сухое и очень жаркое, поэтому огромное значение для развития сельского хозяйства имеют реки снежно-ледникового и снежно-дождевого питания: Тупаланг, Сангардак, Каратаг, Дашнабад, Шаргунь, Обизаранг и др. Поля орошаются многочисленными арыками.

Наличие богатейших пастбищных угодий позволяет развивать скотоводство и держать скот круглый год на подножном корму.

Еще в дореволюционные годы Сарыассия и Денау представляли собой своеобразный экономический район.

По характеру сельского хозяйства этот район можно разделить на три зоны: 1) долинного орошаемого земледелия; 2) горно-предгорного зерноводческого хозяйства в сочетании с садоводством, виноградарством и скотоводством; 3) степного зерноводства и пастбищного скотоводства.

Население района отличается большой пестротой своего этнического состава. Большинство жителей — узбеки и таджики. Наряду с ними проживают афганцы, арабы, евреи, цыгане, русские, татары, туркмены и др.; раньше встречались и индийцы, занимавшиеся торговлей и ростовщичеством. По материалам переписи населения 1959 г. в Денауском районе было 90 063 чел., а в Сарыассийском — 69 093, а всего в двух районах 159 156 чел. обоего пола<sup>1</sup>.

На землях первой зоны живут узбеки различных племен — юзы, коратамгали, барласы, кунграды, катаганы, кенегесы, дурмены, чагатаи<sup>2</sup>. Есть там и узбеки, в 1927—1930 гг. переселившиеся из Ферганской долины, и таджики. Здесь в прошлом возделывались яровая и озимая пшеница, ячмень, рис. Сеяли также лен, кунжут, люцерну и огородно-бахчевые культуры. В настоящее время основной сельскохозяйственной культурой стал хлопок.

Население издавна практиковало правильный севооборот. Старожилы рассказывали, что у них в крае на полях удобрения не применялись, но строго соблюдался порядок севооборота. На том поле, где росли хлеба, затем возделывались огородно-бахчевые и масличные культуры. Это предохраняло землю от истощения.

Каждый хозяин разделял свое поле на три части. На одной части весной, после двух-четырехкратной вспашки, высевали рис и хлеба, на другой — лен и кунжут. Третью часть, вспахав, оставляли под пар на целый год, до следующей весны.

<sup>1</sup> «Материалы Всесоюзной переписи населения 1959 года», М., 1962, стр. 10, 19, 21, 28, 30, 31, 33, 40, 42, табл. 3, 4. Мною извлечены цифры, касающиеся исследуемого района. Надо отметить, что в 1957 г. Сурхандарьинская область объединилась с Кашкадарьинской, а в 1963 г. опять отделилась как самостоятельная область.

<sup>2</sup> См. «Из истории культуры народов Узбекистана», Ташкент, 1965, стр. 124—130.

После уборки урожая весенних культур — льна, кунжута и гороха (нахут) — на той же площади без предварительной вспашки высевали озимые хлеба. Эти земли считались вспаханными (замини шудгор).

Вторую зону занимают как узбеки племен катаган, карлук, барлас и чагатай, так и горные таджики. Здесь в прошлом велось богарное земледелие. Эта зона была хорошо обеспечена землей. Широко применялся правильный севооборот. В каждом хозяйстве часть земли ежегодно отдыхала под паром. Земли, оставляемые под пар, вспахивали два раза весной и один раз перед посевом весной следующего года. Такие земли назывались «манзара» или «марза»<sup>3</sup>. На них в следующем году выращивали лен, кунжут, горох, а потом, сняв урожай этих культур, по жнивью без предварительной обработки высевали озимые хлеба.

Во второй зоне, кроме неполивных, были земли, которые поливались водой из родников и считались условно-поливными. Такие земли при обложении налогом приравнивались к «лялми», т. е. неполивным. На них возделывались озимые хлеба; из яровой культуры сеяли лен, просо, горох.

В третьей зоне на отрогах Бабатагского хребта жили полукочевые узбекские племена: кунграды, дурмены, коратамгали, бармаки. Основным их занятием было скотоводство в сочетании с богарным земледелием. Часть населения кочевала на летовках (авул), а основная масса оставалась на зимовках и вела экстенсивное зерноводческое хозяйство. Сеяли больше яровую пшеницу и ячмень, меньше озимые. Горные склоны Бабатагского хребта издавна использовались для экстенсивного земледелия. Весной по ущельям Каникансай, Бели синик, Дарвазакан, Селга, Таммасай, Бурисай и другие текли дождевые потоки, образуя ряд речек. У выхода из ущелий вода наносила глины на тысячи гектаров. Эту землю узбеки называли «селга» или «селга джерлари». Ранней весной на такие участки без какой-либо обработки разбрасывали зерно (пшеницу, ячмень, кунжут). Здесь выращивались также бахчевые культуры. На этой земле работали бедные дехкане, которые не имели сельскохозяйственных орудий. Земледелие такого типа называлось «селовакорлик».

В третьей зоне применялась система перелогов: после уборки урожая участки оставляли на один-два года под паром, после чего на нем снова засевали хлеба. Выращивали озимые хлеба, но лишь на полях, прилегающих к предгорьям, где выпадало больше дождя.

Особенностью земледелия в изучаемом районе являлось то, что навоз для удобрения здесь не собирали и не вывозили на поля, в то время как в Ферганской, Самаркандской и других областях Туркестана широко применялись органические удобрения. В горных кишлаках второй зоны позади хлебов за зиму накапливались большие кучи навоза, которые хозяева располагали так, чтобы потоки весенних дождей смыли их вниз по склону. Таким же способом смывали и содержимое уборных. Навоз попадал в реки и поступал на поля, расположенные ниже по течению, т. е. на земли первой зоны. Следует отметить, что население в верховьях Пянджа, бассейна р. Хингоу (таджики) рационально использовало навоз для удобрения пашни, вынося его на поля<sup>4</sup>.

В изучаемом районе поля удобрялись путем выпаса на них скота. Отары овец принадлежавшие полукочевым узбекам (кунградам), при перекочевках на горные пастбища попадали в район второй зоны, проходили по сжатым полям и там паслись на стерне по 4—5 суток. Свой домашний скот население кишлаков пасло также на сжатых полях, причем при выборе места соблюдалась очередность, чтобы все участки

<sup>3</sup> Приведенный К. Шаниязовым в том же значении термин «намарза» (см. К. Шаниязов, Узбеки-карлуки, Ташкент, 1964, стр. 48—49) является вариантом термина «манзара».

<sup>4</sup> А. Ф. Миддендорф, Очерки Ферганской долины, СПб., 1882, стр. 159, 160; А. П. Хорошхин, Сборник статей, касающихся до Туркестанского края, СПб., 1876, стр. 247; А. И. Шахназаров, Сельское хозяйство в Туркестанском крае, СПб., 1908, стр. 57—59; О. А. Сухарева, Прошлое и настоящее селения Айкыран, Ташкент, 1955, стр. 28—29; Н. Н. Ершов, Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией, Душанбе, 1960, стр. 129.

<sup>5</sup> См. М. С. Андреев, Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи), вып. II, Душанбе, 1958, стр. 101, 106; 108; М. Р. Рахимов, Земледелие таджиков бассейна реки Хингоу в дореволюционный период (историко-этнографический очерк), Душанбе, 1957, стр. 53.

поровну получали удобрения. Такой порядок был выгоден как земледельцам, так и скотоводам.

Крестьяне представляли себе значение навоза, но считали, что их земля достаточно плодородна и не нуждается в удобрениях. Навоз вывозили только на поля люцерны, вследствие чего в течение ряда лет получали высокие урожан этой культуры на приусадебных участках («хаёти»).

Своеобразной чертой земледелия изучаемого района было то, что сев озимой пшеницы и ячменя проводили по невспаханному полю, которое до этого было занято масличными, бобовыми или пропашными культурами (лен, горох, бахчевые). После уборки урожая эти земли считались уже вспаханнными («шудгор»). Зерно заделывалось однократной вспашкой. По вспаханному же полю сеяли лен, кунжут, горох, рис, хлопок и сажали огородно-бахчевые. Под морковь и огородно-бахчевые делали грядки.

Не имея возможности подробно описать способ выращивания всех культур, остановимся лишь на основных. В прошлом это были пшеница и ячмень. На поливных землях первой зоны пшеницу и ячмень чередовали с посевами риса, на богарных — с бахчевыми и льном или кунжутом. Возделывали пшеницу следующих сортов: «ок бугдай», или «сафедак» (яровая), которая имела белое полупрозрачное зерно и давала лучшую белую муку; «кизилча», или «сурхак», и «кайрак» бугдай» (озимые и яровые), отличавшиеся красноватым гладким зерном. Сорт «хивит»<sup>6</sup> выращивали как озимый в высокогорных местах.

Местная практика показывает, что наиболее урожайны здесь озимые хлеба. Поэтому дехкане старались выращивать больше озимых (тирамон). Их сеяли на землях, оставленных под пар, и после пропашных культур. Считалось, что при этом земля прогревалась и передавала тепло посеянному зерну; в результате хлеба росли хорошо и урожай озимых в обычном году был сам 8—10, яровых — сам 4—5. Урожай зависел также от количества осадков.

Ячмень как яровой, так и озимый, выращивался преимущественно на землях второй зоны. Здесь сеяли ячмень сортов «харджав» и «каллакджав». Дехкане предпочитали яровой сорт, так как он имел длинные ости и птицы не могли его истреблять. Озимый сорт каллакджав, не имевший длинных остей, сеяли очень мало. Ячмень убирался раньше пшеницы. Он шел на корм лошадям и ослам. В неурожайные годы из ячменя пекли хлеб.

В конце мая и начале июня всюду приступали к жатве (дарав, ўриш). Жали серпом «дост» (тадж.), «урок» (узб.) сначала ячмень и горох, затем пшеницу. Характерно, что в описываемом районе и яровая и озимая пшеницы поспевают в одно и то же время. В этот период применялась взаимная помощь «хашар». День жатвы в каждом хозяйстве назначал аксакал кишлака. Дехканин, установив день хашара на своем голе, накануне вечером устраивал традиционное угощение — «оши хашар», на которое собирались почти все его соседи, родные и близкие. После угощения старший из всех гостей читал напутственную молитву и желал хозяину обильного урожая, успешной жатвы. Жнецы (хашарчи), наточив серпы и захватив с собой одну или две хлебных лепешки, на рассвете отправлялись в поле.

Жнецы «даравчи» (тадж.), «уримчи» (узб.) или просто «хашарчи» (хашарчиён) во время жатвы делились на две соперничавшие группы, называемые «козленок и богатырь» (бузак ва дахмарда). В процессе работы обе группыставляли певцов. Пели дуэтом; каждый певец должен был искусно, ритмично, долго петь и работать. Если один из них раньше замолкал, то всю его группу считали побежденной. Исполняли песни из фольклора, часто из достанов. Напев отличался оживленностью. Пение помогало в работе: жнецы не замечали времени и усталости, жали хорошо, плавно; колосья не выпадали, зерно все убирали вовремя, не оставляя его под дождем.

Певцом мог быть каждый дехканин, хорошо знающий фольклор и достаны, в основном же достан «Ёзи билан Зебо» (Ёзи ва Зебо)<sup>7</sup>. Певец вставлял и от себя стихотворные строки, включая в эти импровизации события своей жизни.

<sup>6</sup> Хивит — сорт морозоустойчивой пшеницы, которая высевалась в горах на условно поливных землях только как озимая. Родиной «хивит» считают Сарыассийский район, кишлаки Чош и Ховат, откуда она проникла в другие горные кишлаки.

<sup>7</sup> Впервые собрал и опубликовал этот достан Охунджан Собиров, см. «Ёзи билан Зебо», Ташкент, 1962.

Молотьба на току («хирман») также сопровождалась пением. Здесь исполнялись песни, известные под названием «майда»<sup>8</sup>. Нами были записаны тексты таких песен от таджиков и узбеков селений Хуфар и Кахрамон Сарыасийского района. Они различались по содержанию. Громкое пение при молотьбе продолжалось до поздней ночи. Дехкане считали, что волны в лад песне послушно поворачиваются и неустанно двигаются по разостланному снопам. Стоило прекратить пение, как волны замедляли шаг. Пение доставляло радость людям, умножало их терпение. Поэтому многие хозяева, нанимая работника для жатвы или молотьбы, спрашивали у него, знает ли он песни «майда».

Рисоводством занимались как узбеки родов юз, чагатай, катаган, так и равнинные таджики. Обилие воды в описываемом районе позволяло с давних времен выращивать рис («шоли»). Здесь были распространены сорта «Багдоди», «Окпар», «Маргоб», «Ходжа-ахмади», или «Джойдори», и др.<sup>9</sup> Сорт «Багдоди», по свидетельству информаторов, в далеком прошлом был завезен из Багдада арабами-земледельцами. Он считался малоурожайным и требовал интенсивного труда. Высокоурожайный сорт «Окпар» хорошо покупали на рынке. «Маргоб» был около двух столетий назад завезен из окрестностей Самарканда узбеками; высевали его в большом количестве. Местный высокоурожайный крупнозернистый сорт «Ходжа ахмади» не требовал особого ухода, хорошо выдерживал хранение и больше всего подходил к условиям изучаемого района.

До Великой Октябрьской социалистической революции большую часть посевной площади занимали рисовые поля. Они, как еще в прошлом столетии отмечали исследователи, были распространены от Денау до Кафирнигана<sup>10</sup>.

Потребность в рисе возрастала с каждым годом. Сюда приезжали купцы из Карши, Керки, Гузара, Мары, Бухары и других мест, скупали рис по дешевой цене и увозили караванами. Рисоводство имело товарный характер, рис приносил большой доход, поэтому во всех хозяйствах первой зоны рисовые поля занимали значительное место.

Землю, на которой выращивали рис, разбивали на небольшие участки различной величины с высокими бортиками, так называемые палы («палы шоли»). Палы располагались так, что в результате получался ряд постепенно понижавшихся площадок, на которые равномерно поступала вода. В начале этой системы оставляли два незасеянных глубоких пала (около одного метра глубины), называвшихся «кумпал»<sup>11</sup>, где вода согрелась и отстаивалась, а затем поступала на палы, засеянные рисом.

Очистке семян от сорняков, главным образом «куриного проса» («курмак»), местные дехкане (таджики и узбеки) не уделяли должного внимания, поэтому зачастую посевы были засорены.

Перед посевом семена шоли замачивали в специальных ямах в течение 3—4 дней, затем их выгребали оттуда и оставляли в куче, сверху закрывая рисовой соломой и замазывая глиной наглухо, «чтобы зерно распарилось». За сутки семена давали чуть заметные ростки — «неш», после чего их вывозили на поля и высевали.

Перед посевом участки, предназначенные под рис, заполнялись водой на 3—4 дня, чтобы почва и вода нагрелись. Затем участок вспахивали один раз и бороновали деревянной бороной («тахтамола», или «чапар»). Пашню окончательно разравнивали и взмучивали воду («лойшон»); после этого производили посев, разбрасывая семена руками в наполненные водой палы. В течение первых 20 дней после посева с палов 3—4 раза спускали воду на одни сутки, чтобы дать почве и молодым растениям со-

<sup>8</sup> Таджики бассейна р. Хингоу при коллективной жатке «...громким голосом пели ритмичную песню, которая там называлась „Ман дог“ — „Я горюю“». См. М. Р. Рахимова, Указ. раб., стр. 214; Х. Б. Кармышева, Об узбекских трудовых крестьянских песнях, сб. «Памяти М. С. Андреева», Душанбе, 1960, стр. 72, 74.

<sup>9</sup> В других областях Туркестана сеяли сорта: «Арпашоли», «Акшали», «Кизилшоли»; в данном районе «Кизилшоли» встречался редко. См. А. И. Шахназаров, Указ. раб., стр. 1197.

<sup>10</sup> См. Н. А. Маев, Очерки Бухарского ханства (Гиссарский край, Куляб и прибрежье Амударьи), Ташкент, 1876, стр. 81; А. Губаревич-Радобильский, Экономический очерк Бухары и Туниса, СПб., 1905, стр. 41.

<sup>11</sup> В Зеравшанской и Ферганской долине оставляли по одному кумпалу. См. А. И. Шахназаров, Указ. раб., стр. 200; А. Ф. Миндendorff, Указ. раб., стр. 214. В Самарканде в начале системы оставляли по два кумпала; см. «Справочная книжка Самаркандской области», вып. IX, Самарканд, 1907, стр. 20. В Ленинабаде кумпалы назывались «лойдон» или «кумкаш» (см. Н. Н. Ершов, Указ. раб., стр. 141).

гаться. Потом палы снова заливали. При этом строго соблюдался прежний уровень воды <sup>12</sup>. По истечении 20 дней и до созревания риса на полях поддерживался слой воды глубиной 20—25 см. Прополки посевов не производили, курмак не умели отличать от риса, но траву на окружающих палы валиках счищали при помощи «чимбур» — самаркандских кетменей <sup>13</sup>. В период созревания риса посевы оберегали от птиц, отпугивая их при помощи пращей («фалахмон»), всяких погремушек и выставлявшихся на паллах чучел. Против кабанов («хук») ставили капканы. Рис созревал за 110—120 дней.

Хлопок («гуза») до Октябрьской революции выращивали таджики и узбеки-чагатаи <sup>14</sup>, причем только на неорошаемых землях и в незначительном количестве. Его сеяли главным образом ремесленники кишлаков Хуфар, Дашнабад, Газарак, Эрсоки. Здесь возделывали хлопок местных сортов: «Ок гуза», «Кора пучок», «Кора чигит». Эти сорта отличались тем, что коробочки, в которых заключалось хлопковое волокно, при созревании лишь немного растрескивались и слегка раскрывались. Сбор хлопка производили тогда, когда коробочки «начинали смеяться», т. е. из них чуть-чуть показывалось белое волокно. В начале XX в. в исследуемый район из соседнего Ширабадского бекства был ввезен для опыта хлопок «Маври гуза». Он давал урожай выше, чем местные сорта, и его коробочки больше раскрывались при созревании.

На поливных землях первой зоны хлопок до конца XIX в. не культивировали.

В соседнем Ширабадском бекстве хлопководство имело товарный характер, хлопок вывозили за пределы вилайета <sup>15</sup>. Русские путешественники и исследователи неоднократно проходили по Денаускому и Сарыджуйскому бекствам и зафиксировали в своих статьях состояние сельского хозяйства, но о хлопковых полях они не упоминают. На поливных землях хлопок египетского и американского сортов появился, очевидно, в начале XX в. Инициаторами его возделывания были русский агроном Шумков и др., о деятельности которых мы нашли сведения в архиве <sup>16</sup>.

Землю под хлопчатник на поливных землях обрабатывали более тщательно, чем под местные культуры: весной участок вспахивали 2—3 раза вдоль и поперек. На богаре в некоторых хозяйствах дехкане стали делать под хлопчатник грядки. В ряде случаев хлопок сеяли на богаре после пропашных культур по невспаханному полю и лишь затем производили вспашку. К 1916 г. на землях первой зоны дехкане стали отводить под хлопчатник <sup>17</sup> больше места. Однако бытовавший способ возделывания этой культуры тормозил развитие хлопководства в крае. Поливали хлопок редко. В отличие от других районов Узбекистана <sup>18</sup>, поля не удобрялись. Прополка хлопка на орошаемых землях проводилась не систематически. На богарных землях сорняки удаляли серпом. Урожай, естественно, были очень низкими.

Быстрое развитие хлопководства в описываемых районах началось только при Советской власти, что было связано с коллективизацией сельского хозяйства и переселением сюда хлопкоробов из Ферганской долины. Ферганские узбеки впервые начали сеять американские и советские высокоурожайные сорта.

В настоящее время в Сурхандарьинской области хлопок является главной культурой, дающей основной доход сельскому населению. Технические культуры занимают 107,4 тыс. га из 147,1 тыс. га поливных земель, в том числе хлопок 107,0 тыс. га <sup>19</sup>. Сей-

<sup>12</sup> См. А. Ф. Миддендорф, Указ. раб., стр. 244; А. И. Шахназаров, Указ. раб., стр. 201. У дехкан существовало поверье, что если молодое растение через 3—4 дня после посева покажется из воды, то его склюют птицы, и тогда рис превратится в курмак.

<sup>13</sup> У узбеков-юзов были громадные кетмени-мотыги, которые весили по 8—10 кг. Ими работали только физически здоровые дехкане. Эти кетмени в прошлом были привезены из Самарканда и в Сарыассне и Узуне их называли «чимбур» (буквально режущий дерн). Теперь таких кетменей не употребляют.

<sup>14</sup> Другие подразделения узбеков не знали культуры хлопка вообще.

<sup>15</sup> Н. А. Маев, Указ. раб., стр. 10.

<sup>16</sup> «Центральный государственный исторический архив УССР», ф. И-7, оп. 1, д. 3455, л. 13; см. также газ. «Правда Востока», № 8, 1965 (статья «Одна частная жизнь»).

<sup>17</sup> Г. Андреев, В Денауском бекстве, «Туркестанские ведомости», 1916, № 196.

<sup>18</sup> См. О. А. Сухарева, Указ. соч., стр. 34; Н. Н. Ершов, Указ. раб., стр. 68.

<sup>19</sup> «Советский Узбекистан за 40 лет. Статистический сборник», Ташкент, 1964, стр. 118.

час в районе ведутся большие оросительные работы, и осваиваются новые земли под хлопчатник.

Садоводство было одним из любимых занятий оседлого населения, особенно оно было развито у таджиков и узбеков племен чагатай и барлас (первая и вторая зоны). В горных селениях сады располагались на склонах гор, их площадь увеличивали за счет сведения леса. В садах выращивали груши, урюк, яблони, грецкие орехи, джидду («санжит»), сливы, алычу, тутовник и др. Садоводство не имело товарного характера, лишь небольшая часть фруктов в сухом виде попадала на базары.

В предгорьях сады состояли в основном из гранатовых деревьев и яблонь. Гранаты из Дашнабада славилась по всему Бухарскому ханству и могли конкурировать с шахрисабзскими сладкими крупными гранатами<sup>20</sup>. В настоящее время их вывозят в Москву, Ленинград и другие города<sup>21</sup>. Дашнабадцы умеют сохранять гранаты в свежем виде до следующей весны в специальных ямах («ура»), по две-три сотни и больше килограммов.

По преданию, гранаты появились здесь несколько сот лет назад, их привезли сюда чагатаи — переселенцы из Дахбида<sup>22</sup> и Куляба (местности Собит). Саженцы различных сортов гранатовых деревьев доставлялись сюда также и позже. В период коллективизации сельского хозяйства переселенцы из Ферганской долины также привезли различные сорта плодовых деревьев: гранаты, груши, персики и др.

Десятки тысяч гектаров земли в изучаемом районе занимают фисташковые естественные заросли по склонам Бабатагского и Гиссарского хребтов. Они дают фисташковые орехи прекрасного качества. Кроме того, на листьях фисташковых деревьев образуются наросты «бузгундж» (чернильные орешки), которые раньше использовались для приготовления черной краски, применявшейся в ткачестве. Жители этих районов в сезон созревания фисташек выезжали собирать их целыми семьями. В настоящее время лесхозы выращивают фисташковое дерево на обширных площадях и получают большие урожаи орехов, которые отправляют в Москву, Ленинград и другие города СССР<sup>23</sup>.

Виноградарство было развито главным образом у таджиков и реже у узбеков на приусадебных участках и в специальных садах. В селениях Сина, Вахшивар, Хуфар, Завхона и других виноградники составляли основу хозяйства жителей, причем виноград выращивали на продажу. Здесь получили распространение сорта «Тойфи», «Хусайни», «Джавз», «Чашми гов», «Кишмиш», «Сурхак», «Чилаги» и др. У таджиков Сина виноград был основной сельскохозяйственной культурой. Из него делали кишмиш, виноградную патоку («шинни»), отчего Сина получило прозвище «Сина шарбатхона». Отсюда возили продавать сушеный кишмиш на базары ханства. Сейчас в этом кишлаке построен большой завод вин.

Скотоводство в основном занимались узбеки-кунграды, дурмены, тюрки и таджики. Особенно отличались как хорошие скотоводы кунграды. Как было сказано выше, наличие богатейших пастбищ позволяло держать скот на подножном корму. Скот состоял главным образом из овец гиссарской мясо-сальной курдючной породы, обладающей прекрасно развитой мускулатурой, необходимой для длительного и трудного перехода с зимних пастбищ на летние и обратно<sup>24</sup>. Пастбищное содержание овец в горах продолжалось до конца сентября. В начале октября скот постепенно спускался с гор в свои зимовки — «кишлов». Овцеводы специально корм не запасали, отчего иногда зимой много овец погибало. Овец выращивали в основном для продажи. За ними каждый год приезжали купцы-скупщики («гусфанд-джаллоб»), которые закупали целые отары и отправляли их в Самарканд, Бухару, Афганистан и другие страны<sup>25</sup>.

<sup>20</sup> Н. А. Маев, Указ. раб., стр. 90; его же, Географический очерк Гиссарского края и Кулябского бекства, «Туркестанские ведомости», 1877, № 7, стр. 26—27, 28; его же, Долина Сурхана, «Туркестанские ведомости», 1879, № 36, стр. 142.

<sup>21</sup> Газ. «Правда Востока», № 25, 29 января 1967.

<sup>22</sup> Дахбид — большое селение близ Самарканда.

<sup>23</sup> См. газ. «Правда», 13 сентября 1965 г.

<sup>24</sup> «Овцеводство», М., 1963, стр. 301—304.

<sup>25</sup> «Скотоводство в Зеравшанской долине», «Туркестанские ведомости», 1880, № 46, стр. 182; А. Б р и с к и н, Страна таджиков, М.—Л., 1930, стр. 26—27.

В наше время овцеводство также занимает большое место в хозяйстве колхозов. Славится специальный овцеводческий совхоз «40 лет Октября», имеющий около 100 тысяч голов овец. Чабаны — в большинстве случаев (на 80%) узбеки-кунграды.

Во второй зоне разводили очень много коз. Разведение коз имело большое значение в хозяйстве горных таджиков. Козы могли находить себе корм на труднодоступных горных склонах. Каждый горный житель имел в среднем 10—12 коз, 8—10 овец, 1—2 коровы.

Крупный рогатый скот, в том числе и рабочий, разводили таджики и узбеки-юзы, дурмены, чагатаи и катаганы. Пастухи, по разрешению аксакала, пасли стада на убранных полях селения и на лугах.

Коневодством рядовые дехкане не занимались, лишь богачи имели по несколько табунов («килки»). Лошади использовались как для езды, так и для работы, в основном на маслобойках.

Приведенные материалы показывают, что в исследуемом районе наблюдается большое разнообразие сельскохозяйственных традиций, которые зародились у каждой группы населения в отдельности в незапамятные времена. Когда обособленные группы поселялись вместе, они постепенно заимствовали друг у друга трудовые навыки и традиции. В прошлом полукочевники — скотоводы узбеки-барласы еще в середине XIX в. перешли к оседлости. Они поселились в таджикском селении Дашнабад и постепенно переняли у своих соседей чагатаев садоводство и земледелие. Чагатаи, в свою очередь, научились заниматься скотоводством. В таджикских кишлаках Хуфар, Маланд, Сангардак после прихода туда узбеков-скотоводов таджики начали говорить по-узбекски и стали заниматься скотоводством. У многих богачей-таджиков бывало более 1000 голов овец.

Узбеки-кунграды, типичные скотоводы, общаясь с таджиками на летних пастбищах, приобретали среди них очень много знакомых и даже заключали с ними браки. Узбеки многому научились от оседлых таджиков и, в свою очередь, передали им приемы и методы выращивания овец. Таджикские юноши, порою и подростки, были учениками у чабанов-кунградов по три-четыре года и кочевали с ними, обучаясь приемам скотоводства.

Кунграды в прошлом не знали, как возделывается пшеница, что такое водяная мельница («тегирмон», «осие») и как молотить зерно. В тесном контакте с таджиками они научились выращивать хлеба, делать муку.

Узбеки-юзы и коратамгалы, занимаясь в долине рисоводством, научили горных таджиков выращивать рис.

В годы Советской власти обособленные группы населения объединились в коллективные хозяйства и традиции каждой этнической группы сделались общим достоянием.

Победа колхозного строя обеспечила коренную перестройку агротехники сельскохозяйственных культур. Произошли громадные сдвиги во всех отраслях сельского хозяйства изучаемого района. Оно превратилось в крупное социалистическое хозяйство, оснащенное новейшими машинами и освоившее передовую агротехнику. Колхозники добились больших успехов в развитии хлопководства, зерноводства, животноводства, шелководства и др. Ныне Денауский и Сарыассийский районы известны по всему Советскому Союзу высокими урожаями хлопка и высокой продуктивностью других отраслей народного хозяйства.

---

**А. М. Кайгородов**

## **РУССКИЕ В ТРЕХРЕЧЬЕ**

(ПО ЛИЧНЫМ ВОСПОМИНАНИЯМ)\*

В силу своей отдаленности от промышленных и культурных центров Маньчжурии Трехречье осталось в стороне от внимания историков, географов и этнографов. В китайских исследованиях, посвященных автономному району Внутренняя Монголия (Барге), в состав которого входит теперь Трехречье, этот район или вовсе не упоминается, или характеризуется крайне поверхностно. На русском языке более или менее подробное описание Трехречья можно найти только в «Географических очерках Маньчжурии» В. А. Анучина.

В данном очерке я не ставлю перед собой задачу научного описания Трехречья, его истории, географии и экономики. Я попытаюсь рассказать читателям об этом интересном, с этнографической точки зрения, но малоизвестном районе Маньчжурии как человек, который долгое время там жил и лично наблюдал жизнь его населения.

Район Трехречья (по-жит. Саньхэ цюй), т. е. область трех рек — Гана, Дербула и Хаула — расположен в северной части Внутренней Монголии в пределах Хулунбуирского нагорья и, по сведениям известного исследователя Барги В. А. Кормазова, занимает площадь примерно в 11 500 км.

Все три реки берут начало в северо-западных отрогах Большого Хингана и общим руслом впадают в Аргунь с ее правой стороны (напротив советского поселка Старый Цурухайтуй). Самая большая из рек, Ган, имеет протяженность около 200 км, Дербул — примерно 150 и Хаул — около 130 км. Каждая из рек примерно половину своего пути течет в гористой местности, покрытой таежными лесами. В среднем течении рек тайга постепенно переходит в лесостепь, горы становятся низкими и отлогими, долины расширяются. Районы нижнего течения рек представляют холмистую степь, лес сохраняется только по руслам рек.

Красоту природы Трехречья неизменно подчеркивали все, кто приезжал туда. Особенно прекрасна природа края в лесостепной полосе, где она по-своему хороша в любое время года.

Забайкальские казаки, главным образом приаргуньских станиц, посещали эти места с незапамятных времен. Летом они приезжали сюда заготавливать сено, а зимой жили со скотом на заимках. Верховья Дербула, Хаула и Гана, реки Маректа и Быстрая с их многочисленными притоками были излюбленным местом пушного и изюбриного промысла забайкальских охотников. Следы русских заимок и охотничьих зимовий прошлого века вплоть до последнего времени в Трехречье не были редкостью.

Характерно, что ни в Трехречье, ни по Быстрой, тяготеющей к нему, не было ни одного населенного пункта, реки или озера с китайским названием. Все названия были исключительно русские или эвенкийские. В качестве неоспоримого примера приведу Дербул и Быструю. Названия притоков Дербула (от истоков к устью) были следу-

---

\* А. М. Кайгородов — не этнограф, но публикуемый очерк, как и его статья «Эвенки в Трехречье» («Сов. этнография», 1968, № 4), может представить интерес для читателей нашего журнала. — *Ред.*

ющие: Медвежья, Ернишная, Берея, Отстойная, Чертова яма, Гаревая, Сикичен, Тилинбин, Пехало, Карагая, Листвянка, Кораблик, Карбелы, Макарова падушка, Дербукан. Дербукан — крупнейший приток Дербула, его притоки носили следующие названия: Кокорка, Кучер, Алгача, Сосновка. Бармина, Монгоча, Жолондо, Ольховая, Жологда, Зэргун, Озерная, Копкоча, Широкая, Дахта, Лугича, Каменушки, Ороченка, Жигдача, Кайгородов лог, Кандалин, Змеинный луг. По Дербулу, ниже слияния его с Дербуканом, названия речек были следующие: Воздымаловка, Березиха, Дубовка, Острешная, Солонешная, Грамаки, Шивея, Суслиха, Баржакон, Волчья, Лапцагор, Сиротуй.

Притоки Быстрой назывались так: Кун, Селимокан, Тыдэмкан, Желевая, Листвяная, Кирича, Элгэн, Джин, Кулинда, Такша, Окольной, Оешуг, Верхняя Улугича, Манкуй, Бермякан, Нижняя Улугича, Ернишная, Чимкурай, Кочевая, Матюшкина, Онёни, Санковича, Летаргин, Зэргун, Кырэн, Россыпная, Кокшориха, Жилинда.

Такая же картина наблюдалась и по руслам других рек, с той лишь разницей, что, например по Гану, некоторые места носили ороченские названия.

Согласно архивным историческим материалам о поездке в Китай специального посольства во главе с Игнатием Миловановым (1670 г.), проследовавшего из Нерчинска через Трехречье, известно, что в этом районе тогда кочевали баргуты «Мугальского царя Чеченка». Однако по рассказам русских старожилов Трехречья, в 1880-х годах этот край был совершенно безлюдным, если не считать нескольких отстоящих друг от друга на большом расстоянии заимок. И только в начале 1890-х годов стали появляться первые русские хутора: по Дербулу — Щучья и Тулунтуй, по Гану — Лабдарин. К началу первой мировой войны названные деревни насчитывали уже по несколько десятков дворов, появились новые хутора.

В 1920-е годы — период массового расселения русских в Трехречье — наиболее интенсивно заселялся бассейн Дербула. За короткий срок здесь выросли деревни Дубовая, Ключевая, Тулунтай, Караганы, Попирай, Щучья. Быстро заселялся и бассейн Гана. Здесь появились русские деревни Покровка, Усть-Урга, Усть-Кули, Лабдарин, Челотуй, Светлый Колуй. Целый ряд деревень вырос и по притокам указанных рек: Верх-Урга (основание которой относится чуть ли не к середине 1880-х годов), Верх-Кули, Лапцагор, Баржакон, Нармакчи и Драгоценка, впоследствии ставшая центром района. Уже в 1940-х годах в верховьях Гана вырос еще один русский поселок, Ширфовая, заселенный почти целиком переселенцами из китайской приаргунской дер. Цигань. По Хаулу русских деревень не было, если не считать трех-четырех заимок в низовьях реки да нескольких русских семей, которые проживали в Караванной, заселенной в 1930-х годах преимущественно китайскими семьями.

Наряду с деревнями, в тайге и степной полосе Трехречья было много русских заимок и охотничьих зимовьев. Так, по Дербулу русские заимки находились в устье Тилинбина по Карагае, под Карбелами, в Вакараче, в устье Урюпинной падушки. По Дербукану — в Сосновке, Алгаче, устье Озерной, Копкоче, Дахте, Каменушке, Кайгородовом лугу, в устье Дербукана.

Заимка обычно состояла из одного-двух зимовий с банькой, окруженных дворами и сеновалами. Там постоянно или временно проживало несколько человек, которые ухаживали за скотом. В зимнее время там подолгу останавливались охотники.

Русское население Трехречья росло за счет переселенцев не только с Аргуни, но и из других мест Барги, пристанционной полосы КВЖД, а также из таких городов, как Хайлар, Маньчжурия, Харбин. К концу 1930-х годов оно насчитывало примерно 8 тыс. чел., а в 1945 г. составляло не менее 11 тыс. чел.

По рассказам русских старожилов Трехречья, впервые они увидели китайцев в 1902—1903 гг., когда на правом берегу Аргуни (напротив русской деревни Усть-Уров) появился китайский поселок Цигань. К 1910 г. по правому берегу Аргуни в ряде мест появились небольшие китайские поселения, населенные почти целиком мелкими торговцами, которые вели контрабандную торговлю с русскими из левобережных приаргунских деревень.

Непосредственно в Трехречье китайцы впервые появились в 1925 г. До недавнего времени большинство их составляли торговцы, держатели харчевен и постоялых дворов, портные, сапожники, парикмахеры и только небольшая их часть занималась огородничеством, выжигом угля, смолокурением, выделкой кож, кузнечным и слесарным делом.

Китайское население Трехречья росло гораздо медленнее русского и вплоть до 1955 г.—года массового выезда советских граждан из Трехречья—составляло здесь незначительное меньшинство. Суровость трехреченских зим, непривычная даже для китайцев центральной Маньчжурии, задерживала их переселение в эти края, несмотря на то, что здесь было много свободных земель, пригодных не только для возделывания зерновых культур, но и для выращивания овощей и даже бахчевых.

Подавляющее большинство китайцев (из общего числа 1000—1100 человек) проживало в Драгоценке (Саньхэ). В остальных деревнях их было по несколько семей, за исключением Караванной, где насчитывалось около 30 китайских дворов.



Рис. 1. Русский охотник-промысловик из деревни Дубовая. Верховья Быстрой, 1929 г. Одежда охотника: эвенкийская дашка, арамузы и мокасины. На поясе—шкурки убитых белок

Небезынтересно отметить, что китайцы, составляя меньшинство в Трехречье, восприняли различные стороны русского быта: в жилище, одежде, пище, в методах ведения хозяйства. Особенно это относится к тем китайским семьям, которые проживали не в Драгоценке. Планировка избы и хозяйственная утварь у них были такие же, как у русских. Подобно русским, они носили ичиги и унты, одежду русского покроя. Многие справляли русские православные праздники. Почти все китайцы носили русские имена или прозвища, от мала до велика хорошо говорили по-русски. Многие китайские поселенцы были женаты на русских женщинах. Их дети получали скорее русское, чем китайское воспитание.

Третью значительную группу населения Трехречья до 1945 г. составляли японцы, появившиеся в крае в 1932 г., когда Маньчжурия была провозглашена «независимым» государством Маньчжоу-го. Большинство японцев были военными и чиновниками государственных учреждений. В Драгоценке был расквартирован небольшой гарнизон Квантунской армии. Гражданские японцы были служащими различных учреждений, советниками при маньчжурских чиновниках, коммерсантами, препода-

вателями японского языка в школах. В 1945 г. все без исключения японцы были выселены из пределов Трехречья.

В степной полосе Трехречья кочевало несколько монгольских и бурятских семей. Там они пасли свои стада, а также скот, принадлежавший русским. Некоторые буряты зимой нанимались к русским для ухода за скотом на заимках.

По Гану и его притокам (главным образом по Туре) кочевали ороченцы, изредка выходя к русским деревням за товарами и охотничьим снаряжением.

В верховьях Дербула, его притока Дербукана и Гана охотились эвенки. Однако излюбленным местом их охоты была р. Быстрая с ее многочисленными притоками—места, наиболее богатые пушным зверем. Для пополнения запасов продовольствия и снаряжения эвенки несколько раз в году выходили к пос. Дубовая.

Русские деревни Трехречья по числу жителей были неодинаковыми, однако в их планировке и внешнем облике было много общего. Деревни, как правило, состояли из нескольких прямых и широких улиц. Деревянные рубленые избы, крытые драньем или берестой (очень немногие—тесом), фасадом выходили во двор и отделялись от внешнего забора небольшим палисадником. Изба нередко располагалась в глубине двора и очень редко выходила окнами непосредственно на улицу. Вход в избу был со двора и шел через глухие сени, к которым была пристроена небольшая кладовка. Иногда изба сенями соединялась с зимовьем или амбаром.

Изба обычно состояла из одной большой комнаты, разделенной деревянной перегородкой на кухню и жилую часть, которая одновременно служила столовой и спаль-

лей. В больших избах помещение разгораживалось перегородками на несколько комнат, а в деревнях, расположенных ближе к лесу, было немало больших пятистенных домов. Во многих деревнях встречались мазанки и землянки, а у китайцев — саманные и глинобитные постройки.

Непременным атрибутом каждой избы была большая русская печь и плита с обогревателем. В пятистенных домах ставили по две плиты или клали печи-голландки. Пол был деревянный, крашенный охрой (очень редко земляной), стены оштукатурены и побелены известью. Весной и летом во многих семьях было принято устилать полы свежей травой. Трава лежала на полу один-два дня, создавая в избе особый аромат. В избах и зимовьях с земляным полом, если там заводились блохи, пол мазали коровьим пометом.

Непосредственно к избе, обычно с задней ее стороны, примыкал огород. Усадьбы, как правило, были большими и огораживались чаще плетнем (реже драньем или тыном). На территории усадьбы, кроме избы, были амбары, сараи, зимовье, русская баня (по-черному), курятники и нередко летняя кухня с русской печью и плитой. Около одного из заборов с его внутренней стороны висели поленницы дров; на перекладинах под крышей избы или сараев висели березовые или дубовые банные веники, а посередине двора (в зависимости от сезона) стояли телеги или сани. Больших садов не было, но несколько деревьев черемухи, дикой яблони или тополя росли около каждой избы. В огородах сажали всевозможные овощи (картофель — обычно в поле), которые в Трехречье давали обильные урожаи.

Теплых помещений для скота не строили, ограничиваясь сооружением примитивных укрытий от ветра и снега. Крытых риг и помещений для хранения сена тоже не строили, так как его заготавливали в громадном количестве. Телят и ягнят, если они появлялись рано, в холодную погоду, укрывали в зимовье или прямо в избе. Кур в очень многих хозяйствах держали всю зиму в жилом помещении, делая для них загородку под русской печью или в заднем углу.



Рис. 2. Фрагмент избы русского поселения в Трехречье. Деревня Дубовая. 1936 г.



Рис. 3. Крестьянская семья. Деревня Дубовая. 1931 г.

Административным, культурным и торговым центром Трехречья была Драгоценка — самый большой населенный пункт района. Центральное положение Драгоценки, ее прямая связь грунтовыми дорогами со всеми деревнями Трехречья и Хайларом обусловили ее быстрый рост как торгового центра со множеством мелких китайских лавок, торгово-промышленным филиалом фирмы «Чурин и К<sup>о</sup>», отделением магазина Брусенцев, филиалами японских торговых фирм «Хаяси канэ», «Томо боеки коси», «Мансю тихуса кабусики кайся». Фирме Чурина в Драгоценке, кроме большого магазина, принадлежала паровая вальцовая мельница и ремонтно-механические мастерские.

Торговые филиалы Чурина и японских фирм были универсальными и, кроме торговли потребительскими товарами, снабжали население сельскохозяйственным инвентарем и машинами за наличный расчет и в кредит. Уже с самой весны крестьянин мог закупать необходимые товары в кредит под будущий урожай. Почти во всех магазинах за товары можно было платить не только деньгами, но и зерном, и пушниной, а в китайских лавках — и куриными яйцами.

В 1944 г. в Драгоценке проживало около 3000 человек (без японского гарнизона) из них русских — примерно 1500, китайцев — 900—1000, японцев — 500. Здесь размещались губернское управление, полицейское и жандармское управления, отделение японской военной миссии, главное лесничество, казачье станичное управление и другие учреждения. В Драгоценке находились единственная в Трехречье русская восьмилетняя школа, китайская школа и больница с хирургическим отделением. До 1945 г. здесь имелась метеорологическая станция.

При японцах Драгоценка считалась городом и называлась Найрумту. Город делился на три части. Самую большую из них населяли русские. Почти все китайцы жили по одной улице, застроенной глинобитными фанзами с небольшими двориками и узкими переулками. Здесь были сосредоточены китайские лавки, харчевни, публичные дома, швейные и сапожные мастерские. Во время дождей улицы становились совершенно непроходимыми от грязи.

Наиболее благоустроенная часть города состояла из больших каменных и кирпичных зданий, в которых размещались официальные учреждения и общежития для японцев. Здесь же находились небольшие коттеджи для японских и русских чиновников. Эта часть была хорошо озеленена и всегда выглядела чисто и нарядно. Однако во время войны именно она сильно пострадала. В 1952 г., когда я в последний раз проезжал через Драгоценку, этот район выглядел пустынно, здесь не сохранилось ни одного деревца.

Вторым по величине населенным пунктом Трехречья была деревня Верх-Кули, расположенная в 40 км от Драгоценки по Хайларскому тракту. Русское население ее насчитывало около 1500 человек. Кроме того, там проживало примерно 30 китайцев. Превосходные сенокосные и пастбищные угодья благоприятно сказались на развитии скотоводства, в первую очередь молочного. В Верх-Кулях имелись маслодельные и сыроваренные предприятия. Между прочим, Верх-Кули были единственной деревней в Трехречье, где многие хозяйства, наряду с лошадьми, крупным и мелким рогатым скотом, держали верблюдов.

В деревне была школа, две церкви (православная и старообрядческая). Китайцы содержали три лавки, две харчевни, постоялый двор. В Верх-Кулях имелись отделения японских торговых фирм «Хаяси канэ» и «Томо боеки коси». В 12 км от Верх-Кулей по дороге в Хайлар находился поселок Нармакчи, населенный исключительно русскими. Примерно здесь проходила граница Трехречья. В 15 км от Нармакчей в сторону Хайлара располагался первый (со стороны Трехречья) китайский постоялый двор Кучкур.

Третьим наиболее значительным по величине населенным пунктом Трехречья была деревня Дубовая. В 1945 г. здесь проживало 1100 русских и около 20 китайцев. Деревня расположена в самом живописном месте района на высоком левом берегу Дербула, вода которого кристально чиста. На реке много галечных кос, живописных островов и проток. Берега ее густо поросли черемухой, ольхой, дикой яблоней, боярышником, тополем, ивой. За рекой простираются луга, за ними высятся горы, склоны которых сплошь вспаханы под пашню, а еще дальше виднеются хребты, покрытые густыми лесами. Небольшой речушкой Дубовкой поселок делится на две части.

В Дубовой была начальная школа, небольшая церквушка, молочный завод и несколько водяных мельниц. Соседство тайги наложило свой отпечаток на хозяйственную

деятельность населения деревни. Хотя земледелие и было основным занятием, тем не менее здесь, как ни в одной другой деревне, охота играла очень важную роль. Основная масса пушнины, пантов, которые вывозились за пределы Трехречья, закупалась именно в Дубовой. Многие жители деревни вели меновую торговлю с эвенками. Да и урожаи в этой деревне, как правило, бывали выше, чем в других деревнях.

Основными занятиями русского населения Трехречья были земледелие и скотоводство. Обилие земель, пригодных для вспашки, а также прекрасные сенокосные и пастбищные угодья благоприятствовали развитию этих отраслей. Наблюдалась своеобразная специализация: в деревнях, расположенных ближе к лесу, предпочтение отдавали хлебопашеству, в степной полосе — скотоводству.

В целом, однако, сельское хозяйство района было экстенсивным. Оно велось по старинке, без какой-либо научной основы. Не было ни агрономов, ни ветеринарных врачей (кроме Драгоценки, где имелся ветеринарный пункт). Удобрение полей не практиковалось.

В Трехречье наблюдалась ярко выраженная имущественная дифференциация, широко применялся наемный труд. Работники (так именовали в Трехречье наемную силу) нередко использовались в таких кулацких хозяйствах, которые располагали тракторами, молотилками, сноповязами, сенокосилками и другими машинами. Работники нанимались на сельскохозяйственный год (обычно с пасхи до покрова) или же посезонно, т. е. на период отдельных полевых работ, например сенокоса, посевной, уборочной. Богатые скотоводы «низовых» деревень на время сенокоса, как правило, нанимали по несколько работников, в «верхних» деревнях наемная сила широко использовалась во время страды. В период обмолота нанимали поденщиков. В зимний период наемной силой пользовались меньше — главным образом для ухода за скотом на отдаленных заимках. В богатых семьях обычно держали стряпух (стряпок) и мальчишек-подростков, которые во время полевых работ использовались для езды на упряжных лошадях (пристегники). Труд работников обычно оплачивался натурой.

Сеяли пшеницу, ячмень, овес, гречиху, а также рожь. Тягловой силой служили быки и лошади. Тракторов было мало, да и те в силу высокой цены на топливо и масло выгоднее было использовать не на вспашке, а на обмолоте хлебов.

Если весна бывала ранняя и дружная, то на посев выезжали в конце апреля, дождливая и холодная весна отодвигала начало сева до первых чисел мая. В первую очередь спешили засеять залог (землю, впервые вспаханную в предыдущее лето) или пар. Затем приступали к вспашке или дискованию перелога (пашня, с которой собран только один урожай) и, если этих двух пашен бывало недостаточно, распахивали залежь или «третий хлеб» (землю, с которой было собрано два урожая). Вскоре после посева пшеницы приступали к посеву овса и ячменя, в последнюю очередь сеяли гречиху. Сроки посева были чрезвычайно долгими — с конца апреля до начала июня.

На смену ветряной и капризной весне приходило короткое, но жаркое и влажное маньчжурское лето. Вспашка целины и пара приходилась на самое жаркое время лета. Пахали рано утром, пока не наступала жара, и вечером, когда становилось несколько прохладнее. На ночной сон отводилось не более четырех часов. Взрослые высыпались в полдень, ребятишки же проводили это время в реке и потом во время работы, сидя верхом на лошади, постоянно дремали.

Во второй половине июля начинался сенокос. Близкие покосы делили по количеству скота, дальние оставались вольными, т. е. косить там мог кто угодно и сколько угодно. Богатые скотовладельцы строили на дальних покосах заимки, где держали скот всю зиму. Сенокос затягивался до середины августа, пока не начиналась страда.

Хлеб убирали сноповязальными машинами, жатками, сенокосилками со специальным приспособлением для уборки хлебов. Но очень многие пользовались косами и даже серпами. Комбайнов не было и о подобных машинах имели представление только понаслышке.

В сентябре хлеб складывали в клады (скирды) прямо в поле, а в октябре начинался обмолот, который из-за отсутствия достаточного количества машин иногда затягивался до марта следующего года.

С окончанием обмолота заканчивались основные сельскохозяйственные работы. В октябре на смену теплой и тихой осени приходила суровая зима с лютыми морозами

и глубокими снегами. Зиму в Трехречье, несмотря на ее суровость, очень любили, так как это была наиболее свободная пора и знаменовалась она веселыми свадьбами с стройками и бубенцами и бесчисленными церковными праздниками, которые отмечали в течение всей недели. Особенно широко справлялись престольные праздники и освящение новых церквей. В эти дни в деревню, где проходило торжество, съезжалась масса гостей со всего Трехречья и даже из Хайлара. По деревням сохранялось еще старинное гостеприимство: знаком ты или не знаком — заходи в любой дом, нигде тебе не откажут, всюду напоят и накормят.

Говоря об экономической жизни Трехречья, нельзя не упомянуть об охоте и рыболовстве, которые носили характер подсобного промысла, но в экономике отдельных семей имели очень важное значение. Методы промысла русских охотников мало чем отличались от эвенкийских, однако по своей организации охота русских промысловиков была совершенно иной. Если эвенки промыслили зверя семьями или в одиночку, то русские (особенно в белковье) обязательно охотились артелью. Непременно артельно была и охота на изюбrey во время «рева».

Наиболее существенным с экономической точки зрения было белковье. Артель состояла из четырех-шести, а нередко семи-восьми человек и уходила в тайгу на месяц полтора. Выбирался старший, которому все члены артели обязаны были подчиняться. Из продуктов брали с собой масло, сало, соль и чай. Свежего хлеба везли в тайгу очень мало, употребляли главным образом сухари, которые в целях экономии мест во выюках предварительно дробили (толча). Старший определял маршрут охоты и, когда достигали мест белковья, распределял обязанности. Один из артельщиков кочевал с лошадьми, варил пищу и готовил ночлег. Остальные с рассветом выходили на охоту (каждый по намеченному старшим распадку) и поздно вечером возвращались к ночлегу, место которого определялось заранее. Такая охота была чрезвычайно тяжелой, ибо проходила в самые морозные месяцы. Кроме охоты за белкой приходилось гонять за сохатым, так как мясо из дома не везли, рассчитывая на удачу в лесу.

Артельщики делили между собой не пушнину, а выручку, причем поровну, независимо от того, какой охотник сколько убил. Пушнину обычно скупали японские фирмы или коммерсанты из Харбина или Хайлара.

В отличие от эвенков русские охотники широко использовали всевозможные ловушки (кулемки на хорьков, «пастушки» и петли на зайцев, капканы на волка и лисцу, пасти на козулю и т. д.). На ловлю хорьков, как и на белку, отправлялись артелями из трех-пяти человек. Нередко артель заходила далеко в тайгу и строила там охотничьи зимовье. Кулемки рубились в огромном количестве, и когда все было готово охота ограничивалась ежедневным просмотром настороженных ловушек да своевременной заготовкой «поеди» (приманки).

В таких деревнях, как Дубовая, Ключевая и Верх-Урга, осенью и зимой вылавливалось очень много тетеревов. Местные способы их лова отличались большой эффективностью, а ловушки — простотой устройства. Они были доступны даже детям. Я с раннего детства увлекался такой охотой и до сих пор не забыл устройство ловушек. Тетеревов ловили плоскими ящиками, сколоченными из тонких досок, или бердами, сплетенными из прутьев. Ловушки настораживали в поле около скирд хлеба (предварительно очистив от снега площадку и посыпав на нее зерно) или на песчаных косах по берегам рек. Нередко такой ящик, падая, накрывал сразу пять-шесть птиц, а то и больше. Для того, чтобы пойманная птица осталась живой, применяли «ящики» с высокими бортами. Если выехать специально в поле и гонять стаю тетеревов от одной скирды к другой (где насторожены ловушки), то за один день два-три охотника могли поймать более ста птиц.

Орудиями рыбной ловли были удочка, перемет, сеть, невод, острога и корчага. Корчага представляет собой специальный сосуд, сплетенный из тонких прутьев тальника. С одного его края делается круглое отверстие, стенки которого удлиняются внутрь на 10—15 см и при насторожке с внешней стороны обмазываются тестом. Корчага привязывается к длинной палке и при помощи последней укрепляется на дне реки или озера. Мелкая рыбешка заплывает внутрь сосуда, однако внутренние выступы стенок мешают ее обратному выходу, и буквально в считанные минуты корчажка наполняется рыбой.

Самым эффективным способом лова крупной рыбы в Трехречье по праву считался ез (заездок). В конце августа, когда рыба начинала спускаться вниз по реке, русло пе-

регораживали изгородью из толстых прутьев. В изгороди делались отверстия, в которые устанавливались ловушки — морды или берды. В реках Трехречья большую ценность представляют таймень, ленок и хариус. Ловили также налима, сома, чебака и карася. Уловы езом нередко бывали большими, однако и этот вид рыбной ловли носил чисто потребительский характер, так как из-за сравнительно высокой стоимости соли и отсутствия надлежащей тары засол производился в незначительных количествах. Более серьезно рыбной ловлей занимались зимой некоторые русские и китайские семьи в устье Гана. Там подледным ловом вылавливали много тайменей и сомов. Мороженую рыбу китайцы возили по деревням, меняя на пшеницу и овес.

До 1932 г., пока Маньчжурия не была провозглашена «самостоятельным» государством Маньчжоу-го во главе с императором Пу-и, в Трехречье фактически было русское самоуправление. Официальная китайская власть, неизвестно какому милитаристу принадлежавшая, была представлена немногочисленными чиновниками. Она была крайне неэффективной и свое назначение видела в своевременном сборе налогов. Китайские чиновники не назначались из центра. Это были случайные люди, как правило, с темным прошлым, которым за определенную сумму удавалось купить свою должность, и личное обогащение было основной целью всей их практической деятельности.

Резиденция китайских чиновников в первые годы их появления в Трехречье находилась в поселке Щучья. При китайцах постоянно находился представитель русского населения края, через которого формально китайцы управляли районом, фактически же никакого центрального управления не было, а вся власть была сосредоточена в руках поселковых атаманов. Сами китайцы за ворота своей резиденции выезжали редко и, как вспоминают старожилы Трехречья, их выезд знаменовался многочисленными взятками, которые беззастенчиво брали не только должностные лица, но и переводчики и кучера.

Китайские чиновники были далеки от политики. Они не препятствовали широкому расселению русских, не вмешивались в дела поселкового самоуправления, не навязывали своих обычаев и нравов. Нельзя забывать, что в то время не только Трехречье, где китайцы только появились, но и вся Внутренняя Монголия были для Китая далеким, малопонятным и неизученным краем.

С появлением в 1932 г. японской администрации Трехречье было преобразовано в Южно-Аргунскую губернию. Границы его значительно расширились. Губернатором был назначен бурят, его помощником — русский, а советником — японец, который и вершил все дела. Китайцы не были представлены в губернском управлении.

Необходимость снабжения продовольствием японских гарнизонов в Барге (в том числе в Трехречье) и поставки им строевых лошадей заставляла японскую администрацию уделять пристальное внимание развитию сельского хозяйства района. Японские торговые фирмы поставляли в Трехречье сельскохозяйственные машины и инвентарь, а также чистокровных производителей лошадей и крупного рогатого скота.

Школы в Трехречье имелись в каждой деревне, однако они могли дать только начальное образование. Единственная восьмилетняя школа находилась в Драгоценке. При школе был пансион для детей из других деревень и хорошая библиотека. Распорядок в пансионе, а в какой-то степени и в школе, походил на казарменный. В пансионе были утренние и вечерняя поверки, отпуска разрешались только в определенные дни и на строго ограниченное время.

До 1945 г. преподавание в трехреченских школах велось по программам, разработанным для русских школ Харбина, по учебникам царского времени или учебникам, составленным в Харбине. Школы в известной мере находились под влиянием церкви, преподавался закон божий. Занятия начинались с исполнения молитвы, а в праздничные дни проводилась церемония, которая включала поклонение портрету императора Маньчжоу-го, чтение императорских манифестов и исполнение сразу трех гимнов: японского, маньчжоуговского и российского. В столовой пансиона перед едой и после нее исполнялись молитвы.

В школах преподавался японский язык, а в старших классах — гражданская мораль. На этих уроках много говорилось о божественном происхождении японского императора, воспитывалось беспрекословное подчинение императорской воле, оправдывалась политика японцев во всем мире. Война, которую в то время вела Япония, называлась не иначе как священной.

И все-таки как ни были изолированы русские в Трехречье от своей родины, как ни внедрялся там культ японского и маньчжоу-гоу-гоу императоров и богини Аматерасу, в Трехречье соблюдались обычаи глубокой старины, уклад жизни оставался таким, каким он был в Забайкалье до революции. Многие я уже не помню, но кое-что сохранилось в памяти. Например, когда сеяли коноплю, то по обычаю вместе с семенами в землю зарывали несколько яиц. Поле целиком не выжинали, а оставляли один-два квадратных метра посева «богу на бородку». Строго соблюдали великий пост, школьники все без исключения обязаны были причащаться. В рождество ходили со звездой христославщики, в святки — скоморохи. На пасху принято было христосоваться, начинались на качелях. На масленицу катались на лошадях, «брали» снежные городки. В прощенное воскресенье дети у взрослых и взрослые друг у друга просили прощения, становясь на колени. Накануне родительского дня на ночь накрывали столы, а некоторые в сених насыпали тонкий слой муки и утром проверяли, не приходил ли родитель. В тронцу топили березку, в духов день купали и святтили лошадей. В засушливую погоду приглашали духовенство и с иконами ходили по полям.

В Трехречье до самого последнего времени широко практиковалось умыкание пшеницы.

До 1945 г., когда Трехречье было освобождено Советской Армией, только в Драгоценке был клуб — единственное культурное учреждение района. Здесь изредка шли представления художественной самодеятельности и демонстрировались японские или американские кинофильмы. Молодежь проводила вечера на посиделках и вечеринках — точно так, как это описано в известных романах К. Седых о Забайкалье. Для вечеринки у кого-нибудь из мужиков снималась на вечер изба (старались выбрать избу попросторнее). Приглашался гармонист или балалаечник (чаще последний, так как гармони были не в каждой деревне), и молодежь отплясывала до первых петухов. Иногда прямо с вечеринки ехали за сеном или дровами.

На посиделки чаще сходились замужние казачки. Там они под песни (иногда тошнотливые про родную сторону, иногда веселые казачьи) пряли на прялках или вязали чулки и свитеры. В богатые дома было принято приглашать на посиделки для выполнения какой-либо работы (своего рода «помощь»). Так, приглашали ошипывать тетерево, шинковать капусту, сортировать шерсть, пух, тереть на крахмал картошку или стряпать пельмени. Пельмени обычно делали «рабочие» (с начинкой из капусты с жирным свиным мясом) и «гостевые» (из отборного мяса со специями). В зимние вечера на посиделках те и другие пельмени готовили в огромных количествах.

Ни радио, ни электричества (кроме Драгоценки) в деревнях не было. Время коротали при керосиновых лампах или сальных светильниках. Часы имелись в редких домах, а если и имелись, то ставились наугад или по календарю (ориентируясь на указанное в нем время восхода и захода солнца). Роль часов обычно исполнял петух. Молодежь очень любила дразнить петухов, провоцируя их на несвоевременное пение.

Одежда в массе была самой простой: холщевая рубашка, холщевые штаны, летом ичиги, зимой унты или валенки. По праздникам в довоенное время молодежь и взрослые надевали гимнастерки и брюки с лампасами, на ноги — хромовые сапоги, на голову — фуражку с околышем и кокардой. Зимой носили папахи с желтым верхом.

В некоторых деревнях в зимней одежде было много эвенкийских элементов. А охотники зимой почти целиком облачались в эвенкийскую одежду. Особенно популярной у русских была эвенкийская дашка (род просторного двубортного пиджака из замши) и арамузы (ноговицы из замши). В большой моде были перчатки и рукавицы работы эвенков.

Характерной особенностью одежды жителей «низовых» деревень были нагольные тулупы и шерстяные шарфы огромных размеров. При этом жители Тулунтуя, например, этот шарф носили поверх одежды, обматывая им несколько раз шею, а потом концами подпоясывались.

Если сравнить медицинское обслуживание в современной советской деревне с медицинским обслуживанием населения Трехречья, то последнее покажется прямо-таки первобытным. Медицинские учреждения имелись только в Драгоценке, по деревням же, да и то не во всех, были полуграмотные фельдшера и повитухи. Я уже не говорю о

медикаментах, которые имелись в весьма ограниченном ассортименте и весьма низкого качества. Немудрено, что детская смертность в районе была высокой.

Переломным моментом в истории Трехречья явился 1945 г. В августе этого года в Трехречье вступили советские войска. Русское население района вскоре получило советское гражданство. Впервые в Трехречье стали поступать советские книги и периодические издания. Занятия в школах стали проводиться по программам школ РСФСР. При помощи советского командования восьмилетняя школа в Драгоценке была преобразована в среднюю. В 1947 г. эту школу окончил и автор этих строк. В деревнях стали появляться клубы и читальни.

В 1955—1956 гг. большинство русского населения Трехречья выехало в Советский Союз. По рассказам трехреченцев, недавно приехавших в СССР, русские села Трехречья сейчас заселены китайскими переселенцами. Поселения в значительной степени утратили свой прежний, русский облик.

---



## ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

Р. Л. Садоков

### ТАЙНА СЛАДКОЗВУЧНОЙ АРФЫ

(К ИСТОРИЧЕСКОМУ ПРОШЛОМУ  
ИСЧЕЗНУВШЕГО СРЕДНЕАЗИАТСКОГО  
МУЗЫКАЛЬНОГО ИНСТРУМЕНТА)

«...из всех струнных инструментов нет ни одного, внешний вид которого был бы известен лучше арфы, а история его возникновения — хуже».

Жан-Жорж Кастнер

### Сюрприз

Однажды мне позвонили из научной лаборатории Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР и попросили приехать.

Замечательное зрелище эта лаборатория! Попадаешь сразу как бы в иной мир, иную страну. Причудливые сосуды и глиняные погребальные ящики таинственно-молчаливо смотрят на вас. В застекленных витринах — изделия из бронзы, золотые украшения, каменные топоры, обрывки тканей, оружие, светильники, монеты — словом, все, что сопутствовало жителям Хорезма на всем протяжении истории, от неолита до поселений девятнадцатого века.

В комнатах тихо. Несколько археологов что-то реставрируют, клеят, рисуют, пишут. Они знают, что произошло в Хорезме тысячу, две или три тысячи лет назад, и как это произошло, и почему. Они возвращают нам потерянную древнехорезмийскую цивилизацию.

Одна из сотрудниц провела меня в комнату, сплошь заваленную осколками глиняной посуды, усадила и положила передо мной крупный черепок древнехорезмийской керамической фляги.

— Вот, — сказала она, — это по вашей части, радуйтесь.

Я взгляделся. На красноватой поверхности черепка чуть проступало неясное изображение: очертания человеческой фигуры, какие-то линии, углы. Ничего не понимаю! Придвинул ближе настольную лампу и осветил поверхность черепка сбоку. Медленно, словно из небытия, проступил человеческий профиль, борода, кисть руки. Я стал вертеть черепок, стараясь, чтобы изображенная на нем сцена — вся, сразу! — была обрисована светом и тенью. Это мне удалось. Зафиксировав положение, я взял большое увеличительное стекло и направил его на рельеф.

Мгновение — и, словно выхваченная из тьмы веков, предстала передо мной сцена пиршества. Безымянный хорезмийский царь с чашей в руке

полулежал, опираясь на три узорчатые подушки. Его четкий, энергичный профиль и величественно протянутая правая рука были обращены в сторону невидимых собеседников. Казалось, за чашей вина он ведет неторопливую размеренную беседу. За спиной царя четко рисовался треугольный контур большого музыкального инструмента. Кисть музыканта застыла на струнах (рис. 1).

Изображение сцены царского пира было выполнено с такой художественной силой, что я явственно слышал его шум, голос царя, и улавливал приглушенные звуки старинной мелодии.

Осторожно, стараясь не разрушить иллюзию, я повернул изображение музыкального инструмента к свету. Да, сомнений быть не могло. Это была арфа, большая широко распространённая у среднеазиатских народов, а ныне бесследно исчезнувшая из музыкального обихода. Память народа не сохранила нам даже ее названия.

Когда с осмотром черепка было покончено, я, естественно, поинтересовался, откуда он, когда и при каких обстоятельствах был найден. Оказалось, что обнаружили его в Каракалпакии, на раскопках древне-хорезмийской крепости-храма Кой-Крылган-калы («Крепость погибших баранов»), в нижних слоях, датируемых IV—III вв. до н. э. Черепок незамеченным пролежал около десяти лет в груде массового материала в лаборатории, и лишь последующая разборка заново «открыла» этот великолепный образец изобразительного искусства древних хорезмийцев.

Среднеазиатская арфа тянет за собой целый шлейф загадок. Для исследователя, занимающегося историей среднеазиатской музыки, изображение большой угловой арфы из Кой-Крылган-калы поистине событие. До сих пор самым ранним изображением среднеазиатской арфы, да и то не большой, а малой, считается изображение, относящееся к первым векам н. э.<sup>1</sup> Арфа, о которой идет речь, на несколько столетий древнее! Кроме того, она пока является единственным свидетельством существования большой угловой арфы в Средней Азии.

Замечательно, что в обоих случаях приоритет остается за Хорезмом. Недаром великий узбекский поэт Алишер Навои в поэме «Семь планет»

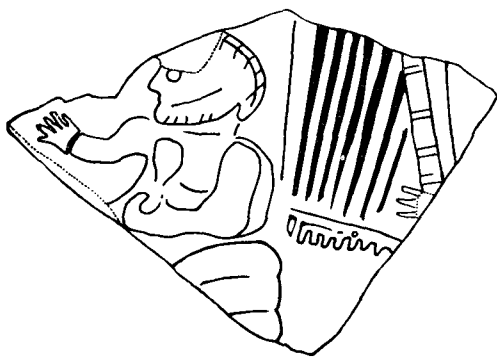
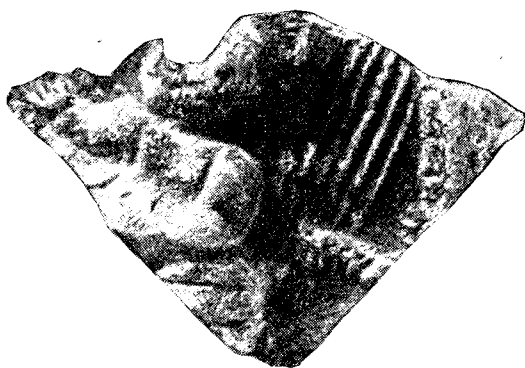


Рис. 1. Звуки арфы улаживают слух пирующего хорезмийского царя. Кой-Крылган-калы, IV—III вв. до н. э.

<sup>1</sup> Так называемый Айртамский фриз с каменными изображениями музыкантов. Найден в местечке Айртам близ г. Термеза, датируется первыми веками н. э. Замечательный памятник греко-бактрийского искусства.

рисует Хорезм в образе горделивого певца и музыканта, с искусством которого «никто не в силах спорить на земле».

Один из самых удивительных музыкальных инструментов древней Средней Азии — арфа. Археологи нашли несколько изображений этого инструмента, настолько хорошо сохранившихся, что представилась возможность изучить их и даже классифицировать. Самая «старая» среднеазиатская арфа — большая угловая из Кой-Крылган-калы. Она и ее «младшие» сестры (самая «молодая» — дуговая арфа из Пянджикента — датируется началом VIII века н. э.) прочно связывают Среднюю Азию со всем переднеазиатским миром, со странами так называемого классического Востока.

Угловая арфа похожа на треугольник. Иногда ее так и называют — треугольная арфа. Она не велика, легка, и мало напоминает современные арфы, громоздкие, хотя и красивые сооружения. Выглядит угловая арфа следующим образом: высокий рупорообразный (квадратный или прямоугольный в поперечном сечении) резонатор, раструбом обращенный вверх, и длинная трость струнодержателя, крепившаяся к узкому концу резонатора под острым углом к нему. Между резонатором и струнодержателем — струны, обычно шесть или девять (до тринадцати). Любопытны крепление и натяжение (настройка) их. Колки были изобретены давно, уже в древнем Египте существовали арфы с колковым способом настройки. Был и иной — бесколковый, при помощи особых шнуров-тяжей. В обоих случаях верхние концы струн крепились намертво вдоль и посередине внутренней деки резонатора (той, которая своей плоскостью обращена к оси струнодержателя), а нижние — на струнодержателе, где размещались колки или тяжи. При настройке подвергали колки или подкручивали витки тяжей за их свободные концы. Древние среднеазиатские арфы, по всей видимости, настраивались тяжами.

В конструкциях угловых арф есть одна мало понятная деталь: в одних случаях струны навязывались перпендикулярно к продольной оси струнодержателя, в других — под углом (с уклоном в сторону стыковки резонатора и струнодержателя). Зачем это делали?

Известно, что музыкальные инструменты совершенствуются от поколения к поколению, из века в век. В результате получается конструкция, в которой нет ничего лишнего. Вертикальная или угловая навязка струн не могли быть случайностью, прихотью мастера, сделавшего инструмент. В конце концов всякий музыкальный инструмент — акустический прибор. Малейший промах в расчете — и налицо не музыкальный, а шумовой инструмент. Навязка струн дело ответственное и сложное. Посудите сами: если навязать струны перпендикулярно струнодержателю, то резонатор неминуемо должен удлиниться, а, следовательно, и увеличиться в объеме. Воздушный столб, заключенный в нем, будет иным. Колеблемый вибрацией струн, он будет давать определенную звуковую отдачу. А если струны навязать перпендикулярно к внутренней деке резонатора, т. е. под углом к струнодержателю? Нетрудно догадаться, что, во-первых, они станут короче, а, во-вторых, величина и объем резонатора соответственно уменьшатся. О чем это говорит?

Звучание всякой струны находится в прямой зависимости от ее длины. Чем струна длиннее, тем звук, извлекаемый из нее, ниже, и наоборот — чем струна короче, тем звучит она выше. В первом варианте, когда струны перпендикулярны струнодержателю, они длинные, звук у них низкий, «рыкающий», и, чтобы усилить громкость, требуется резонатор больших объемов. Во втором варианте, когда струны перпендикулярны внутренней деке резонатора, они короткие, звучат высоко и звонко. Резонансность звучания инструмента вполне достаточна для восприятия окружающими. Исходя из вышесказанного, можно предположить, что арфа с вертикальной навязкой струн — басы, а с угловой — тенора.

Играли на угловых арфах стоя, сидя и на ходу. Во всех этих случаях раструб резонатора обращен вверх, а трость струнодержателя наружу. При игре стоя и на ходу угловую арфу держали перед собой (очевидно, на ремнях), упирая ее угол в пояс или прижимая к левому (правому) боку согнутой в локте левой (правой) рукой. Если же музыкант играл сидя, то арфа ставилась сбоку, обычно слева, и обхватывалась левой рукой. Пальцы правой захватывали струны.

Арфы, угловые в том числе,—инструменты сопровождающие. Под аккомпанимент арф пел, танцевал, строился в боевые порядки, маршировал, хоронил и молился весь древний Восток.

## Серебряное блюдо

Кой-Крылган-кала, где был найден черепок с изображением большой угловой арфы — круглая в плане монументальная постройка не бытового назначения, а культового, религиозного. Это храм, посвященный двум великим богам Хорезма (Сиявушу и Анахите). Поэтому находка черепка с арфой именно здесь весьма знаменательна и имеет определенный смысл.

Музыкальная культура далекого прошлого — не только Хорезма! — соткана из тесно переплетающихся между собой музыкальных, религиозных, танцевальных, военных, трудовых, обрядовых и других представлений. Поэтому мало ограничиться констатацией лишь одного факта — существованием арфы,—важно разгадать общий смысл, восстановить тот кусок древней жизни, где музыкальный инструмент, в данном случае арфа, занимает свое особое место. Для этого нужно использовать весь арсенал имеющихся источников. Если собственного материала, добытого исследователем, недостаточно, приходится прибегать к параллелям. «Койкрылганского» материала для всестороннего музыкального путешествия в глубь веков не хватило. И вот тут на помощь пришло древнее серебряное блюдо. Блюдо из Золотой кладовой государственного Эрмитажа.

Оно было случайно найдено в 1909 г. в селе Луковка близ г. Перми, и с тех пор в науке известно под именем Луковского блюда. Несомненно имеющее древневосточное происхождение, оно, как это установлено новейшими исследованиями, сделано в Согде — древнейшем среднеазиатском государстве, сопредельном Хорезму. Блюдо датируется первыми веками нашей эры. Вот что на нем изображено.

В центре блюда возлежит, опираясь левой рукой на три узорчатые подушки, бородастый хмурый царь. Он настолько огромен, что четыре его спутника — два музыканта и два жреца — кажутся просто карликами. Перед царем тренога с сосудом, в котором на ярком огне что-то варится. В левой руке царь держит чашу, в вытянутой правой — цветок. Справа от царя, у его ног, сидит, поджав ноги «по-турецки», арфист. Он поет, перебирая струны небольшой угловой арфы. Сзади — флейтист, подыгрывающий своему поющему товарищу. По обе стороны треноги стоят две зловещие фигуры со скрещенными на груди руками и повязками на ртах. Это жрецы.

Сцена, в общем, торжественная и несколько мрачноватая. Веселья тут, несмотря на присутствие музыкантов, совсем нет. Это типичный для зороастризма обряд: приготовление священного напитка с последующим возлиянием в честь богов, олицетворяющих животворные силы природы. Само собой разумеется, что подобное «таинство» соответствующим образом обставлялось: заунывное пение, тихая приглушенная музыка, мерцающий отблеск огня под треногой и медлительные жрецы. Кстати, лицевые повязки на жрецах — тоже требование ритуала. Их повязывали, чтобы жрецы не осквернили своим дыханием огонь. Еще

Страбон на рубеже н. э. писал: «Кто подует на огонь, бросит в него что-нибудь мертвое или грязное, тот наказывается смертью»<sup>2</sup>.

А теперь вернемся назад и сравним черепок с арфой со сценой на Луковском блюде. Не правда ли, много общего? Та же композиция: в центре которого возлежит величественного вида мужчина; 1 же три узорчатые подушки, на которые он опирается, чаша (или бокал для возлияний и призывно вытянутая правая рука. И еще арфа. К сожалению, от всей фляги сохранился только один небольшой черепок так что мы не знаем, что же еще там было изображено, какие люди оружали древнехорезмийского царя и были ли там еще музыканты. Наверное, были, во всяком случае, сцена, изображенная на черепке, и место, где его нашли (храм), весьма недвусмысленно перекликаются сюжетом Луковского блюда. По-видимому, фляга, сделанная, быть может, по особому заказу, входила в храмовое имущество. Однажды она разбилась (произошло это, очевидно, в здании), осколки ее выбросил один, по счастливой для нас случайности, уцелел.

Без сомнения, музыка сопровождала древнему хорезмийцу на протяжении его жизни. В радости и горе, в битве и на празднике уржая, при отправлении религиозной церемонии, на свадьбе, при рождении и на похоронах — всюду звучала разнообразная музыка. Пришедшие из дали веков свидетельства говорят о жанровом богатстве музыкальных произведений.

Так, Страбон, повествуя о жертвоприношениях зороастрийцев воде (одной из четырех священных стихий), пишет: «...пришедши к озеру или к реке, или к источнику, роют яму, над которой и умерщвляют животное, остерегаясь, как бы вблизи находящаяся вода не смешалась с кровью и таким образом не осквернилась бы. После того маги кладут мясо на мирт, или лавр, касаются его тонкими палочками, и поют таинственные песни (разрядка наша.— Р. С.), поливая при этом маслом, смешанным с молоком и медом, не огонь и не воду, но землю. Пение таинственных песен длится долго, а в это время маги держат в руках пучок тонких тамарисковых прутьев»<sup>3</sup>.

А вот другой эпизод, рассказанный Квинтом Курцием Руфом по случаю пленения Александром Македонским тридцати согдийцев: «...К царю привели 30 знатнейших, могучих телом согдийцев, которые, узнав, что их поведут на казнь, запели песню и всячески выказывали радость...» (разрядка наша.— Р. С.)<sup>4</sup>.

Священная книга зороастрийцев Авеста, написанная в форме гимнов, также изобилует «музыкальным» материалом. Вот, например, отрывок из гимна о счастье. Прислушайтесь к его стиху:

7. Те мужи царствами овладевают  
С обилием снеди и запахах и благоуханиями,  
Где постели расстелены  
И (где) множество других ценных благ  
Для тех, кого ты приобщаешь к себе, о счастье благодетельное<sup>5</sup>.

По-видимому, эти гимны пелись на определенную мелодию в сопровождении музыкальных инструментов. Черепок из Кой-Крылган-калы и Луковское блюдо заставляют нас пристальнее всмотреться в эту особенность древней среднеазиатской музыки.

<sup>2</sup> Страбон, География, М., 1879, кн. XV, гл. 3, § 14, стр. 749.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Л. В. Баженов, Древние авторы о Средней Азии, Ташкент, 1940, стр. 69.

<sup>5</sup> И. Брагинский, Очерки из истории таджикской литературы, Душанбе, 1956, стр. 185.

Где же, когда и как появились древнейшие арфы, более древние, чем большая угловая из Кой-Крылган-калы?

Как это установлено наукой, в первобытную эпоху возникли все три основные группы музыкальных инструментов: ударные, духовые и струнные. Причем по поводу арфы — древнейшего музыкального инструмента в струнной группе, существует мнение (настолько распространенное, что не требуется даже ссылок), будто своим рождением арфа обязана луку с натянутой тетивой. Спуск стрелы рождал звук. Туго натянутая тетива звенела высоко, ослабленная низко.

К сожалению, археологи не нашли еще ни одного струнного музыкального инструмента первобытной эпохи. Наверное, потому, что дерево, — а струнные инструменты наверняка делали из дерева, не может так долго сохраниться в земле. Иное дело кость или камень. Музыкальные инструменты из неолитических стоянок или курганов бронзовой эпохи сделаны как раз из этих материалов. Любая гипотеза, объясняющая отсутствие струнных инструментов в раскопках тем, что они вообще не были известны первобытным людям, прозвучала бы по меньшей мере странно. Конечно, они были, не исключено, что существовала даже разветвленная сеть их. Но как об этом узнать?

И ученые обращаются к племенам отсталых народов, тем, которые еще сравнительно недавно находились на стадии первобытности.

Что же они там видят?

Все: каменные топоры, тяжелые копья с кремневыми наконечниками, удивительные обычаи и чудовищных богов. И музыку. И музыкальные инструменты. Среди них — музыкальный лук (рис. 2). Звуки, издаваемые им, не лишены очарования.

Ученые расширили район поисков, и тут оказалось, что музыкальный лук — монохорд, как его называли — есть во многих местах земного шара. Выяснилось, что зулусы в Африке вообще не считают лук боевым оружием, а пользуются им исключительно в музыкальных целях. Кроме того, он известен жителям некоторых островов Меланезии, в Индии бытует под названием «пинака»; встречается он и у нас, в Марийской АССР, где он носит звонкое имя «конг-конг».

Не все музыкальные луки — монохорды, т. е. однострунные. Есть луки с двумя, тремя и более струнами (рис. 3); например, на первой Всесоюзной выставке музыкальных инструментов народов СССР в Москве в 1938 г. был показан трехструнный музыкальный лук из Удмуртии, на котором играли смычком. Способы интонирования на однострунных и многострунных музыкальных луках довольно разнообразны, порой сложные, так что требуется определенная ловкость и навыки, чтобы что-

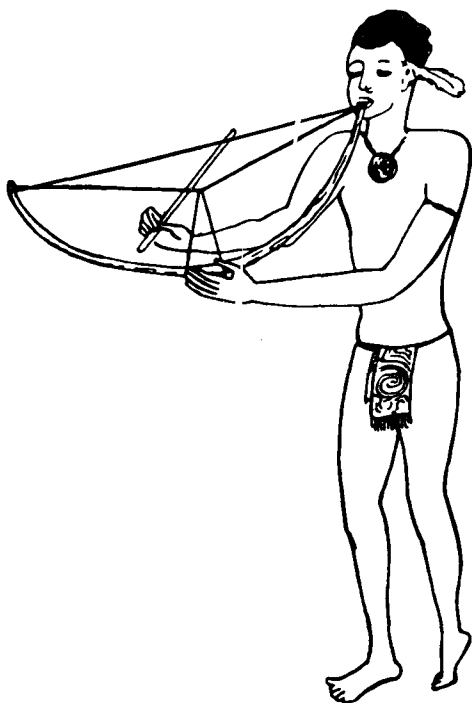


Рис. 2. Музыкальный лук

то сыграть на таком «примитивном», на первый взгляд, инструменте<sup>6</sup>.

И вот, когда были обнаружены многострунные музыкальные луки (какие же это луки, это целые арфы!), — и утвердилась точка зрения будто арфа произошла от лука с натянутой тетивой. Но почему толы арфа? В. Элленбергер, написавшей книгу «Трагический конец бушм нов», отмечает, что бушменский лук служит основой для многих муз

кальных инструментов: «тхомо» — музыкального лука, «цг'ангана» — струнного щипкового, «гуры» — оригинального щипково-духового инструмента и т. д. И в это наблюдение ученого должно, на наш взгляд, внести ясность в несколько туманную концепцию о происхождении струнных инструментов. Не только арфа, а все струнные без исключения ведут свою родословную — через музыкальный лук! — от древнейшего лука, оружия первобытного охотника.

Впрочем, некоторые ученые колеблются.

Они полагают, что первым струнным инструментом могли быть и до изобретения лука натянутое сухожилие или какой-нибудь сплетенный шнурок. Возможно. И даже очень вероятно.

Здесь мы подходим еще к одной, неизмеримо большей, чем предыдущая, проблеме — происхождению музыки. Затронем ее краешек. Дело в том, что лук, как оружие охотника, возник из потребности в нем. Лук, как музыкальный инструмент, тоже требовал самостоятельного открытия. Следовательно, чтобы натянутая нить или тетива превратилась в му-

Рис. 3. Многострунная арфа пангве

зыкальное орудие, необходим достаточно высокий уровень (в пределах возможностей первобытной эпохи) материальной, а, следовательно, и духовной культуры первобытного человека. На этой стадии у него возникает потребность выразить свои чувства в звуках. Не через хаотическое нагромождение их, не через беспорядочные шумы, а именно через музыкальные звуки. Больше того, через определенную последовательность их. Только тогда, когда возникает такая потребность, появляется и соответствующее «музыкальное» отношение к натянутой нити и извлекаемым из нее звукам. Появляется стремление запомнить их, возникает желание повторить подобие мелодии. Все подготовлено, как мы видим, к созданию музыкального инструмента. Таким инструментом, в группе струнных, мог быть музыкальный лук.

Все как будто очень просто. Но вот здесь-то и начинаются загадки. Наука пока не может объяснить, почему, например, австралийцы никогда не знали и не знают лука. Но ведь есть же у них музыка и музыкальные инструменты!

Да, есть.

Стало быть, не совсем неправы те ученые, которые колеблются. Дело, по-видимому, не только в луке, а и в том уровне культуры, материальной и духовной, при котором натянутое сухожилие или сплетенный шнурок можно рассматривать как музыкальный инструмент.

<sup>6</sup> Например, на тхомо-бушменском музыкальном луке струну перебирают большим и указательным пальцем левой руки, одновременно ударя палочкой, зажатой в правой руке.

Известно, что все когда-либо существовавшие арфы делятся на два конструктивных типа: дуговые и угловые. Называют их по-разному: то луковые, то ладьевидные (это про дуговые), а угловые — треугольные, вертикальные и т. д. Но все эти названия выражают одно: исстари сложившиеся два типа арф. Причем дуговые — этого мнения держатся прочно, по-видимому, так оно и есть, — наиболее древние, ведущие свое происхождение от музыкального лука. Видовое их разнообразие исключительно велико, вероятно, потому, что, возникнув — как лук — в разных местах одновременно, они в конструктивном отношении выражают определенную ступень культуры народа, создавшего этот музыкальный инструмент, его представления, образы и, если так можно выразиться, «научно-технические» достижения. В каждом отдельном случае дуговая арфа чисто местное изобретение. Она меньше всего подвержена влияниям, заимствованиям и каким-либо передвижениям. Это инструмент консервативный. Недаром именно этот вид народной арфы дошел до наших дней.

Иное дело — арфа угловая. Это тоже вполне самостоятельный инструмент. Самостоятельный не только по форме, но и по своим выразительным и акустическим возможностям. Он создан в эпоху, относительно близкую и сравнительно хорошо известную нам по историческим источникам. Но угловая арфа не имела за своими плечами той длительной, связанной с трудовой деятельностью человека, истории, которая привела к созданию дуговой арфы. Угловая арфа — это инструмент «искусственный», созданный в условиях вполне развитой музыкальной культуры древнего мира. Он обладал большей свободой передвижения, он мог быть заимствован одним народом у другого. История угловой арфы — это не только история музыкального инструмента как такового, это и история ее распространения, история путей, которыми она шла.

Древний Восток — колыбель человеческой культуры. По сей день поражают нас безудержная фантазия искусства, точность естественных наук и трогательная наивность литературных произведений. Кроме того, высокое развитие музыки. И совершенство музыкальных инструментов.



Рис. 4. Шествие музыкантов. Месопотамия, IV тысячелетие до н. э.

Однажды среди находок, обнаруженных в Месопотамии и относящихся к концу IV — началу III тысячелетия до н. э., ученых заинтересовал обломок архаической шумерской вазы из Бисмаи с изображением шествия музыкантов (рис. 4). Шествие открывают арфисты, играющие на ходу на двух замысловатой формы арфах: у одной семь струн, у другой пять. Гриф каждого инструмента украшен пышной бахромой.

Этот осколок вазы с изображением древнейшей в мире арфы известен всем инструментоведам и публикуется в каждой работе, посвящен-



Рис. 5. Игра на современной бирманской арфе

ной струне. Свободные концы тяжей в виде густой тяжелой бахромы падали отвесно со струнодержателя.

Вслед за шумерской вазой были обнаружены и подлинные инструменты. Известным английским археологом Л. Вулли в 1920—30-х гг. были предприняты раскопки крупнейшего города Двуречья—Ура, в том числе и царского кладбища. В одной из гробниц, принадлежащей царю Абарги и царице Шубад, были найдены три арфы, в другой — четыре



Рис. 6. Хант, играющий на арфе («гусе»).

Фото З. П. Соколовой

<sup>7</sup> Эту арфу-саунг и игру на ней прекрасно описал Н. Тихонов в своей повести «Зеленая тьма» (М., 1967).

<sup>8</sup> Л. Вулли, Ур халдеев, М., 1961, стр. 62.

ной арфе или родственным ей инструментам. В связи с этим эпизод о котором я расскажу, показывает, насколько живучи музыкальные традиции. Просматривая однажды небольшую брошюру, посвященную музыке Бирмы, я обнаружил фотографию, сделанную несколько лет назад, где был запечатлен бирманский музыкант, играющий ... на древней шумерской арфе (рис. 5) Сходство было настолько велико, что в это трудно было поверить. И тем не менее, факт оставался фактом: пять тысячелетий не внесли почти ничего нового в конструкцию этого инструмента<sup>7</sup>. Вот, например, настроенное приспособление. И там и там оно шнуровое. Настройка осуществлялась не колками, хотя в те пору они уже были изобретены, особыми шнурами — тяжами, каждый из которых соответствовал од

ной струне. Свободные концы тяжей в виде густой тяжелой бахромы падали отвесно со струнодержателя. Вслед за шумерской вазой были обнаружены и подлинные инструменты. Известным английским археологом Л. Вулли в 1920—30-х гг. были предприняты раскопки крупнейшего города Двуречья—Ура, в том числе и царского кладбища. В одной из гробниц, принадлежащей царю Абарги и царице Шубад, были найдены три арфы, в другой — четыре (III тыс. до н. э.). Две арфы были целиком серебряные, остальные из дерева, фантастически украшенные драгоценными камнями, перламутром, золотом и серебром. Вот как описывает Л. Вулли одну из этих арф. «В конце крайнего ряда (десяти, принесенных в жертву женщин — Р. С.) лежали остатки чудесной арфы: ее деревянные части истлели, однако украшения сохранились полностью... Верхний деревянный брус арфы был обшит золотом, в котором держались золотые гвозди, — на них натягивали струны. Резонатор украшала мозаика из красного камня, лазурита и перламутра, а впереди выступала великолепная золотая голова быка с глазами и бородой из лазурита. Поперек остатков арфы покоился скелет арфиста в золотой короне»<sup>8</sup>.

Факт украшения арф головками животных не случаен. По сути дела

резонатор инструмента был как бы телом животного, подобно тому, как некоторые современные ладьевидные арфы, например, остяцкий «гусь», (рис. 6) по силуэту действительно напоминает птицу. Есть указание на то, что звучание арф напоминало голос того животного, чья голова украшала инструмент: с бычьей головой — бас, с коровьей — тенор, а с оленем — альт.

Древняя шумерская арфа и современная бирманская, остяцкий «гусь» и кавказские арфы (дуадестенон у осетин, авьюмаа у абхазов, чанги у ванов), наконец, арфа, найденная при раскопках Второго Пазырыкского кургана (V—IV вв. до н. э., Алтай, рис. 7) — все они относятся

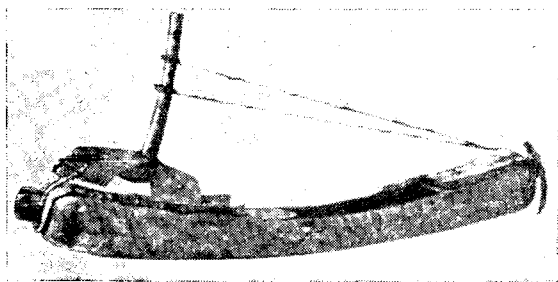


Рис. 7. Арфа из второго Пазырыкского кургана. V—IV вв. до н. э., Алтай

к ладейному типу дуговой арфы. Действительно, они чем-то напоминают ладью или, может быть, плывущую птицу (лебедя, гуся): туловище — резонатор, а мягко изогнутая длинная шея — струнодержатель инструмента. По-видимому, такая форма не была случайной. Известно, что многие народы отождествляли человеческую душу с образом птицы. Можно найти немало примеров из области человеческих верований, связывающих музыку, воспроизводимую на музыкальном инструменте, с человеческой душой, о влиянии музыки на душу. Поэтому закономерен перенос силуэта птицы на музыкальный инструмент. В разное время и у разных народов дуговые и угловые арфы украшались головками птиц, а инструмент получал соответствующее образное название.

Вернемся, однако, в Месопотамию.

Помимо арф, найдены инструменты, относящиеся к иным классификационным группам. В том же Уре обнаружен двойной гобой (2800 г. до н. э.) и ударный инструмент, нечто вроде кастаньета, состоящий из двух бивней или клыков (2500 г. до н. э.).

Другой очаг цивилизации — древний Египет дал такое громадное количество изобразительного и вещественного «музыкального» материала, что одно только перечисление его заняло бы многие сотни страниц. Но одно важное обстоятельство выделяет изобразительное искусство Египта: впервые перед нами предстают ансамбли, состоящие зачастую из большого количества музыкантов, певцов и танцовщиц. Это настоящие инструментально-вокально-танцевальные коллективы, обладающие высокой исполнительской техникой. На рис. 8, воспроизводящем такой ансамбль, изображены большая арфа, двуструнный инструмент типа лютни, двойной гобой и лира.

Таких рельефов в изобразительном искусстве древних египтян множество. Ими украшались стены дворцов, храмов и гробниц. И почти в каждой сцене звучит музыка. Идут ли древние египтяне в бой, пашут ли, торжествуют ли — всегда с ними музыкальные инструменты. Наиболее распространенный из них — дуговая арфа. Эти арфы были огромные (в рост человека) и маленькие, простые и сложные, роскошно украшенные и неказистые. Под арфы пели и танцевали, целые оркестры арф обслужива-



Рис. 8. Древнеегипетский инструментальный ансамбль

ли религиозные процессии и придворные празднества. Без преувеличения можно сказать, что ни один день в древнем Египте не обходился без этого популярного инструмента. Известный историк музыки Э. Науман написал в одной из своих работ: «Арфа так тесно связана со всей египетской культурой, что вместе с последней она как возвышается, так и понижается; так все растет с нею и достигает цветущего состояния, как затем опять вместе с нею падает с прежней высоты и исчезает. Эта связь так заметна, что можно было бы по той или другой форме, конструкции, числу струн и способу игры на египетских арфах указать на важнейшие периоды египетской истории»<sup>9</sup>. Как прекрасно выражена сущность исторического инструментоведения!

Об этом говорит и следующий пример. Курт Закс, известный немецкий историк музыки, однажды подметил, что мягкий по своему звучанию ансамбль Древнего и Среднего Царств — он состоял из арфы, продольной флейты и человеческого голоса — вдруг сменился иным, более шумным, более резким по звучанию и более ритмически дробным. Ученый так написал об этом: «...Музыка (в Египте — *Р. С.*) стала ярче, шумнее и резче. Кажется, что самый «темп жизни» ускорился: танцовщицы и певцы движутся быстрее с большим подъемом и страстностью»<sup>10</sup>. Что же произошло?

К. Закс стал пристально вглядываться в древнеегипетские изображения музыкальных сцен и составил целую таблицу музыкальных инструментов. Один из них привлек внимание ученого. Этот инструмент был характерен для нового типа ансамбля.

Это была угловая арфа! А вместе с ней огромные барабаны.

И тот и другой инструменты были азиатского происхождения. Они-то и внесли в спокойный, мягкий древнеегипетский ансамбль ритмическую пестроту и яркую выпуклость песенно-танцевальных мелодий.

Случайно ли это? Обратимся к истории. Первое изображение угловой арфы мы находим в период правления фараона Аменхотепа II

<sup>9</sup> Э. Науман, Иллюстрированная всеобщая история музыки, т. I, СПб., 1898, стр. 46.

<sup>10</sup> К. Закс, Музыкальная культура Египта, сб. «Музыкальная культура древнего мира», Л., 1937, стр. 57—58.

(1491—1465 гг. до н. э.<sup>11</sup> Это было сложное, бурное время. Могущественные рабовладельческие государства в Египте и Месопотамии вели чрезвычайно оживленную внутреннюю и внешнюю торговлю, что обусловило некоторое сближение, общность культурных достижений, в частности, в мире музыки, различных народов на огромной территории, включающей Египет, Нубию, Пунт (Сомали), Сирию, Месопотамию, Индию, Малую Азию, острова Эгейского моря и некоторые области Греции.



Рис. 9. Шествие арфистов. Каменный рельеф из Ниневии, VII век до н. э.

К этому времени и относится появление в Египте угловой арфы — инструмента, обладающего яркими возможностями, более отвечающими характеру и духу жизни того периода. Это, однако, не значит, что угловая арфа сменила более древнюю дуговую и вытеснила ее. С момента появления угловой арфы обе эти разновидности сосуществуют и развиваются вместе.

В этом отношении чрезвычайно интересны ассирийские каменные рельефы, на которых изображено много разных музыкальных инструментов, в том числе арф. Так, на одном рельефе из дворца царя Ашшурбанипала в Ниневии (VII в. до н. э.) высечены два стоящих в полный рост арфиста, один из которых играет на большой многострунной угловой арфе, а второй — на маленькой дуговой, совершенно аналогичной арфе Бисмайской вазы. Это изображение замечательно по трем причинам: 1) обе разновидности арфы существуют на равных правах, 2) конструктивные очертания их можно считать устоявшимися, потому что именно в такой форме эти инструменты известны нам на огромной территории, в частности в Средней Азии, 3) настройка угловой арфы осуществлялась шнуровыми тяжами.

Ассирийское время — время необычайного успеха, выпавшего на долю угловой арфы (рис. 9). Она становится поистине массовым инструментом и «распространена повсеместно, от Египта до иранского Элама, а в более позднюю эпоху... от Испании до Корен», — констатирует тот же К. Закс<sup>12</sup>. В число стран этого пояса входила и Средняя Азия.

## Нашествие

Известно пять среднеазиатских арф: три угловые и две дуговые. Они одновременны и охватывают значительный отрезок времени — одиннадцать веков. Это значит, что в Средней Азии арфы существовали с IV века до н. э. по второе десятилетие VIII века н. э. Но почему такие жесткие хронологические рамки? А было ли что-нибудь до или после? Наверняка! Только нам это неизвестно.

Чем же мы располагаем? 1. Гончарным рельефом с изображением большой девятиструнной угловой арфы из Кой-Крылган-калы. Хорезм,

<sup>11</sup> Н. Hickmann, *Agypten*, «Musikgeschichte in Bildern, B. II, Musik des Altertums», Lieferung I, Leipzig, 1961, t. 8, S. 31.

<sup>12</sup> К. Закс, Музыкальная культура Вавилона и Ассирии, сб. «Музыкальная культура древнего мира», стр. 105.

IV—III вв. до н. э. 2. Каменным фризом с изображением музыкантов, в том числе арфистки с малой девятиструнной угловой арфой из Айртама. Бактрия, первые века н. э. 3. Росписью с изображением арфистки с малой шестиструнной (или девятиструнной) угловой арфой из Топраккалы. Хорезм, рубеж III и IV вв. н. э. 4. Росписями с изображениями двух многострунных ладьевидных арф из древнего Пянджикента. Согд, начало VIII в. н. э. (рис. 10).

Помимо этих прекрасно сохранившихся и донесших до нас многие конструктивные детали арф — памятников изобразительного и музыкального искусства, есть еще одна сравнительно небольшая, фрагментарная, и до некоторой степени спорная группа источников по среднеазиатскому арфоинструментарии. Но мы не будем касаться их, чтобы не перегружать основной текст, а читателей, заинтересовавшихся этим вопросом, отошлем к специальным археологическим трудам<sup>13</sup>.

Из всех пяти изображений мы выделим два: черепок с изображением большой угловой арфы из Кой-Крылган-калы и роспись с изображением ладьевидной арфы из Пянджикента. Первый источник интересен тем, что он красноречиво говорит, как мы покажем ниже, о музыкальном влиянии Средней Азии на Китай, второй проливает некоторый свет на дальнейшую печальную судьбу среднеазиатской арфы.

Совсем недавно были опубликованы отрывки из древних китайских летописей, где сообщается много интересного о музыке Средней Азии. Оказывается, музыка, песни, танцы и музыкальные инструменты среднеазиатских народов очень нравились и были широко распространены в Китае. Первое упоминание о среднеазиатской музыке связано с именем китайского актера и музыканта Ли Янь-няня, жившего во II в. до н. э. и сочинившего, пользуясь заимствованными из Средней Азии (откуда точно — неизвестно) мелодиями, двадцать восемь новых популярных песен. Вместе с музыкой в Китай попадали и среднеазиатские музыкальные инструменты. Так, например, «хэнчуй» — поперечная флейта — инструмент «ху», т. е. чужой, не китайский, а среднеазиатский. С искусством игры на нем китайцев познакомил знаменитый путешественник Чжан Цянь (II в. до н. э.). Кроме того, в династических хрониках среди часто упоминаемых различных музыкальных инструментов говорится о «вертикальной и горизонтальной кунхоу». Это арфы: первая, вертикальная — угловая арфа, вторая, горизонтальная, — дуговая. По поводу угловой арфы «История Суй» (VI в. н. э.) сообщает удивительную вещь: «Пипа и вертикальная кунхоу (шукунхоу) пришли из Западного Края (Средняя Азия. — Р. С.) и не являются старыми китайскими инструментами...»<sup>14</sup>. Это для VI века нашей эры, а в последнее время обнаружены дополнительные материалы, где угловая арфа упоминается уже во II в. до н. э., т. е. восьмьюстами годами раньше. Причем опять говорится, что она не китайского, а среднеазиатского происхождения. Более ранних сведений о «вертикальной кунхоу» нет.

Что из этого следует? Угловая девятиструнная арфа из Кой-Крылган-калы датируется IV—III вв. до н. э. Более ранних изображений арф в Средней Азии не найдено. Самое первое упоминание о среднеазиатской арфе в китайских летописях датировано II в. до н. э. Точное указание на место ее происхождения — Среднюю Азию — мы находим в VI веке н. э. Вывод, следовательно, может быть, таким: впервые в Китай угловые арфы попали из Хорезма. Впрочем, категорически утверждать это нельзя. Ведь Западный Край (т. е. Средняя Азия) — не один только Хорезм, а множество областей. И, наверное, найдутся еще археологиче-

<sup>13</sup> Р. Л. Садоков, О двух новых изображениях среднеазиатской угловой арфы, «Вестник каракалпакского филиала АН УзССР», Нукус, 1965, № 4; Г. А. Пугаченкова, Халчаян, Ташкент, 1966, стр. 182—185, рис. 93, табл. XIV и XV.

<sup>14</sup> Цит. по Б. Л. Рифтин, Из истории культурных связей Средней Азии и Китая, «Проблемы востоковедения», 1960, № 5, стр. 121.

ские материалы, может быть, более ранние, чем хорезмийские, о ранних музыкальных связях южных по отношению к Хорезму областей с Китаем. Но пока приходится довольствоваться этим, если и не окончательным выводом, то по крайней мере аргументированным предположением.

Но уже в «Старой танской истории» (VII век н. э.) сказано: «Кунхоу сейчас исчезла». А начиная с династии Юань (т. е. с 1280 г. н. э.), кунхоу вообще выходит из употребления и больше не встречается, — отмечают летописцы.

Однако, на том же VII — начале VIII вв. н. э. обрываются находки изображений арф в Средней Азии! После пянджикентских арф наступает многовековая полоса молчания, и мы не знаем, как же развивались среднеазиатские арфы и развивались они вообще. Не странно ли? Действительно, за 1120 лет (с IV в. до н. э. по 20-е годы VIII в., т. е. тогда, когда древний Пянджикент перестал существовать) среднеазиатские художники пять (пять!) раз живописали и ваяли арфы (это те, что нашли археологи, а сколько еще не найдено, сколько погибло). Кроме того, известны многочисленные письменные сведения об этом инструменте. А за последующие 800—900 лет (т. е. до XV—XVI вв. н. э.) — ничего! Правда, в музыкальных трактатах и народных сказаниях упоминается какой-то инструмент «чанг», но что это такое — сказать невозможно. Во всяком случае, это не современный узбекский чанг<sup>15</sup>.

И потом, что это за роковая дата — 20-е годы VIII в. н. э.? Что это за рубеж, за которым, как ни смотри, ни одной арфы не увидишь?

Древний Пянджикент, небольшое согдийское городское поселение на старинном караванном тракте из Самарканда в горы, был взят и разрушен примерно в 20-х годах VIII в. н. э. Это время — страшное не только для Пянджикента. По дорогам Средней Азии мчалась, сметая



Рис. 10. Согдайская арфистка. Пянджикент, VII—VIII вв. н. э.

<sup>15</sup> Современный чанг появился в Ташкенте в конце прошлого столетия. См.: Н. С. Лыкошин, Полжизни в Туркестане, Петроград, 1916, стр. 355.

все на своем пути, грозная конница поработителей. Многочисленные ру-  
стаки Мавераннахра (Заречья, области по правому берегу Амударьи)  
вновь переживали — в который раз! — ужас и гнет иноземного вторже-  
ния. Огонь войны отнял жизнь у цветущих долин и пестрых городов.  
Погибли библиотеки, погасли улыбки и песни. Дым пожарищ едкой пе-  
ленной стлался далеко, до самого горизонта. Пришедшее вместе с заво-  
евателями мусульманское духовенство всячески травило, коверкало и  
уродовало местные обычаи, искусства и науки.

Предводитель арабов энергичный и жестокий Кутейба ибн Муслим  
в 712 г. ворвался в Хорезм и прошел по нему с огнем и мечом. Автор не  
дошедшей до нас «Истории Хорезма» хорезмийский ученый X в. ал-  
Бируни так писал об этом разгроме: «И уничтожил Кутейба людей, ко-  
торые хорошо знали хорезмийскую письменность, ведали их предания и  
обучали (наукам), существовавшим у хорезмийцев, и подверг их всяким  
терзаниям, и стали (эти предания) столь сокрытыми, что нельзя уже у-  
знать в точности, что (было с хорезмийцами, даже) после возникновения  
ислама»<sup>16</sup>.

Когда глазам археологов предстало ошеломляющее разноцветье на-  
стенных росписей древнего Пянджикента, они убедились, что лица че-  
ловеческих фигур уничтожены. Не временем, нет, — рукой человека. Один  
из участников экспедиции написал об этом так: «Лица... уничтожены  
по всей вероятности, преднамеренно... Повторенный в середине стена  
знак, процарапанный острым предметом, в котором можно видеть араб-  
ское слово «ла» («нет»), выдает того, кто это сделал, а именно, завое-  
вателя-мусульманина»<sup>17</sup>.

Дело здесь даже не только в том, что, по предписаниям ислама, нель-  
зя изображать человеческие лица, а в той «культурной» деятельности  
всякого духовенства — мусульманского, православного, католическо-  
го, — которое всеми доступными ему средствами боролось с народным  
искусством вообще, в частности с народной музыкой и музыкальными  
инструментами. Духовенство и светская власть всегда шли рядом, по-  
могаая и поддерживая друг друга.

Вот несколько примеров.

Старейший узбекский народный певец-сказитель Фазыл Юлдашев  
рассказывает: «Однажды пел я поэму «Рустам-хан». Муфтий спросил  
меня: «Рустам жил до пророка или после?» «Герой Рустам жил до про-  
рока», — ответил я. Тогда Муфтий стал кричать со злобой: «Если так,  
пой другие песни. Брось поэму о Рустаме»<sup>18</sup>. Не избежали «мусульман-  
ского гнева» и музыкальные инструменты. Сапай — шумящий узбек-  
ский инструмент — считается «нечистым», о чем красноречиво рассказы-  
вает легенда, записанная Н. Н. Мироновым<sup>19</sup>. Точно так же баламан  
и сурнай в Хорезме до сих пор связываются с именем сатаны, и если  
инструментами пользуются, то только потому — так думают муллы, —  
что они «очищены» легендой о Дауде, покровителе кузнецов, якобы  
изобретшем «мииль» — металлическую часть мундштука сурная<sup>20</sup>. Ка-  
захские домбры тоже, оказывается, «греховные» инструменты, потому  
что еще Мухаммед отрекся от них, видя в этом дело рук нечистого<sup>21</sup>.

А в России в 1648 г., во время царствования «тишайшего» Алексея  
Михайловича, был дан указ: «А где объявляются домры и сурны и гуд-

<sup>16</sup> Абу Рейхан Бируни, Избранные произведения, т. I, Ташкент, 1957, стр. 48.

<sup>17</sup> А. М. Беленицкий, Вопросы идеологии и культов Согда, сб. «Живопись древ-  
него Пянджикента», М., 1954, стр. 31.

<sup>18</sup> Л. Б. Никольская, Народные мастера узбекской музыки, сб. «Пути разви-  
тия узбекской музыки», М.—Л., 1946, стр. 29—30.

<sup>19</sup> Н. Н. М и р о н о в, Музыка узбеков, Самарканд, 1929, стр. 24.

<sup>20</sup> Сведения получены автором от сурнайчи Айтбая Якубова, проживающего в кол-  
хозе им. Энгельса Кипчакского р-на, Каракалпакской АССР.

<sup>21</sup> А. К. Жубанов, Казахский народный музыкальный инструмент — домбра,  
Труды УП МКАЭН, М., 1968, т. VII.

ки и гусли и хари и всякие гудебные бесовские сосуды, и тый те бесовские велел вынимать и, изломав те бесовские игры, велел жечь»<sup>22</sup>. Вскоре в Москве при обысках было набрано пять возов различных музыкальных инструментов, свезено на Болото и сожжено.

Вот еще один пример, несколько, правда, далекий, но логически хорошо увязанный с нашим повествованием. В национальном гербе Ирландии есть арфа. Это, пожалуй, единственная страна, избравшая своим символом музыкальный инструмент. И не случайно. Арфа, действительно, сыграла огромную роль в ирландской истории. В годы национально-освободительного движения барды-арфисты со своими героическими песнями были живым олицетворением народного патриотизма, пользуясь большой любовью ирландского народа и в такой же степени ненавистью его врагов. Поэтому-то, когда в XVI в. движение за национальное освобождение охватило всю страну, лорд Барримор приказал хватать и вешать без суда и следствия каждого арфиста или умеющего играть на арфе<sup>23</sup>. Постине никогда музыка и музыканты не преследовались столь жестоко, как в те дни!

Вернемся, однако, в Среднюю Азию.

Когда в 1819—1820 гг. капитан Н. Н. Муравьев совершил свое замечательное и трудное путешествие в Хиву, он обратил внимание на хивинских певцов-сказителей («бардов» — записал Муравьев), пользующихся у народа большим вниманием и почетом. В репертуаре этих певцов были песни и стихи преимущественно героического содержания, восхвалявшие «подвиги известных в древности витязей». Впоследствии Муравьев уделил хивинским «бардам» особое место в своей книге: «Певцы... стараются выразить голосом и телодвижениями быстроту, храбрость и великие деяния усопших предков. Пение сие продолжается иногда целую ночь; хозяин и гости сидят неподвижно в задумчивости и слушают оное со вниманием...»<sup>24</sup>.

Теперь вспомним рассказ о разгроме, учиненном мстительным Кутейбой в Хорезме, вспомним исковерканные пянджикентские росписи, проклятые музыкальные инструменты и запреты народных сказов, — разве все это не свидетельство, пусть не прямое, катастрофы, постигшей музыкальную культуру и музыкальные инструменты среднеазиатских народов? Разве Кутейба не встретил (не мог не встретить!) в разгромленном, но сопротивляющемся Хорезме предшественников позднейших хивинских «бардов»? Разве скупые строки хроник («кунхоу сейчас исчезла») — не рассказ о печальной участи хорезмийских и среднеазиатских музыкантов?<sup>25</sup>

Несомненно, с этого времени опустошительного нашествия с принудительно насаждавшимся исламом, начинается забвение арфы, как инструмента с насильственно прерванной жизнью.

Вот о чем напомнил и рассказал глиняный черепок, пролежавший в завалах древнехорезмийской крепости-храма Кой-Крылган-калы 2400 лет.

<sup>22</sup> Цит. по: Б. Штейнпресс, Вопросы материальной культуры в музыке, М., 1931, стр. 30.

<sup>23</sup> И. Поломаренко, Арфа, М., 1939, стр. 31.

<sup>24</sup> Н. Н. Муравьев, Путешествие в Туркмению и Хиву, ч. II, М., 1822, стр. 121.

<sup>25</sup> Р. Л. Садоков, Путешествие в глубь веков в поисках музыки, «Сов. этнография», М., 1968, № 1, стр. 153—159.

## ВЕНГЕРО-СОВЕТСКИЙ СИМПОЗИУМ

С 14 по 16 октября 1969 г. в Москве проходил венгеро-советский симпозиум этнографов, созданный по инициативе советско-венгерской комиссии историков. Основной задачей симпозиума была постановка и обсуждение важной проблемы нашей науки — проблемы соотношения этнографической науки с историей и другими гуманитарными дисциплинами, сходства и различия в методологии их исследований.

Симпозиум открыл председатель советско-венгерской комиссии историков, академик А. А. Губер. Он приветствовал делегацию венгерских ученых, приехавших для участия в совещании. В своем кратком слове А. А. Губер отметил также особую важность поставленной на симпозиуме проблемы, так как одной из главных тем предстоящего в 1970 г. в Москве XIII Международного конгресса историков будет проблема соотношения истории и других общественных наук.

К симпозиуму было подготовлено в письменном виде 15 докладов, из них 8 венгерскими этнографами и 7 — сотрудниками Института этнографии АН СССР. По своей тематике представленные доклады отчасти вышли за рамки основной проблемы симпозиума. Поэтому обсуждение докладов велось по трем группам, каждая из которых объединяла более или менее связанные друг с другом по поставленным вопросам и темам доклады.

В первую группу были выделены доклады, ближе всего касающиеся основной проблемы симпозиума: Ю. В. Бромлей (Москва) и О. И. Шкаратана (Ленинград) «Соотношение этнографии с историей и социологией»; Дюла Ортутан (Будапешт) «Традиции и изменения, народная культура»; Бела Гунды (Дебрецен) «Историзм и функционализм в этнографии»; Ю. П. Аверкиевой (Москва) «Соотношение понятий „культурная антропология“ и „социальная антропология“ в странах Запада» и Е. Барабаша (Дебрецен) «Пространство и время в этнографическом исследовании».

Наиболее тесно был связан с темой симпозиума доклад Ю. В. Бромлея и О. И. Шкаратана, в котором был поставлен вопрос о соотношении этнографии с другими гуманитарными дисциплинами, занимающимися изучением всех сторон жизни общества, особенно с историей и социологией. Авторы доклада подчеркнули, что нерешенность вопроса о взаимосвязи и разграничении этнографии со смежными науками затрудняет разграничение между ними и, в то же время, совместные исследования ведут, с одной стороны, к ненужному дублированию, а, с другой стороны, тормозят исследование многих важных вопросов жизни общества.

В докладе была сделана попытка выделить общие и специфические черты истории, этнографии и социологии. Так, по мнению Ю. В. Бромлея и О. И. Шкаратана, у истории и этнографии есть немало общих зон исследовательских поисков (например, этническая история, общая история культуры, быт народа), хотя специфичность подхода к рассмотрению изучаемых объектов и в этих случаях сохраняется. Но этнография имеет и исследовательские зоны, выходящие за рамки исторической науки: изучение этнической специфики жизни современных народов. И в этой области она входит во взаимодействие с другой гуманитарной дисциплиной — социологией.

Подчеркивая общие черты вышеназванных наук в их подходе к изучению общества, авторы доклада в то же время отметили и специфичность методики этнографических исследований, в значительной мере предопределенной тем, что этнография изучает не только прошлое, но и настоящее народов: это широко распространенный в этнографии метод непосредственного наблюдения (полевые экспедиции).

Различия в методологии трех наук проявляются, прежде всего, в специфике способов познания. Характерной чертой процесса познания, присущего этнографической науке, является рассмотрение единичного явления лишь как базиса для выявления особенного.

Во вступительном слове, предшествовавшем началу дискуссии по этому докладу Ю. В. Бромлей остановился на проблеме выделения четких критериев для понимания предмета нашей науки. По его мнению, таким критерием может служить этническая специфика культуры. Ю. В. Бромлей обратил также внимание присутствующих на то

что в разные исторические периоды этническая специфика проявляется по-разному. На ранних ступенях своего развития этнография совпадала как с историей культуры, так и с социологией, но в дальнейшем этническая специфика из области материальной культуры перемещается в сферу духовной жизни, а у современных народов все более уходит в глубины этнической психологии. Предметные области наук при изучении современной жизни разграничиваются, но в то же время, возникает задача кооперирования их исследований. Такую кооперацию авторы доклада кладут в основу предлагаемого ими объединения этнологии и социологии — этносоциологии, основной целью которой является изучение этнических процессов в разных социальных средах.

Проблема большой методологической важности была поставлена в докладе Д. Ортутаи. Он выдвинул для дискуссии вопрос о взаимозависимости традиций и изменений, их тесной диалектической связи в различных областях народной культуры. По мнению докладчика, и в фольклористике, и в этнографии нельзя исследовать явления крестьянской культуры чисто хронологическим методом. Исследование можно проводить лишь с применением сравнительных, комплексных методов, т. е. метода историко-диалектического. Далее Д. Ортутаи развивал свою мысль о том, что закон связи между традиционными, изменяющимися и новыми элементами является следствием того, что экономические и социальные факторы, определявшие культуру крестьян в эпоху капитализма, возникли еще при феодализме и в течение долгих десятилетий при капитализме оставались неизменными. Поэтому традиция смогла на протяжении долгого исторического периода приспосабливаться к новым формам; поэтому же это историческое взаимопроникновение, соседство традиций и изменений долго было характерной чертой исторического развития крестьянской культуры. Свою мысль автор проиллюстрировал несколькими примерами из области венгерского фольклора.

Проблема связи историзма и функционализма была поставлена в интересном докладе Бела Гунды. Первая часть его доклада была посвящена критическому обзору развития исторического и функционального направлений в этнографической науке с начала нашего столетия. Он отметил, что историзм и методы исторической реконструкции при этнографическом исследовании были неодинаковы у представителей различных направлений, например, у эволюционистов и сторонников культурно-исторической школы.

Развитие функционализма в этнографии связано с именем Б. Малиновского. Его функционализм отличается, прежде всего, антиисторизмом. Однако, по мнению автора, в этнографии, как и в любой другой науке, различные методы могут дополнять друг друга, способствовать достижению единой цели. Исходя из этого, Бела Гунда поставил в своем докладе вопрос о связи исторического и функционального направлений в этнографии. По его мнению, оба направления в сущности дополняют друг друга примерно так, как структурализм в языкознании дополняет направление, занятое изучением исторического развития языка. Исследование культуры современных народов можно осуществлять лишь на основе соответствующего исторического подхода, но в рамках такого историзма должно иметь место и исследование функций изменений, внутренних взаимозависимостей.

Ю. П. Аверкиев в своем докладе коснулся терминологических проблем нашей науки. Докладчица подробно остановилась на истории ввода в научный оборот термина «антропология» как обозначения науки о человеке и его культуре, говорила о последующем разделении этой всеобъемлющей науки о человеке на два больших раздела — физическая антропология и культурная антропология. Последняя изучает в совокупности всю культуру, главным образом остальных народов, хотя в последнее время ученые США высказываются за включение в рамки этнологии или культурной антропологии и изучения современных народов. Ю. П. Аверкиев отметил, что понятия «этнология», «этнография» и «культурная антропология», по существу, являются синонимами и что последний термин ближе всего соответствует определению предмета этнографической науки в СССР.

Выделение термина «социальная антропология» как обозначения самостоятельной науки связано с именами английских ученых — Фрезера, Малиновского и др. Эту науку характеризует, прежде всего, крайний антиисторизм. В докладе рассматривается изменение смыслового содержания термина «социальная антропология» во Франции и в скандинавских странах.

Идейной основой понимания антропологии как универсальной науки о человеке явился философский антропологизм, выдвигающий на передний план проблему человеческой сущности. Принципы антропологизма развиваются и ныне некоторыми западными этнографами и социологами-философами.

В настоящее время, в обстановке активизации теоретических поисков и идейной борьбы, в западной этнографии подвергается сомнению содержание термина «антропология», как универсальной науки о человеке.

Последний доклад этой группы, доклад Е. Барабаша, был посвящен важному методологическому вопросу — учету пространства и времени и их корреляционных связей в этнографических исследованиях. Существование пространственной дифференциации народной культуры создает возможности для вскрытия и исследования исторических и культурных процессов. По мнению Е. Барабаша, правильные теоретические выводы можно сделать лишь в том случае, если явление будет исследовано глубоко в хронологическом разрезе. А так как давать характеристику явлениям и фактам можно с достоверностью только в пределах 100—200 лет, следует применять при исследовании

и другие методы. Неравномерное развитие общества вызывало сильную пространственную дифференциацию народной культуры, которая часто представляла собой не что иное, как временные различия в развитии. Конкретное вскрытие фактов, обусловивших тождественность и различие явлений, является первой ступенью на пути изучения данного состояния пространственной дифференциации, выделения различных временных слоев, объяснения фазы развития. Автор полагает, что, отправляясь от проблем возникающих в связи с пространственным распространением культуры, охватывая многосторонне, опираясь на живой этнографический материал, можно прийти к довольно убедительным выводам относительно феодальной и даже предшествующих ей эпох.

Целый ряд последующих докладов трактует вопросы методики исследования некоторых более частных вопросов этнографии; однако все эти доклады объединяет затрагиваемая в каждом из них проблема историзма.

Большой интерес у участников симпозиума вызвал доклад В. Диосеги (Будапешт) «Исторические выводы из исследования шаманизма». Докладчик удачно привел собранный им материал, а также неопубликованные материалы русских и венгерских исследователей по шаманизму для исследования некоторых проблем этногенеза сибирских народов. Так, В. Диосеги высказал интересные соображения о наличии самодского субстрата в этногенезе саянских оленеводов, о некоторых этапах этнической истории народов Западной Сибири.

В историческом аспекте рассмотрел развитие некоторых сельскохозяйственных орудий венгров И. Талаши (Будапешт) в докладе «Первое столетие смены орудий жатвы и последствия этой смены в позднейшее время».

Автор проследил в хронологической последовательности развитие жатвенных орудий в Венгрии — серпа и косы. Он обратил внимание на раннюю замену серпа косой при жатве зерновых. Употребление косы для уборки урожая у венгерских крестьян, по свидетельству письменных источников, наблюдалось уже в XV в. — раньше чем в других странах Западной Европы. И. Талаши привел свидетельства письменных памятников о постепенном распространении косы для жатвы зерновых в большей части Венгрии и о изменениях, происходивших в связи с этим в трудовых процессах во время уборки урожая. Перемены в орудиях жатвы и типах жатвы объясняются в докладе экономическими и социальными отношениями того времени.

В докладе Ф. Винце (Будапешт) «Сравнительные исследования по историческому этнографии восточноевропейской культуры винограда. Методологические предпосылки и результаты исследования» подытожены методологические и фактические достижения этнографических исследований в области виноградарства и виноделия. Докладчик остановился кратко на истории изучения этой отрасли венгерскими этнографами — от локальных, региональных описаний виноградарства до сопоставления и сравнения полученных материалов в пределах всей Венгрии. Такой анализ дал возможность выявить четыре областных производственных типа виноградарства на территории Венгрии, имеющих разное происхождение, различные исторические и культурные влияния и, в связи с этим, разное внутреннее развитие.

Сушественный вывод автора на основе многолетнего изучения развития венгерского виноградарства состоит в том, что постоянно меняющиеся общественно-экономические факторы влияли только на типы владений виноградниками, вопросы права, организацию труда, в то время как производственные методы, средства и технологические приемы оставались неизменными в течение веков. Благодаря этому они имеют особую ценность для освещения генетических и исторических проблем.

Т. Хофман (Будапешт) в своем докладе «Аграрная революция средневековья и историзм аграрной этнографии» рассмотрел проблемы аграрной революции средневековья на материалах Западной Европы и сделал попытку показать механизм этой революции. Автор проследил историческое развитие частных помещичьих хозяйств в разных областях Европы, увеличение их производительности, создание более интенсивной организации производства, совершенствование обработки земли. Постепенно под влиянием частных помещичьих хозяйств менялась организация и крестьянского хозяйства, увеличивалась численность крестьянских наделов. Этот процесс аграрного развития в XIII—XV вв. способствовал формированию новых, феодальных отношений. Краткий обзор аграрной революции в Европе является, по словам автора, иллюстрацией историко-философской аксиомы, согласно которой каждая социально-экономическая формация, каждое новое качество в жизни общества создают адекватные себе формы. Аграрная этнография, изучающая материальную культуру производства, должна всегда иметь в виду роль экономических закономерностей как факторов, преобразующих или ликвидирующих этнические традиции.

Важный вопрос был поставлен в докладе И. Балаши (Будапешт) «Исследование лексики и материальной культуры». Во все времена языкознание имело большое значение для этнографии, причем изучение лексики играло особенно важную роль в исследовании материальной культуры. На нескольких примерах автор показал возможности, которые открываются для этнографии при изучении венгерской лексики в области материальной культуры. Автор пришел к выводу, что исследование какой-то тщательно отобранной части лексики с исторической точки зрения, при условии сопоставления его результатов с данными истории и этнографии, может быть применено для лучшего познания процессов развития. Исследования такого рода приводят к познанию определенных закономерностей, в том числе и закономерностей изменения самой лексики. Многие выводы можно сделать и при анализе географических названий. Но при изучении топо-

нимов следует, прежде всего, раскрывать их производные существительные, их историко-этнографические аспекты. Роль лексики в изучении материальной культуры не исчерпывается позитивистским накоплением данных; исследование должно вестись и в области лексикологии, и в области этнографии в историческом аспекте.

Я. Манга (Будапешт) представил доклад «Исторические уроки анализа стиля народного декоративного искусства». Докладчик проследил развитие декоративного народного искусства от древнего геометрического стиля до искусства ренессанса. На венгерском материале Я. Манга показал одновременность изменений в фольклоре и народном искусстве, датируя процесс наиболее разительных перемен второй половиной XVIII — началом XIX вв. Я. Манга говорил также о многослойности венгерского народного искусства, связанного с многоукладностью быта в стране и с социальной структурой. В докладе были изложены некоторые методологические положения, важные для изучения народного искусства вообще. Так, автор указал, что для получения ценных обобщающих выводов нужно единство концепций и методов исследования народного искусства, хотя бы в ряде европейских стран. Я. Манга подчеркнул необходимость комплексного изучения изобразительного искусства народа, исследования его в связи с бытом, фольклором, общим развитием культуры.

Ко второй группе докладов примыкает историографический по своей тематике доклад С. А. Токарева (Москва) «Современное состояние этнографической науки во Франции». Этнография в этой стране делится довольно четко на две области знаний: этнографию вневенгерских народов, сложившуюся на почве колониальной экспансии XVIII—XIX вв., и этнографическое изучение своей страны, развившееся в связи с национальными и областными движениями главным образом в конце XIX в. В первой из этих областей знания создано много теоретических обобщений, и по своему развитию она не уступает таким передовым в этом отношении странам, как Англия и Германия. Вторая же область французской этнографии остается в значительной мере эмпирической, описательной наукой. В общей и теоретической этнографии во Франции в конце XIX в. зародилось новое направление — «социологическая» школа Э. Дюркгейма, оказавшая глубокое влияние на этнографию многих европейских стран. Автор отметил также большое влияние на французскую этнографию географического метода, обусловившего возникновение особого направления во французской этнографии — «географии человека», и большое распространение в последнее время структурализма. В заключение С. А. Токарев остановился на ощущаемом все сильнее влиянии марксизма на историческую и этнографическую науку Франции.

Третья группа докладов преимущественно затрагивала соотношение этнографии с другими гуманитарными дисциплинами.

В докладе Ю. В. Арутюняна (Москва) «Опыт этносоциологического исследования» были поставлены некоторые вопросы методики и методологии этносоциологических исследований на основе изучения татар Поволжья. Цель таких исследований состоит в том, чтобы показать своеобразие этнических процессов в разных социальных средах. Автор отметил, что для определения направления этнических процессов в социальных средах важно выявить области, где стыкуются этнические и социальные отношения.

Большое значение для конкретно-социологических исследований имеет правильное разрешение методических вопросов — отбор объектов, выбор и подготовка инструментария. Автор подчеркнул также особую важность учета влияния экологии на социально-этнические процессы.

Доклад О. А. Ганцкой и Л. Н. Терентьевой (Москва) «Этнические процессы и семья» был посвящен методике и предварительным результатам исследований национальных взаимоотношений, проявляющихся в семье. Статистические материалы по межнациональным бракам и по определению национальной принадлежности молодежи из национально-смешанных семей собирались в загсах и отделениях милиции многих городов СССР. При обработке статистических материалов была применена теорема умножения вероятностей. В каждом из вариантов национально-смешанных браков, равно как и браков однонациональных, сопоставляется частота смешанных браков и та теоретическая вероятность, которая должна была бы иметь место при независимости браков от национальности. Авторы доклада рассказали также о некоторых итогах анализа массовых статистических материалов по определению национальной принадлежности молодежи из национально смешанных семей.

О соотношении этнографии с географией говорилось в докладе С. И. Брука (Москва) «Атлас населения мира. Основные проблемы этнографии и демографии»<sup>1</sup>.

И, наконец, некоторые насущные проблемы фольклористики были рассмотрены в докладе К. В. Чистова (Москва) «Специфика фольклора в свете теории информации».

Большим положительным фактором в работе симпозиума было активное участие всех присутствовавших в дискуссиях по каждому докладу. Широкому разворачиванию дискуссии в известной мере способствовало то, что с текстами докладов участники симпозиума знакомились заранее, и поэтому, на заседаниях не тратилось время на их чтение.

<sup>1</sup> См. С. И. Брук, Атлас населения мира (основные проблемы демографо-этнографического картографирования), «Сов. этнография», 1970, № 1.

Не имея возможности информировать читателей о всех выступлениях, остановимся вкратце на ходе обсуждения первых трех докладов, вызвавших особенно оживленную дискуссию.

Все выступавшие в прениях по докладу Ю. В. Бромлея и Е. И. Шкаратана отмечали, что поставленные в нем методологические и теоретические проблемы очень своевременны и ценны. Никаких возражений против основных положений доклада не было, замечания выступавших сводились к уточнению, дополнению и дальнейшему развитию некоторых мыслей докладчиков.

Д. Ортутан остановился на проблеме соотношения этнографии и фольклора. Он высказал согласие с предложенной трактовкой этнопсихологии и этносоциологии. Это закономерное развитие науки, когда на стыке двух дисциплин возникает новая.

Т. Хофман обратил внимание на то, что теоретически предмет различных научных дисциплин нетрудно определить, однако на практике это сделать сложнее. Следует смело преодолевать старые представления о разделении труда между отдельными дисциплинами. Необходимо развивать комплексные методы исследования.

Ю. П. Аверкиева остановилась на соотношении этнографии и социологии. По ее мнению, этнографов от социологов отличает больший историзм в подходе к изучаемым явлениям. Ю. П. Аверкиева высказалась также за более четкое определение таких понятий, как «метод», «методика», «методология».

Бела Гунда обратил внимание на то, что математику и математические методы следует использовать в социологических науках с большой осторожностью, не забывая, что культура охватывает такие явления и процессы, которые никакими математическими средствами и методами нельзя изучить. Он остановился также на большом значении для этнографии не только этнопсихологии, но и индивидуальной психологии: люди с разными характерами, например, по-разному воспринимают традиции.

Е. Барабаш развил дальше положение Ю. В. Бромлея об этнической специфике культуры. По его мнению, критерием может служить то, что таких особенностей и черт нельзя найти у другого народа. Но при этом обязательно должен быть привлечен большой сравнительный материал. Вторую часть своего выступления Е. Барабаш посвятил соотношению социологии и этнографии. Социологическое и этнографическое изучение примитивных обществ совпадают, но при исследовании более развитых обществ обе науки дифференцируются. Е. Барабаш счел неудачным термин «этносоциология» так как здесь акцент делается на социологию; предпочтительнее, по его мнению, термин «социоэтнология».

В. В. Пименов (Москва) предложил для лучшего решения вопроса об этнической специфике рассматривать ее в каждом историческом периоде в статике, тогда ее легче можно уловить.

Оживленные прения вызвал также доклад Д. Ортутан. П. Г. Богатырев (Москва) назвал доклад новаторским. Он высказал пожелание, чтобы поставленные проблемы были разработаны дальше и в фольклористике, и в этнографии.

С. А. Арутюнов (Москва) считает проблему соотношения традиций и новаций, поставленную в докладе, очень важной. Он остановился главным образом на определении понятия «традиция». По его мнению, существуют понятия научное и обиходное, журналистско-публицистическое. В основе традиционности явлений лежит их цикличность. Циклической основой существования традиций является поколение. Лишь после полной смены поколений, т. е. через 70—80 лет, происходит процесс перехода от новации к традиции. Совокупность всех традиций этноса и определяет собой этническую специфику.

В. К. Соколова (Москва) указала на то, что даже в кратком докладе автор очень удачно показал, как разнообразно в ряде случаев используется традиция. Характер ее использования зависит от времени, от эпохи, в которых она существует. В. К. Соколова обратила также внимание на то, что в каждом жанре устного поэтического творчества народа есть свои способы, свои особые приемы использования традиций, разное соотношение традиций и инноваций.

Большая актуальность поставленной Д. Ортутан проблемы была подчеркнута в выступлении Э. В. Померанцевой (Москва). Она рассказала о том, что в западноевропейской науке (в частности, в ФРГ) сейчас остро стоит проблема изучения современности. Но нередко в появляющихся в связи с такой постановкой вопроса работах вообще отрицается роль традиций.

Столь же оживленно обсуждался доклад Б. Гунды. О. И. Шкаратан отметил, что проблема связи исторического и структурно-функционального метода — общая для всех общественных наук. Он согласился также с мыслью докладчика, что в объяснении перехода от структурного рассмотрения общества к рассмотрению процессов, в нем происходящих, должна быть использована категория потребности, но ее нужно дополнить, по мнению О. И. Шкаратана, также категорией интереса.

Ю. П. Аверкиева отметила, что в докладе не всегда четко дано определение историзма. Следовало бы указать, что в западноевропейской и американской этнографии встречаются различные его толкования и все они не имеют ничего общего с марксистским пониманием историзма как признанием закономерности исторического процесса, как анализа поступательного развития общества и его единого внутреннего закономерного и необходимого характера. Функциональный анализ позволяет вскрыть устойчивую связь между элементами системы, но установление простого взаимодействия элементов

недостаточно для определения динамики причинных связей. В этом ограниченность функционального анализа.

К. В. Чистов привел некоторые данные по истории развития структурализма в современной лингвистике, филологии, в области психологии, психологии искусств, в киноискусстве. Накопленный опыт свидетельствует о том, что надо стремиться поставить функционально-структурные методы на службу исторического изучения культуры и народного быта.

Подводя итоги работы симпозиума, Ю. В. Бромлей в заключительном слове отметил большую плодотворность проведенных заседаний. Встреча дала возможность установить более широкие контакты между советскими и венгерскими этнографами, обменяться информацией о проводимых ими исследованиях. Он выдвинул предложение собраться еще раз, но уже для обсуждения какого-то более конкретного вопроса. Для ознакомления широких кругов венгерских и советских этнографов с результатами симпозиума желательно опубликовать доклады венгерских коллег в советских периодических изданиях, а советских — в соответствующих венгерских.

Глава венгерской делегации академии Д. Ортутай также отметил несомненную пользу проведенного симпозиума. Для венгерских этнографов большой интерес представляли все выступления советских товарищей. Д. Ортутай целиком поддержал предложение Ю. В. Бромлея о публикации докладов и о проведении следующей встречи для обсуждения более конкретных вопросов этнографической науки.

В программу симпозиума входила поездка в Таллин, где группа венгерских ученых была принята президентом Академии наук ЭстССР академиком Веймером, а также посетила Институт истории и Институт языка и литературы АН ЭстССР. Помимо общего ознакомления с работой этих институтов, венгерские ученые смогли побеседовать с эстонскими учеными по отдельным интересующим их вопросам. Были осмотрены также Парк-музей народного зодчества в Рокка-аль-Маре и архитектурные памятники города. По инициативе Министерства культуры, гостям были продемонстрированы научно-популярные фильмы, посвященные культурной жизни республики. Была совершена также экскурсия в один из эстонских колхозов — колхоз им. 9 мая Пайдеского района.

И. Н. Гроздова

## АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В ФИНЛЯНДИЮ

В 1967 и 1968 гг. проводились совместные советско-финские экспедиции по антропологическому обследованию населения Финляндии. С советской стороны в этих экспедициях участвовали К. Марк и Н. В. Шлыгина, получившие ценный антропологический материал по антропометрии, группам крови, дерматоглифике и зубной системе. В 1969 г. советские специалисты вновь были приглашены в Финляндию, чтобы продолжить длительное сотрудничество, которое осуществляется через Межправительственную Советско-Финляндскую Комиссию по научно-техническому сотрудничеству. Международная антропологическая экспедиция 1969 г. в Финскую Лапландию (пос. Инари) была организована секцией адаптации человека (руководитель проф. Дж. Вайнер) Специального комитета по проведению «Международной биологической программы». В составе экспедиции работали группы от Норвегии, СССР, Финляндии, ФРГ, Швеции. Советский Союз представляли три специалиста: К. Марк (Институт истории АН Эстонской ССР), Н. В. Шлыгина и А. А. Зубов (Институт этнографии АН СССР).

Целью экспедиции было широкое и всестороннее обследование лопарского населения Финляндии, которое подразделяется на три основные группы: северные, горные, или оленные, инарские, или рыболовецкие, и скотлы — православные лопари, родственные кольским лопарям из Советского Союза. Перед экспедицией были поставлены следующие задачи: изучение микроэволюционных сдвигов в популяции с учетом влияния фактора изоляции и условий обитания; оценка размаха вариаций морфофизиологических признаков внутри семей и от семьи к семье; влияние возраста матери, числа детей на развитие каждого ребенка; влияние питания и климатических условий на рост и развитие; вопросы биологии роста по отношению к процессам формирования скелета; сходство и генетическое родство с другими популяциями в связи с проблемой этногенеза.

Работа в Инари велась с 28 июля по 28 августа. Экспедиция была размещена в школе-интернате этого поселка, так как сюда было удобнее всего добираться лопарям из различных мест, а также потому, что школа имела достаточное количество помещений как для размещения лабораторий, так и для устройства участников экспедиции, которых было свыше 60 человек.

Люди, подлежащие обследованию, были заранее выбраны организаторами экспедиции при помощи местных специалистов. Для установления «чистоты» происхождения каждого человека были использованы данные церковных книг, дополненные устными сообщениями населения. Группа скотлов мало смешана с финнами и другими лопарски-

ми группами, из инарских же и северных лопарей пришлось выбирать лиц, не имеющих в числе своих предков финнов. Однако две последние группы сильно смешаны между собой, и определить степень смешения можно только условно.

Лопари приезжали в Инари на автобусах к 8 часам утра. Каждый прибывающий получал регистрационный лист, где на первой странице, после данных о нем значился перечень всех кабинетов, которые он должен был посетить в ходе обследования.

Обследовалось как взрослое население обоего пола, так и дети, начиная с двух лет.

Всего за время работы экспедиции было обследовано 712 человек. После посещения всех кабинетов, обследованный сдавал свой регистрационный лист и уезжал, как правило, на такси, так как вечером автобусы не курсируют. Такси оплачивалось экспедицией.

Одним из основных направлений работы были генетические и биохимические исследования крови, которые проводили ученые Финляндии и ФРГ. Исследование группы крови велось по системам ABO, MNS, RH, P, Льюис, а также на гаптоглобин, трансферрин, липопротеин. Кроме того, велось исследование энзимов и количественное и качественное исследование эритроцитов.

Проводилось и клиническое исследование крови (РОЭ и др.). В случае отклонения крови исследуемого от норм сведения об этом передавались в местное медицинское учреждение.

Кровь сдавалась пациентами натощак, с регистрацией того, когда и что он ел последний раз, чем болел, какие лекарства принимает. После этого человек шел завтракать, а затем продолжал обход.

По очень широкой программе работали офтальмологи. Изучалась цветная слепота по различным системам и тестам, а также исследовались возрастные изменения глаз. Фотографировалось глазное дно и радужина. Одновременно проводилось антропологическое фотографирование — фас, профиль, три четверти.

Шведская бактериологическая лаборатория Института паразитологии вела специальные исследования в своей области, в частности проверяла зараженность людей эхинококком, передающимся человеку от домашнего оленя через собаку. Процент заражения эхинококком оказался очень велик (5—7%), и для принятия мер по лечению населения было сделано соответствующее представление Министерству здравоохранения Финляндии. Финской группой проводилось общее обследование населения, которое осуществлялось двумя врачами — педиатром и терапевтом. Последним бралась также проба на РТС и ушная сера, велся подсчет обволошенности фаланг пальцев, измерялось давление крови.

Профессор Б. Хедегорд, доктора М. и Э. Хелькимо проводили исследования в большой одонтологической лаборатории, все оборудование которой было привезено из Швеции. Наряду с теоретическими исследованиями в области зубной патологии оказывалась различная практическая помощь пациентам (удаление и лечение зубов, починка протезов). В этой же лаборатории А. А. Зубов обследовал население с точки зрения антропологической одонтологии.

Состояние зубной системы у лопарей было чрезвычайно плохим, лишь небольшое число пациентов обладало достаточно хорошо сохранившимися зубами: из всех обследованных (712 чел.) для морфологического анализа оказалось возможным отобрать только 181 человека. Полную группу удалось при этом набрать только среди скотлов (132 чел.: 71 мужчина и 61 женщина). Из представителей других подразделений лопарей одонтологическое обследование прошло лишь незначительное число человек: среди северных лопарей — 26, среди инарских — 23.

Зубы исследовались по программе, наиболее целесообразной для проведения сопоставлений, принятых в этнической одонтологии. Так, были изучены гиподонтия и гиперодонтия, диастема и краудинг, лопатообразная форма верхних резцов, форма нижних и верхних моляров, бугорок Карабелли, протостилид, дистальный гребень тригонид на первом нижнем моляре, коленчатая складка метаконид и внутренний средний дополнительный бугорок нижних моляров. Полученный материал в настоящее время обрабатывается А. А. Зубовым.

Шведские ученые Б. Хедегорд и Э. Хелькимо исследовали частоту кариеса в группах и соотношение частоты кариеса в разных отделах зубной системы. Доктор М. Хелькимо интересовался физиологией зубной системы, в частности работой мышц и напряжением движения нижней челюсти.

Антропометрические исследования велись шведской группой ученых и советским специалистом К. Марк, которая измеряла длину тела, размеры головы и лица, изучала описательные признаки согласно стандартному антропологическому бланку, принятому в Институте этнографии АН СССР. Ею обследовано 408 человек старше 20 лет. Среди них 188 мужчин и 220 женщин. Примерно половина обследованных — лопари-скотлы, остальные — северные и инарские лопари, которые, как правило, в различной степени смешаны между собой.

В том же кабинете Т. Левиным (Гетеборг) велись антропометрические исследования преимущественно физического развития лопарей. Наблюдения над процессами роста и развития лопарей проводились также Е. Скробак-Каичинским (группа Норвегии).

Норвежские исследователи во главе с профессором К. Ланге-Андерсеном проводили исследование газообмена в человеческом организме во время физической работы, интенсивности теплообмена, развития мускульной силы.

Работал также рентгенологический кабинет.

Сбор материала по дерматоглифике (отпечатки пальцев и кисти рук, а также стопы) велся совместно профессором В. Леманном (ФРГ) и Н. Шлыгиной (СССР). Отпечатки брались в двух экземплярах у каждого человека.

Следует отметить, что хорошая предварительная подготовка экспедиции, устройство лабораторий, подбор людей для обследования, организация их приезда, питания и т. д. обеспечили бесперебойную работу. Желающих пройти обследование оказалось значительно больше, чем предполагалось. В этом, несомненно, сыграли роль организованное за счет экспедиции питание в течение всего дня, бесплатный проезд туда и обратно, медицинское обслуживание, которое в Финляндии хотя и является почти бесплатным, но для населения этой территории осложнено тем, что к некоторым специалистам (например, к офтальмологу) необходимо ехать за сотни километров в Оулу.

Отрадно, что разноязычный и разный по национальной и государственной принадлежности коллектив исследователей работал в высшей степени дружно. Ученые других стран неоднократно подчеркивали, что они придают очень большое значение участию в экспедиции советских специалистов и что для них весьма важны контакты с антропологами СССР.

Согласно имевшемуся соглашению, советскими учеными были сделаны для Финляндии копии с заполненных антропометрических бланков и оставлены в Хельсинки. В Хельсинки был систематизирован также дерматоглифический материал и привезен в Москву, поскольку обработка его ведется советскими специалистами (Финляндия своих специалистов по этой отрасли антропологии не имеет).

А. А. Зубов получил возможность работать в школах Хельсинки, где собирал одонтологический материал по финскому населению. Из осмотренных детей было выбрано 97 человек с полностью сохранными зубами; такую группу можно считать достаточно представительной. Хельсинкский одонтолог доктор Мартинмаа проявил большой интерес к работам советского ученого (как и шведские специалисты в Инари, где А. А. Зубов неоднократно рассказывал коллегам о своей работе и о развитии антропологической одонтологии в СССР).

Материал по одонтологии лопарей и финнов в настоящее время обрабатывается, но уже сейчас можно в общих чертах дать предварительную характеристику изученных групп. Группа финнов из Хельсинки оказалась в одонтологическом отношении очень близкой к ранее изученным эстонским группам Иизаку и Пыльтсамаа. Различия ограничиваются лишь тем, что бугорок Карабелли у финнов встречается реже. Финские лопари по соотношению черт западного и восточного комплексов очень мало отличаются от кольских, обнаруживая по ряду других признаков сходство то с последними, то с группой коми-зырян. Специфической чертой финских лопарей является очень низкий процент бугорка Карабелли. Различия между кольскими и финскими лопарями наблюдаются лишь в сильно изменчивых, наиболее неустойчивых признаках, которые в последние века повсеместно претерпевали сильные изменения (бугорок Карабелли, редукция гипоконуса верхних моляров), особенно низкий процент бугорка Карабелли у финских лопарей может быть следствием изоляции.

Участие советских специалистов в международной экспедиции в Инари было очень важным и для советских антропологов, которых интересовал в первую очередь сбор материала для дальнейшей разработки вопросов, связанных с проблемой этногенеза.

Советская антропология располагает материалом по кольским лопарям, собранным разными исследователями и в разное время (Д. А. Золотаревым, М. В. Витовым, К. Марк). В 1969 г. группа сотрудников Института этнографии АН СССР (В. П. Алексеев, Г. Л. Хить, Р. С. Кочиев) получила новые материалы по этой группе населения (зубы, цветная слепота, дерматоглифика). Учитывая большое значение разработки теории этногенеза лопарей для финно-угроведения и для проблемы древнего расселения человека на территории Европы, не приходится сомневаться в том, что всякие новые данные о лопарях, живущих за пределами СССР, представляют весьма большой интерес, особенно благодаря возможности их сопоставления с отечественными материалами.

Материалы 1969 г., так же как материалы предыдущих лет, согласно договоренности с Финляндией, обрабатываются в Москве и Таллине. Написанные на их основе статьи публикуются в Москве, копии высылаются в Хельсинки.

На 1970 г. в порядке продолжения долгосрочного сотрудничества СССР и Финляндии в области антропологии планируется объединенная советско-финская экспедиция для обследования поволжско-финского населения Марийской АССР.

**А. А. Зубов, Н. В. Шлыгина.**

## СИМПОЗИУМ, ПОСВЯЩЕННЫЙ КОМПЛЕКСНОМУ МЕТОДУ ИЗУЧЕНИЯ НАРОДНОГО ИСКУССТВА

21 апреля 1969 года в Ленинграде состоялся симпозиум фольклористов, созданный Комиссией комплексного изучения художественного творчества АН СССР.

В работе симпозиума приняли участие свыше 50 специалистов, изучающих различные формы народного искусства.

Со вступительным словом выступил заместитель председателя Комиссии В. Е. Гусев (Ленинград). Он обратил особое внимание на необходимость сотрудничества фольклористов, этнографов, социологов, историков, искусствоведов и предложил использовать методы точных наук для изучения народного искусства.

С докладом «Фольклористика и точные науки» выступил В. Л. Гошовский (Львов). По его мнению произведения народного творчества представляют собой «семиотические системы, в которых закодировано художественное мышление народа», и методы точных наук применимы для изучения всех аспектов творчества. Следует, как он полагает, разработать методы формализации и моделирования комплексного анализа, классификации, кодирования и картографирования полученных данных, выявления структур и внутренних связей их элементов. Анализ произведений всех видов народного творчества В. Л. Гошовский предложил осуществлять при помощи специально разработанного алгоритма.

А. В. Руднеза (Москва) рассказала о комплексном изучении музыкального фольклора музыковедами Московской консерватории. И на конкретном примере (тактика русская народная песня «Камаринская») убедительно показала необходимость привлечения данных литературоведческого и хореографического анализа и этнографических сведений при изучении музыкального фольклора.

О фиксации и изучении драматизированного исполнения произведений народной прозы сообщила Н. И. Савушкина (Москва). Собирая сказки и несказочную прозу, члены экспедиции МГУ с помощью магнитофона, фото- и киноаппарата фиксируют приемы исполнения и взаимоотношения рассказчика и аудитории. Накопленные материалы несомненно помогут решению вопроса о природе исполнительского мастерства и системе исполнительских приемов в народном творчестве.

Н. П. Колпакова (Ленинград) посвятила свой доклад фольклорным мотивам в богородской игрушке. Богородские резчики по дереву уже с конца XVIII в. и до наших дней широко используют образцы фольклора (особенно бытовых сказок о животных и плясовых песен), и поэтому их творчество несомненно надо изучать комплексно.

Ю. Е. Красовская (Москва) и Д. М. Балашов провели комплексное обследование района Терского берега Белого моря. О результатах этой работы Ю. Е. Красовская рассказала на симпозиуме.

Симпозиум показал плодотворность комплексного изучения народного искусства. Участники симпозиума в своих выступлениях подчеркивали всю важность проводимой Комиссией работы по стимулированию комплексного изучения народного искусства и координации научных исследований в этой области.

**В. В. Молчанов**

## МНОГОЛЕТНЕЕ СОДРУЖЕСТВО

Коми АССР — в прошлом глухая провинция царской России с редким населением и малоразвитой промышленностью, является ныне одной из передовых индустриальных автономных республик в составе Российской Федерации. Республика богата не только лесными массивами и водными ресурсами, но и полезными ископаемыми: каменным углем, нефтью, газом, горючими сланцами и многими другими.

За годы Советской власти на ее территории выросли новые города и рабочие поселки, построены заводы, фабрики и шахты, оборудованные по последнему слову техники. В республике созданы средние специальные и высшие учебные заведения.

В 1944 г. в Сыктывкаре — столице республики была создана научно-исследовательская База АН СССР, которая стала центром всей научно-исследовательской работы. С этого времени началось планомерное изучение обширной территории северо-востока Европейской части нашей страны. В октябре 1949 г. База была преобразована в Коми филиал АН СССР, который постепенно превратился в крупный научный центр, оснащенный современным оборудованием. 10 октября 1969 г. он праздновал 25-летие со дня своего основания. Здесь работают крупные ученые, проводящие исследования по геологии, биологии, экономике, археологии, языкознанию. Многие из этих работ имеют союзное значение и получили признание не только в нашей стране, но и за рубежом.

Структура филиала за прошедшие 25 лет неоднократно менялась и совершенствовалась, росли кадры. В настоящее время в составе филиала работают Институт геоло-

Институт биологии и шесть отделов: экономики, энергетики и водного хозяйства, ин, языка и литературы, истории, археологии и этнографии.

При создании филиала в его учреждениях работало 95 человек, в том числе 59 иных сотрудников, из которых 37 имели ученые степени. К двадцатипятилетию штат филиала составлял свыше 600 человек, из них 225 научных сотрудников, среди которых 70 докторов и кандидатов наук.

В конце 1950-х — начале 1960-х годов начинается систематическая работа археологов и этнографов филиала на территории Коми АССР.

В 1961 г. из отдела истории в качестве самостоятельного научного подразделения филиала был выделен отдел этнографии и археологии. Ныне здесь работает 17 человек. В их числе один доктор и пять кандидатов наук.

Тесные связи между базой и Институтом этнографии АН СССР поддерживаются с начала 1945 г. Они выражаются в разработке планов совместных комплексных экспедиций по изучению народа коми, его культуры и языка; в разработке тем научных работ, в совместных полевых исследованиях, в подготовке научных кадров.

В августе-сентябре 1945 г. была проведена экспедиция под общим руководством Н. Чебоксарова. Работали два отряда: этнографический в Сысольском и Железнодорожном районах<sup>1</sup> и археологический — по р. Сысоле и ее притокам<sup>2</sup>. В экспедиции принимали участие две молодые аспирантки-коми — языковеды В. А. Сорвачева и И. Жилина, ныне кандидаты наук, старшие научные сотрудники отдела языка и литературы Коми филиала АН СССР.

В 1946 г. комплексная экспедиция Института этнографии и Научно-исследовательской Базы АН СССР продолжила свои работы. В феврале-марте в районе Сыктывкара были проведены антропометрические измерения населения, а на территории Усть-Куцкого района в продолжение полутора месяцев собирались этнографические материалы. В работе этнографического отряда принимали участие сотрудники базы — языковеды Д. А. Тимушев и Н. Д. Тимушев<sup>3</sup>.

В 1950 г. совместная полевая научно-исследовательская работа филиала и Института этнографии возобновилась, и аспирант-этнограф Л. Н. Жеребцов, ныне кандидат наук, старший научный сотрудник филиала, принимал участие в работах Коми-Печорской экспедиции Института этнографии АН СССР.

Большую роль в подготовке научных кадров сыграла созданная при филиале аспирантура. Некоторых аспирантов филиал посылает учиться в центральные институты.

Подготовка аспирантов-этнографов проходила и проходит в тесном контакте с институтом этнографии, под непосредственным руководством известных ученых<sup>4</sup>. Планы научной подготовки и темы диссертационных работ аспирантов согласованы с планами Института этнографии.

Аспиранты и научные сотрудники отдела археологии и этнографии Коми филиала АН СССР активно выступают с докладами и сообщениями на сессиях, конференциях симпозиумах, которые проводит Институт этнографии АН СССР.

Институт этнографии и отдел этнографии и археологии Коми филиала АН СССР совместно разрабатывают некоторые научные проблемы, например «Современный быт культуры народов Коми», «Изобразительное искусство народов Коми и его исторические корни», «Этническая история и культурные связи Коми с соседними народами». Религиозные верования и отход народных масс Коми АССР от религии». Значительная часть разрабатываемых этнографами тем уже реализована в ряде публикаций<sup>5</sup>.

В последние годы отдел этнографии и археологии Коми филиала проводит исследования и за пределами республики и занимается этнографией не только народа коми, но и этнографией населения смежных областей: русских, ненцев, коми-пермяков. Исследование такой широкой темы, как «Историко-культурные связи коми с соседними народами», потребовавшее от научных сотрудников отдела неоднократных выездов для сбора материалов среди русских, ненцев, манси, коми-пермяков, несомненно является положительным фактом в работе отдела этнографии и археологии Коми филиала и свидетельствует о научном росте его сотрудников.

Юбилей Коми филиала является радостным событием в научной жизни республики.

## В. Н. БЕЛИЦЕР

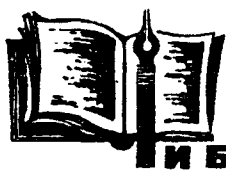
<sup>1</sup> В. Н. Белицер, Работа Этнографического отряда комплексной экспедиции в Коми АССР, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», 1947, в. II.

<sup>2</sup> А. В. Збруева, Археологический отряд комплексной экспедиции в Коми АССР, там же.

<sup>3</sup> В. Н. Белицер, Отчет о работе комплексной экспедиции в Коми АССР, там же, в. III.

<sup>4</sup> Н. Н. Чебоксаров руководил работами Л. Н. Жеребцова, И. А. Крывелев — Ю. В. Гагарина, С. А. Токарев — Л. С. Грибовой. Научный руководитель аспирантки Г. А. Климовой — Г. С. Маслова.

<sup>5</sup> В. Н. Безносиков, Культурная революция в Коми АССР, М., 1968; Ю. В. Гагарин и Л. Н. Жеребцов, Быт и культура села, Сыктывкар, 1968; Л. С. Грибова, Историческая традиция в народном искусстве коми-пермяков, 1969 (канд. дис., хранится в МГУ); Ю. В. Гагарин, Отход от сектанства в Коми АССР, сб. «По этапам развития атеизма в СССР», Л., 1967; его же, Поговорим о суевериях, Сыктывкар, 1968 и др.



## ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

N. K. Chadwick and V. Zhirmunsky. Oral epics of Central Asia. Cambridge University Press, 1969, 366 p.

Выход в свет книги «Устный эпос Центральной Азии» двух авторов — английской исследовательницы доктора Норы К. Чэдвик и советского академика В. М. Жирмунского, изданной Кембриджским университетом — событие весьма знаменательное. Эта работа — результат сотрудничества советской и английской науки — отражает живой интерес в Западной Европе к фольклорным богатствам нашей страны, в частности к героическому эпосу тюркских народов. Этому интересу не приходится удивляться, если вспомнить, что дожившие до наших дней в устном бытовании героические тюркоязычные эпосы и эпические циклы (о Манасе, Алпамыше, Идиге и ногайских богатырях, о Кёр-Оглы и многие другие) отличаются высокими художественными достоинствами, иногда достигают огромного объема («Манас» больше «Махабхараты», не говоря уже о гомеровских поэмах), оставаясь при этом памятниками чисто фольклорными. Их существование доказывает, что эпос достигает классических форм на долитературной стадии развития этого жанра. Знакомство с тюркоязычным эпосом не только открывает неведомые или очень мало известные западноевропейскому читателю оригинальные поэтические произведения, но дает уникальный материал для исследования закономерностей коллективного творчества, происхождения эпоса, соотношения устной и книжной поэзии и т. д.

Рецензируемая книга привлекает внимание к эпосу народов СССР, вводит в науку новые материалы и одновременно пропагандирует (в особенности благодаря информации В. М. Жирмунского) советскую тюркологию и советскую фольклористику, их теоретические достижения и практические результаты. Книга не является коллективным трудом Н. К. Чэдвик и В. М. Жирмунского в буквальном смысле этого слова. Первая ее часть представляет собой переиздание, с незначительными дополнениями, раздела «Эпическая поэзия тюркских народов Центральной Азии» из классического трехтомного компендиума «Развитие литературы», изданного супругами Чэдвик в 1930-х годах<sup>1</sup>. Это грандиозный труд, в котором на основе огромного материала (литература и фольклор древних греков, индийцев и евреев, кельтских, германских, славянских, тюркских, малайе-полинезийских и африканских народов) исследуются вопросы формирования эпоса и других относительно ранних форм словесного искусства, проблемы исторической поэтики в сравнительном освещении<sup>2</sup>. После «Исторической поэтики» А. Н. Веселовского труд Чэдвиков остается самой грандиозной по масштабам попыткой широкого рассмотрения древнейшей стадии литературного процесса. Многочисленные памятники анализируются авторами под определенным углом зрения и по строгой программе: героическая поэзия и сказания; негероическая поэзия и сказания; характеристика «героической» среды; соотношение исторических и неисторических элементов; легенды, гномика, мантика, описательная поэзия; вопросы текстологии и формы бытования, исполнения.

Чэдвики глубоко и подробно разработали проблему «эпического времени» (heroic age) как фона для развития героического эпоса, может быть, при этом несколько пре-

<sup>1</sup> Н. М. Chadwick and N. K. Chadwick, The growth of literature, vol. I—III, Cambridge University Press, 1932—1940. Раздел о тюркском (в первом издании он в соответствии с устаревшей терминологией назывался татарским) эпосе находился в третьем томе.

<sup>2</sup> Об этом см. Е. Мелетинский, Теории эпоса в современной зарубежной науке, «Вопросы литературы», 1957, № 2; его же, Введение к книге «Происхождение героического эпоса», М., 1963.

увеличивая героический «индивидуализм» и прямые исторические реминисценции в эпических памятниках. Выигрышной стороной этой прекрасной работы было то, что в ней сохранился ценный материал о русской научной литературе, что в те годы встречалось не часто в трудах зарубежных ученых. Проблематика и традиции Чэдвикова нашли продолжение в капитальных работах по сравнительно-исторической поэтике английского академика М. Баура и профессора А. Хэтто. Последний в своем труде широко использует и тюркский эпос, привлекая оригинальные издания на тюркских языках<sup>3</sup>.

Переизданный труд Норы Чэдвик о тюркских эпосах до сих пор остается на Западе самой солидной и полной работой на эту тему. Она построена по указанной выше программе и охватывает разнообразные аспекты. Основой для исследования тюркских эпосов являются записи Радлова, а также другие фольклорно-этнографические материалы, относящиеся к дореволюционному времени. Исключение — русское издание алтайского «Когутэя» (1935 г.). Поэтому, при всей своей ценности, работа Норы Чэдвик не могла быть переиздана без серьезных дополнений. Как известно, за советский период тюркология и фольклористика СССР достигли очень многого, особенно в области собирания и изучения эпоса. Для того чтобы восполнить этот существенный пробел, в рецензируемую книгу была включена вторая, дополнительная часть в виде работы В. М. Жирмунского «Эпические песни и певцы в Центральной Азии», подводящей итог изучению тюркского эпоса в СССР.

Заметим сразу, что в работе В. М. Жирмунского рассказывается о фольклоре не только Центральной Азии, но и о фольклоре тюркоязычных народов Средней Азии, Сибири, Закавказья, о его связях с народным творчеством ираноязычных народов (рассматривается, например, вопрос о таджикской версии Кёр Оглы-Гороглу-Гургули, о традициях иранской классической литературы в народном романе узбеков и туркмен).

Первая глава, названная «Библиографический обзор», содержит не только данную в сносках полную и точную библиографию изданий эпических памятников и сколько-нибудь значительных исследований о них (библиографическими сносками уснащена и вторая глава), но и сведения об истории изучения тюркского эпоса, начиная с работ российских ученых XIX в. (Радлова, Бартольда, Потанина, Мелиоранского, Самойловича, Валиханова, Катанова, Диваева, Худякова, Пекарского, Ястремского, Вербицкого, Никифорова, Шифнера) и кончая фронтальным исследованием эпического фольклора научными силами во всех союзных республиках в наши дни. Историографический раздел дает богатую информацию не только об этапах изучения, но и о характере изданий и степени изученности материала в различных национальных ареалах.

Вторая глава «Эпические сказания» дает краткую характеристику самих эпических памятников: «Алпамыша», «Идиге», «Кёр-Оглы», «Манаса», «Деде-Коркута», богатырских сказок алтае-саянских народностей и якутских олонхо, а также среднеазиатских народных романов.

Третья глава называется «Певцы сказаний» (так же, как известная книга американского фольклориста Альберта Лорда, изучавшего историю развития сербского эпоса, чтобы понять «технику» гомеровского эпоса). Здесь В. М. Жирмунский описывает конкретные формы бытования эпоса, типы среднеазиатских сказителей, особенности их творческой памяти и соотношение традиционных клише с индивидуальной импровизацией; сообщает интересные сведения о «призвании» сказителей, школах, о поэтических состязаниях, о влиянии социальной среды на сказителей. В заключение разбираются проблемы метрики в эпосе тюркоязычных народов.

В работе В. М. Жирмунского собраны основные результаты трудов советских и зарубежных ученых и их коллективных усилий по изучению эпоса тюркоязычных народов, что автором всячески подчеркивается. Не следует при этом забывать, что сам Виктор Максимович, будучи патриархом сравнительной филологии в СССР и германистом по своей основной специальности, много лет изучал тюркский эпос; он исследовал узбекский «Алпамыш» и киргизский «Манас», казахские сказания о ногайских богатырях, огузский книжный эпос «Деде-Коркут», богатырские поэмы алтайцев, хакасов, шорцев, якутов, специальные вопросы тюркской метрики, параллелизмов и т. п.<sup>4</sup>. В очерке

<sup>3</sup> См. С. М., Bowra, Heroic poetry, London, 1962; его же, Primitive song, London, 1962 и др.; А. Т. Hatto, Central Asia, «Encyclopedia of Islam», vol. IV, Hamasa, 1965, pp. III5—III9; его же, The birth of Manas, «Asia Major», new series, vol. XIV, pt. II, p. 217—241; «Kukotay and Bok Murun», I—II, «Bulletin of the School of oriental and african studies, Univ. of London», vol. XXXII, part 2—3, 1963.

<sup>4</sup> В. М. Жирмунский, Х. Т. Зарифов, Узбекский народный героический эпос, М., 1947; В. М. Жирмунский, Среднеазиатские народные сказители, «Известия Всесоюзного географического общества», 1947, № 4; его же, Сказания об Алпамыше и богатырская сказка, М., 1960; его же, Эпическое сказание об Алпамыше и «Одиссея» Гомера, «Известия ОЛЯ АН СССР», XVI, 1957; его же, Огузский героический эпос и «Книга Коркута» («Книга моего деда Коркута», М., 1962, стр. 131—258); его же, О некоторых проблемах теории тюркского народного стиха, «Вопросы языкознания», 1968, № 1, стр. 23—42; его же, Народный героический эпос. Сравнительно-исторические очерки, М.—Л., 1962, стр. 195—240; его же, Некоторые итоги изучения героического эпоса народов Средней Азии, «Вопросы изучения эпоса народов СССР», М., 1958, стр. 24—65. Им подготовлена также обширная монография «Сказания о ногайских богатырях».

нашли отражение воззрения ученого на эпос тюркоязычных народов, а также сведения о серьезных открытиях, сделанных им в этой области. Так, здесь кратко излагается теория В. М. Жирмунского о генезисе эпоса об Алпамыше из архаических «богатырских сказок», о его распространении и развитии в ходе расселения и этногенеза тюркских племен из предгорий Алтая; об общем с «Одиссеей» древнем источнике темы «музы на свадьбе своей жены». Рассказывая об эпосе «Манас», ученый выделяет в нем прежде всего отражение эпохи борьбы с калмыками и связи с фольклором других среднеазиатских народов, а не пока что недоказуемые корни в истории енисейских киргизов. Жирмунский делится и результатами изучения им сказаний об Идиге и его потомках («эпическое время» ногайской орды, отражение исторических имен и реалий, введение сказочной темы происхождения его рода от «лебединой девы»). Анализируя письменный эпос XV—XVI вв. «Деде-Коркут», Жирмунский четко выделяет в нем среднеазиатский слой (цикл Казан-алпа), связанный с борьбой огузов и печенегов. Большую ценность представляет характеристика различных стадийных форм эпоса на материале фольклора тюркоязычных народов (богатырская сказка, племенная эпос, вырастающий из той же богатырской сказки или исторического предания, монументальная героическая эпоса, героико-романический эпос и народный роман) и связанной с ними эволюции метрических форм. Исследователь, как нам кажется, совершенно прав в том, что орхоно-енисейские надписи не следует трактовать как явление эпической поэзии. Очень существенны наблюдения над жизнью эпоса и типами сказителей, что во многом дополняет в теоретическом плане результаты, полученные ранее при изучении русских былин и южнославянских эпических песен.

Актуальность этой темы усиливается наличием и на Западе в настоящее время двух сильных «школ» (Парри — Лорда и Менендеса Пидалья), рассматривающих классическую форму эпоса как результат традиционного народного искусства и устной техники исполнения. Само собой разумеется, что в изучении тюркского эпоса остаются до сих пор спорные моменты (например, вопрос о поэтическом языке древних эпитафий, об отражении в «Манасе» енисейского периода истории киргизов, о мере историзма в казахских былинах, о путях распространения «Алпамыша» и многое другое), но предложенная в кратком очерке академика В. М. Жирмунского информация с максимальной полнотой и объективностью передает состояние науки на сегодняшний день, ее последние результаты, многие из которых достигнуты благодаря его собственным исследованиям.

*Е. М. Мелетинский*

**В. П. Грицкевич. Путешествия наших земляков. Из истории страноведения Белоруссии.** Минск, 1968, 232 стр.

История русской этнографии привлекает внимание исследователей уже многие годы<sup>1</sup>. Большая работа по изучению прошлого этнографической науки ведется сейчас и в союзных республиках. Естественно, что основное внимание уделяется при этом истории изучения культуры и быта соответствующих народов. Этнография же «зарубежная» в своем историческом развитии исследована пока мало, а на местах в этой области делаются только первые шаги. Поэтому положительно следует оценить публикацию работы минского исследователя В. П. Грицкевича, посвященную путешествиям уроженцев Белоруссии.

Будучи по специальности врачом и историком медицины, автор обращается к этнографическим сюжетам не во всех своих очерках. Но несмотря на это его книга вводит в оборот немало интересных этнографических материалов по зарубежным странам. Ценны для читателя и приводимые автором списки литературы, так как некоторые из упоминаемых произведений публиковались только по-польски и остались, таким образом, не известны нашему читателю. Интересен, например, материал о Саломее Русецкой, женщине-враче, много путешествовавшей в XVIII в. по Юго-Восточной, Юго-Западной, Западной Европе и Востоку. В своих записках она много места уделяет описанию культурно-бытовых особенностей тех народов, среди которых ей доводилось жить. Особенно интересны наблюдения над домашним и семейным бытом турок; автор приводит материалы, которые исследователю-мужчине получить в то время было бы просто невозможно.

Впервые на русском языке знакомимся мы и с материалами, рассказывающими о путешествии Александра Салегги по Истрии, Далмации и Герцеговине в начале XIX в. Но наибольшую ценность в интересующем нас плане представляет та часть книги В. П. Грицкевича, которую он озаглавил «По новому свету». Она состоит из разделов о Ю. У. Немцевиче (1757—1841), И. Домейко (1802—1889), К. Ельском (1837—1896) и Н. К. Судзиловском (1850—1933). Остановимся на них подробнее.

Юлиан Урсин Немцевич — один из первых европейских путешественников по Соединенным Штатам. Он прожил там с перерывами около десяти лет (с 1797 по 1807 г.) и дал, как отмечает автор книги, первое в славянских литературах XIX в. описание

<sup>1</sup> Итогом этих исследований явилась обобщающая работа С. А. Токарева «История русской этнографии (дооктябрьский период)». М., 1966.

этого государства. Тонкий и вдумчивый наблюдатель, Немцевич подробно описывает культурно-бытовые особенности различных групп населения США, пишет о национальных отношениях, о положении индейцев и негров. Проехав по всему Атлантическому побережью от имения Дж. Вашингтона Маунт Вернона близ столицы США до Портленда и совершив затем путешествие в район Великих озер, путешественник получил возможность судить о положении в стране.

Отчаянное положение негров-рабов вызывает горячее сочувствие Немцевича. Путешественник писал: «Их хижины беднее самых бедных хат наших крестьян... Невдалеке в маленьком огороде копошилось пять или шесть кур... Это единственное, чем могут пользоваться чернокожие. Им нельзя заводить уток, гусей и свиней... Они получают гарнир кукурузы в неделю..., для детей — половину и 20 селедок в месяц на каждого. Те, которые в поле, в жниво получают солонину, а кроме того куртку и брюки из грубой шерсти раз в год... Они работают целую неделю, не имея дней отдыха, за исключением праздников... Большинство этих господ дает своим чернокожим только хлеб, воду и плеть» (стр. 89—90).

Интересен и раздел, посвященный Игнатию Домейко, проводшему в Латинской Америке, преимущественно в Чили, около пятидесяти лет (1839—1889). В южных районах Чили он внимательно изучал жизнь и обычаи аборигенов — арауканов и привез в Европу ценные коллекции по культуре и быту этого народа. Свое путешествие он описал в обширном труде, вышедшем в 1845 г. на испанском, а пятнадцать лет спустя — на польском языке. Уникальную научную ценность имеют и те страницы работ Домейко, где подробно рассказывается о положении чилийских рабочих (прежде всего горняков) и крестьян.

Человек прогрессивных взглядов, участник восстания 1831 г., друг Мицкевича, он с искренним негодованием писал: «...трудно сдержать возмущение белыми. Вся механическая работа... падает на плечи чернокожих, а тем временем белый деспот отдыхает и бездельничает» (стр. 101).

Третий ученый, о котором следует, на наш взгляд, рассказать подробнее, — Константин Ельский — в 60—70-х годах XIX в. проводил исследования во Французской Гвиане, а также в Вест-Индии и Перу. Хотя Ельский и не был этнографом по специальности, он, как и многие его коллеги, описывал в своих работах не только природу изучаемой страны, но и ее население. Особенную ценность представляют его наблюдения во внутренних районах Гвианы, коренное население которой было тогда изучено еще крайне мало. В записках путешественника мы находим интересные материалы об этническом составе и национальных отношениях в Перу, об этнополитической ситуации во Французской Вест-Индии.

Наконец, Н. К. Судзиловский, революционер, жизнь которого увлекательнее любого приключенческого романа, в своих многочисленных произведениях, опубликованных в конце прошлого века, приводит важные данные о положении коренных жителей Гаванских островов, об их культуре и быте.

В. П. Грицкевич, несомненно, написал нужную книгу, введя в оборот новые (или основательно забытые) материалы. Некоторые из охарактеризованных им путешественников безусловно заслуживают и исследований монографического типа. В первую очередь мы отнесли бы это к тем четырем путешественникам, о которых говорилось выше.

Особо следует отметить высокую полиграфическую культуру издания, обильно иллюстрированного, снабженного картами.

К сожалению, редактура книги не оказалась столь же безупречной. Так, на стр. 93 говорится о том, что в Северной Америке когда-то владело колониями «датское правительство». В действительности же — и это явствует из текста приводимой автором цитаты — речь идет отнюдь не о датчанах, а о голландцах. Из-за небрежно отредактированного текста на стр. 116 у читателя создается впечатление, что селитра и гуано — это одно и то же. Не везде правильно транскрибированы испаноязычные термины и географические названия (см., например, на стр. 105 «Овалле» вместо «Овалье», на стр. 107 «инквилины» вместо «инкилино»). Не следовало, конечно, писать: «в ответ на это епископ *отрек* (sic!) революционера от церкви» (стр. 151). При всей малочисленности приведенных примеров они звучат диссонансом на страницах этой интересной, увлекательно написанной книги.

А. Д. Дриздо

## НАРОДЫ СССР

Р. С. Л и п е ц. Эпос и Древняя Русь. М., «Наука», 1969, 302 стр.

Недавно вышедшая книга Р. С. Липец очень своевременна и важна для изучения былин в историческом плане. Выявить генезис произведений былинного жанра, добравшись до их первоначальной идейной направленности, до первоначального художественного смысла, уяснить изменения, происшедшие в течение столетий — задача нелегкая.

В этой сложной работе, где основную роль играет анализ сюжетов, персонажей и особенностей художественной специфики, необходимо также широкое привлечение

тех реалий эпохи Киевской Руси, а в какой-то мере и позднейших эпох, которые упоминаются в былинных текстах. Это орудия и архитектура, мебель и декоративное убранство, оружие и утварь, пища, одежда и украшения и пр. Еще более важно исследование упоминаний, порой брошенных вскользь, об отношениях и поведении людей в средневековье, о местных обычаях, празднествах, играх и т. п.

При изучении этой стороны былин, автор учитывает достижения археологической и исторической наук. Р. С. Липец работает на стыке фольклористики, археологии и исторической этнографии, и очень часто, касаясь генезиса того или иного обычая тех или иных реалий, проследживает их глубокие корни, уходящие в историю более ранних общественных отношений.

Композиция книги довольно своеобразна. Автор так характеризует в предисловии цель своего исследования: «Эта работа посвящена отражению в былинах жизни и культуры Древней Руси. Тема эта необычна, и она здесь рассматривается на пример только одного, но очень яркого и специфического для Киевской Руси явления — знаменитых пиров „ласкового“ князя Владимира Святославича. В былинах общественные пиры имеют важное архитектурное и даже сюжетное значение, а в историческом действительности они представляли социальный институт, характерный для эпохи становления раннеклассового общества, именно в той форме, в какой эти пиры описываются в русском эпосе» (стр. 5). Раскрывается тема в следующих главах: «Введение „Город в былинах“, «Состав эпической дружины», «Пыры, их структура и функции „Архитектурный облик гридницы в былинах“, «Пиршественная утварь и пища», «Отрывание на пиру», «Состязания и другие увеселения на пирах».

Однако в труде Р. С. Липец исследование былинных реалий, связанных с пирами Владимира, представляет собой только отправной пункт, так как масштабы исследования значительно шире. Они охватывают множество сторон культуры и быта эпохи Киевской Руси, начиная с таких социальных проблем, как роль городов и городского населения, его социальный состав и, в частности, состав княжеской дружины, отношение ее к князю, обязанности дружинников. Здесь же рассмотрена архитектура и ее детали, пища, утварь и многое другое, не ограниченное, конечно, княжеским двором, а относящееся к быту всего населения Киевской Руси, отраженному в былинах.

Во введении кратко высказаны взгляды автора на основные принципиальные вопросы изучения былевого эпоса. Здесь речь идет о былинах как об историческом источнике, их отношении к летописям, об отражении переломной эпохи Владимира Святославича в былинах. При этом в историографической части введения очень хорошо подобран материал, и читатель легко убедится в том, насколько глубока в русской науке традиция рассмотрения былин как эпоса по преимуществу исторического и как много авторитетных исследователей, а также различных деятелей культуры придерживались именно таких воззрений.

Одна из важнейших идей книги заключается в том, что распространенное в науке мнение о степени «поэтической идеализации» изображаемой в былинах обстановки весьма преувеличено. Современная археология доказала, что многое, представлявшее фольклористам эпической гиперболизацией или поздними интерполяциями, действительно существовало в быту Киевской Руси. Интерполяции и модернизация в былинах, конечно, имеются, но в целом процесс модернизации постоянно тормозился на Руси народной традицией, согласно которой в былинах изменять ничего нельзя, так как они содержат важные, исторически драгоценные данные. Это подтверждается упоминаниями в былинах таких реалий, разъяснить которые сам певец уже не в состоянии. Автор книги доказывает, что во множестве случаев описание в былинах тех или иных реалий соответствует исторической действительности Киевской Руси.

Особенно внимательно рассмотрена Р. С. Липец архитектура светских зданий, изображенная в былинах. В книге, например, показано, что в древнем Киеве встречались золотые дома, что полы порой были выложены металлическими листами (причем автором разъясняется и былинное выражение «пол-середа», стр. 184—185) или керамическими поливными плитками («кирищат пол», стр. 183), что здания нередко внутри были расписаны (стр. 188). Указывается и на то, что светские здания древнего Киева не уступали по богатству архитектуры и убранства церковному зодчеству, по которому можно судить и о характере светских «парадных» зданий.

Наиболее интересен разбор понятия «гридница», которую автор генетически возводит к общественному зданию родовой общины. Привлекая множество данных археологических, исторических и лингвистических, исследовательница доказывает, что былинная гридница — обычно не зал во дворце, как считали многие фольклористы, а особое строение на княжеском дворе (стр. 162—167 и др.). Сделаны выводы из того, что слово гридница сопровождается в былинах постоянным эпитетом «светлая» (стр. 185—186). «Стекольчатые оконенки» не перенесены из XVII в.; в Киеве и других городах найдены круглые оконные стекла с закраинами (стр. 187; ср. стр. 44).

Рассмотрение особенностей древнерусской архитектуры, отраженных в былинах, дало основание Р. С. Липец прийти к заключению: «В свете всех этих историко-этнографических параллелей так ли уж велика была поэтическая идеализация жилища, как это обычно считается? А между тем превеличенное представление о поэтической специфике былин (которая, конечно, существует) заставляло исследователей, работающих в смежных с фольклористикой областях науки, а отчасти и самих фольклористов, с излишней предубежденностью относиться к русскому эпосу как историческому источнику» (стр. 194).

Эта же мысль подкрепляется ею и на другом материале. Проведя подробное сопоставление описаний эпических украшений, металлической пиришественной утвари, вооружения из лучшей стали, украшенного драгоценными металлами, с бытовыми предметами Древней Руси X—XII вв., автор пишет: «...едва ли можно видеть во всем этом лишь эпическую идеализацию повседневного быта» (стр. 44). «Воспоминание о древнерусских богато украшенных рукописях» (стр. 68) автор видит и в былинных грамотах, расписанных золотом и «усаженными» драгоценными камнями.

Даже в описаниях тканей в былинах, где модернизация наиболее естественна, многое было известно уже в Киевской Руси: узорчатые тяжелые ткани, содержащие золотые и серебряные нити, оксамит («самит»), ртытый бархат, камка и др.

Хорошо мотивируется в книге положение, что «в русском эпосе богатством является в основном личное имущество — «злато-серебро», «платье цветное», кони... Можно считать эту ситуацию одним из аргументов в пользу раннего зарождения и формирования былин на Руси — до эпохи развитого феодализма» (стр. 266). В былинах действительно почти совершенно нет награждения героя селами, которое встречается уже в колядках: в них существует еще «вассалитет без ленов».

Путем анализа различных мотивов былин исследовательница доказывает, что ряд социальных институтов и явлений в русском эпосе также относится именно к киевскому периоду: одаривание и кормление было уже тогда формой платы за службу (стр. 243—250), формула «заклада головы» (стр. 278—279) означала обычно не закладывание жизни, а переход в холопство или вообще утрату личной свободы (стр. 103—105). Метко сказано о смысле мотива «обнесения чарой» (стр. 207) и борьбе за места на пиру (стр. 140—143).

Р. С. Липец внимательно присмотрелась к упоминаниям в былинах о «почетном пире», устраиваемом в честь кого-либо, и сделала принципиально важные выводы (стр. 131 и др.). Своеобразно высказанное предположение, что былинный эпитет «похвальный» пир связан с «хвалами», «словами» на пирах (стр. 292). Хорошо подобран материал, свидетельствующий об исполнении песен-слав на таких пирах (стр. 287—290). Вопрос этот имеет принципиальное значение потому, что в последние годы порой высказывалось мнение о том, что якобы исторического эпоса в киевскую эпоху на Руси еще не было, и поэтому подвергалось сомнению само существование песен-слав в те времена, тогда как распространенность их в Киевской Руси подтверждается разнообразными доказательствами, в том числе и летописными.

Следует отметить, что говоря о значении мотива княжеского пира в былинах, автор недостаточно критично приводит слова А. П. Скафтымова, раскрывающие архитектурное значение пиров в былинах как в художественном произведении. Скафтымов указывает, что «пир дает удобную ситуацию для выделения героя... Помещая исход главного эпизода в обстановку пира, былина тем самым вводит его в атмосферу заинтересованности и взволнованных суждений и признаний» (стр. 121). Но само архитектурное значение пиров в эпосе сложилось на основе их социально-исторической роли. Дело не в том, что создатели былин удобно было начинать повествование картиной пира. В былинном изображении пиры, представляющие собою большей частью экспозицию сюжета, выступают как совещания, «думы» князя с дружиной, хорошо известные по летописям, где решались в сущности все важнейшие вопросы жизни страны. Поэтому естественно, что множество событий в ту эпоху началось именно с происшедшего на пиру, с решений, принятых здесь, с конфликтов, возникших между участниками пира. Р. С. Липец говорит об этом (в разделе «Функции пиров», стр. 125—126), но следовало бы сильнее подчеркнуть и здесь историческую причину роли пира у князя Владимира.

В книге рассмотрены все категории дружинников — отроки, паробки, дети боярские, гриди и проч. Но, по нашему мнению, анализируя противоречия между дружиной и боярством, а также внутри дружины, следует учитывать и наличие князей младших линий, не имеющих собственных княжеств и находящихся при дворе великого князя. В былинах они порой упоминаются как «подколленные князья». В конфликтах при дворе они, очевидно, играли определенную роль. Очень существенна мысль автора, что не следует относить отражение классовой борьбы в былинах к XVII в. (Вс. Миллер), ибо она была достаточно острой уже в эпоху Киевской Руси (стр. 56).

В книге есть и спорное соображение, относящееся к дружине: «Набор Владимиром Святославичем русской дружины, куда влились свободные смерды наряду с горожанами, взамен наемных варяжских дружин, был не нововведением, а возвращением к древней практике выделения дружины из местных родовых, а затем сельских и, наконец, городских общин».

Былинные богатыри живут в Киеве не постоянно, в основном они живут по селам, куда Владимир и направляет за ними гонцов, чтобы звать их в Киев на сбор при военной опасности» (стр. 91—92).

Создание Владимиром дружин из местного населения было обычной нормой для Киевской Руси. Проживание же богатырей в селах слабо подтверждается былинным материалом; в частности привлеченный вариант М. С. Крюковой, в котором Илья Муромец, будучи уже киевским богатырем, находится у своих родителей в Карачарове, нетипичен. Вообще же и в летописях не очень много данных о том, что в X—XI вв. какая-то часть дружины проживала в селах. В известном сообщении конца XI в. о том, что сын Мономаха — Мстислав Владимирович «распусти дружину по селом», на которое ссылается автор (стр. 733), неясно, что делали дружинники в селах (очевидно, кня-

жеских): приехали ли они туда для отдыха после похода, о котором выше речь идет в летописи, выполняли ли там задания князя или действительно постоянно проживали в собственных хозяйствах. Дружина—конкретно, младшая дружина—в ту эпоху должна была находиться непосредственно при князе, так как составляла его основную военную силу.

Может быть, автор книги слишком акцентирует городское происхождение былинного эпоса (стр. 73—76). Конечно, город уже обособился в Киевской Руси, но можно ли так же легко обособить городское и сельское население? Создатели и герои былинного эпоса, младшая дружина в массе своей, по крайней мере до XII в., были выходцами из деревни и связь их с ней вряд ли была разорвана. Иначе, кстати, былины не сохранились бы в крестьянской среде. Конечно, подчеркнуть особое значение города в создании былевого эпоса необходимо, но для последовательного противопоставления города селу в этом плане вряд ли имеются достаточные основания.

В исследовании указано как на прототип княжеских пиров на пиры-братчины, слававшиеся в родовой, а затем сельской общине и весьма изменившиеся в условиях феодального города (стр. 57—59, 146—151). При освещении генезиса дружины Р. С. Липец указывает на ее возникновение в недрах родового общества (стр. 82), на древний институт мужских союзов, глубоко исследованный советскими учеными, в частности С. П. Толстовым (стр. 99), на пережитки этого института в обычаях «парубочтва» (стр. 112—113); особо отмечен автором обычай побратимства (стр. 84—87).

Интересна мысль, высказанная, по-видимому, Р. С. Липец впервые, о том, что чашиники и столыники на пиру восприняли в христианизированной Руси в какой-то мере функции волхвов. Стольник должен был следить за тем, чтобы за столом все проводилось по издревле принятым обрядам и обычаям и чтобы всякая «порча» не была перенесена на пищу; чашник же некогда руководил обрядовым распитием священных напитков на пиру (стр. 212—215).

При описании пиришественной утвари, автор отмечает распространенность в Древней Руси надписей-благопожеланий на чарах и других сосудах. В связи с этим выясняется причина крайнего возмущения героя былины — богатыря, прочитавшего на сосуде надпись, запрещавшую пить из него, — такая надпись была с народной точки зрения грубым нарушением общепринятой традиции (стр. 69—70).

Особо следует отметить догадки автора, основанные на этнографическом анализе конкретных былинных образов и мотивов. Так, поручение князя Даниле Ловчанину — поймать живого вепря к княжескому столу — объясняется архаической основой этого мотива: вепрь нужен как жертвенное животное, значит должен быть умерщвлен по ритуальным предписаниям (стр. 222—224); аналогичный смысл имел некогда и мотив поимки живой лебеди «некровавленной» (стр. 226).

Менее убедительно доказательство отражения в былинах обрядового обжорства (стр. 228—229). По нашему мнению, как раз осуждение Идолища противоречит ритуальной трактовке его обжорства. (Автор, вслед за Б. М. Соколовым, видит в этом мотиве отголоски языческих жертвоприношений идолам, отвергаемых уже в христианизированной Руси). Обжорство в былинах вообще категорически осуждается.

Любопытна догадка, что Добрыню, переодетшегося скоморохом-гусляром, никто не узнает на пиру потому, что его лицо скрыто маской, личиной; такие маски, как указывает исследовательница, были обычным атрибутом скомороха (стр. 279—281).

Пристальное проследивание автором генезиса различных явлений с точки зрения этнографа разъясняет многие их особенности в киевское время. Редкий историк или филолог был бы в состоянии совершать подобные, часто очень удачные, экскурсии, так как для этого необходим такой обширный опыт в области этнографии, каким обладает автор книги. В исследовании Р. С. Липец заложено немало новых, свежих наблюдений и идей, многие из которых останутся в истории изучения былины.

М. М. Плисецкий

K. Pietkiewicz. *Etnografia Lotwy (Kultura materialna)*. «Polskie Towarzystwo Ludoznawcze. Prace etnologiczne», t. 8, Wrocław, 1967, 226 str.

В 1967 г. вышла в свет новая книга К. Петкевича «Этнография латышей. Материальная культура». Не случайно она посвящена именно материальной культуре латышей: в области изучения материальной культуры польские этнографы добились в последнее время значительных результатов<sup>1</sup>. Подобно большинству новых трудов польских этнографов, «Этнография латышей» основывается на обширной базе источников и литературы, преимущественно изданной до 1960 г. на латышском, немецком, русском и польском языках.

Использованы работы этнографов Л. Думпе, А. Крастыни, И. Лейнасаре, М. Славы, Л. Терентьевой, Н. Чебокарова, А. Биленштейна, З. Лигера, археологов Э. Шноре, Фр. Балодиса и языковеда Я. Эндзелина, а также данные из работ авторов XVII—

<sup>1</sup> «Historia Kultury Materialnej w widownietwach polskich Wybor», Warszawa, 1964.

XIX вв.— И. Бротце, А. Гупеля, Г. Янава, Х. Дулло, А. Олеария и др. Для привлечения сравнительного материала использованы труды литовских, эстонских и русских этнографов (более 250 названий). Часть материалов собрана самим автором и его сотрудниками во время поездок по Латвии. К. Петкевич, который родился и рос в Латвии, хорошо знаком с культурой и языком латышей, имел возможность дополнить литературные сведения собственными наблюдениями, что придает книге определенную свежесть. К сожалению, автору мало удалось использовать многочисленные этнографические материалы, хранящиеся в латвийских музеях и в Институте истории Академии наук Латвийской ССР.

Широкий круг использованной литературы и источников, а также личные наблюдения позволили автору затронуть ряд дискуссионных вопросов, выдвинуть свои гипотезы, а в некоторых случаях прийти к новым выводам.

Книга богато иллюстрирована (93 иллюстрации и 15 карт), что следует особо отметить, так как в этнографических изданиях иллюстрационный материал является существенным дополнением к тексту. Имеется резюме на французском языке (стр. 205—209) и словарь основных латышских этнографических терминов (стр. 198—204).

Работа состоит из введения, пяти глав и заключения. Введение знакомит читателей с географическим положением и природными условиями Латвии, а также характеризует экономическое развитие страны в прошлом и настоящем. Затем автор рассматривает этнический состав населения Латвии и дает краткий обзор ее политической истории в период феодализма и капитализма, революций 1905 и 1919 гг. и установления Советской власти в Латвии. Таким образом, введение дает представление об условиях, в которых формировалась материальная культура латышей.

К сожалению, в тексте введения есть некоторые неточности, правда, второстепенного характера, на которые все-таки следует обратить внимание. Так, по «Законам о видземских крестьянах» 1804 г. крестьянам не была предоставлена личная свобода<sup>2</sup> (*wolonsc osobista*). Законы 1817—1819 гг. еще не заменили барщину денежной рентой (стр. 22). Переход к денежной ренте и наемному труду в Курземе и Видземе произошел только в 40—50-х годах XIX в. Территория Латвии уменьшилась с 65 790 до 64 500 км<sup>2</sup> не в 1940 г., как пишет автор (стр. 15), а 7 сентября 1944 г. по постановлению Президиума Верховного Совета Латвийской ССР. Согласно этому постановлению, 6 волостей (Аугшпилс, Гауру, Кацену, Линавас, Пурвмалас, Упмалас), большинство населения которых русские, были присоединены к территории РСФСР (декрет Президиума Верховного Совета Латвийской ССР от 7.IX.1944 г.). В Латвийской ССР в настоящее время коллективизировано 100, а не 92% крестьянских хозяйств, как пишет автор (стр. 17). Уже в 1953 г. коллективизацией было охвачено 98,7% хозяйств<sup>3</sup>.

Во введении на стр. 24—31 автор дает краткий обзор истории изучения материальной культуры латышей и характеризует состояние его в настоящее время. Особое значение имеет указание автора на изданные в Польше труды польских исследователей, которые до сих пор почти не использованы латышскими этнографами (работа М. Стрийковского, изданная в Варшаве в 1846 г., С. Улановского, изданная в Кракове в 1890 г., и др.). Автор справедливо отмечает, что исследования латышских этнографов в буржуазной Латвии в основном ограничивались изучением народного зодчества, одежды и народного искусства (стр. 28) и что в тот период не было работ, в которых анализировалась бы вся материальная культура латышей (стр. 29). Дальше автор указывает на расширение этнографических исследований в Латвии в 1950—1966 гг. и положительно оценивает комплексный характер этих исследований — сотрудничество с лингвистами, археологами и антропологами. Он отмечает, кроме того, установление контакта с этнографами соседних республик: в разработке проблем этнографии латышей в последнее время принимают участие также эстонские, литовские, русские и другие ученые<sup>4</sup>.

В пяти главах книги рассмотрены явления материальной культуры в их историческом развитии, для чего сравнительно широко привлечен не только исторический, но и археологический материал. Однако в связи с тем, вероятно, что археологический материал в книге второстепенен, автор в ряде случаев допускает неточности. Кроме того, он пользовался устаревшей литературой и недостаточно учел исследования археологов Латвии в 60-е годы, поэтому многие явления отображены неполно. В 60-е годы проводились обширные раскопки в зонах затопления Плявиньской и Риж-

<sup>2</sup> «Latvijas PSR vēsture», 1, Rīga, 1953, s. 357, 358.

<sup>3</sup> «Latvijas PSR tautas saimniecība», Rīga, 1957, стр. 67.

<sup>4</sup> Однако и в этой весьма интересной части работы есть некоторые неточности. Так, сочинения О. Гуна (1764—1832) неправильно названы «Sammlung Baltischer Ansichten» (стр. 25). Возможно, что автор имел в виду работу В. С. Стафенхарена «Album baltischer Ansichten mit erläuterndem Text von verschiedenen Verfassern» (Mitau, 1857—1867), так как среди семи опубликованных работ О. Гуна под таким названием книги нет. Кроме того, в Центральном государственном историческом архиве Латвийской ССР хранится несколько десятков неизданных томов О. Гуна (фонд 6180). Работа И. Бротце «Sammlung verschiedener Liefländischen Monumente...» (Bd I—X) хранится не в Рижском историческом музее, а в Отделе рукописей Фундаментальной библиотеки АН Латв.ССР. Нельзя также согласиться с автором, что изучение этнографии латышей в 1918—1939 гг. концентрировалось в Музее под открытым небом (стр. 28).

ской ГЭС, в поселениях каменного и бронзового века, а также в поселениях на озерах, которые во многих отношениях дали совсем иное представление об уровне материальной культуры рассматриваемого периода<sup>5</sup>. Следует также обратить внимание на некоторые пробелы. Например, славяно-балтийские отношения в первом тысячелетии показаны исходя из трудов только польских исследователей, без учета всей обширной литературы по этой проблеме<sup>6</sup>. При составлении этнических карт территории современной Латвии в первом—втором тысячелетиях автор опирался на материалы Фр. Балодиса, опубликованные в 30-е годы и сильно устаревшие. В результате финно-угорское население Северной Латвии того времени он считает ливами, хотя в последнее время советские ученые склонны относить их к эстам<sup>7</sup>. Не разрешен также вопрос об этнической принадлежности вендов. По мнению К. Петкевича, венды — западные славяне, однако археологические данные указывают скорее на их финно-угорское происхождение<sup>8</sup>.

К сожалению, автор не воспользовался в соответствующем разделе ценными данными новейших исследований по металлургии Латвии первого — начала второго тысячелетия<sup>9</sup>.

В первых двух главах книги рассмотрены основные отрасли хозяйства Латвии. Привлечен большой сравнительный материал по материальной культуре других восточнославянских народов.

Животноводство в Латвии этнографами до недавнего времени совершенно не изучалось, поэтому данный раздел книги вызывает особый интерес. К. Петкевич рассматривает животноводство в тесной связи с природными условиями (разрозненные пастбища среди лесов и водных бассейнов) и социальным укладом (формирование феодальной земельной собственности, распад сельских общин, переход на хутора). Стараясь выявить древние и традиционные формы, автор подробно описывает общинный выпас скота, который сохранился в Латгалии до начала XX в. Почти полное отсутствие в латышской этнографической литературе сведений об объектах материальной культуры, связанных с животноводством (помещений для скота, мелкого инвентаря, посуды и пр.), оказалось, по-видимому, причиной и весьма краткого описания их в книге К. Петкевича.

В обзоре исторического развития земледелия автор справедливо подчеркивает отрицательное влияние, которое оказали немецкое вторжение и феодальное иго на развитие латышской земледельческой техники. К сожалению, описание систем земледелия в основном ограничено трехпольем, хотя хронологические рамки главы (XVIII—XX вв.) давали возможность рассмотреть также распространение многопольной системы. Автор касается также спорного в этнографической литературе вопроса о времени применения в Латвии в качестве тяглового животного лошади или вола, причем придерживается взгляда о более позднем распространении использования в упряжи волов. В довольно подробном описании различных земледельческих орудий (соха, борона, коса, серп, цеп и пр.) автор главным образом стремится выявить те детали, которые характерны для латышей и в которых отражается вековой опыт народа. С другой стороны, автор стремится выявить то общее, что связывает земледельческие орудия латышей с материальной культурой всей лесной полосы Восточной Европы. Особый раздел главы посвящен сортам культурных растений в Латвии.

В целом в первых двух главах автору удалось, несмотря на краткое, местами даже конспективное изложение, дать всестороннюю и в общих чертах правильную картину латышского крестьянского хозяйства и связанной с ним материальной культуры. Весьма рельефно выделены те элементы хозяйства, распространение которых за пределами Латвии свидетельствует, с одной стороны, о древней этнической общности, а с другой — о длительном взаимовлиянии культур соседних народов. Однако в центре внимания автора неизбежно остается специфика орудий и приемов труда латышей, сохранившаяся, как подчеркивает К. Петкевич, несмотря на различные влияния извне. Автору следовало уделить больше внимания тем переменам, которые в крестьянском хозяйстве были связаны с развитием капитализма, — изменению соотношения земледелия и животноводства в пользу последнего, развитию молочного животноводства, изменению системы земледелия, орудий, сортов культурных растений и т. д.

<sup>5</sup> Э. Мугуревич, Исследование поселений, городищ и замков на территории Латвийской ССР. *Acta Baltico-Slavica*, V, Białystok, 1967; А. Я. Стубавс, Археология в Советской Латвии (1945—1967), «Сов. археология», 1967, № 4.

<sup>6</sup> Я. Эндзелин, Древнейшие славяно-балтийские языковые связи, *Изв. АН ЛатвССР*, 1952, № 3; его же, Славяно-балтийские этюды, Харьков, 1911; Б. В. Горнунг, Из истории изучения балтийско-славянских языковых отношений, *Rakstu krājums, Veltījums prof. Dr. J. Endzelīnam, Rīga*, 1959; Х. А. Моора, Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии, «Вопросы этнической истории эстонского народа», Таллин, 1956.

<sup>7</sup> Н. Моора, Указ. раб., стр. 123—124; K. Ancītis, A. Jansons, Vidzemes etniskās vēstures jautājumi, *AE V, Pīra*, 1963, ср. 44—45.

<sup>8</sup> E. Šturms, *Zur Vergeschichte der Liven*, ESA, X, ср. 50.

<sup>9</sup> A. Anteiņis, Dzelzs un tērauda apstrādājumu struktūras, īpašības un izgatavošanas tehnoloģija senajā Latvijā (līdz 13 gs.), *AE, II, Rīga*, 1960, ср. 3—60.

В III главе книги (стр. 99—116) рассмотрено ремесло. Глава состоит из шести разделов, в которых последовательно описана обработка древесины, коры, лозы, льна, шерсти, глины и железа.

В первом разделе — «Обработка древесины и коры в Латвии в XVIII, XIX и XX вв.» — автор рассматривает орудия труда и изделия, т. е. обработку дерева и изделия из него, не связанные со строительством и обстановкой зданий. Подбор примеров обусловлен стремлением по возможности ярче показать принадлежность Латвии к лесной полосе северо-восточной Европы. Особый интерес для латышских этнографов представляет второй раздел — «Обработка лозы», очень краткий, но весьма содержательный. Объем третьего раздела — «Обработка льна и шерсти» тоже невелик (5 стр.). В распоряжении автора был неравномерный и фрагментарный материал, почерпнутый из книг, различных по характеру, территориальному и хронологическому охвату (М. Глемжайте, А. Биленштейн, З. Лигерс, К. Мошиньский). Тем не менее здесь наглядно, достаточно широко и в основных чертах правильно отображено историческое развитие этой отрасли ремесла. Однако в этом разделе, как и в некоторых других местах книги, автор распространяет на всю Латвию ряд явлений материальной культуры, характерных только для Восточной Латвии — Латгалии.

В четвертом разделе — «Окраска» — автор знакомит читателей с приемами окраски шерсти, пряжи, ниток и ткани, а также сообщает свои наблюдения о применении растительных красителей. Пятый раздел — «Обработка глины» — почти целиком построен на полевых материалах автора, который хорошо знает эту отрасль. С особой симпатией и очень эмоционально написан шестой раздел о кузнечном ремесле.

Общее представление о латышском народном ремесле, которое дает книга, несомненно, правильное. Однако, распространяя в результате ограниченного количества источников некоторые локальные явления на всю Латвию, автор в ряде случаев приходит к неправильным выводам. Так, исходя из книги З. Лигера, в которой опубликовано веретено, сохранившееся в Латгалии в 1930-е годы, автор считает, что это орудие бытует во всей Латвии до настоящего времени.

Подход автора к литературе очень осторожен и внимателен, тем не менее он не во всех случаях имел возможность проверить факты. Латышское народное ремесло в этнографической литературе Латвии пока отражено мало, поэтому материал исследования в основном ограничивается музейными и архивными фондами, которыми автор во время работы над книгой не имел, к сожалению, возможности пользоваться. Некоторые ошибки обусловлены, кроме того, недостаточным знанием нюансов латышского языка.

IV главу, посвященную народной одежде, автор начинает с обзора археологического материала, удачно используя труды видного латышского специалиста в этой области А. Зарини.

В целом правильно показаны развитие и особенности народной одежды латышей IX—XIII вв. Однако и здесь в отдельных случаях имеют место неточности. Например, неправильно распространять на южную Латвию — Земгале — металлические венки с подвесками, характерные только для латгалов. Преобладающим цветом тканей в Латвии X—XIII вв. был не голубой («niebieski»), как утверждает автор, а темно-синий.

При описании латышской народной одежды XVIII—XIX вв. выделены основные локальные комплексы и в общих чертах показаны те элементы, на основании которых автор впоследствии делает вывод о родстве материальной культуры латышей с культурой других народов лесной полосы северо-восточной Европы. К сожалению, и в этом разделе встречаются неточности, обусловленные в основном распространением явлений, характерных только для восточной Латвии, на всю страну. Например, автор пишет, что красные тканые венки были одинаковы не только во всей Латвии, но и у соседних народов — эстонцев, литовцев и славян. При этом не точно использована работа М. Славы<sup>10</sup>.

Последняя и самая большая глава книги посвящена описанию крестьянских поселений, построек и убранства жилища. Автор считает, что деревни — это наиболее древний тип поселений и что позднее, особенно в условиях развития мызного хозяйства, постепенно деревни дробились на хутора. Книга дает также хорошее представление о развитии крестьянских построек в деревнях и хуторах различных этнографических областей Латвии. Отметим следующие ошибочные утверждения. Два пути развития жилой риги, о которых пишет автор (стр. 143—144), характерны только для Эстонии<sup>11</sup>. Печи эстонского типа с открытыми камнями в верхней части печи («kerezī») (стр. 151) в жилых ригах Латвии не обнаружены.

С интересом читаются разделы о происхождении и развитии дымовых труб и так называемых черных кухонь (melnās kukurās) в Латвии и о подобном процессе в различных странах северной и южной Европы. Указанная в этой связи работа А. Добровольского заслуживает особого внимания латышских этнографов.

<sup>10</sup> М. К. С л а в а, Комплексы женской народной одежды латышей в конце XVIII и в первой половине XIX в., «Вопросы этнической истории народов Прибалтики», I, М., 1959, 494 стр. Неправильно отражено также распространение типов рубаш (ср. М. К. С л а в а, Комплексы женской народной одежды..., стр. 488, и М. S l a v a, Latviešu zāmnieku kreklu veidi, Arheologija un etnografija, III, Rīgā, 1961).

<sup>11</sup> А. K r a s t i ņ a, Zemnieku dzīvojamās — ēkas Vidzemē kļaušu saimniecības sairšanas un kapitalisma nostiprināšanās laikā, Rīgā, 1959, стр. 67—109.

В заключение книги автор дает краткую характеристику развития и особенностей материальной культуры латышей, подчеркивая то сложное влияние, которое оказали на этот процесс различные природные, географические, политические, экономические и этнические факторы. Природные и географические факторы были, несомненно, предпосылкой развития различных отраслей хозяйства, например, земледелия, животноводства и рыболовства. Однако, как справедливо отмечает автор, отдавая должное влиянию географической среды на материальную культуру и быт, нельзя все-таки считать его решающим. Главными факторами влияния на формирование культуры латышей, по мнению автора, были исторические условия и связи с соседними народами (стр. 183). Своеобразие материальной культуры и быта восточной Латвии — Латгалии автор связывает с длительным подчинением этой территории Польше. Интересна его мысль о том, что латышская буржуазия в XIX в складывалась в основном из выходцев из Видземе, Земгале и Курземе, а население Латгале в этом процессе играло незначительную роль (стр. 190).

Различия географической среды, исторических условий, этнической истории и культурных связей обусловили формирование в Латвии трех этнографических областей (стр. 190): Курземе (западная), Видземе и Земгале (центральная), Латгалия и Аугшземе (восточная). После краткой характеристики материальной культуры каждой этнографической области, в которой повторяется материал предыдущих глав, автор делает вывод, что материальная культура латышей — существенный источник для исследования культурных связей латышей и соседних народов.

Монография К. Петкевича представляет интерес для латышских этнографов также с методической точки зрения. Следует отметить мысль автора о том, что уровень материальной культуры народа в определенный период в первую очередь зависит от наличия и добычи сырья, а также от техники обработки сырья и изготовления изделий. В соответствии с этим взглядом автор останавливается на примерах, позволяющих охарактеризовать общий уровень развития латышской материальной культуры в определенный период.

В общем работа сделана хорошо, а некоторые недочеты, на которые указывалось выше, понятны, если учесть особенности условий работы над книгой.

В целом автор «Этнографии латышей» К. Петкевич заслуживает сердечную благодарность латышских этнографов за искренний интерес к жизни латышей, за удачную и детальную характеристику культуры латышского народа, за теплое сердечное отношение к нему.

*А. Алсуне, Л. Думпе, Э. Мугуревич,  
А. Крастыня, М. Слава, Х. Строд*

## НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Y. M a n g a. Ünnepek, szokások az Ipoly mentén. Budapest, 1968, 188 стр.

Среди небольших, но интересных монографий новой серии работ, издаваемой исследовательской группой по этнографии Венгерской Академии наук, обращает на себя внимание книга Я. Манги «Праздники, обряды в долине р. Иполь», вышедшая под редакцией Д. Оргутан. Я. Манга — крупный знаток венгерского и словацкого фольклора, музыки и вообще народного искусства. В своей книге автор обобщает материалы, собранные им лично и под его руководством в 1930—1950 гг. в 27 словацких и венгерских селениях, расположенных вдоль течения пограничной реки Иполя (словацк. Ипель). Изучение фольклора данной области дает богатые возможности для сравнительно-аналитических исследований.

После краткого введения, содержащего историческую справку (правда, лишь начиная с середины XVII в.), и изложения принятых в работе методологических принципов, следуют три раздела: I—«Зимние праздники». II—«Весенние праздники» и III—«Летний праздник».

Подробное всего автор описывает зимние праздники. Значительная часть этих описаний основана на сообщениях пожилых крестьян о ныне уже исчезнувших обычаях и обрядах. Интересно сообщение о существовавших до первой мировой войны так называемых «пряильных домах», где собирались женщины и молодые девушки. В этих же домах накануне дня Св. Николая (6 декабря) собирались только парни, устраивавшие шуточную исповедь, во время которой о девушках села рассказывались всякие были и небывлицы. Во многих деревнях тогда существовали традиционные «союзы парней», объединявшие неженатых юношей. Эти «союзы парней» и «пряильные дома» в свое время способствовали в значительной мере сохранению старинных обрядов и обычаев.

До наших дней своеобразные обычаи и обряды соблюдаются в день Св. Луции (13 декабря). В этот день нельзя пряхсть, стирать, печь хлеб и т. д. Перед этим праздни-

ником любой из мужчин деревни может тайно изготовить особую скамеечку, встав на которую он якобы сумеет распознать ведьму среди собравшихся в день Св. Луции в церкви женщин.

Из всех зимних праздников выделялось сложной обрядностью Рождество. Кроме строгого поста, в этот день налагался запрет на ряд домашних работ. Вечерняя трапеза обставлялась очень торжественно. В обрядах особую роль играли пастухи, которые обходили дома с прутьями в руках и раздавали их с хорошими пожеланиями. Кроме того, они совершали особые обряды, чтобы исцелить больных животных.

С празднованием Нового года в этих краях не было связано никаких особых обычаев. После крещения (6 января) начиналась «фаршанг» — веселая неделя. В ее последние три дня проводились различные празднества, игры молодежи, танцы и т. п. По деревне ходили ряженые. Во многих селах в эти дни дети выбирали себе «крестных» среди взрослых парней и девушек, которые впоследствии покровительствовали им.

В весенних праздниках сохранилось много архаических черт. Среди них особо нужно отметить обряды, связанные с куклой «Киси», которую считали олицетворением всех бед, угрожающих в течение зимы жителям села. Куклу «Киси» возили по всей деревне, а после завершения обряда бросали в р. Иполь или сжигали.

После Пасхи наиболее знаменательными были дни Св. Георгия (24 апреля) и Св. Марка (25 апреля), во время которых осеялись посевы и совершались специальные обряды, способствовавшие якобы увеличению стад.

Первого мая парни ставили майские деревца перед домами взрослых девушек.

Летние праздники начинались днем Св. Ивана (24 июня). Характерным для этого праздника было сохранение древнего обычая — в прошлом ритуальных прыжков через костры.

В конце своей книги Я. Манга делает немало интересных выводов. Он подчеркивает непрерывную эволюцию народных обрядов и обычаев. Насильственное заселение в средние века опустошенных войной земель разнородными этническими группами (как это было в долине р. Иполя), служба мужчин в армии способствовали трансформации традиционно бытовавших ранее обрядов и обычаев. В более позднее время капиталистическое развитие этого района, организация народных школ еще более ускорили этот процесс, результатом которого стала утрата многих традиционных элементов в духовной культуре.

*И. Эрдели*

## НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

**Д. Б. У л ы м ж и е в.** Социалистическое переустройство сельского хозяйства в Монгольской Народной Республике. Улан-Удэ, 1968, 266 стр.

Основной задачей рецензируемой работы является анализ социалистических преобразований в области сельского хозяйства Монгольской Народной Республики.

Работа состоит из введения, заключения и четырех глав («Социально-экономические предпосылки кооперирования аратских хозяйств», «Начало кооперирования аратства. Создание условий для массового кооперирования аратских хозяйств в МНР», «Массовое кооперирование аратских хозяйств», «Борьба Монгольской Народно-революционной партии и правительства МНР за организационно-хозяйственное укрепление сельхозобъединений и госхозов на современном этапе»).

Как известно, Монголия в прошлом была кочевой феодальной страной, основой экономики которой служило экстенсивное скотоводство. В послереволюционное время монгольское сельское хозяйство вступило на путь коренных преобразований.

Состоявшийся в июне 1966 г. XV съезд МНРП убедительно показал, что четвертый пятилетний план развития народного хозяйства и культуры МНР (на 1966—1970 гг.) будет важным этапом претворения в жизнь задач по завершению строительства социализма в МНР.

В ходе социалистического строительства в МНР происходили преобразования хозяйства, быта и культуры монгольского народа. Кочевники-скотоводы приобщались к новой жизни. Социалистическое хозяйство включило кооперативный сектор, к которому относятся сельскохозяйственные объединения и государственный сектор с госхозами и машинно-животноводческими станциями. Кочевая форма животноводства сменилась оседлым хозяйством.

Определяя конкретные пути перехода монгольского народа к социализму, автор убедительно показывает, что в его основе лежали революционные преобразования старых форм общественной жизни.

Социалистические преобразования в республике имели свои особенности. Важными задачами были преодоление сопротивления эксплуататоров — светских и духовных феодалов, вытеснение иностранного капитала, ликвидация «левых» уклонов в кооперативном движении, утверждение и развитие новых производственных отношений, укрепление дружбы с народами СССР и других стран, развитие промышленности и сельского хозяйства и др.

Автор совершенно прав, показывая, что общие успехи в развитии промышленности, транспорта, культуры, возникновение рабочего класса и народной интеллигенции, подготовка кадров оказывали существенное влияние на социалистическую перестройку сельского хозяйства.

В процессе перехода единоличников-аратов на социалистический путь автор выделяет три этапа. Первый, начальный этап (1935—1954 гг.) был подготовкой условий для массового кооперирования аратских хозяйств. На втором этапе шло массовое кооперирование аратских хозяйств. Подъем кооперирования относится к 1959 г., после чего начался период упрочнения кооперативного строя в стране, организационно-хозяйственное укрепление сельскохозяйственных объединений. С завершением процесса кооперирования аратских хозяйств в экономике МНР стали полностью господствовать социалистические производственные отношения.

Современное монгольское животноводство отличается от дореволюционного кочевого скотоводства социалистическими формами и методами труда, внедрением передовой техники, применением научных методов ведения хозяйства.

Сельскохозяйственные объединения стали основными производителями и поставщиками животноводческой продукции. Новый облик приобрели и современные сельские районы (худуны). Здесь выросли благоустроенные населенные пункты, школы, клубы, ветеринарно-врачебные участки и др.

Автор правильно подчеркивает то большое значение, какое имело использование монгольским народом в социалистическом преобразовании сельского хозяйства опыта советских колхозов и совхозов.

Следует отметить, что автор, хорошо владея монгольским языком, построил свою работу на материалах первоисточников. К ним относятся решения съездов и пленумов Монгольской Народно-революционной партии, постановления правительства и другие законодательные материалы. Использованы также архивные материалы, периодическая печать и др.

Важной предпосылкой для написания рецензируемого труда послужили многолетние полевые исследования автора в разных районах республики.

Рецензируемая работа, обобщающая очень большой материал по истории преобразования монгольского кочевого сельского хозяйства, имеет важное теоретическое и практическое значение.

*К. В. Вяткина*

**Н. Р. Гусева. Джайнизм. М., «Наука». 1968, 124 стр.**

Впервые в советской историографии сделана попытка создания весьма обстоятельного и разностороннего монографического очерка джайнизма, одной из древнейших религий мира.

Круг освещаемых в книге Н. Р. Гусевой вопросов включает проблему исторических и этнических корней джайнизма, историю джайнской общины в древности и средние века, рассмотрение религиозно-философских принципов джайнизма в прошлом и новых идеологических течений в этой религии в настоящее время, а также выявление места и значения джайнизма в культурной традиции Индии, в ее литературе и искусстве.

Книга построена на значительном историческом, этническом, экономико-политическом и культурно-философском материале, накопленном индийской, западноевропейской и отчасти отечественной наукой за последние 100—150 лет. Особый интерес представляют сведения об обычаях джайнов и современных условиях жизни их общины, которые были собраны Н. Р. Гусевой во время ее длительного пребывания в Индии.

Несмотря на наличие в мировой науке ряда весьма солидных исследований по отдельным аспектам истории, догматики, литературы и искусства джайнов (Г. Якоби, К. А. Нилаканта Састри, В. А. Сангава, В. Рубена, Г. И. Кольбрука, Ш. Краузе и др.), система их религиозных представлений—джайнизм—очень мало изучена. Это вызвано, видимо, целым рядом объективных обстоятельств и прежде всего — сложностью самой проблемы, заключающейся в своего рода многослойности джайнизма. Это вероучение, являясь одной из древнейших религий мира, в течение своей длительной истории приходило в соприкосновение с другими религиозно-философскими системами и подвергалось в результате существенным изменениям. Кроме того сложность проблемы усугубляется отсутствием необходимого количества достоверных и точно датированных источников.

Несомненно, что более широкое исследование джайнизма, его особенностей и роли в те или иные периоды истории потребует усилий большого числа ученых-специалистов смежных гуманитарных дисциплин, историков, искусствоведов, лингвистов, философов, этнографов.

Следует заметить в то же время, что обобщение Н. Р. Гусевой значительного исторического материала, критическое осмысление его и обсуждение на страницах книги различных точек зрения весьма плодотворны. Читателю предложена не только сумма фактов и сведений о джайнизме, но и целый ряд аргументированных рабочих гипотез, а также творчески поставленных проблем как самого джайнизма, так и других индийских религий в свете общественно-экономического и культурно-политического развития Индии с древнейших времен до наших дней.

Значительная часть книги Н. Р. Гусевой посвящена истории джайнизма. Большое внимание уделяется проблеме формирования джайнизма как самостоятельной (по отношению к брахманизму и буддизму) религии. Эта проблема освещается в книге в двух аспектах: во-первых, в связи с важнейшими этническими процессами, происходившими в Индии в период арийского завоевания и после него; во-вторых, в связи с теми или иными этапами развития классового общества. Правда, следует заметить, что такое разделение несколько условно, поскольку арийское завоевание не было явлением чисто этнического свойства, и в процессе завоевания между арьями и подчиненными народами устанавливались отношения социального господства и подчинения.

Рассматривая вопрос об этнических корнях джайнизма, Н. Р. Гусева с максимальной возможной степенью точности реконструирует картину расселения народов северной и восточной Индии до и после арийского завоевания. Используя скудные материалы истории, а также данные философии, этнографии и искусствоведения, Н. Р. Гусева приходит, с нашей точки зрения, к вполне обоснованному выводу о том, что истоки джайнизма возникли в неарийской среде и что эта религия вобрала в себя элементы культов и верований местных доарийских народов северной и восточной Индии — асуров (остносившихся, видимо, к народам мунда), бхиллов, личчави, возможно дравидов и др. На основании сведений, содержащихся в джайнских преданиях, Н. Р. Гусева пытается проследить географию распространения исходных форм джайнизма в северной Индии с запада на восток. Именно в северо-западной Индии, где впервые появились арьи, должно было, как предполагает автор, начаться постепенное слияние культовых и религиозных представлений различных местных народов в единое вероучение. Свое завершение этот процесс получил на востоке, в Бихаре, благодаря деятельности Махавиры Джинны. Джайнизм стал идеологическим выражением протеста не-арьев против насильственного подчинения их арьями и внедрения чуждых местным народам законов и уложений брахманизма.

Важнейшей предпосылкой широкого появления джайнизма, как и других «кшатрийских» религий (буддизма и бхагаватизма), Н. Р. Гусева считает становление воинской касты-сословия кшатриев в обществе, где уже преобладала брахманская верхушка. Как справедливо отмечает автор рецензируемой книги, брахманизм был неразрывно связан с развитием сословно-классовых отношений. Но верно, видимо, и то, что брахманизм отражал наиболее ранний этап классовообразования, связанный с выделением жречества. Естественно, что дальнейшее развитие процесса классовообразования, выделение сословия воинов происходило в борьбе со жречеством и должно было найти свое отражение в идеологии.

На историко-филологическом материале Н. Р. Гусева рассматривает некоторые аспекты формирования сословия кшатриев-воинов. Автор говорит о том, что в это сословие выделялась лишь часть кшаттри (патриархов семейно-родовых групп), в то время как основная масса их продолжала свои мирные занятия. Название «кшаттри» растворилось, пишет Н. Р. Гусева, в собирательном понятии «виш» («народ вообще», «племя», «население»), от которого позднее произошло название сословия земледельцев, торговцев, ремесленников («вайшья»), которыми со временем становились кшаттри доклассового общества. «Кшаттри» сохранилось также и в названии известной касты «кхатри», или «кхетри», которые относятся к «третьему сословию — вайшьям» (стр. 13—14). Следует прежде всего заметить небольшую неточность, допускаемую автором в используемой им терминологии, а именно неправомерность применения понятия «третье сословие» к индийским вайшьям. Нельзя безоговорочно принять также и отнесение термина «кхатри» исключительно к вайшьям: известно, что в индийских хрониках средневековья и нового времени этот термин, являясь производным от «кшатрия», употреблялся и как синоним термина «раджпут»<sup>1</sup>. Данный термин обозначал представителей не только сословия вайшья, а того же военного сословия, вернее представителей военно-феодалной знати.

Считая формирование и укрепление сословия кшатриев одним из факторов развития «реформаторских», «кшатрийских» вероучений — джайнизма, буддизма и бхагаватизма, Н. Р. Гусева упоминает также о существовании в данном вопросе и других точек зрения, в частности точки зрения С. А. Данге, который связывал появление этих религий с начавшимся процессом феодализации в древности. Проблема характера индийского общества в древности и определение нижнего хронологического рубежа формирования феодальных отношений в Индии<sup>2</sup> имеют первостепенное значение для

<sup>1</sup> Али Мухаммад-хан Бахадур, Хатима-ей Мират- и Ахмади, Калькутта, 1930, стр. 132 (на перс. яз.).

<sup>2</sup> Большой вклад в изучение этого вопроса сделан индийским ученым Р. Ш. Шармой (см. R. Sh. Sharma, Feudalism in India, Patna, 1965), который датирует начало фео-

определения социальной среды, в которой складывались джайнизм и другие древнеиндийские религии. Очевидно, что эти вопросы должны решаться на большом историческом материале с выявлением специфических форм процесса классовообразования и складывания кастовой системы в Индии в различные периоды. В то же время следует иметь в виду, что причины и условия, породившие джайнизм, буддизм и бхагаватизм, видимо, отнюдь не идентичные, были отмечены большей спецификой, разнообразием и сложностью, нежели это вытекает из контекста рецензируемой книги.

Что касается джайнизма, то его развитие было, видимо, связано с формированием торгового сословия в процессе развития общественного разделения труда и выделением торговли как самостоятельной отрасли хозяйства и занятия особых групп населения. В то же время тезис о «кшатрийском» характере джайнизма (основанный, в частности, на предании о кшатрийском происхождении Махавиры Джина) нуждается в более основательной аргументации.

Хотя рассмотрение исторических корней джайнизма в двух упомянутых аспектах (как протест местных народов против подчинения их арьями и в связи с формированием кастовой системы) представляется не лишенным основания, следует все же учитывать более органическую связь между этими явлениями. Эта связь отразилась, в частности, в том, что в создании антибрахманских вероучений принимали участие не только местные народы, но также и арьи, в то же время кшатрийское сословие формировалось как из арьев, так и не-арьев («кшатрии-вратья»). Эти факты подчеркиваются в работе, но, к сожалению, не отражаются последовательно на всей концепции автора. Тем не менее они свидетельствуют безусловно о важнейшем социальном явлении, а именно формировании привилегированного социального сословия (хотя и этнически не однородного) и общей для него идеологии. В связи с этим представляется, что говорить о «кшатрийских» антибрахманских религиях, в частности джайнизме, как идеологической форме протеста против ассимиляции местного населения арьями, можно лишь применительно к самому раннему, быть может, начальному периоду развития этих религий, что, впрочем, и делает автор.

Интересным вопросом, поставленным на страницах работы Н. Р. Гусевой, является вопрос о причинах жизнестойкости джайнизма по сравнению с буддизмом, который к концу I тысячелетия н. э. (а может быть и ранее) практически перестал быть в Индии исторически значимой религией.

Известно, что в современной науке нет аргументированного объяснения этого явления, которое было бы исчерпывающим или тем более общепринятым.

Не претендуя, естественно, на освещение судеб буддизма в Индии, Н. Р. Гусева не могла, однако, обойти вопроса о том, почему джайнизм существует в Индии на протяжении столь длительного времени. В качестве одного из факторов живучести этой религии автор называет близкий контакт в джайнизме (в противоположность буддизму) монахов с мирянами. Н. Р. Гусева отмечает также и определенную гибкость, «либерализм джайнского канона и всего строя общины», «умение приспособиться к меняющимся условиям» (стр. 62). Видимо, можно было бы вспомнить в этой же связи некоторые особенности догматики джайнов, весьма притягательные для верующих. К их числу относится та трактовка, которую получила в джайнизме идея нирваны, понимаемой (вновь в противоположность буддизму) не как уничтожение или растворение души, а как освобождение ее и вступление в бесконечное блаженство, в котором она (душа) — бессмертна<sup>3</sup>.

Нельзя пренебрегать, видимо, и тем обстоятельством, что буддизм, как и джайнизм, был в Индии идеологической основой многих деспотий древности. И права, очевидно, Н. Р. Гусева, отмечая, что в эпоху Гупта и вслед за ней, когда в стране безусловно возобладали феодальные тенденции, началась острая идеологическая борьба между модернизированным брахманизмом — индуизмом в форме раннего бхагвати и верованиями, которые были сопряжены с обреченными на уход с исторической арены общественно-экономическими отношениями. Жертвой этой борьбы стал буддизм, который не смог приспособиться к новым условиям.

Иная судьба была у джайнизма. Решительно осуждая земледелие как занятие, неизбежно связанное с нарушением ахимсы, запрета на убийство живых существ, в том числе насекомых и животных, джайнизм находил своих последователей преимущественно среди неземледельческого населения (точнее, среди торгового населения древних городов). Во всяком случае в средние века джайнская община в социальном отношении была довольно однородной и состояла в своей значительной части из богатых торговцев и ростовщиков. Многие города вплоть до времени Гупта были известны как центры джайнизма (Н. Р. Гусева называет в этой связи Матхуру, Валабхи, Пундравардхану, Удаягири, Майсур, Канди).

Однако в последующий период наступает, как нам представляется, некоторый упа-

дальной формирования послегуптовским периодом (тот же хронологический рубеж принят и в советской индологии). Однако в индийской исторической науке этот вопрос является дискуссионным, о чем свидетельствует, в частности, появление за последние годы ряда работ, посвященных «феодализму в древней Индии» (см. например, сборник статей «Land system and feudalism in Ancient India», ed. by D. C. Sircar, Calcutta, 1966).

<sup>3</sup> К. А. Антонова, Очерки общественных отношений и политического строя Могольской Индии времен Акбара (1556—1605), М., 1952, стр. 207.

док джайнизма, связанный, видимо, с упадком многих старинных городов как из-за наблюдавшейся натурализации хозяйства в сформировавшемся феодальном обществе, так и отчасти из-за падения роли внешней торговли Индии<sup>4</sup>. Так или иначе, именно к первым столетиям феодальной эпохи относятся преследования и жестокие гонения на джайнов.

Книга Н. Р. Гусевой содержит также целый ряд полезных сведений о современном состоянии джайнской общины в Индии (стр. 107—117). Для джайнизма, как и многих других религиозных и сектантских движений, в современных условиях характерно стремление приспособить древнюю религиозную догматику к новым общественно-экономическим условиям. Джайны становятся на путь реорганизации своей общины. Эта тенденция особенно популярна в так называемых средних слоях (в работе — «средних классах»), т. е. мелкой и средней буржуазии, к которой примыкают и ремесленники, а также часть средней городской интеллигенции. Н. Р. Гусева отмечает, что идеологи современного джайнизма отходят от чисто богословских позиций и стремятся придать новым религиозным движениям социальное содержание, включая в свою программу ряд сугубо социальных требований и реформ: требование смягчения кастовых ограничений, отмены запрета на браки вдов, предоставления женщинам более широких прав в общественной жизни.

Автор обращает внимание читателей и на другое движение в современном джайнизме, именуемое «ануврат» — движение за моральное возрождение общества, провозглашенное в 1949 г. и возглавленное Ачарья шри Тулси. Интересно, что к движению примкнуло некоторое число лиц, исповедующих другие вероучения — арья-самаджизм, сикхизм, вишнуизм и ислам.

Анализ программы движения ануврат показывает, что несмотря на, казалось бы, демократизм и прогрессивность выдвигаемых требований, социальную базу его составляют представители средней и крупной промышленной и торговой буржуазии.

Ставя своей задачей кардинальную перестройку общества путем изменения сознания каждого его члена, ратуя за «справедливое распределение доходов», осуждая «наступление реакционных элементов на права трудящихся», излишнее накопление и эксплуатацию, демографически провозглашая свою приверженность идее равенства, идеологи этого движения решительно выступают против активной борьбы, осуждают все формы «насилия», считая классовую борьбу «немудрым занятием», а идею построения бесклассового общества «фантазией» и «абсурдом». Н. Р. Гусева приходит к правильному выводу о том, что деятельность анувраты по существу парализует всякую активность и сводит борьбу за повышение заработной платы, улучшение условий труда и быта, предоставление всем трудящимся широких политических прав к «вялым непротивленческим протестам и просьбам, чтобы капиталисты осознали свои недостатки и перестали стремиться к наживе» (стр. 115).

Автор отмечает, что в условиях капиталистического развития джайны, в особенности марвары и банья, выдвинулись как крупные промышленники, контролирующие предприятия и банковские операции в различных частях страны.

Н. Р. Гусева, видимо, правильно связывает резкий прирост джайнской общины в 1950—1960-х годах (на 25,17%), наблюдаемый главным образом в восточных областях Индии и в районах, усиленно развиваемых в последнее время индийским правительством (Андхра, Ассаме, Ориссе, Бихаре), с тем, что джайнская буржуазия ищет и находит сферу приложения своих капиталов именно в районах начинающегося капиталистического развития.

Внимания заслуживают также главы о философских и религиозных принципах джайнизма, о структуре джайнской общины, о литературе и искусстве джайнов.

В заключение хотелось бы отметить, что несмотря на наличие в книге Н. Р. Гусевой некоторых гипотетических положений, требующих развития и аргументации на более конкретном материале, выход в свет первого на русском языке монографического очерка о джайнизме — весьма положительное явление. Знакома читателей с существующими в науке представлениями и точками зрения на джайнизм и его историю, сообщая важные конкретные сведения об этой религии, эта книга ставит в то же время перед исследователями различных специальностей целую серию вопросов, решение которых крайне необходимо для развития нашей науки.

К. З. Ашрафян, А. М. Дьяков

Д. Е. Еремеев. Юрюки (турецкие кочевники и полукочевники). М., 1969, 104 стр.

Наряду со значительными по численности национальными меньшинствами (курды и др.) современную Турцию населяют также относительно мелкие этнические общности. К их числу относятся, в частности, туркоязычные кочевые и полукочевые племена, называемые юрюками (этноним и самоназвание «юрюк»), общая численность которых определяется в 300—500 тыс. человек.

<sup>4</sup> R. Sh. Sharma, Feudalism in India, in: L. Gopal, Economic life of Northern India, Patna, 1965.

Язык и культура юрюков близки к языку и культуре турок — основной господствующей нации. Однако кочевой и полукочевой образ жизни юрюков не мог не наложить существенного отпечатка на отдельные стороны их общественного, хозяйственного и семейного быта, до сих пор отличающегося известной спецификой. Преобладающую роль в этнической истории юрюков сыграли тюркские племена огузов и туркмен, перекочевавших в Малую Азию и на Балканы в XI—XIII вв. В культуре и быту юрюков прослеживаются также влияния курдов.

Книга Д. Е. Еремеева — первый опыт обобщающего этнографического исследования юрюков. Эта работа, хронологические рамки которой охватывают 1920—1960 гг. существенно дополняет имеющиеся в отечественном и зарубежном востоковедении заметки, статьи и книги по отдельным аспектам этнографии юрюков.

Основная цель работы Д. Е. Еремеева — освещение проблемы оседания юрюков. Как известно, особенности процесса оседания кочевых и полукочевых народов зарубежного Востока давно привлекают внимание этнографов. Но при актуальности этих проблемы она, к сожалению, все еще мало изучена. Недостаточно исследованными остаются также культура и быт мелких этнографических групп Передней Азии, особенно кочевых и полукочевых.

Книга Д. Е. Еремеева поэтому представляет большой интерес не только с точки зрения постановки проблемы оседания кочевников Передней Азии, но и с точки зрения общего этнографического описания юрюков.

Рассматривая проблему перехода юрюков к оседлости в условиях капиталистического развития Турции, автор на этнографическом материале живо рисует особенности хозяйства (стр. 29—60), материальной культуры (стр. 61—87), семейного быта и духовной культуры юрюков (стр. 88—97).

Этим главам предпосланы обзор литературы и географическая характеристика районов расселения юрюков (стр. 4—24).

Для осуществления поставленной задачи автор опирается на труды русских революционных и советских авторов (М. П. Вронченко, Д. В. Путята, Л. И. Аверьянов, В. А. Мошков, В. А. Горделевский, А. Д. Новичев). Особенно важно подчеркнуть, что Д. Е. Еремеев привлекает ценные материалы об юрюках, содержащиеся в исследованиях турецких ученых (Ф. С. Дуран, М. Энвер-Беше, Э. Решид, А. Бахи Гёкоглу, А. Рыза Яялы, Н. К. Атабейли, К. Гюнгер и др.). Широкое использование Д. Е. Еремеевым источников и литературы на турецком языке — несомненное достоинство его книги.

Некоторые материалы были почерпнуты Д. Е. Еремеевым и из работ западноевропейских авторов.

Одной из главнейших причин недостаточной этнографической изученности юрюков является отрицание официальными кругами Турции существования в стране нацменьшинств. Д. Е. Еремеев указывает, что «официальная турецкая статистика и переписи населения не выделяют юрюков в отдельную от турок этническую общность» (стр. 20). Сказанное вполне применимо также к курдам, туркменам и некоторым другим народам Турции. Собрав сведения о юрюках из самых разнообразных источников, Д. Е. Еремеев сумел удачно обобщить этот материал. Его небольшая по объему книга насыщена ценными историко-этнографическими данными.

Характеризуя социально-экономическую отсталость юрюков, автор показывает, что основу экономики этой численно незначительной этнографической группы до сих пор составляет скотоводство с различными формами кочевания. Процесс оседания юрюкских кочевников и полукочевников автор хорошо иллюстрирует на анализе отдельных сторон их общественного и хозяйственного быта, типов жилищ и хозяйственных построек, типов поселений и т. п. Новый и интересный материал дает глава об остатках родо-племенного деления. При этом автор показывает, что сравнительно низкий социально-экономический и культурный уровень юрюков — одно из следствий сохранения ими кочевого и полукочевого быта, экстенсивного скотоводства, невозможности перейти на оседлость.

Надо отметить, что процесс оседания юрюков — следствие сложного взаимодействия различных факторов: политического, экономического, этнического. Так, целый ряд юрюкских племен, раздробленных на группы османским правительством, расселились в самых различных отдаленных друг от друга районах страны. Тем самым юрюки были оторваны от основных мест кочевания своих же племен и постепенно «сливались» с местным, турецким, населением, близким ему по языку и культуре.

Скотоводство, носящее товарный характер, — основа экономики юрюкских кочевников и полукочевников. Продукты скотоводства племена обменивают на продукты земледелия и промышленности. Д. Е. Еремеев излагает факты, свидетельствующие о явном упадке скотоводческого хозяйства юрюков. В связи с этим с 20-х годов XX вв. происходит резкое падение жизненного уровня кочевников и полукочевников, видевших единственный выход в переходе на оседлость. Но переходу на оседлость препятствует и ускоряющийся по мере внедрения в сельское хозяйство капиталистических отношений процесс концентрации земель в руках богатеев. Пастбищные земли также все чаще и чаще захватываются местными землевладельцами. Все это, как правильно отмечает Д. Е. Еремеев, резко подрывает кочевое скотоводство, заметно ухудшая положение рядовых скотоводов. А переход разоряющихся кочевников на оседлость тормозится невозможностью наделения их землей. Политика турецкого правительства в отношении

юрюков противоречива: с одной стороны, оно пытается перевести их на оседлость. а с другой — не в силах осуществить этого, сохраняя в неприкосновенности крупную частную земельную собственность. Тем не менее процесс оседания юрюкских племен неизбежен и происходит стихийно, но идет он очень тяжело и мучительно для кочевников. Кочевникам, которым не удастся приобрести землю и заняться земледелием, придется пополнять ряды батраков — наемных пастухов и рабочих. При этом само по себе оседание юрюкских кочевников осуществляется различными путями, о чем сообщает и автор, правильно выделяя три основных вида оседания юрюкских племен (стр. 46).

Наряду с процессом оседания юрюкских племен происходит не менее сложный этнический процесс: ассимиляция юрюков турками. Автор справедливо отмечает, что этому процессу способствует отсутствие у турецкого крестьянства идеи расового превосходства. «К тому же,— пишет Д. Е. Еремеев,— ислам суннитского толка, исповедуемый турками, не признает никаких языковых, этнических, национальных и расовых различий; для него существенны лишь различия религиозного характера — христианство, шиизм и т. п.» (стр. 17). Все это несомненно так, но хотелось бы, чтобы автор более четко охарактеризовал на основе этнографического материала процесс языковой и этнической ассимиляции юрюков.

Правильно отмечая тот факт, что по языку и культуре юрюки близки к туркам, Д. Е. Еремеев удачно показывает специфику культуры и быта юрюков на примере типов жилищ, поселений и других этнографических характеристик. Автор в то же время не везде разграничивает степень этнической ассимиляции у кочевых, полукочевых и оседлых юрюков. Поэтому не всегда ясно, в какой мере сохраняется этнографическая специфика юрюков и в какой степени она уже исчезла. Например, при описании жилища ничего не говорится о традиционных турецких крестьянских постройках. Как известно, среди турецкого крестьянства распространено несколько типов жилища: однокамерное или двухкамерное жилище, составляющее одно целое с хлевом и хозяйственными постройками; двух- или трехкамерное жилище, не составляющее единого комплекса с хозяйственными помещениями; двухэтажные постройки с жилыми помещениями на втором этаже и хозяйственными на первом и т. п. Очень важно было бы показать, какие из этих типов были заимствованы юрюками. Отсутствие подобного материала является существенным недостатком книги.

В книге есть места, не совсем удачные в стилистическом отношении, что свидетельствует о недостаточно внимательном редактировании работы. Например, в главе «Одежда» говорится: «Мужская рубаша (гёйнек) короче женской, без воротника, с разрезом на груди» (стр. 68), но о женской рубаше на следующей странице читаем: «...рубаша (гёйнек) с длинными рукавами и разрезом на груди, который застегивается на пуговицы, заправляется в длинные штаны (дон)» (стр. 69). О длине женской рубашки здесь нет и речи. Или еще одна неудачная формулировка. В предисловии автор пишет: «Естественно, что автор настоящей работы не мог осветить все стороны этнографии юрюков...» В то же время в аннотации, помещенной от редакции издательства, сказано: «В книге **всесторонне** освещается этнография юрюков» и др. Данное автором (в главе «Семейный быт и некоторые черты духовной культуры») описание традиционных танцев, к сожалению, не дает о них четкого представления (стр. 89).

В рецензируемой книге отнюдь не все высказанные автором положения бесспорны и убедительны (например, о кочевой общине «оба», о понятиях род, племя). Но это не вина, а беда автора, да и многих других этнографов-зарубежников, лишенных возможности опираться на собственный полевой материал. Тем не менее в целом книга Д. Е. Еремеева, уже зарекомендовавшего себя этнографическими исследованиями по Турции, представляет собой большое достижение автора. Эта книга будет полезна многим, занимающимся проблемами оседания кочевников и этнографией народов не только многонациональной Турции, но и сопредельных с нею стран.

*Т. Ф. Аристова*

## НАРОДЫ АМЕРИКИ

**«ГВИАНА: ГАИАНА, СУРИНАМ, ФРАНЦУЗСКАЯ ГВИАНА».** Сборник статей. М., 1969, 246 стр.

Сборник «Гвиана» издан Институтом этнографии АН СССР. Авторский коллектив включает сотрудников сектора Америки Института, специалистов по Гвиане из других научных учреждений, а также известного деятеля освободительного движения в Америке Чедди Джагана.

Гвиана — одна из самых своеобразных областей на южноамериканском континенте. Можно сказать, что в южноамериканской «семье» она стоит как бы особняком

как «чужая», не только потому, что является единственной территорией, на которой до сих пор сохранились колониальные европейские владения, но и по всей предшествующей истории и современному этническому облику.

Большая часть статей сборника посвящена Гайане, что вполне оправдано, так как это наиболее развитая часть Гвианы, привлекающая сейчас внимание всего мира своей самоотверженной национально-освободительной борьбой. В содержательном историческом очерке «Британская Гвиана» В. Н. Софинский дает марксистскую оценку трем важнейшим этапам истории закабаления страны: раннему периоду колонизации, периоду рабовладения, периоду, связанному с заменой рабовладения системой контрактов. Исследование В. Н. Софинского как бы предваряет другие статьи по Гайане: в нем анализируются те факторы, которые во многом определили дальнейшую судьбу страны. Статьи Чедди Джагана и А. В. Богословского характеризуют современный этап борьбы гайанского народа за независимость. Чедди Джаган является лидером Народной прогрессивной партии Гайаны (НПП), находящейся, как известно, в оппозиции к правящей партии Народный национальный конгресс (ННК). Статья Чедди Джагана «Тень США на Гайаной» является новым важным документом, обличающим подрывную деятельность США в странах Латинской Америки. Большой интерес представляет революционная политическая программа, выдвинутая Чедди Джаганом и изложенная им в последнем разделе статьи. А. В. Богословский в статье «Народная прогрессивная партия Гайаны в борьбе за подлинную независимость, демократию и социальный прогресс» убедительно показывает, что предоставление политической независимости бывшей Британской Гвиане отнюдь не явилось «благотворительным даром» английской короны, оно было завоевано в результате широкого национально-освободительного движения. Завершает раздел о Гайане статья Л. А. Файнберга «Из истории индейцев Британской Гвианы». Основываясь на многочисленных исследованиях современной материальной и духовной культуры индейцев Гайаны, автор нарисовал яркую картину разрушения самобытного жизненного уклада индейцев под влиянием развития капитализма в стране.

По двум другим «Гвианам» в сборнике содержится соответственно две статьи — «Суринам» С. А. Созиной и «Французская Гвиана» А. С. Ковальской. Заокеанское владение Голландии — Суринам — является восточным соседом Гайаны. В географическом отношении Суринам имеет много сходства с Гайаной и Французской Гвианой как часть единого нагорья, разделяющего бассейны двух крупнейших рек Южной Америки — Ориноко и Амазонки. Много общих моментов и в социально-политической и этнической истории этих стран. Тем не менее С. А. Созиной в статье о Суринаме удалось свести до минимума неизбежные повторения. Автор сумел показать специфические черты экономики и этнического состава Суринама. Большой раздел статьи посвящен современному Суринаму. Читателя несомненно заинтересует описание жизни этнической группы «лесных негров». Некоторое сомнение вызывает утверждение автора о сохранении родоплеменной структуры потомками беглых рабов. Точнее было бы сказать, что племена лесных негров являются объединениями вторичного происхождения. Это же замечание относится к описанию социальной организации лесных негров Французской Гвианы в статье А. С. Ковальской. В целом же обстоятельная работа А. С. Ковальской содержит разнообразный и добросовестный материал по истории, этнографии, экономике и политическому положению этой французской колонии. Особенно удалось автору разделы об экономической и политической жизни Французской Гвианы. Но все же некоторые места требуют уточнения. Например, на стр. 172 А. С. Ковальская пишет: «Большинство населения страны составляют метисы и креолы... Это результат смешения уроженцев всех континентов». Подобное утверждение несомненно необходимо разъяснить.

Отдельные статьи довольно далеки по тематике друг от друга, но объединяет их то, что в каждой из статей исследуются проблемы всего региона в целом.

Статья В. П. Алексеева посвящена характеристике антропологических особенностей коренного населения Гвианы. В статье сделана попытка проанализировать основные локальные варианты североамериканской и протоамериканоидной рас в свете имеющихся физиологических и популяционно-генетических данных и определить место антропологического типа индейцев Гвианы. Автор предлагает систему их классификации и намечает схему их генеалогических взаимоотношений.

Этнографическая характеристика коренного населения Гвианы дана в статье Э. В. Зиберт. Автор подробно описывает традиционное хозяйство и социальные отношения различных индейских племен Гвианы до колонизации. К концу XIX в. индейцы уже утратили большую часть своей самобытной культуры. В последние десятилетия процесс ассимиляции индейского населения заметно ускорился. Автора статьи можно упрекнуть в том, что при описании материальной культуры индейцев не всегда ясно идет ли речь о современности или о более ранних периодах.

Исследовательский характер носит статья А. Д. Дридзо «Восстания негров Бербиса в 30—60-е годы XVIII в.». Вооруженные восстания негров Гвианы до сих пор мало изучены. Тем большую ценность имеет работа А. Д. Дридзо, посвященная изучению истории одного из самых значительных восстаний негров-рабов.

В статье Э. Л. Нитобурга «Конфликты по наследству (к истории гайано-венесуэльского и гайано-суринамского пограничных споров)» подробно изложена история этих двух пограничных конфликтов, показана их истинная подоплека.

Только что вышедший сборник статей о Гвиане — первая на русском языке серьезная работа историко-этнографического и политико-экономического характера, посвященная одному из малоизученных районов мира. Книгу оживляют многочисленные иллюстрации. Предисловие, написанное С. А. Гонионским, помогает читателю войти в круг проблем, поднятых в сборнике.

*Л. С. Шейнбаум*

## НАРОДЫ АВСТРАЛИИ И ОКЕАНИИ

**В. Р. Кабо.** Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии. М., 1969, 408 стр.

Наша отечественная литература по этнографии Австралии и Океании имеет богатые и разнообразные традиции, отражающие как результативные полевые исследования, так и теоретическую разработку этнографической проблематики, связанной с этим обширным районом.

За последние годы вышло несколько монографических работ, специально посвященных проблемам океанской этнографии. Однако австралийцы рассматриваются только в части тома «Австралия и Океания» серии «Народы мира». В этих обстоятельствах книга В. Р. Кабо заполняет большой и давно ощущавшийся пробел в советской этнографической литературе.

Автор книги давно уже пользуется заслуженным авторитетом как один из лучших в Советском Союзе знатоков коренного населения Австралии, его культуры и истории. Его перу принадлежат многочисленные работы по материальной культуре и искусству австралийцев, древним культурам австралийского материка, о месте физического типа австралийцев в расовой систематике. С сожалением должен отметить, что не все они почему-то приведены в списке литературы, заключающем книгу. Между тем только широкая осведомленность автора во всех вопросах этнографии и древней истории австралийцев позволила ему комплексно подойти к проблеме происхождения австралийцев — центральной и основной проблеме книги.

Книга делится на три главы, которые вернее было бы назвать частями, так как каждая из них подразделяется на разделы, имеющие самостоятельное значение. В первой главе происхождение австралийцев трактуется в свете данных палеоантропологии и антропологии, разбираются геологические и палеофаунистические данные, помогающие реконструировать позднюю палеогеографию австралийского материка и древние мосты суши между теперешними островами. Эти данные дают, следовательно, возможность представить пути заселения Австралии человеком.

Во второй главе, самой крупной в книге, те же проблемы трактуются с точки зрения археологии, многочисленных результатов новых раскопок, в последние годы повсеместно развернувшихся в Австралии. Эти результаты позволяют поставить на твердые рельсы конкретного исследования такие вопросы, как этапы заселения Австралии человеком и время заселения, пути расселения палеоавстралийцев по матерiku, отойдя от умозрительных гипотез, еще недавно столь многочисленных, когда речь заходила об этих темах.

Третья глава суммирует сведения об этнографии и языке австралийских аборигенов применительно к задачам этногенетического исследования. Автор разбирает материальную культуру и искусство австралийцев, анализирует их этногенетические предания, отдельно ставит на обсуждение и рассматривает, основываясь на разных источниках, связь австралийцев с этническим миром Индонезии и Новой Гвинеи.

Книгу открывает «Введение», в котором кратко разобраны в хронологическом порядке существующие гипотезы этногенеза австралийцев, заканчивается она «Заключением», где кратко сформулированы основные положения авторской концепции.

Концепция эта сводится к следующему. В антропологическом отношении австралийцы являются носителями протоморфной комбинации признаков, которая близка к исходной для всех рас и представляет собою нейтральный комплекс по сравнению с ними. Автор полемизирует — и, с точки зрения рецензента, убедительно — с Дж. Бэдселлом, наиболее развернуто выступившим в защиту метисного происхождения австралийцев из трех расовых компонентов: «баринейского», близкого к тасманийскому, «муррейского», близкого к европеоидному и айнскому (по мнению Бэдселла, айны являются представителями европеоидной расы), и «карпентарианского», то есть собственно австралийского. Наиболее убедительные аргументы против такого скрещенного происхождения австралийцев дает изучение групп крови: у австралийцев почти не представлены многие групповые факторы, что создает своеобразную серологическую комбинацию, характерную практически для всей Австралии. В. Р. Кабо вслед за многими другими авторами, писавшими на эту тему, придает большое значение длительной

изоляции в образовании этого своеобразия, но полагает в то же время, что австралийский континент был заселен малочисленными группами, которые приобрели это своеобразие еще в Юго-Восточной Азии. Строго говоря, любой из этих двух возможностей достаточно, чтобы объяснить серологическое своеобразие австралийцев, без другой. Но, допуская наличие похожего на австралийскую комбинации серологических свойств у древнего негроавстралоидного населения Юго-Восточной Азии, исходного для австралийцев, мы сталкиваемся с вопросом, на который не просто ответить — почему там нет этой комбинации сейчас: ведь негроавстралоидные группы в Юго-Восточной Азии есть, а условия изоляции воздействовали на формирование физического типа там вряд ли менее интенсивно, чем в Австралии. Дифференциацию отдельных популяций как в антропологическом, так и в культурном отношении В. Р. Кабо объясняет действием изоляции уже после заселения Австралии.

Исходя из морфологии ископаемых находок, найденных на территории Австралии, и соотношения морфологии с хронологическим возрастом, автор выделяет два краниологических варианта в древнем населении: один, представленный черепом из Кейлора, другой, более примитивный, — черепами из Талгая и Кохуны. Подтверждение правомерности такого выделения он видит в исследовании краниологического типа австралийцев, выполненного Б. Ямагути. Последний выделил айнский и собственно австралоидный компоненты. Однако с позиции популяционной концепции расы этот результат весьма сомнителен. Краниологически айнская и австралоидная комбинации признаков близки, и дифференциация их если и возможна, то только с помощью тех признаков, которые Б. Ямагути не определял, в частности углов горизонтальной профилировки лицевого скелета. Впрочем, и они могут оказаться одинаковыми. Вертикальная профилировка лицевого скелета также различна в айнских и австралийских краниологических сериях, но не настолько, чтобы оба компонента могли быть объективно выделены в одной серии. Б. Ямагути основывался только на внутригрупповой морфологии, оставляя без внимания межгрупповую. После всего сказанного его указание на разную географическую локализацию выделенных типов в прибрежных и центральных районах Австралии (прибрежные районы — оба типа и промежуточный между ними, центральные районы — только австралоидный и промежуточный) нельзя считать объективными. Сама же по себе разница между ископаемыми находками на территории Австралии недостаточна, чтобы защищать гипотезу о непрерывном наличии двух краниологических вариантов в составе древнего населения Австралии.

Рецензируемое исследование в лучшем смысле слова комплексно. В нем подробно и непредвзято рассмотрены все факты, находящиеся в распоряжении современной науки и имеющие отношение к проблеме заселения Австралии человеком и древней истории ее коренного населения. Автор почти исчерпывающе учел литературу, отобрал из нее все ценное, умело комбинируя разные данные, построил цельную историческую картину, убедительную даже в деталях. Помимо его концепции в целом, охарактеризованной выше, привлекают внимание его выводы об этногенетических связях с Индонезией и о глубокой древности заселения человеком Новой Гвинеи, территория которой, по его мнению, служила одним из самых важных мостов проникновения людей на австралийский континент. Собственно историко-этнологические данные в широком смысле слова (антропология, этнография, лингвистика — все, что обычно используется в этногенетическом исследовании) дополнены результатами естественно-исторических исследований — геологических и зоологических. В литературе по австраловедению не было работы, где картина происхождения австралийцев и древнейших этапов их этнической истории была бы реконструирована с такой полнотой и тщательностью. В то же время эта полнота и тщательность, эффективное комбинирование разнообразных материалов и их критическое сопоставление делают рецензируемую книгу образцовым вкладом в литературу по этногенезу вообще. Жаль только, что, по-видимому, стремясь сократить объем работы, автор не привел в табличной форме данных, на которые ссылается, — краниометрических и антропометрических измерений, частот групповых факторов крови в разных популяциях, предметов материальной культуры и вариаций их типов (приложенные рисунки имеют лишь иллюстративное значение).

Несколько замечаний, являющихся скорее не критикой, а выражением иного понимания рецензентом тех или иных фактов. В. Р. Кабо пишет вслед за многими другими исследователями о протоавстралоидности черепа из Ниа. Но для этого нужно отказать от морфологического критерия. Небольшие размеры, слабый рельеф черепа, прямо поставленная лобная кость — все это неавстралоидные признаки, сближающие череп из Ниа больше с сериями черепов тасманийцев и веддов.

Приводится сделанное в 1964 г. определение возраста ископаемых раковин по радиокарбонному методу — от  $6450 \pm 230$  до  $11980 \pm 165$  лет. Раковины происходят из тех же слоев, что и талгайский череп. Делается вывод, что его возраст — 10000—12000 лет. Почему? Строго говоря, не 10000—12000, а 6500—12000 лет.

В. Р. Кабо совершенно правильно оспаривает мнение Н. Тиндейла о тасманоидном облике черепов из Тарганги. Крупные для детских черепов размеры, сравнительно массивные кости, большие размеры зубов и неба, наклонное положение лобной кости — все это действительно, скорее австралоидные, а не тасманоидные особенности. Но указание на меньший размер третьего моляра по сравнению с двумя первыми, как на признак специфически австралоидный, основано на недоразумении. Такое соотноше-

ние величины моляров свойственно современному человеку вообще в отличие от ископаемых гоминид.

Для грубых рубящих орудий в англоязычной литературе существуют два обозначения — chopper и chopping-tool. В русской археологической литературе укоренился не очень удачный сам по себе и чужеродный для русского языка термин «чоппер». Автор вводит новый термин «чоппинг», не более благозвучный, чем старый, но этимологически мало оправданный.

Книга хорошо издана и в отличие от многих других книг, выпущенных издательством «Наука», снабжена довольно подробным английским резюме. Из недостатков оформления можно отметить только не очень четкую печать фотографий и явное несоблюдение масштаба контуров черепов из Кейлора, Ваджака и Ниа на стр. 36. Но тираж чрезвычайно мал для такого серьезного издания — 1800 экземпляров. А ведь оно рассчитано на антропологов, археологов, этнографов, привлечет внимание языковедов, историков и всех интересующихся историей первобытного общества, станет следовательно, скоро библиографической редкостью и будет малодоступно уже следующему поколению специалистов.

*В. П. Алексеев*

---

## СОДЕРЖАНИЕ

С. М. Абрамзон, Л. П. Потапов (Ленинград). Значение идейно-теоретического наследия В. И. Ленина для советской этнографии	3
Ю. Н. Сидорова (Москва). Образ В. И. Ленина в устном поэтическом творчестве народов СССР	22
Э. Л. Нитобург (Москва). Ленин о негритянском вопросе в США	33
Л. Е. Куббель (Москва). Вопросы развития современной культуры стран Африки в свете ленинского учения о культурной преемственности	47
Э. К. Васильева (Ленинград), В. В. Пименов, Л. С. Христолюбова (Москва). Современные этнокультурные процессы в Удмуртии (программа и методика обследования)	57
Ч. М. Таксами (Ленинград). Изменение социального состава малых народов Дальнего Востока (К постановке вопроса)	69
М. С. Великанова (Москва). Население Прутско-Днестровского междуречья в эпоху бронзы по антропологическим данным	79
Мак Дьонг (Ханой). Основные этапы развития этнографических знаний во Вьетнаме	91
Д. Т. Тодоров (София). Некоторые аспекты этнографических исследований современного быта и культуры в Болгарии	100

### Дискуссии и обсуждения

А. И. Першиц (Москва). К вопросу о «третьем типе» социальной организации первобытности	106
С. Е. Яхонтов (Ленинград). Древнейшие упоминания названия «киргиз»	110

### Сообщения

Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева (Москва). К вопросу о классификации городского населения при этнографическом изучении города	121
В. С. Кондратьев (Москва). Эксперимент «Ex post facto» в этносоциологическом исследовании	130
И. Хидоятов (Душанбе). О характере сельского хозяйства многонациональных районов Сурхандарьинской области в дореволюционное время	133
А. М. Кайгородов (Москва). Русские в Трехречье (По личным воспоминаниям)	140

### Поиски, факты, гипотезы

Р. Л. Садоков (Москва). Тайна сладкозвучной арфы (К историческому прошлому исчезнувшего среднеазиатского музыкального инструмента)	150
--	-----

### Научная жизнь

И. Н. Гроздова (Москва). Венгеро-советский симпозиум	166
А. А. Зубов, Н. В. Шлыгина (Москва). Антропологическая экспедиция в Финляндию	171
В. В. Молчанов (Ленинград). Симпозиум, посвященный комплексному методу изучения народного искусства	174
В. Н. Белицер (Москва). Многолетнее содружество	174

### Критика и библиография

#### Общая этнография

Е. М. Мелетинский (Москва). <i>N. K. Chadwick, V. Zhirmunsky. Oral epics of Central Asia</i>	176
А. Д. Дридзе (Ленинград). <i>В. П. Грицкевич. Путешествия наших земляков. Из истории страноведения Белоруссии</i>	178

## Народы СССР

- М. М. Плисецкий (Киев). *Р. С. Липец*. Эпос и Древняя Русь . . . . . 179  
 А. Алсупе, Л. Думпе, Э. Мугуревич, А. Крастыня, М. Слава.  
 Х. Строд (Рига). *К. Pietkiewicz*. Etnografia Lotwy (Kultura materialna) 182

## Народы зарубежной Европы

- И. Эрдели (Будапешт). *J. Manga*. Ünnepek, szokások az Ipoly menten . . . 186

## Народы зарубежной Азии

- К. В. Вяткина (Ленинград). *Д. Б. Улымжиев*. Социалистическое переустройство сельского хозяйства в Монгольской Народной Республике . . . . . 187  
 К. З. Ашрафян, А. М. Дьяков (Москва). *Н. Р. Гусева*. Джайнизм . . . . . 188  
 Т. Ф. Аристова (Москва). *Д. Е. Еремеев*. Юрюки (турецкие кочевники и полукочевники) . . . . . 191

## Народы Америки

- Л. С. Шейнбаум (Москва). *Гвиана: Гайана, Суринам, Французская Гвиана*. Сборник статей . . . . . 193

## Народы Австралии и Океании

- В. П. Алексеев (Москва). *В. Р. Кабо*. Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии . . . . . 195

*На первой странице обложки: Встреча В. И. Ленина с крестьянскими детьми. Миниатюра М. Чижова (Федоскино). 1962.*

## SOMMAIRE

- S. M. Abramzon, L. P. Potapov (Léningrad). La signification de l'héritage théorique de V. L. Lenine pour l'ethnographie soviétique . . . . . 3  
 Yu. N. Sidorova (Moscou). L'image de V. I. Lénine dans l'oeuvre poétique orale des peuples de l'U. R. S. S. . . . . 22  
 E. L. Nitobourg (Moscou). V. I. Lénine sur le problème nègre aux Etats — Unis d'Amérique . . . . . 33  
 L. Ye. Koubbel (Moscou). Quelques problèmes du développement de la culture moderne des pays d'Afrique à la lumière de la théorie léniniste de continuité culturelle . . . . . 47  
 E. K. Vassiliéva (Léningrad), V. V. Pimienov, L. S. Khristoliubova (Moscou). Processus ethnoculturels modernes en Oudmourtie . . . . . 57  
 Tch. M. Taksami (Léningrad). Les changements de la composition sociale des peuples mineurs de l'Extrême Orient . . . . . 69  
 M. S. Vielikanova (Moscou). Populations de la région entre le Pruth et le Dniestr à l'époque de bronze d'après les données anthropologiques . . . . . 79  
 Mac-Duong (Hanoï). Etapes principales du développement des connaissances ethnographiques au Vietnam . . . . . 91  
 D. T. Todorov (Sofia). Certains aspects des études ethnographiques sur le mode de vie et culture modernes en Bulgarie . . . . . 100

## Discussions et deliberations

- A. I. Perchits (Moscou). A propos du «troisième type» de l'organisation sociale primitive . . . . . 106  
 S. Ye. Yakhontov (Léningrad). Les mentions les plus anciennes du nom des Kirghiz . . . . . 110

## Communications

- L. A. Anokhina, M. N. Chméliova (Moscou). A propos de la classification des populations urbaines au cours d'une étude ethnographique de la ville . . . . . 121  
 V. S. Kondratiév (Moscou). L'expérience «ex post facto» dans l'étude ethnosocio-logique . . . . . 130

И. К. Хидоятлов (Душанбе). Sur le problème du caractère de l'agriculture des districts multinationaux de la région de Sourkhan—Darya à l'époque d'avant la Révolution	133
А. М. Каигородов (Москва). Les Russes de la région de 'Trois-Rivieres' (d'après les souvenirs personnels)	140

## Recherches, faits, hypotheses

Р. Л. Садокров (Москва). Le secret de la harpe à voix douce	150
---	-----

## Vie scientifique

И. Н. Гроздова (Москва). Un symposium soviéto-hongrois	166
А. А. Зубов, Н. В. Члыгуина (Москва). Mission anthropologique en Finlande	171
В. В. Молчанов (Ленинград). Méthode complexe d'étude des arts populaires	174
В. Н. Биелitzer (Москва). Une alliance de plusieurs années	174

## Critique et bibliographie

### Ethnographie générale

Ye. M. Mioletinsky (Москва). <i>N. K. Chadwick, V. Zhirmunsky. Oral epics of Central Asia</i>	176
А. Д. Дридзо (Ленинград). <i>В. П. Гритский. Voyages de nos compatriotes (de l'histoire des études régionales en Biélorussie)</i>	178

### Peuples de l'U. R. S. S.

М. М. Плissetsky (Киев). <i>Р. С. Липетс. Poésie épique et l'ancienne Russie</i>	179
А. Алупе, Л. Думпе, Е. Мугуревич, А. Крастина, М. Слава, Н. Строд (Рига). Un nouveau livre sur l'ethnographie des Lettons	182

### Peuples de l'Europe étrangère

И. Erdely (Budapest). <i>J. Manga. Ünnepek, szokások az Ipoly menten</i>	186
--	-----

### Peuples de l'Asie étrangère

К. В. Виаткина (Ленинград). <i>Д. Б. Оулымжиёв. La reconstruction socialiste de l'économie rurale en République Populaire de Mongolie</i>	187
К. З. Ачрафиан, А. М. Дьяков (Москва). <i>Н. Р. Гусева. Djainisme</i>	188
Т. Ф. Аристова (Москва). <i>Д. Ye. Yеремёев. Урүкс</i>	191

### Peuples de l'Amérique

Л. С. Чеинбаум (Москва). <i>Гвиана: Гайана, Суринам, Гвиана Французская. Recueil d'articles</i>	193
---	-----

### Peuples de l'Australie et de l'Océanie

В. П. Алёксеев (Москва). <i>В. Р. Кабо. Origines et les débuts de l'histoire ethnique des Australiens</i>	195
---	-----

*Sur la couverture: Rencontre de V. I. Lénine avec les enfants paysannes. Miniature par М. Tchijoff (la village Fedoskino). 1962.*

Технический редактор Т. И. Сироткина

Сдано в набор 13/I-1970 г.	Т-06713	Подписано к печати 9/IV-1970 г.	Тираж 2305 экз.
Зак. 4025	Формат бумаги 70×108 <sup>1</sup> / <sub>16</sub>	Печ. л. 17,5	Бум. л. 6 <sup>1</sup> / <sub>4</sub> Уч.-изд. л. 20,0